АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. БАКИХАНОВА

В. Н. ЛЕВИАТОВ

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА в XVIII веке

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
Баку—1948

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ, МАТЕРИАЛОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА В XVIII ВЕКЕ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА И НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Первая наиболее обстоятельная и богатая фактическим материалом история северного Азербайджана, главным образом Ширвана, была написана выдающимся азербайджанским ученым, полковником российской службы Аббас-кули-агой Бакихановым в сороковых годах прошлого века. Это сочинение было им названо «Гюлистан-ирам», что значит «Райский цветник».

Для составления той части этого произведения, которая относится к XVIII веку, автор использовал ряд исторических сочинений, написанных на персидском языке, а также много всяких других источников, о которых скажем ниже. Сам А. Бакиханов в тексте «Гюлистан-ирам» из использованных им сочинений на персидском языке упоминает только «Надир-наме», «Зубдет-ат-таварих» и «Ма'асир-и-сулгание»[1]. Возможно и вероятно, что составителем «Надир-наме», упомянутого А. Бакихановым, являлся Мухаммед-казим, везир г. Мерва, современник Надир-шаха. Второе сочинение - «Зубдет-ат-таварих» («Сливки историй») написано Мухаммед-Мухсином[2]. Третье сочинение - «Ма'асир-и-султание» («Султанские памятные дела») написано азербайджанцем Абдулреззабеком в начале XIX в. и является самым ранним сочинением по истории каджаров. К сожалению, А/ Бакиханов не называет других сочинений на персидском языке, использованных им, он только между прочим отмечает, что им были использованы сочинения и других историков и что он при описании событий сверялся с приводимыми ими данными. Судя по тексту, автор «Гюлистан-ирам» использовал также некоторые местные исторические хроники и сочинения, но, к сожалению, он их не называет, за исключением одного - «Летопись дома уцмиева»[3].

Наряду с отмеченными источниками А. Бакихановым были привлечены и использованы фирманы иранских шахов и турецких султанов, посылавшиеся в свое время местным правителям. А. Бакиханов обратил также внимание на талике (грамоты), писанные от имени местной администрации и ханов[4].

Проявляя деятельный интерес к истории страны, А. Бакиханов [5 - 6] широко использовал предоставлявшиеся ему возможности. Происходя из фамилии бакинских ханов, пользуясь большим уважением, и почетом как ученый, А. Бакиханов имел весьма широкие связи и собирал сведения из истории родной страны, хранившиеся среди населения. Он воспользовался народными преданиями и сведениями, какие могли сообщить ему сведущие старики — современника событий последних десятилетий XVIII в. Из их уст он узнавал не только о том, что им самим пришлось видеть на своем жизненном веку, но также содержание рассказов их отцов и дедов.

Не ограничиваясь письменными и устными сведениями, А. Бакиханов непосредственно знакомился с памятниками старины родной земли. В своей книге «Гюлистан-ирам» А. Бакиханов лишь изредка упоминает о своих источниках, тем не менее, сведения, излагаемые им, очевидно, тщательно проверены.

Работа А. Бакиханова в отношении истории XVIII века представляет собой не только историческое сочинение, но во многих частях и ценнейший источник. В ней дано подробное изложение политической истории северного Азербайджана. В связи с описываемыми событиями приведены сведения из истории южного Азербайджана, а также Армении, Грузии, Ирана и Турции. Изложение событий доведено до гюлистанского договора, заключенного между Россией и Ираном в 1813 г.

Труд А. Бакиханова в извлечениях, переведенных на русский язык, впервые был опубликован в 40-х годах в газете «Кавказ». Из помещенных там работ А. Бакиханова отметим следующие: «Происхождение племён населяющих нынешние закавказские провинции» (1848, № 1); «О походах Шах-Надира в Дагестан» (1846, №№ 17 и 18); «История Восточной части Кавказа (Ширван и Дагестан)» (1846. № 2).

Свой труд «Гюлистан-ирам» А. Бакиханов перевел на русский язык. Хотя оригинал этого перевода пока не обнаружен, однако, имеются копии с него. Изданный «Обществом обследования и

[1] А. Бакиханов - „Гюлистан-ирам", изд. Об-ва обслед. и изуч. Азербайджана. Баку, 1926, стр. 124, 142, 143.
[2] И. П. Петрушевский отмечает, что в хранилищах СССР рукописей этого труда нет. См. „Иранские источники по истерии Азербайджана XVI-XVIII веков" (".Известия АзФАН", № 8 за 1942 г.).
[3] А. Бакиханов, указ. соч., стр. 102.
[4] Там же, стр. 103, 109, 111, 124.

изучения Азербайджана» в Баку в 1926 г. перевод на русский язык полного текста труда А. Бакиханова подготовлен был путем сопоставления копии списков его на русском и персидском языках.

Повидимому, ранее чем труд А. Бакиханова, была написана очень краткая «История шекинских ханов». Точное время ее написания не установлено. Охватывает оно, как это уже видно из заглавия, политическую историю Шеки во второй половине XVIII в. Текст этого сочинения впервые был опубликован Б. Дорном. В 1926 г. «Обществом обследования и изучения Азербайджана» он был переиздан с переводом на русский язык. Однако, издатели вслед за Б. Дорном и Ханыковьш, приписав это сочинение Абдул-Лятиф-эфенди, допустили ошибку, поскольку из самого текста сочинения видно, что оно написано одним из сыновей Фатали-хана шекинского[1].

В указанном труде почти нет ссылок на письменные сочинения и документы, использованные при написании его. Он оставляет впечатление сочинения, написанного на основе хорошо сохранившегося фамильного предания, и должен быть отнесен к повествовательным источникам.

Такой же характер имеет изданная в Баку в 1930 г. в переводе на [6 - 7] русский язык «Родословная шекинских ханов и их потомков», написанная хаджи-сеид-Абдул-гамидом на азербайджанском языке. Хаджи-сеид-Абдул-гамид родился в г. Шеки в исходе XVIII в. В 30-х и 40-х годах он был одним из руководящих деятелей шариатского суда. За службу получил ряд наград. В своем сочинении он начинает родословную шекинских (правителей с сороковых годов XV в. и доводит до начала XIX в. Более подробно описаны события XVIII в. Сведения для своего очень небольшого по об'ему сочинения, по словам автора, почерпнуты им «из рассказов и (устных) сообщений, передаваемых предками».

Более подробные истории были написаны о Карабахе. Нам известны три автора историй и повествований о Карабахе: мирза-Джамал, мирза-Адигезаль-бек и Мир-Мехди-хизани[2].

Мирза-Джамал происходил из знатного рода, он был сыном главы джеваншира джеванширского племени. В 1797 г., после смерти молла-Панах Вагифа, он стал визирем карабахского ханства, на каковом посту оставался и ripn Мехти-кули-хане, преемнике Ибрагим-хана карабахского, вплоть до 1822 г. После ликвидации ханского управления он был назначен в карабахский провинциальный суд, где служил до 1840 г., когда по преклонности лет вышел в отставку.

Во все долгие годы своей службы мирза-Джамал проявил себя как сторонник российской ориентации. Имеются некоторые сведения о том, что в период русско-иранской войны 1826-1828 гг. он тайно примкнул к той группировке беков, которая ориентировалась на Иран[3]. Если это даже и имело место, то являлось лишь выражением колебания, которое не изменило основного направления его последующей деятельности. Во всяком случае, в 1827 г. ген. Паскевич указывает на мирзу-Джамала, как на лицо, которое способно склонить жителей Тебриза в сторону России[4]. Сочинение о Карабахе, написанное мирзой-Джамалом, появилось в свет ранее произведений других авторов: мирзы Адигезаль-бека и Мир-Мехди-хизани. Сочинение мирзы-Джамала было переведено с персидского языка (на котором оно написано) А. Берже, часть его опубликована в газете «Кавказ» (Джемаль Джеваншир «Карабаг», 1835 г.. №№ 61, 62. 63, 65, 67, 69. Переиздано в той же газете в 1884 г., №Лв 139, 150, 154, 161, 167).

Сочинения мирзы-Адигезаль-бека и Мир-Мехди-хизани пока не изданы и не переведены. Для настоящей работы мною при помощи Ф. Сеидова переведены те части рукописных копий этих сочинений, которые относятся к XVIII в.

Мирза-Адигезаль-бек был лицом очень близко стоявшим к Мехти-кули-хану карабахскому. Пожалуй, можно сказать, что он был самым доверенным лицом из его приближенных. Известно, что мирза-Адигезаль-бек выполнил очень сложное поручение, данное ему ген. Паскевичем. Он во время войны 1826-28 годов побывал в земле неприятельской, вел переговоры с Мехти-кули-ханом и с успехом содействовал возвращению [7-8] последнего в Карабах под российское покровительство[5]. В предисловии к своему сочинению о Карабахе мирза-Адигезаль-бек сообщает, что он служил у главноначальсгвующего в Грузии и разных высокопоставленных лиц. Будучи капитаном российской службы, он по просьбе подполковника Михаила Петровича Колюбакина (вице-губернатора Тифлиса) в 1845 г. написал историю Карабаха. Мирза-Адигезаль бек проявил в этом сочинении широкие познания в

[1] Вероятно Керим-агой, который был поэтом. См. журнал „Маариф ишчиси" (на азерб. языке), № 2-3 (43-44) за 1929 г., стр. 85-90.

[2] Есть сведения о том, что по истории Карабаха имеются еще две рукописи XIX в., принадлежащие другим авторам. Однако, эти сведения нами не проверены.

[3] Доклад генерального штаба кап. Пружановского по доносу ген.-майора Мехти-Кули-Хана, что многие лица в Карабаге незаконно владеют землями, от 4 марта 1845 г., № 17. Акты Кавказской археограф, комиссии, т. X, д. № 295, стр. 289. В Дальнейшем сноски на это издание будут показаны так: А. К. А. К.

[4] Предписание ген. Паскевича полк. кн. Абхазову, от 21 мая 1827 г. Джелал-оглу А. К. А. К. , т. VII, д. 508, стр. 543.

[5] Рапорт ген. Паскевича гр. Дибичу от 12 июня 1827 г., № 62, Эчмиадзин. А. К. А. К. , т. V!!, д. № 402, стр. 453. Ср. Письмо Мехти-Кули-хана к кн. Абхазову от 21 июня 1827 г. (с персидского перевод старый). А. К. А. К. , т. VII, д. № 406, стр. 458, 459.

персидском и арабском языках. И хотя в целом произведение написано на азербайджанском языке, однако, оно изобилует таким числом персидских и в особенности арабских слов, что чтение его весьма затруднительно. Слог автора весьма изыскан и изящен. Автор охватывает события, связан-• ные с историей Карабаха от времени Надир-шаха до русско-иранской войны 1826-1828 гг.

Об источниках, на основе которых им написана «История Карабаха», мирза-Адигезаль-бек писал: «Я раньше служил у главноначальствующего в Грузии и у других высокопоставленных лиц и хорошо владел разными языками..., о некоторой части этих событий я узнал от армян, о другой от грузин и стариков мусульман. Поэтому я всесторонне осведомился».

В основном автор сообщает те же сведения, что и мирза-Джамал, но имеется ряд весьма ценных дополнений, которых нет в переводе, сделанном А. Берже (напр. о противодействии ганджинских ханов из фамилии Зиад-оглы избранию Надира на шахский престол Ирана, о пожаловании Екатериной II молла-Панах Вагифу, визирю карабахского ханства, драгоценного посоха и др.).

Произведение Мир-Мехди-хизани охватывает тот же период, что и произведение мирзы-Адигезаль-бека. Оно написано на довольно простом азербайджанском языке. Автор, в основном следуя изложению мирзы-Адигезаль-бека, обогащает его рядом пояснений, раскрывающих полнее причины и значение происходивших событий (например, о построении крепости Шуши и др.). Кроме того, Мир-Мехди-хизани во вступлении дает прекрасное описание старого административно-хозяйственного разделения Карабаха.

Оба последних автора делают очень ценные замечания об отношении местного населения к происходившим политическим событиям, но иногда, например, при описании событий времени Надир-шаха, изложение ведут в духе панегириков, принятых в персидской историографии. Впрочем, это легко об'ясняется тем, что о Надир-шахе они писали не на основе живых свидетельств, но главным образом, пользуясь сочинениями персидской историографии, так как их от Надир-шаха отделяло время протяженностью более чем в столетие.

Рассматривая все события с местной точки зрения, эти авторы часто несколько преувеличивают политическое значение и влияние карабахских ханов. При пользовании более широким кругом материалов и источников эта сторона исследователем должна быть выправлена.

Сороковые годы XIX века замечательны тем, что в среде азербайджанской интеллигенции того времени пробудился большой интерес к прошлому своей страны, главным образом, к истории предшествовавшего столетия. Нами уже отмечено несколько работ, написанных в сороковых годах. В эти же годы появилось сочинение Искендер-бека Гаджинского, [8 - 9] озаглавленное «Жизнь Фет-Али-хана Кубинского». Оно было опубликовано на русском языке в газете «Кавказ» (1847 г., №№ 48-50). Автор довольно подробно осветил деятельность одного из самых выдающихся государственных деятелей Азербайджана XVIII в. Как и предыдущие авторы, составитель этого произведения не оставил указаний на источники, которыми он пользовался, но надо полагать, что кроме документов, которые он мог видеть, он широко пользовался преданием.

Ближе к концу века была издана книжечка Джеваншира Ахмед-бека под заглавием «О политическом существовании Карабахского ханства г 1747 г. по 1805 г.». Первоначально она была издана в Тифлисе в 1887 г., а затем в Шуше в 1901 г. В своем содержании она не заключает чего-либо нового по сравнению с указанвыми выше повествованиями об истории Карабаха.

В перечисленных произведениях азербайджанской историографии прошлого века содержится богатый фактический материал. Авторы, движимые интересом и любовью к истории родной страны, собрали из всех доступных им источников сведения, относящиеся к истории того или иного края, связали их между собой и изложили в виде повествований. Эти повествования изложены в правилах восточной историографии, на которой у некоторых авторов, например, А. Бакиханова, Искендер-бека Гаджинского, Ахмед-бека Джеваншира, сказалось более или менее сильное влияние европейской исторической науки. Все эти работы освещают только политическую историю, причем изложение сводится в основном к описанию событий, хотя местами приводятся также об'яснения причин и условий, вызвавших к жизни те или иные события, иногда описание сопровождается также краткими оценками. Характер этих произведений таков, что они являются не только трудами, посвященными изучению истории страны, но, главным образом, нарративными местными источниками по истории страны, чем и определяются способы их использования.

К произведениям азербайджанской историографии очень близко стоит написанное на азербайджанском языке сочинение дагестанца Гасан-эфенди Алкадари «Асари Дагестан», что значит «Следы Дагестана».

Гасан Алкадари родился в тридцатых годах прошлого века. По учреждении в кюринском округе российского управления был членом окружного суда. Затем, по обвинению в участии в восстании, имевшем место в Дагестане в 1877 г., был выслан в Тамбовскую губернию. Через четыре года получил разрешение вернуться в Дагестан, где занимался преподаванием наук.

Книга «Асари Дагестан» написана в 1891-92 гг. По содержанию она во многом сходна с «Гюлистан-ирам» А. Бакиханова. Г. Алкадари отмечает, что он пользовался сочинением А. Бакиханова. Однако, следует отметить, что «Асари Дагестан» не представляет собой просто пересказа «Гюлистан-ирам». Г. Алкадари многое почерпнул непосредственно из документов и сведений, собранных им самим. К сожалению, он редко указывает, откуда взяты приводимые им данные. В «Асари. Дагестан» имеется материал, который может служить дополнением к тому, что сообщено А. Бакихановым. Особенно ценно то. что Г. Алкадари более нежели другие авторы обращает внимание на об'яснение внутренней связи событий политической истории.

Из сочинений на армянском языке, в которых некоторые страницы и главы посвящены истории Карабаха и северных частей Азербайджана, [9 - 10] следует отметить как наиболее важные-произведение архиепископа Саркиса Джалаляна, изданное на армянском языке в Тифлисе в 1858 г. под названием «Путешествие по Великой Армении», и сочинение Раффи «Пять меликств, 1600-1827», изданное газетой «Мшак» в Тифлисе и 1882 г. В этих сочинениях содержится богатый фактический материал, но обращаться с ним надо осмотрительно, так как взгляды обоих авторов проникнуты национализмом, благодаря которому они совершенно искажают характер борьбы, имевшей место между феодальными владетелями в Карабахе во второй половине XVIII столетия.

Основные произведения иранской историографии по интересующему нас периоду написаны лицами, находившимися на службе при дворе иранских шахов, каковое обстоятельство определило дух и характер этих произведений[1].

Наиболее важными для изучения истории XVIII века являются следующие произведения[2].

1) Риза-кули-хан - «Роузат-ас-сафа» («Сад чистоты»), т. т. VIII и IX;

2) Мухаммед-таги-хан - «Насих-ат-таварих» («Отменитель предыдущих историй»), т. III;

3) Мухаммед-хасан-хан - «Тарих и-мунтазами-насири» («Насирова упорядоченная история»), том, посвященный XVIII в.[3]

Эти произведения написаны в период от середины до 80-х годов XIX в. и следовательно они не могли быть использованы теми азербайджанскими авторами, которые писали в первой половине века.

Эти произведения, конечно, не могут быть признаны ни исследованиями, ни первоисточниками, они должны быть оценены как нарративные источники.

Авторы их лишь в редких случаях указывают на свои источники или документы, которыми они пользовались. Они описывают события, придавая им оценки и освещение, обусловленные их общественным положением и теми общими задачами исторического повествования, которые они перед собой ставили.

Риза-кули-хан родился в 1800 г., при Фетх-али-шахе он был одним из придворных поэтов. После вступления на престол Мухаммед-шаха, Риза-кули-хан был назначен воспитателем к сыну шаха, затем он был шахским послом в Хиве, главой Дома наук, снова воспитателем при наследнике Музаффар-эд-дине[4]. Положение придворного при шахах каджарах определило характер исторических сочинений Риза-кули-хана. В изложении истории каджаров он прежде всего преследовал цели возвеличения каджаров, создания в отношении к ним почтительного уважения, прославления их государственной мудрости.

Так же как и Риза-кули-хан, и два других автора Мухаммед-таги-хан (литературный псевдоним - «Сипехр» - «Небеса», - «Сфера») и Мухаммед-хасан-хан состояли на государственной службе, занимали крупные посты и всем положением и благополучием своим зависели от шахов каджаров[5]. [10 - 11]

Во всех перечисленных выше произведениях весьма сильно выражена тенденциозность авторов. Авторы не смеют и не решаются выразить хоть какое-либо осуждение действий того или иного шаха; более того, как это видно из текстов, они иногда не пишут даже о явной неудаче похода или поражении шахских войск. Они в таких случаях дают понять о том, что имело место, но очень часто в весьма неясной форме. Все это можно проследить хотя бы на описании первого похода Ага Мухаммед-шаха в Закавказье в «Роузат-ас-сафа».

---

[1] А. А. Ромаскевич - Иранские источники по истории Туркмен. XVI-XIX вв,, стр. 7-23. (Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, изд. АН СССР М.-Л. 1938).

[2] Источники, указанные в статье И. П. Петрушевского „Иранские источники по истории Азербайджана XVI-XVIII веков" („Известия Азерб. Фил. АН СССР", №8 за 1942 г.), мы использовать не могли, вследствие того, что их в нашем распоряжении не было.

[3] Указанные три автора по происхождению своему азербайджанцы.

[4] В. Ж. (Жуковский) - Риза кули-хан. Записки Восточного отделения имп. русского археолог, о-ва, т. IV, стр. 455-458) СПБ 1890.

[5] В. Жуковский - Мухаммед-хасан-хан (И'тимад-ал-сальтане). (Записки Восточн. отдел, имп. русского археологического об-ва, т. X, стр. 187, СПБ. 1897).

Автор не может сказать о том, что осада крепости Шуши не увенчалась успехом. Ища выхода из затруднительного положения, автор обратился к явной фантазии и написал о там, чего вовсе не было. Он написал о том. что Ибрагим-Халилъ-хан джеваншир послал к Ага-Мухаммед-шаху одного из своих родственников с богатыми подарками, признанием того, что он слаб и сломлен, и заявлением о готовности платить дань. Он написал также, что через приближенных шаха просьба Ибрагим-хана была принята и шах его простил. Эмиры и ханы городов и всех краев, заключает Риза-кули-хан, - стали на путь повиновения. Однако, по многочисленным свидетельствам других источников хорошо известно, что Ибрагим-хан карабахский не покорился Ага-Мухаммед-шаху, но прославил себя стойкой защитой крепости Шуши, доведенной до снятия осады и отступления войск Ага Мухаммед-шаха.

В другом месте Риза-кули-хан пишет о том, что российские войска, находившиеся под командой Валериана Зубова, удалились из Азербайджана, потому что не имели сил и надежды здесь остаться. Ага Мухаммед-шах, пишет он, двинул к Ардебилю столь многочисленные и грозные силы, что Валериан Зубов «увидел себя как бы в когтях орла, или в виде барашка в зубах волка». Но и это ни в малой степени не соответствует действительности. Можно было бы увеличить число подобных примеров.

Эта особенность исторического повествования исходила из глубочайшей почтительности и вежливости, которые автор истории должен был выразить к царствующей династии. Эти условности придворной и панегиристической по характеру иранской историографии описываемого периода, конечно, необходимо иметь в виду. В этих произведениях изложение состоит из описаний последовательно сменявшихся событий, сколько-нибудь глубокого об'яснения происходивших событий в них почти не встретишь. Ценность их заключается в том, что они со своей стороны могут служить подтверждением ряду сведений из других местных-азербайджанских, российских или иностранных материалов, а также в ряде вопросов помогают уточнить истинное содержание и значение происходивших событий.

Для того, чтобы завершить описание изучения истории Азербайджана XVIII в., необходимо еще указать на основные произведения русской историографии.

Интерес к Закавказью в России возник в связи с внешнеполитическими целями и задачами правительств. Этот интерес обосновывался видами правительств в отношении расширения российской торговли со странами Переднего Востока и, прежде всего с Ираном. Особое внимание было обращено на связи с Закавказьем. Уже в начале XVIII века, в царствование Петра I, в связи с подготовкой к походу в западные прикаспийские области, был предпринят ряд шагов, направленных к изучению хозяйственного и политического состояния Азербайджана и Ирана; проведено описание Каспийского моря. Однако, добытые тогда очень ценные и разносторонние сведения следует скорее отнести к материалам [11 - 12] об Азербайджане, к первоисточникам о нем, нежели к собственно историографическим произведениям. То же самое приходится сказать и о многочисленных и разнообразных материалах, относящихся к концу XVIII в. (начиная с 70-80 годов), когда, уже в царствование Екатерины II, по ряду обстоятельств и причин вновь усилилось стремление российского правительства к овладению Закавказьем, в том числе и Азербайджаном.

Обзор этих материалов дадим в следующем разделе настоящей главы, здесь же остановимся на тех трудах, в которых представлены попытки дать очерки тех или иных периодов истории Азербайджана или его частей за интересующее нас время.

Необходимо иметь также в виду, что до установления советской власти в Азербайджане в русской историографии почти не было работ, которые рассматривали бы историю страны как самостоятельный предмет исследования и изучения, поэтому сведения об Азербайджане находятся в сочинениях, посвященных истории присоединения Закавказья к России и проведению в нем экономических, административных и политических мероприятий российского правительства. Пожалуй, единственным исключением в русской дореволюционной историографии является сочинение члена российской Академии наук Б. Дорна, поскольку он занялся историей Ширвана как самостоятельным предметом. Его сочинение «История Ширвана от 1538 до 1820 г.» было опубликовано на немецком языке в «Мемуарах Академии наук» в СПБ, в 1841 г. В этом богатом сведениями сочинении приведены данные по вопросу об управлении и доходах в Ширване в начале столетия, затем приведены краткие справки о разграблении Шемахи в 1712 г. и по другим вопросам. После этого идут разделы о «Дауд-беке» (1720-1728), «Сурхае» (1728-1734)», затем о шемахинском «Хаджи Мухаммед-Али-хане» (1748-1761) (в этом разделе рассказывается, главным образом, о Фатали-хане кубинском) и, наконец, о последнем шемахинском или ширванском «Мустафа-хане» (1779-1820). В этих разделах отмечены важнейшие политические события, пережитые Ширваном в XVIII веке. Но действительно богатый и разнообразный материал, правда, тоже относящийся преимущественно к политической истории, собран был П. Г. Бутковым.

Им были просмотрены дела нескольких архивов и министерсыть, использованы газеты того времени, а также и сведения, сообщенные лично ему лицами, участвовавшими в событиях того времени. Сам П. Г. Бутков провел на Кавказе 12 лет (с 1791 по 1803 г.) и участвовал в походе 1796-1797 гг.

Труд П. Г. Буткова, изданный через 12 лет после его смерти, в 1869 г., в СПБ под названием «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.,» ч. ч. I-III (в третьей части находится хронологический указатель событий, охватываемых материалами П. Буткова, а также указатели собственных имен и географических названий), до настоящего времени является ценнейшим собранием материалов. Многие главы этих материалов целиком посвящены событиям, происходившим на территории Азербайджана. И даже то, что непосредственно не относится к Азербайджану, а относится к Грузии. Армении, Дагестану, Чечне или Кабарде или вообще северному Кавказу, помогает уяснить обстановку, которая, безусловно, оказывала влияние и на события, происходившие в Азербайджане. Нужно сказать, что в материалах, собранных П. Г. Бутковым. не весь век освещен равномерно. Наибольшее количество материалов относится к 1722-1735 гг., а затем [12 - 13] 1774-1803 гг., т. е. к тем отрезкам времени, когда в Закавказье были российские войска или когда российское правительство вело активную политику, направленную на укрепление своего влияния в Закавказье или на подчинение его своей власти. Кроме того, эти материалы освещают преимущественно лишь деятельность правительственных лиц и российских войск и мало освещают внутреннее состояние страны и внутриполитическое положение.

По этим вопросам имеются сведения лишь в тех случаях, когда российское правительство и лица, осуществлявшие его политику, принимали эти обстоятельства во внимание.

Таким образом, несмотря на богатство содержания, материалы, собранные П. Г. Бутковым, все же дают одностороннее освещение, но это касается, главным образом, полноты изображения событий. Что же касается вопроса о правильности изображения событий, то в этом отношении сведения, сообщаемые П. Г. Бутковым, заслуживают того доверия, которое мы даем официальным документам, поскольку на них построены почти все сообщения П. Г. Буткова. Они тоже по-своему односторонни и требуют подтверждений и, по возможности, проверки другими данными.

Нужно также заметить, что П. Г. Бутков не ставил перед собой задач всестороннего осмысления и об'яснения причин и результатов описанных им событий и оценки значения их. Короче говоря, П. Г. Бутков не ставил перед собой задач исторического исследования, он только группировал материалы и описывал их, держась, по возможности, ближе текста официальных бумаг, из которых он извлекал эти сведения. Но именно в атом и состоит особая ценность работы П. Г. Буткова, поскольку еще до сих пор документы, поднятые П. Г. Бутковым, не опубликованы с соблюдением современных требований археографии, а некоторые из них, надо полагать, безвозвратно погибли. Поэтому труд П. Г. Буткова и в дальнейшем сохранит некоторую долю своего значения.

Требованиям историографии нового времени отвечало вышедшее в 1871 г. в Петербурге сочинение академика Н. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе». Но, как видно уже из самого заглавия, автор в своем историческом труде выступил в качестве представителя историографии, проникнутой великодержавническими взглядами. Кавказ, а в том числе и Азербайджан, его интересовал лишь как об'ект российской экспансии. Преимущественное внимание он уделял вопросам утверждения господства российской империи на Кавказе. Вопросы экономики, положения различных слоев населения, отношения их к туземным властям и российским войскам и администрации почти не затрагиваются. Политические взаимоотношения азербайджанских владетельных ханов между собой и владетелями соседних стран рассматриваются в плане учета значения этих отношений для осуществления целей российского правительства. Однако в работе Н. Дубровина использован ряд архивных материалов (Государственного архива, архива министерства иностранных дел), которые не были привлечены П. Г. Бутковым.

Подобный же характер в идеологическом отношении имеет изданный под редакцией ген.-м. Потто «Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии» (Тифлис, 1899).

Как видно из вышеизложенного, все работы, в которых затрагивалась история Азербайджана, останавливались на вопросах внешнеполитической истории; вопросы же производственных отношений в сельском [13 - 14] хозяйстве и ремесле, а также вопросы социальной структуры азербайджанских ханств и управления в них почти не привлекли внимания исследователей. Правда, уже в середине прошлого века вышла работа И. Шопена «Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи» (СПБ, 1852 г.), в которой значительное место уделено вопросам социально-экономического и политического строя Нахичеванского ханства, однако, освещение ряда вопросов в ней как и в последующих работах, касающихся этих вопросов, дано совершенно неправильное. В конце восьмидесятых и начале 90-х годов прошлого века были опубликованы работы, посвященные поземельным отношениям XIX в., в них имеются отдельные краткие экскурсы в прошлое, в XVIII в. Мы имеем в виду работы М. Н. Кучаева (см. «Свод материалов

по изучению экономического быта государственных поселян Закавказского края», т. I, Тифлис, 1887. и его же статьи в «Русском вестнике» за 1892 и 1893 гг., кн. 6 и 12). В начале XX века одна за другой вышли в свет работы В. И. Иваненко «Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества вел. кн. Михаила Николаевича» (Тифлис, 1901) и С. Эсадзе «Историческая записка об управлении Кавказом» (т. I. Тифлис, 1907), в которых довольно внимательно и углубленно, но по существу совершенно неправильно, так же как и в указанных выше работах И. Шопена и М. Кучаева, рассматривались вопросы землевладения в «мусульманских провинциях» Закавказья и поземельные отношения между беками и крестьянами. Авторы всех указанных работ при освещении вопросов внутреннего строя ханств Азербайджана исходили из отрицания феодального характера строя азербайджанских ханств. Их взгляды, как это будет подробно показано в своем месте, призваны были оправдать политическую линию царизма в отношении местных феодальных владетелей.

Описание русской историографии имело бы значительный пробел, если не упомянуть о работах, посвященных отдельным событиям из истории XVШ в. Так, например, уже начиная с XVIII века появился ряд работ, посвященных походу Петра I в прикаспийские области. Об этом имеется у Голикова в «Деяниях Петра Великого» (т. IX, X, 2-го изд., М. 1838, 1839), у Ф. Туманского в специальной работе «Описание похода государя императора Петра Великого к лежащим при Каспийском море персидским провинциям» (См. «Российский магазин», 1793, ч. III) но наиболее ценными по опубликованным в них архивным материалам являются работы С. М. Соловьева «Петр Велекий на Каспийском море» (см. «Вестник Европы», 1868, № 3) и Г. Мельгунова «Поход Петра Великого в Персию» («Русский Вестник», 1874, т. 110).

Большой документальный материал собран в книге Р. А. Эзова «Сношения Петра Великого с армянским народом», СПБ, 1898 г. Некоторые из этих документов имеют отношение к части армянского населения, живущего на территории Азербайджана.

Последние десятилетия XVIII в. привлекли меньшее внимание, нежели начало века, но все же и для этого времени имеются работы, посвященные отдельным вопросам, например, работа Н. Дубровина «Поход графа Зубова в Персию в 1796 г.» («Военный сборник», 1874. №№ 2-6).

Не упоминая других статей, как менее значительных по имеющимся в них материалам, на этом мы можем закончить обзор истории изучения вопроса в дореволюционное время. Как видно из сказанного, оно свелось, в основном, к освещению тех сторон, какие в связи с политикой [14 - 15] российского правительства были предметом деловой переписки, почему сведения о них и сохранились в архивах.

После установления советской власти, в историографии, относящейся к Азербайджану, произошел коренной перелом, выразившийся также и в том, что история Азербайджана стала самостоятельным предметом исследования и изучения. В 1923 г., как результат чтения курса по истории Азербайджана, в Азербайджанском государственном университете в Баку вышла в свет работа Е. А. Пахомова, озаглавленная «Краткий курс истории Азербайджана». Этот же автор заинтересовался и вопросами внутренней жизни страны, в результате чего появилась статья «О сословно-поземельном вопросе в Азербайджане» (см. «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», 1925, № 1). Тогда же, в 1925 г., вышла в свет работа В. М. Сысоева «Краткий курс истории Азербайджана». Интересующему нас периоду в этих работах отведено всего несколько страниц, причем в работе В. М. Сысоева имеется ряд неточностей.

Внимание к вопросам внутренней жизни страны нашло свое выражение также и в том, что теперь, уже интересуются не только вопросами внешнеполитической истории, но гораздо основательней, чем прежде, начинают заниматься вопросами экономики различных областей Азербайджана. В этой связи необходимо отметить работу Ев. Зевакина «Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII в.» («Известия Об-ва обследования и изучения Азербайджана», Баку,. 1927 г.). В этой работе автор на основании архивных документов освещает вопрос об эксплоатации природных богатств и доходности прикаспийских провинций в годы 1722-1735.

Вопросу о феодальном характере производственных отношений в Азербайджане и связанному с ним вопросу о видах земельной собственности посвящены насыщенные фактическим материалом из первоисточников статьи И. П. Петрушевского «К вопросу об иммунитете в Азербайджане в XVII-XVIII вв.» (Исторический сборник, IV, изд. АН СССР, М.-Л., 1935) и его же «Персидские официальные документы XVI-нач. XIX в., как источник для истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении» (Проблемы источниковедения, т. III, изд. АН СССР, 1940).

Как в одной, так и в другой статье приведены выдержки из местных и иранских документов, а иногда и целые документы. Автор анализирует текст документов и устанавливает отдельное характерные и типичные явления в области поземельных отношений.

Перечисленным собственно можно завершить описание того, что было сделано в области изучения истории XVIII века, если не касаться поэзии, науки, архитектуры и других вопросов культуры, на которых мы не имели возможности останавливаться в своей работе.

Следует еще отметить, что в 1941 г. вышла из печати на правах рукописи «История Азербайджана» (Краткий очерк с древнейших времен до XIX века, изд. АзФАН, Баку, 1941), составленный коллективом сотрудников Института истории и Музея истории Азербайджана АН Азерб. ССР.

Этот очерк представлял собой попытку систематического освещения важнейших сторон политической и экономической истории Азербайджана.

В подготовке указанного издания принимал участие и автор этих строк. В этом издании XVIII веку уделено около двух листов текста. Как популярный очерк, эта работа не ставила перед собой задач исследования, [15-16] хотя и выдвинула ряд вопросов, например, об антииранском движении в Ширване, об обвинительной деятельности Фатали-хана и др.

Однако, текст этого очерка по ряду причин, связанных с организацией подготовки этого издания, изобилует общими местами и не свободен даже от фактических погрешностей, на перечислении которых здесь считаем неуместным останавливаться.

В целом выясняется, что до последнего времени не было сколько-нибудь значительных работ, в которых были бы описаны важнейшие события политической истории Азербайджана в XVIII в. и выяснено значение этих событий; нет также работ, в которых были бы обрисованы экономика, социальный и (политический строй Азербайджана в XVIII столетии. Перед нами встала задача попытаться собрать, возможно, полнее всякие (материалы и документы из истории экономики и политической истории Азербайджана в XVIII веке для того, чтобы на основе их попытаться изобразить (в указанных отношениях) возможно более полно картину жизни страны.

Обратимся к рассмотрению того, какие документы и материалы были нами обнаружены и использованы для разрешения поставленной задачи.

ОБЗОР ВАЖНЕЙШИХ ИСТОЧНИКОВ

Перейдем к рассмотрению тех документов, которые бесспорно могут являться первоисточниками.

Здесь, прежде всего, следует отметить целую группу документов, а именно письма азербайджанских владетельных ханов и медиков — современников, а также и участников многих событий XVIII в.. о которых в этих письмах упоминается. Часть переводов с подобных писем опубликована в актах, собранных (Кавказской археографической комиссией, т. т. I и II (т. I, д. № 824, т. II, д. № 1173, 1475, 1529, 1353; 1350, 1278); ряд копий с подобных же писем хранится в историческом фонде Музея истории Азербайджана, десять из них переведены нами с азербайджанского языка для использования в настоящей работе. (Музей истории Азербайджана АН Азерб. ССР, истор. фонд, инв. №№ 858, 860, 862, 864-869, 872). На основании этих писем можно уточнить или проверить некоторые факты, главным образом, политической истории конца XVIII в.

Другой группой документов из того же источника являются так называемые ханские грамоты - талике. Переводы более чем с двух десятков талике были обнаружены нами в историческом архиве Азербайджанского центрального Архивного управления (фонд Воен.-Окружн. нач-ка, фонд Бакинской бекской комиссии, фонд Кубинского коменданта).

Эти документы, несмотря на ужасающие недостатки переводов их, очень важны для выяснения характера и видов землевладения в ханствах Азербайджана во второй половине XVIII в.

Однако, более углубленное изучение экономики страны было немыслимо без выявления и опубликования полного текста шахских фирманов и ханских талике. Первым шагом в этом направлении был сборник «Нахичеванских рукописных документов XVII-XIX вв.», изданный в Тбилиси, в 1936 г. в серии памяти Ю. Н. Марра, кн. I. [16 - 17]

Письма эти написаны на арабском языке. Перевод с арабского на азербайджанский язык сделан канд. ист. наук А. Алескерзаде. 16

В 1936 г. вышли в свет два тома документов, хранящихся в Ленинградском отделении Центрального исторического архива, они были опубликованы под ред. И. П. Петрушевского (М.-Л., 1936 и 1937 гг.) в сборниках, носящих название «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60 гг.». Собранные в них документы относятся к началу XIX в., но из текста некоторых документов видно, что по отдельным вопросам они могут быть использованы и для конца XVIII в. (в документах, например, перечисляются селения, сады, мельницы и пр. обзаведение, входившее в состав собственного хозяйства шекинского Мухаммед-хасан-хана и др).

Следует отметить еще, что в упомянутом выше издании документов первой половины XIX в. под ред. И. П. Петрушевского дана довольно обстоятельная критика взглядов деятелей российской администрации на вопросы землевладения и землепользования в ханствах Азербайджана.

Здесь же следует отметить чрезвычайно ценный сборник документов XVIII в., изданный в Тбилиси в 1937 г. под названием «Указы кубинских ханов» (перевод Ф. Ростопчина, под ред. К. М. Чайкина, в серии памяти Ю. Н. Марра, кн. III). Эти документы дают некоторые сведения по вопросам землевладения и положения различных групп крестьян, вооруженных слуг хана, а также о различных чиновниках, составлявших администрацию ханства.

Эти документы местного происхождения, относящиеся к изучаемой эпохе, являются наиболее надежными из первоисточников, какие мы имеем по допросам экономического строя в ханствах Азербайджана. Наряду с этими документами местного происхождения для уточнения и проверки данных нарративных источников, главным образом в вопросах внешнеполитической истории, большое значение имеют шахские и султанские указы (фирманы) и письма, направлявшиеся на имя лиц, возглавлявших иранскую или турецкую администрацию в Азербайджане в первой половине XVIII в., а также подобного же рода документы, посылавшиеся к азербайджанским ханам во второй половине XVIII в. Переводы с этих фирманов и писем опубликованы в упоминавшихся Актах Кавказской археографической комиссии (т. II, дополн. к I т., а также т. VI, ч. II, дополнение).

Наряду с этими документами для тех же целей проверки, пополнения и уточнения данных нарративных источников по вопросам внешнеполитической истории имеют большое значение документы, изданные в двух томах под ред. А. А. Цагарели под общим названием «Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии» (т. I, СПБ, 1891, т. II, СПБ, 1902), и под его же редакцией «Грузинские тексты с 1768 до 1801 г.», (т. II, СПБ, 1898). Той же цели могут служить некоторые документы из «Собрания актов, относящихся к обозрению истории армянского народа» (ч. II, М., 1838).

Прекрасным дополнением к перечисленным выше группам документов служат исторические хроники, составленные в XVIII в. К числу их можно отнести ту часть сочинения Есаи католикоса, в которой освещаются события конца XVII, начала XVIII вв. Есаи католикос (из фамилии Хасан

Джалалян) был современником шаха Хусейна, пребывание имел в Карабахе, в Гандзасарском монастыре. В написанном им сочинении «Краткая история страны Агваны» имеются довольно подробные сведения о Карабахе, проведении в нем переписи населения и обложении новыми тяжелыми налогами; сообщает он также о том, как сборщики налогов мучили население. Имеются у него также сведения об антииранском движении в северных частях Азербайджана. [17 - 18] Сведения, сообщенные Есаи католикосом, чрезвычайно ценны, особенно потому, что он смело и. повидимому, правдиво пишет как о действиях правительства шаха Хусейна, так и о событиях, связанных с антииранским движением («Краткая история страны Агван» Есаи католикоса была издана в Ереване, в 1868 г. Мы пользовались переводом на русский язык, сделанным канд. ист. наук Т И. Тер-Григорьяном. Этот 'перевод хранится в научном архиве Института истории АН Азерб. ССР).

Среди хроник выдающееся место принадлежит «Хронике войн Джара в XVIII в.». Неизвестный автор, повидимому, уроженец и житель Джарской области (сев.-зап. часть Азербайджана), составил хронику, охватывающую события в Закавказье и Дагестане почти за полстолетия (первую половину века). Автор хроники с одинаковым вниманием описывает как значительные события, так и совсем малозначащие набеги небольших групп. Благодаря непосредственной близости автора хроники к событиям, в ней содержится много ценных материалов для освещения событий и сил антииранского движения в Ширване в начале XVIII в., а также для характеристики борьбы, которую местное население вело против Надир-шаха.

К хроникам, написанным современниками, следует отнести также сочинения двух армянских авторов начала века: Абраама Ереванци «История войн 1721-1736 гг.» (переведена на русский язык и издана АрмФАН ом, Ереван, 1939), а также Акопа Шемахеци. «Походы Тамас-кули-хана (Надир-шаха) и избрание его шахом» (перевод С. Тер Аветисяна, изд Инст. Кавказоведения, Тифлис, 1932). В обоих этих сочинениях имеются сведения о походах Тахмасп-кули-хана (Надир-шаха) в Азербайджан.

Из трудов, написанных современниками событий на персидском языке, основными для изучения интересующего нас периода являются «Тарих-и Надири» мирзы Мехти-хана Астрабади.

«Тарих-и Надири» составлена придворным историографом и современником Надир-шаха, упомянутым Мехти-ханам. Находясь при Надире и сопровождая его в походах, Мехти-хан был очевидцем событий, происходивших в Азербайджане, поэтому данные, сообщаемые им, ценны как показания современника, находившегося в гуще событий и хорошо осведомленного обо всем происходившем в государстве, возглавлявшемся Надир-шахом. Однако эта история написана в духе панегирика и поэтому освещение описанных в ней фактов следует тщательно проверять другими источниками. Наряду с этим следует отметить, что это один из наиболее богатых в отношении излагаемых фактов источник по истории Азербайджана в 30-х и 40-х годах XVIII в.

К числу сочинений близких к историческим хроникам можно отнести грузинскую рукопись по вопросу «О происхождении азербайджанских ханов», переведенную на русский язык Е. С. Такайшвили (Материалы для истории Грузии, Тифлис. 1895).

Большой материал, в особенности по периоду конца 40-х и начала 50-х годов, а затем по 80-м годам, содержится в собрании грузинских летописей «Картлис цховреба», переведенных М. Броссе на французский язык и изданных в «Мемуарах Академии наук» (СПБ, 1841, серия VI. том 5, тетради 3 и 4-я).

Эти сведения сосредоточиваются преимущественно вокруг отношений между царями Грузии и ханами ганджинскими, шекинскими и карабахскими.

Хроники Сохни.; Херхеулидзе, Папуны Орбелиани и Омана Мдивани, [18 - 19] в которых заключен интересующий нас материал, написаны в духе придворной историографии, а поэтому в описании этих хроник столкновения, происшедшие между царями Грузии и азербайджанскими ханами, а также противоречия, существовавшие между царем Ираклием II и Фатали-ханом кубинским, настолько преувеличены, что данное в них изображение очень мало соответствует существовавшему положению вещей.

В связи с временной оккупацией российскими войсками ряда местностей Азербайджана в годы 1723-1735, а также в связи с торговыми интересами России в Иране и Азербайджане и дальнейшей политикой российского правительства, направленной на присоединение Азербайджана к России, появилось большое число официальных документов. Эти документы относятся к самым разнообразным вопросам:: снаряжение в Иран посольств, наказы послам, путевые заметки послов и членов их свиты, указы о строении кораблей для плавания на Каспийском море, о заготовке провианта в Астрахани, об отправлении войск$_т$ донесения командующих войсками и их частями, описание занятых российскими войсками земель, ведомости доходов, получающихся местными правителями с занятых земель, рескрипты, определяющие политическую линию командующих войсками, грамоты и письма, направленные местным азербайджанским владетелям, сведения, сообщенные об Азербайджане

местными жителями, договоры и трактаты, заключенные между Россией, Ираном и Турцией, в которых имеются параграфы, относящиеся к Азербайджану, и пр.

Часть этих документов опубликована, другая же, повидимому, весьма значительная часть еще не опубликована и хранится в Центральном Военно-историческом архиве в Москве, в Государственном архиве древних актов и, очевидно, в архивах других городов, в частности, Астрахани.

Укажем вначале важнейшие из опубликованных документов. Много их издано в Сборнике имп. русского исторического общества (томы 11, 27, 35, 56, 63, 69, 101. 103, 106, 135, 145)[1]; в Актах Кавказской археографической комиссии (т. I-VIII), в Архиве Государственного совета, т. I; некоторая часть опубликована в Русском архиве за 1865, 1873, 1899 гг., в Кавказском сборнике, т. т. XVIII, XX, и в Полном Собрании Законов, т. т. VII, XXII, XXIII и др.

Из неопубликованных укажем на документы Военно-морского архива в Ленинграде:

1) Дела графа Апраксина (1717-1725);

2) Дела адмиралтейской коллегии и канцелярии за годы 1725-1728; 1746-1748; 1778-1784; 1796-1797;

3) Дела графа Чернышева (1783-1787);

4) Бумаги, переданные из кабинета имп. Екатерины II (1790-1796);

5) Дела графа Кушелева (1796-1801) и др., а также на «Кавказские дела» Центрального Госуд. архива древних актов.

В этих делах имеются документы, относящиеся к политическим событиям за указанные годы, а также к вопросам торговли.

По Центральному Архивному Управлению Азербайджанской ССР укажем на фонды Верховного Грузинского правительства и фонды комендантов нухинского. карабахского, бакинского и др.

Несколько особую группу среди документов, составленных деятелями российской [19 - 20] армии, флота, администрации и правительственного аппарата, занимают отчеты их о выполнении возложенных на них поручений, оформленные в виде журналов, описаний путешествий и т. п.
Попытаемся в хронологическом порядке перечислить важнейшие из них.

Прежде всего, следует указать на журнал и письма А. П. Волынского, одного из видных государственных лиц времен Петра I. А. П. Волынский в 1715-1718 гг. побывал в Азербайджане, проезжая через него в качестве посла к шаху Хусейну.

В последующие годы (1719-1725) он находился на посту астраханского губернатора. В его журнале и письмах содержатся весьма ценные сведения о политическом состоянии Ирана и Азербайджана в указанное время, о городах, их населении и торговле, о богатстве отдельных провинций, о торговле русских купцов в городах Азербайджана, об отношении местного населения к Ирану и т. п. (Е. Зевакин «Азербайджан в начале XVIII в.» - журнал посланника А. П. Волынского 1715-1718 гг., изд. Об-ва обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1929. Письма А. П. Волынского из Персии к барону И. П. Шафирозу, «Русская старина», 1872, т. 5).

Некоторым» дополнением к материалам А. П. Волынского могут служить сведения, сообщаемые врачом упомянутого посольства Белем. («Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно в Испаган, в Пекин, в Дербенд и Константинополь. Перевел с французского Михайло Попов», СПБ, 1776).

К этому же периоду относится составленное Ф. И. Соймоновым «Описание Каспийского моря и чиненых на оном российских завоеваниях». (Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. СПБ, 1763).

Наиболее подробные сведения о северных частях Азербайджана в двадцатых годах XVIII в. сообщены И. Г. Гербером в «Известии о находящихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях и о их состоянии в 1728 году» («Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», июль-декабрь, 1760. СПБ).

И. Г. Гербер - майор, а затем полковник артиллерии, участник петровского похода в прикаспийские земли. В 1723 г. с экспедицией Матюшкина был в Баку. В 1727 г. участвовал в работах по разграничению российских и турецких владений в Дагестане и Ширване. Описание прикаспийских провинций, составленное им, содержит в себе сведения о природных богатствах страны, занятиях населения, а также сведения о политических событиях, потрясавших Ширван в начале XVIII в. Сочинение И. Г. Гербера, составленное, вероятно, по официальному поручению, является наиболее полным из существующих для первой трети XVIII в. описаний указанной части Азербайджана. Особенно ценны указания Гербера по вопросам движения, возглавлявшегося Дауд-беком мюшкюрским и Сурхай-ханом казикумухским, а также сведения о конфессиональном составе населения Ширвана.

---

[1] В перечисленных томах находятся также донесения английских, французских и др. послов, находившихся в Петербурге. В этих донесениях имеются сообщения о событиях, происходивших в Азербайджане.

Из сообщений, относящихся к последующему времени, необходимо отметить письма Братищева, бывшего переводчиком от российского двора при Надир-шахе. Его письма, к сожалению, только в извлечениях, опубликованы П. А. Юдиным в статье «Россия и Персия в конце 1742 года» (по письмам Братищева к канцлеру кн. А. М. Черкасскому, «Русский архив», 1899, кн. 3). Братищев, как очевидец, сообщает о Ширване и Дагестане во время пребывания там войск Надир-шаха весьма ценные сведения. Он описывает страшное опустошение страны и гнет, тяготевший над местным населением. [20 - 21]

Особенно ценные сведения о состоянии Азербайджана в последние годы правления Надир-шаха сообщены врачом русского посольства (1744-1747) к Надир-шаху И. Я. Лерхом. В его записках даны яркие картины разорений, которые претерпела страна в результате походов и налоговой политики Надир-шаха. Записки Лерха были опубликованы несколько раз (см. М. А. Полиевктов «Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу». Тифлис, 1935. Русский перевод описания путешествия Лерха опубликован в «Новых ежемесячных сочинениях, к пользе и увеселению служащих» (изд. А. Н. 1790, 1791), написаны они на основании собственных его наблюдений и поэтому являются одним из ценнейших первоисточников. В своих основных положениях они вполне согласуются со сведениями, сообщенными переводчиком Братищевым.

От пятидесятых и шестидесятых годов в связи с тем, что российское правительство мало занималось кавказскими и персидскими делами, сколько нам известно, остались весьма скудные сведения о состоянии и событиях в Азербайджане. Но уже в семидесятых годах, в связи с активизацией российской политики на юге восточной Европы, вновь появляются различные материалы, относящиеся и к Азербайджану. В этой связи, прежде всего, следует отметить описание, составленное членом российской Академии наук С. Г. Гмелиным, предпринявшим по указанию имп. Екатерины II путешествие по России в Персию (1770-1774). Гмелин побывал в Дербенте, Шемахе. Баку, встречался с Фатали-ханом кубинским, оставил подробное для своего времени описание тех частей Азербайджана, где он побывал или о которых получил сведения.

В описании путешествия Гмелина можно найти материалы по многим вопросам экономики, политики, культуры и быта того времени (С. Г. Гмелин «Путешествие по России», ч. III, СПБ, 1785).

В связи с политикой российского правительства на Кавказе появилось и другое очень интересное и важное для нас описание, составленное полковником С. Д. Бурнашевым, резидентом при царе грузинском Ираклии II, прибывшем в Тифлис после вступления Грузии в 1783 г. под покровительство России. (С. Д. Бурнашев «Описание областей Адребиджанских в Персии и их политического состояния, сделанное пребывающим при его высочестве царе карталинском и кахетинском Ираклии Теймуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1786 г., Курск, 1793). Это очень ценное описание, в котором отмечены ханства как северной, так и южной части Азербайджана, состояние сил каждого из ханов и их взаимоотношения между собой.

Наконец, уже в самом конце века в связи с походом в Азербайджан российских войск под командой Валериана Зубова было совершено путешествие академика Биберштейна, результатом чего явилось описание Дагестана и сопредельных ему областей. (Об издании труда Биберштейна см. М. А. Полиевктов «Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу», стр. 148, Тифлис, 1935).

Богатые материалы по экономике шекинской, ширванской и карабахской провинций Азербайджана в первые два десятилетия XIX в. сосредоточены в описаниях этих ханств, составленных в 1819, 1820 и 1823 гг. (Изданы в Тифлисе, в типографии Главн. управления наместника Кавказского в 1866 г.).

В этих описаниях, составленных деятелями российской администрации после ликвидации ханского управления, содержатся подробные перечни селений каждого из ханств, показаны налоги и повинности, коими были обложены эти селения во времена ханского управления, указаны размеры и названия этих налогов и повинностей, перечислены [21 - 22] откупы, существовавшие во времена ханского управления. Поскольку распорядки и обычаи в ханствах изменялись весьма медленно, основные сведения, сообщаемые в отношении начала XIX в., почти без изменений могут быть отнесены также и к концу XVIII в. В самом тексте описаний есть многочисленные указания на то, что введено последними ханами и что существовало при прежних ханах.

После присоединения северных ханств Азербайджана к России, ликвидации ханского управления ими и введения нового управления, естественно, возникла потребность в ознакомлении с новыми землями, вошедшими в состав Российской империи. Этой потребности на первых порах служило сочинение С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», ч. ч. I и II, изданные в Москве в 1823 г.

В этом произведении дано краткое описание природных богатств закавказского Азербайджана (кроме Нахичевани), сельского хозяйства, городов, ремесел и торговли по состоянию к началу 20-х годов XIX в., а также отдельные краткие и отрывочные сведения из истории страны в XVIII в.

К числу работ, подобных вышеуказанной, относится составленное Орестом Евецким «Статистическое описание Закавказского края с присовокуплением статьи: «Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII в. и сравнении оного с нынешним» (в двух частях, СПБ, 1835 г.)

Вслед за этой работой правительственными потребностями в более близком ознакомлении со вновь присоединенной к России страной, в целях освоения этого края как колонии, министерством финансов было предпринято новое описание, которое в четырех частях было издано в СПБ в 1836 г. под заглавием «Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях».

В этом подробном, отлично составленном описании содержатся весьма ценные сведения и замечания о занятиях жителей как в области сельского хозяйства, так ремесла и торговли в период, когда существовало еще ханское правление. Многие из этих данных при учете сведений, сообщенных путешественниками, могут быть отнесены и к XVIII в.

В ряде случаев авторы этого обозрения делают прямые указания о том, что имело место в XVIII в., во второй половине его. Помещенные в этом издании справки из истории отдельных азербайджанских ханств, хотя очень краткие, но должны быть отмечены как первые шаги русской историографии в этом направлении. Эти справки в отношении XVIII в., повидимому, основаны на тех сведениях, которые составителям удалось собрать на местах, преимущественно из устного предания.

Такой же характер и содержание имеет составленное после Туркманчайского мирного договора России с Ираном «Статистическое описание Нахичеванской провинции» (составитель В. Григорьев. Издано в СПБ, 1833 г.).

Наиболее ценными источниками западноевропейского происхождения, безусловно, являются описания путешествий.

Западноевропейских путешественников интересовали более всего вопросы торговли с Ираном, в том числе с Азербайджаном, поэтому они на этих вопросах останавливали свое внимание. Из западноевропейских путешественников, побывавших в Азербайджане, наиболее ценные сведения сообщили Корнелий де Бруин (1703-1707) и Ханвай [22 - 23] (1743—1747). (Издания их трудов см. у М. А. Полиевктова «Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу», указ. выше издание).

Однако, поскольку возможности торговых сношений зависели от экономического и политического положения страны, а также от условий внешнеполитической обстановки, указанные авторы каждый для своего времени описали все, что имело отношение к интересующему их предмету. Ханвай настолько расширил круг вопросов, которыми он занимался, что в его книге дано описание многих событий царствования Надир-шаха. Ряд страниц описания его путешествия относится непосредственно к Азербайджану. В них освещены походы Надир-шаха в Азербайджан и опустошение страны, война Надир-шаха в Дагестане и испытанные там поражения и неудачи, восстание Сефи-мирзы и другие события.

Труд Ханвая является одним из важнейших источников по истории времени Надир-шаха.

Среди исторических сочинений, в которых имеются сведения по истории Азербайджана, следует отметить Гаммера «Историю османского государства», т. т. VII и VIII на немецком языке, изд. 1831 г., где сообщаются весьма ценные, почерпнутые из турецких рукописей, сведения, относящиеся к периоду турецкой оккупации Азербайджана в 1723-1734 гг., и отдельные сведения по времени Надир-шаха.

Остальные известные нам источники, как, менее важные, показаны нами в прилагаемом к настоящей работе перечне материалов источников и литературы, относящейся к истории Азербайджана в XVIII в. [23 - 24]

Глава II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ АЗЕРБАЙДЖАНА В XVIII в.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЭКОНОМИКИ АЗЕРБАЙДЖАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Поскольку до настоящего времени обнаружено весьма недостаточное число документов и источников, на основании которых возможно было бы обрисовать сколько-нибудь подробно экономику Азербайджана в первой половине XVIII в., придется ограничиться освещением основных и важнейших черт, определявших характер экономики страны в этот период.

В то время Азербайджан являлся одной из богатейших областей. Он был житницей, снабжавшей Иран хлебом. Большое количество шелка-сырца вывозилось в Турцию и Россию. Один из видных государственных деятелей России начала XVIII в. А. П. Волынский, побывав в Азербайджане и Иране в качестве посла к иранскому двору, об экономическом значении Азербайджана писал следующее: «Во всей Персии я почитаю лутчие провинции, начав от границы турецкой, Эривань и Тевриз, которые не бесхлебные бывали, також и комерциею не малой интерес Персии приносят... потом провинции, лежащие подле Каспийского моря, Ширванская и Гилянь, из которых великая польза персианам. И где я ни был, но прибыточнее оных не видал... Ширвань... жилых мест не мало и многолюдно и во всем довольство имеют, понеже земля зело плодоносна и множество родитца хлеба (которым и другие многие места довольствуютца)... также и скотом довольны и рыбами, а особливо лутчей интерес их шолк, которого довольно везде родитца и редкая деревня, где б не было шелковых заводов, как около моря, так и до самой реки Кура»[1].

Главными занятиями населения страны были земледелие и скотоводство. Ремесло и торговля (за исключением производства шелка-сырца) сосредоточивались преимущественно в городах и имели второстепенное значение.

Из дошедших до нас документов: шахских фирманов (указов) и ханских талике (грамот) видно, что землями, находившимися в пользовании крестьян, владели лица, не занятые производительным трудом, т. е. лица, относившиеся к различным слоям феодалов. Иранское шахское правительство в целях поддержания централизованного правления и установления зависимости местных правителей и владетелей исходило из того, что шах является верховным собственником всех земель [24 - 25] государства. Располагая силой государственного аппарата, оно настойчиво стремилось осуществить в жизни этот важнейший для него политический принцип. В связи с этим всякое владение землей официально рассматривалось как владение с соизволения шаха. Эти официальные взгляды нашли себе отражение во всех документах, относящихся к вопросам землевладения.

В связи с изложенным население, пользовавшееся землей, уплачивало не только налоги, но несло также и тяжесть ренты за пользование землей.

Государственная служба (военная, административная или какая-либо другая) вознаграждалась обычно посредством передачи этим; лицам доходов, поступавших с земли от непосредственных производителей.

Передача же доходов была связана с фактическим владением землями, с которых доходы поступали, а также с управлением населением, жившим на этих землях. Подобное положение вещей являлось выражением фактического существования феодальной собственности на землю, характерным признаком которой, как известно, является условность владения.

Однако, следует тут же заметить, что условия владения землей со стороны получивших эти земли исполнялись лишь тогда, когда центральное правительство или верховный сюзерен имели достаточно сил для того, чтобы принудить к исполнению их. В периоды же ослабления центральной власти ханы, владевшие землями, выходили из повиновения центральному правительству.

Наиболее распространенной формой существовавшего тогда пожалования земли был «тиюль», который давали на срок или пожизненно или даже в наследственное владение с предоставлением прав получать или весь доход или часть доходов, следуемых с пожалованных земель. Тиюльдар - владелец тиюля не имел права его продавать, дарить или передавать в другие руки, но обязан был какой-либо службой шаху или хану, предоставившему тиюль. Владетель тиюля, получая ренту, одновременно имел власть по управлению тем населением, которое жило на полученной им земле. Тиюль с подобными

---

[1] А. П. Волынский – “Журнал посланника Волынского 1715-1718 год”, стр. 11, 12..
Е. Зевакнн - Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1929.

широкими правами по взиманию доходов и управлению при передаче его в наследство иногда по-старине именовали сойургалем, но термин этот в XVIII веке уже выходил из употребления.

К сожалению, пока нет никаких данных для того, чтобы заключить, какая часть земель была охвачена формой тиюльного владения. Наряду с ней существовала еще одна форма владения, называвшаяся «мюльк», что значит собственность. Она была отлична тем, что владетель мюлька мог его продать целиком или частью, подарить или передать на каких-либо условиях. Это была более полная форма собственности. Судя по тому, что наряду с мюльком существовала его разновидность «мюльк халисе», т. е. мюльк обеленный, освобожденный от долгов и налогов, приходится полагать, что с обычного мюлька следовало вносить в диван (казну) кое-какие суммы или быть обязанным службой.

О размерах земель, охватываемых владением «мюльк», так же как и тиюльных, сведений не имеется, однако следует полагать, что значительная часть местных феодальных владетелей как крупных, так и мелких, проживавших в селах по месту постоянного жительства их семей и родов, владели землями именно в форме мюльк.

Судя по имеющимся скудным данным, приходится заключать, что сельских общин никем неуправляемых или самоуправляемых не было [25 - 26] (сведений о них нет), а потому надо полагать, что вся масса населенных земель и земель, используемых под пастбища, была распределена между феодальными владетелями различного достоинства. Известно также, что часть земель принадлежала «святым местам» и мечетям, - эти земли назывались «вакфами». Вакфные земли обычно пользовались всевозможными льготами и были избавлены от податей и повинностей в шахскую казну, примером чего может служить вакф обители (ханеках) при гробнице Биби-Эйбат, сестры восьмого шиитского имама Али-ризы близ Баку[1].

Нет еще данных для того, чтобы определить различные слои в среде зависимого земледельческого населения. Наиболее значительные массы находились в положении райятов, т. е. фактически прикрепленных к земле крестьян, обязанных в отношении своих владельцев натуральными, отработочными и денежными повинностями.

За недостаточностью данных нет возможности сделать подробное перечисление существовавших в то время повинностей крестьян в различных местностях Азербайджана. Обычно они состояли из $^1/_{10}$ урожая зерновых, $^1/_5$ урожая шелка-сырца и целого ряда других натуральных, денежных и отработочных повинностей[2]. Несомненно, что здесь наблюдалась характерная для феодальных отношений пестрота как в составе, так и в размерах и наименованиях повинностей, обусловливаемая местными особенностями и обычаями.

Что касается кочевого населения, то ряд нахичеванских рукописных документов указывает на то, что в среде кочевого населения существовала классовая диференциация, сложилась даже особая иерархия (хан, векиль, султаны, беки, агсаккалы), рядовые кочевники («иляты») обязаны были работой или военной службой[3].

Судя по имеющимся отрывочным данным, приходится заключать, что натуральная форма ренты и налога была основной формой ренты и в первой половине XVIII в.[4]

Из других групп населения документы позволяют выделить маафов. в каковую, если брать этот термин в узком смысле, входили лица, освобожденные обычно от всех натуральных и денежных повинностей, но обязанные военной службой ханам и бекам. Из маафов составлялись воинские отряды, с которыми феодальные владетели выступали по требованиям в поход, они же часто являлись вооруженной челядью своих сюзеренов. Иногда права маафства давались целым селениям. Так, например, сел. Худад это право было пожаловано кубинским Хусейн-ханом (ум. ок. 1689 г.), затем оно было подтверждено последующими ханами уже в первой половине XVIII в.[5]

Крупнейшими ханами были беглербеки шемахинский, ганджинский, тебризский. В менее значительных городах сидели зависимые от них султаны, магалами управляли подчиненные беглярбекам и султанам наибы - все они были довольно крупными землевладельцами, причем [26 - 27] большинство их происходило из местной знати. Ниже перечисленных находился довольно значительный слой беков. Такова в основных чертах, если при этом учесть и крупных духовных владетелей, иерархия и состав господствовавшего класса феодалов.

---

[1] И. П. Петрушевский - Персидские официальные документы XVI-нач.XIX вв., как источник для истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении, стр. 32, 33 “Проблем источниковедения”, сб. III, изд. АН СССР, М.—Л., 1940.

[2] П. Бутков - Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. I, стр. 95. СПБ. 1869.

[3] Нахичеванские рукописные документы. Перс, текст и перевод под ред. Ю. И. Марра. Тбилиси, 1937, и д. ФАН СССР, см. док № 1-7.

[4] См. И. П. Петрушевский - К вопросу об иммунитете в Азербайджане в XVII-XVIII вв., стр 44 (Исторический сборник, 4. изд. АН СССР. М.-Л. 1935).

[5] Указы кубинских ханов, перс, текст и перевод, Издание Института им. Н. Я. Марра Груз. ФАН СССР. Тбилиси, 1937, см. док. № 2-3.

Сведения о городах Азербайджана тоже недостаточны. Наиболее подробные описания их в интересующее нас время или в близком от него времени оставлены Олеарием, Струйсом, Корнелием де Бруином, Гербером. Лерхом, Ханваем, Гмелиным. Все перечисленные путешественники утверждают, что города Азербайджана в прошлом были более обширны, многолюдны и богаты, нежели в то время, когда они их посещали или получили о них сведения. Города сильно пострадали во время ирансько-турецких войн конца XVI и начала XVII вв. К концу XVII в. упадок городов все усиливался: городская территория сокращалась, уменьшалось число зданий и население, торговля сокращалась в размерах своих оборотов. Очевидно, все эти явления были связаны также с уменьшением числа ремесленников и вообще уменьшением значения роли городов и городского населения в экономической жизни страны. Однако, еще в начале XVIII в. путешественники о городах Гандже, Шемахе, Тебризе пишут как о больших благоустроенных, культурных торгово-ремесленных центрах. В отзывах высказано восхищение некоторыми из этих городов. Приведем хотя бы один пример. Корнелий де Бруин о Гандже писал: «Город Ганджа в 50 лье от Шемахи, в четыре раза больше последнего, в нем много каменных зданий, большинство в два этажа, красивые широкие улицы, красивые базары и большие каравансараи, большой и обширный дворец губернатора; через город протекает красивая река; в нем много садов, хорошее вино, изобилие фруктов... так что город может считатся одним из значительнейших в Персии. Эти сведения доставил мне один французский священник, живущий в этом городе, и несколько грузин»[1].

Политические события, на освещении которых мы в дальнейшем остановимся, в течение столетия привели города к еще большему упадку. В XVIII в. в связи с событиями политической истории очень большие разрушения протерпели и Ганджа, и Шемаха[2], и Шаберан, и Ардебиль, и Тебриз.

К упадку городов привела не одна, а ряд причин. Однако, среди них важнейшее место безусловно принадлежало потрясениям и разрушениям, вызванным событиями бурной политической истории.

Таким образом, города, вступившие в XVIII век уже в состоянии упадка, не могли сыграть решающей роли в об'единении страны экономическими связями. Страна в основном жила в условиях натурального хозяйства. В этих условиях устранение власти иранской монархии в политическом отношении должно было привести к раздроблению страны на ряд обособленных, некрупных областей, управляемых феодальными сеньерами. Так оно и произошло, когда в Иране после убийства Надир-шаха (1747) возникли междоусобия и центральная политическая власть потеряла силу. В Азербайджане возник ряд ханств, страна в [27 - 28] политическом отношении раздробилась на небольшие феодальные владения-государства.

Этот факт политической истории безусловно оказал некоторое влияние и на отдельные стороны экономики страны, конечно, не меняя ее существа.

Поскольку по периоду существования ханств имеется гораздо больше материалов для того, чтобы осветить экономический и социальный строй страны, ниже попытаемся дать более полную и развернутую картину по интересующим нас вопросам.

---

[1] Voyage de Comellle le Brayn par la Moscovis, en Perse et aux Indes orientales. Amsterdam, 1718, p. 154.

[2] Спильман Джеймс - Путешествие через Россию в Персию двух английских джентельменов которые отправились в 1739 г., имея целью изучение того, каким образом может вести из Астрахани по Каспийскому морю торговля Великобритании. С англ. перев. Абезгауз,научн. арх. Ин-та истории АН Азерб. ССР, инв. .№ 483, стр. 43.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ХАНСТВАХ АЗЕРБАЙДЖАНА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII в.)

Вопрос об экономическом строе ханств Азербайджана и их социальной структуре мало исследован. Более того, еще совсем мало разыскано и опубликовано документов, вышедших из ханских диванов, а эти документы должны быть одним из основных источников в изучении вышеуказанного вопроса. К настоящему времени изданы лишь небольшие серии кубинских и нахичеванских документов,[3] и только отдельные документы по другим ханствам. Этих документов недостаточно для того, чтобы дать сколько-нибудь полную картину ханств, из которых они вышли.

Гораздо большее количество ханских документов сохранилось от первых двух десятилетий XIX в. К двадцатым-тридцатым годам и следующему десятилетию относятся довольно многочисленные документы, составленные чиновниками российской администрации. О характере этих последних документов и возможности их использования речь пойдет ниже. Здесь же отметим, что известные в настоящее время документы и материалы по вопросам социально-экономического строя ханств Азербайджана позволяют сколько-нибудь полно осветить порядки лишь конца XVIII в. Поэтому предлагаемый ниже очерк рисует картину последних десятилетий XVIII в. Конечно, вполне естественно заключение о том, что и в начале второй половины XVIII в. в общих чертах были те же порядки, какие существовали в конце века; ряд документов вполне подтверждает это, однако, современное состояние документации не позволяет проследить эволюцию экономических отношений в течение века. Оставляя этот вопрос для будущих исследований, изобразим социально-экономический строй, каким он был в конце XVIII столетия.

Впервые этим вопросом занялись в тридцатых-сороковых годах XIX в. в связи с практическими политическими вопросами, стоявшими перед российским правительством. Это были вопросы о правах беков, меликов, агаларов и пр. на землю, а также об обязанностях крестьян в отношении указанных групп. Российское правительство собирало материалы о формах землевладения и землепользования, существовавших во времепа ханского правления, выясняло состав и величину налогов и повинностей, лежавших на крестьянах, и пр. Тогда был собран весьма значительный материал.

Российскому правительству предстояло решить вопрос о том, закрепить ли за беками, медиками, агаларами их привилегированное положение, [28 - 29] т. е. сделать ли их той социальной силой которая будет служить российскому правительству и поможет укрепить позиции России во вновь присоединенной стране, или из’ять из их рук земли, передать их в казну и найти другие пути упрочения власти и устройства управления.

Вследствие того, что российское правительство до начала сороковых годов вело линию на сосредоточение земель в казне, вышеуказанные материалы подбирались и освещались так, чтобы оправдать эту политику изятия земель из рук привилегированного сословия. Именно тогда был разработан и изложен особый взгляд на вопросыземшевладения в Азербайджане или, как тогда писали, в «мусульманских провинциях восточного Закавказья». Согласно этому взгляду верховными собственниками всех земель являлись ханы. Поскольку ханская власть к этому времени была уничтожена, следовал вывод о том, что земли эти стали собственностью российского государства, т. е. казны[1].

Остановимся несколько на вопросе о том, как обосновывались эти взгляды. Деятели российской администрации, а также и историки, исследовавшие гражданский строй Закавказья, писали о том, что в мусульманских провинциях землеустройство исходило из положений корана. Коран, писали они, не признает частной собственности на землю, по корану земля 'Принадлежит богу. Она должна находиться в пользовании тех лиц, которые ее оживляют, т. е. обрабатывают. Поэтому, заключали они, в мусульманских провинциях не было частной собственности на землю, институт частной собственности но землю противоречил основам мусульманского вероучения. Все земли, писали они, находились в распоряжении ханов, как верховных правителей. Ханы раздавали эти земли султанам, бекам, меликам и прочим не в собственность, а для того, чтобы те управляли людьми, населявшими эти земли.

Чиновники российской администрации, рассматривая ханские талике, т. е. грамоты, выданные бекам, указывали на то, что в огромном большинстве этих грамот сказано о том, что беку или мелику

---

[3] Указы кубинских ханов Перевод Ф. Ростопчина, под ред. К. И. Чайкина. Тбил. Изд. Груз. ФАН СССР, 1937. Серия памяти Ю. Н. Марра, кн. III.

“Передняя Азия в документах”. Нахичеванские рукописные документы XVII-XIX вв. Перевод и комментарий К. Н. Смирнова. Серия памяти Ю. Н. Марра, ч. I. Тбилиси,]1936.

[1] Рапорт Комитета об устройстве мусульманских провинций ген.-ад'ют. Стрекалову от 15 янв. 1831 г. № 8, А. К. А. К. , т. VII, док. № 373. стр. 427-435.

Рапорт полковн. Миклашевского гр. Паскевичу от 22 апр. 1830 г., № 718 (об управлении магалами во времена власти ханов). А. К. А. К. , т. VII, док.№ 412, стр. 462-464.

такому-то поручается управление такими-то селениями или магалом, но не говорится о том, что земли селения или магала передаются в собственность. Они указывали далее, что получивший в управление земли не имел права продать, обменять или подарить их, т. е. не обладал всем, что составляет собственность - владением, пользованием и распоряжением. Далее они указывали также на то, что земли, переданные на основании талике, не переходили в потомство, что после смерти владельца требовалось, чтобы наследник был утвержден в своем владении посредством нового талике. Отмечалось также и то, что в талике часто указывалось, какие доходы с порученных земель получивший землю мог оставить у себя и какие должен был отдавать хану. По совокупности всех указанных выше моментов приходили к выводу, что ханы посредством талике поручали земли в управление, что бек или мелик и пр., получившие таковые земли, не являлись собственниками их. Читая талике, они находили в них указания, что селения, сады, канавы, пастбища, целые магалы отдавались в управление тому или другому лицу [29 - 30] в качестве вознаграждения за заслуги или понесенные труды, а иногда и в обеспечение ожидаемой от них верности и службы. Из всего этого делали вывод о том, что лица привилегированного сословия мусульманских провинций находились на службе у ханов, а в отношении населения земель, которые поручались им в управление, имели полицейские права[2].

Такова была общая постановка вопроса. Она была удобна для российского правительства поскольку последнее могло, основываясь на этой теории, распоряжаться землями по своему благоусмотрению: или оставить их за казной, или пожаловать их бекам и пр. и об'явить это особой милостью и благоволением, как это и было сделано Николаем I в рескрипте от 6-го декабря 1846 г.

Правда, было некоторое незначительное количество земель, которые российская администрация признавала бекской собственностью. Эти земли назывались мюльк, а в знак того, что они не были обложены никакими налогами, их называли также халисе, т. е. чистые земли.

Мы изложили эти взгляды российской администрации и дореволюционных историков[1] для того, чтобы, разобравшись в них, попытаться найти истину.

Разобраться в этих взглядах тем более важно, что они отчасти построены на данных, извлеченных из ханских документов, из талике. Мы указали на политическую направленность этих взглядов, на их тенденциозность.

Не стоит также долго останавливаться на том, чтобы вскрыть идеалистическую основу их. В самом деле, исходным положением является утверждение о том, что коран не признает частной собственности на землю. Авторы изложенных выше взглядов исходили из того, что строй общественных отношений, отношений по производству, между крестьянами и эксплоатировавшим классом был построен в согласии с религиозными догматами.

Но и помимо этого внутреннего порока всего построения разбираемой системы взглядов, следует отметить еще один немаловажный момент. Мы имеем в виду, что этот взгляд покоится на таком понимании собственности, которое не видит развития этого явления. К формам и видам землевладения того времени, когда еще не были расшатаны основы феодального строя, применены понятия собственности, которые отражают более поздние отношения, чем те, с которыми пришлось столкнуться. Собственность есть явление историческое, т.е. изменяющееся и имеющее в своем развитии различные черты, поэтому неправильно ко всем временам применять те понятия собственности, которые были современны авторам. [30 - 31]

Известно, что одной из существенных черт феодальной собственности является условность владения. Именно эта черта выявляется в большом числе талике, которыми земли передавались тому или другому лицу.

Для того, чтобы не было сомнений в том, что переданные бекам, меликам, султанам и пр. и находившиеся в их управлении земли действительно представляли собой феодальную - собственность, укажем на основную черту, характеризующую эти владения как феодальные. Этот определяющий признак состоял в том, что различные группы крестьян, находившихся на этих землях, были обязаны в

---

[2] Записка о правах беков, агаларов, наибов, старшин магальных и пр. и о влиянии владельцев на поселян и обязанности сих последних к помещикам. А. К. А. К. , т. VIII, док. № 354, стр. 469-477.

Записка о правах владения вообще недвижимыми имениями в Закавказском крае А. К. А. К. , т. IX, док. .№ 218, стр. 201-203.

[1] И. Шопен - Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединение к Российской империи СПБ, 1852.

М. Н. Кучаев - Поземельное устройство государственных крестьян, водворенных на владельческих землях в Закавказских губерниях. (Свод материалов по изучении экономического быта государственных поселян Закавказского края, т. I. Тифлис, 1887).

В. И. Иваненко - Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества вел. кн. Михаила Николаевича. Тифли , 1901.

С. Эсадзе - Историческая записка об управл нии Кавказом, т. I. Тифлис, 1907.

отношении владельцев земель натуральными, отработочными и денежными повинностями. Владетелители земель жили за счёт ренты, которую они получали с крестьян[2].

Вопрос о том, на какое время земли передавались в управление, не является решающим. Однако, отметим, что в большинстве случаев в талике не указывался срок владения, т.е. земли отдавались пожизненно. Мало того, обычно, они переходили по наследству. Хотя этот переход и сопровождался выдачей новой талике, но этот акт был простой формальностью, напоминавшей преемнику о том, что он обязан служить хану. Ханы зависели от бекского сословия в целом и вынуждены были считаться с отдельными лицами этого сословия, поскольку они обладали значительной силой и влиянием. Это, конечно, не исключало того, что в отдельных случаях даны по тем или иным причинам проявляли свою немилость к тем или иным бекам и отбирали у них не только земли, но и движимое имущество.

Некоторые ханы для того, чтобы укрепить свою власть путем привлечения к своей особе беков, не нарушали перехода земель по наследству. Так Джемаль Джеваншир Карабаги о Панах-хане писал следующее:

«Пенах-хан определил точнее и отношения беков и султанов, власть которых сделалась наследственной. В случае же, если кто умирал, не оставив по себе совершеннолетних детей, Пенах-хан назначал к ним двух или трех опытных наставников и воспитателей, возложив на них, как на опекунов, управление всеми делами и имениями малолетних. Кому же Пенах-хан жаловал поместья, - последние переходили в потомственное владение»[1].

Таким образом, в азербайджанских ханствах XVIII в. были две основных формы земельного владения: условное владение, о котором уже говорилось выше (это владение называлось тиюль), и полная собственность на землю, называвшаяся халисе, что буквально означает «чистый», т. е. земля, свободная от налогового обложения. В качестве примера того, что путем покупки приобреталась собственность, приведем выдержку из талике шекинского Хусейн-хана. Талике эта помечена 1180 г. х. (1776/7 г. н. л.). В ней сказано: «Селения Котан Арх и Речбар Шор Данга суть имение высокопочтенного Аджи Керим бека Асан хан-бек оглы, приобретенное покупкою, то предписывается, чтобы никто до них не касался и не препятствовал им в постоянной службе»[2]. [31 - 32]

Нужно отметить, что между указанными выше видами земельной собственности не было непроходимой грани. Тиюльные земли, находясь в руках сильных бекских родов, с течением времени могли превратиться в халисе. Принципиальной разницы между ханским и бекским владением землей не существовало, ханы были крупнейшими землевладельцами и наиболее сильными лицами привилегированного сословия. Для полноты картины отметим, что земельными собственниками являлись не только светские, но и духовные лица, а также учреждения. Земли, находившиеся в их ведении, назывались вакф. Данных о количестве земель, находившихся в том или ином из перечисленных видов владения, у нас не имеется. Мы можем только отметить, что тиюльных земель было намного больше чем земель халисе, вакфных земель было также немало, но, конечно, меньше нежели земель тиюльных.

Известно, что на землях тиюльных существовали крестьянские общины, в фактическом пользовании которых находились эти земли, но о распорядках этих общин нами сведений не обнаружено.

Во второй половине XVIII в. в Азербайджане существовало свыше пятнадцати ханств, однако социально-экономический строй ханств был в основном одинаков, поэтому в нашем изложении остановимся на главнейших сторонах общественного строя ханств, предполагая, что исследование деталей является предметом особой монографии.

[2] Коллекция переводов с фирманов и талике, жалованных меликам Варандинским от 1650 по 1815 г. Хранится в ЦАУ Азерб. ССР. Истор. арх. фонд Военно-окружного нач-ка, св. 2, д. № 14, лл. 79, 83, 411-416. Там же, фонд Бакинской бекской комиссии, св. 9, д. № 3, лл. 66, 178, 198, 217, 223, 228, 229, 230, 268.

[1] Джемаль Джеваншир Кар-баги-Карабаг (газ. „Кавказ", 1885, № 63).

[2] ЦАУ Азерб. ССР. Истор. арх. фонд Бакинской бекской комиссии, св. 3,д. № 4, л. 243.

ПОЛОЖЕНИЕ РАЙЯТОВ

Крестьянство не представляло собой однородной массы, оно состояло из нескольких групп. Основная масса крестьян находилась на положении райятов.

Райят - слово арабское, значит «подданный». Это были крестьяне, сидевшие на тиюльных землях, землях халисе, а также вакфных. Они имели свое хозяйство; в отношении ханов, беков и прочих владетелей земли они обязаны были отработками, натуральными и денежными повинностями.

Какие же это были повинности?

Приведем перечень крестьянских, точнее, райятских повинностей по карабахскому ханству[3]. Вначале перечислим основные повинности, которые состояли в следующем:

1) Малджахат—слово арабское, им назывался нескладный сбор, т. е. сбор, составлявший некоторую часть урожая зерновых, шелка и хлопка. Обычно, составлял $^1/_{10}$ урожая зерновых и $^1/_5$ урожая шелка и хлопка. Часто размеры его были и более значительны; увеличение этих размеров большей частью происходило вследствие корыстолюбия и алчности сборщиков, у которых при сборе неокладных податей были особенно широкие возможности для произвола.

2) Сальяне - от персидского слова «сал» - год, т. е. буквально «годичное». Это окладная подать, т.е. подать, размеры которой были выражены в абсолютных цифрах до сбора урожая; она не исчислялась какой-то частью урожая. Взималась натурой в пшенице. Каждый райятский дым облагался этой податью, размеры ее определить трудно.

3) Даругалык - повинности отработочные, натуральные и денежные, [32 - 33] которые крестьяне несли в пользу даруги, т.е. управителя селения, назначенного ханом. Эти повинности были весьма разнообразными по местности и обычаям. Размеры даругских повинностей значительны. Можно считать, что даругалык был не менее тяжел, чем малджахат или сальяне.

4) Байрамлык - слово азербайджанское, буквально обозначающее «праздничное», приношение или подарок к празднику. Приносились к нескольким годовым праздникам, по местности и обычаям. Особенно же значительными были к курбан-байраму. Байрамлык хотя и назывался «праздничным подарком», однако, был обязательным. Таким образом он должен быть отнесен к натуральным повинностям. Обычно, райяты приносили те продукты или изделия, которыми славилось их селение или местность.

5) Чут пулу - слово азербайджанское, буквально значит «сошные деньги». Денежная повинность, вносившаяся с каждой сохи, которой райяты пахали землю. Размеры ее около 5 рублей ханскими деньгами.

6) Отаг харджи - название азербайджанское, буквально обозначает «расход с дома». Так называлась денежная подать в пользу хана, собиравшаяся с дыма. Окладная подать, размеры ее около получервонца в год с дыма.

7) Кырх-хана-харджи - термин азербайджанско-персидский. Буквально означает «расход на сорок домов». Этим названием обозначалась подать продуктами питания, собиравшимися для ханского стола[1]. Вносилась маслом, баранами, курами и др., размеры определить трудно.

8) Пахота ханской или бекской земли и уборка высеянного хлеба[2]. Каждое селение обязано было пахать два или несколько более дней определенным числом сох ханскую или бекскую землю. Наименование этой повинности нами не обнаружено.

9) Почтовая повинность, взималась большей частью деньгами, около 3-5 руб. ханскими деньгами с дыма.

10) Мирзаяна - слово персидское, буквально обозначает «в сторону мирзы» или «для мирзы». Сбор, производившийся в пользу ханских чиновников, писцов. Подать вносилась деньгами и натурой. Размеры определить трудно.

Помимо этих главных повинностей существовал еще ряд мелких довольно разнообразных повинностей, перечислить которые полностью затруднительно, так как они различались по селениям, но некоторые все же были общими.

11) Сбор коврами, или попонами, или деньгами взамен их. Селение облагалось, примерно, по 50 коп. с дыма или вносило натурой ковры или.попоны.

12) Ат-арпаси - слово азербайджанское, буквально значит «ячмень для лошади». Натуральная повинность. Ячмень собирался для кормления ханских лошадей.

---

[3].Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 г. по распоряжению главноупавляющего,его в Грузии Ермолова, полковн. Ермоловым и д. с. с. Могилевским. Тифли:, типогр. главн. Управл. наместн. Кавказ.. 1866.

[1] Вероятно, собирался для прокормления ханских нукеров (вооруженных слуг), постоянно находившихся при ханском дворе.

[2] Наименование повинности в арабской транскрипции нами не обнаружен, почему дается только указание на содержание ее. В остальных подобных случаях - то же самое.

13) Авариз - слово арабское, так называлась работа всего общества или селения. Обычно, эти работы состояли или в проведении и исправлении оросительных канав, или в починке дорог и мостов, или в помощи при постройке бекского дома, или в постройке мельницы и пр. Обычно, бывало два дня авариза в году. Часто авариз заменялся денежным сбором. [33 - 34]

14) Ханским повару и хлебопеку. Денежный сбор в размере около 1 руб. с дыма.

15) Караульные - деньги. Сбор в размере около 50 коп. с дыма.

16) Калантарлык - податной сбой в пользу наиба.

17) Местами собирались в виде подати ягнячья шерсть, вьюки дров, саман и пр.

Таков, вероятно, все-таки неполный перечень повинностей, взимавшихся райятов карабахского ханства. Весьма затруднительно дать полный перечень всех налогов и повинностей потому что, как мы уже указывали, вследствие пестроты феодальных отношений, обусловленной Местными обычаями и историческими условиями, В различных местностях одного и того же ханства бывали различия в повинностях. Более того, нельзя даже утверждать, что с каждого селения райятов, занимавшихся земледелием, взимались все перечисленные повинности. Однако, нужно отметить, что основное повинности, к которым относились малджахат, сальяне, даругалык, байрамлык, отаг хаджи, ат-арпасы, взимались почти повсеместно. Правда, бывали селения, которые (за особые заслуги жителей перед ханом или вследствие того, что им поручено было несение каких-либо иных обязанностей) бывали освобождены от них, но это была исключения из общего правила.

В общем нужно сказать, что основная тяжесть приходилась на натуральные повинности, на втором месте стояли повинностй денежные, отработочные повинности занимали последнее место.

Для того, чтобы иллюстрировать «сложение о том, что основные повинности райятов по ханствам Азербайджана были одинаковы приведем перечень повинностей и по шекинскому ханству[3]. В тех случаях, когда не будет каких-либо существенных различий в названии или размерах повинностей по сравнению с Карабахом, для краткости ограничимся только одними наименованиями:

1) Малджахат.

2) Мустамир-тахыл - наименование арабско-азербайджанекое, буквально значит «постоянная (подать) хлебом в зерне».

3) Даругалык.

Поскольку мы слишком обще определили эти повинности по Карабаху, здесь приведем документ, подробно освещающий содержание этих повинностей. Шекинский житель Гульбасаров в записке, поданной им в 1816 г., по интересующему нас вопросу сообщал следующее:

«К пользам хана относится еще общественная жителей повинность, называемая даргалук-паракар, и которая состоит в следующем: хан, чтобы избавиться от расходов на жалованье служащим ему людям, которого он или вовсе не дает или дает весьма недостаточно, назначает им в управление разные деревни; а они от себя посылают в они своих управителей называемых даргалук. Сии переезжая в оные деревни со своими семействами и родственниками и со всем домашним своим скотом, живут на содержании обывателей, собирают для своих начальников или хозяев дани; сверх того, обыватели должны для них пахать землю подобно, как и хану, собирать хлеб и отвозить его на своих скотах в город, в их дома. Таким образом народ не менее несет тягости от сих управителей, сколько и от самих ханов»[1]. [34 - 35]

Ёще более полная картина даругских повинностей дана в рапорте полковника Миклашевского на имя графа Паскевича от 22/IV-1830г. Полковник Миклашевский писал: «Во время власти ханов, в мусульманских провинциях так же как и ныне, существовало разделение оных на магалы.

В каждом магале был управитель, а иногда и несколько, судя по многолюдству, обстоятельствам, влиянию сильных и приближенных к хану. Управители сии, или так называемые наибы, даруги и даже юз-баши, коим вверялись в управление магалы и деревни, иногда получали в пользу свою десятую часть со всех доходов, прислугу по надобности, жизненные припасы для семейства и самые кунаки (гости) угощались на счет жителей. Сии обязаны были для управляющих ими пахать землю иногда по добровольному на то согласию, а нередко и по воле хана, в помощь жать и молотить как посеянные крестьянами хлеба, так и обработанные речбарами, некоторые селения давали речбаров. определенных ханом. Управители получали еще той-пай (за свадьбу) и расправу, когда обе стороны оставались довольными - десятую часть спорного, десять процентов с суммы, взыскиваемой с воров за кражу и другие наказания, - когда они состояли в оштрафовании виновного - под названием джериме допускались и денежные подарки.

---

[3] Описание Шекинской провинции, составленное в 1819 г. по распоряжению Главноуправляющего в Грузии Ермолова, ген.-м. Ахвердовым и с. с. Могилевским. Тифлис. Типогр. Главн. упр. Наместн. Кавк., 1866.

Ср. ЦАУ Азерб. ССР. Истор. арх., фонд Бак. бекской комиссии, д. № 4, св. 3, лл. 159. 224, 226, 227, 232, 234, 242, 256, 257.

[1] А. К. А. К. , т, VI, ч. 1, д. № 1074, стр. 719.

При взыскании податей, когда делали жители раскладку, когда предварительной просьбой бывали соглашены в пользу наиба или даруги, собирались деньги и дарили их под названием отак-харджи... Я успел заметить, что редкий здесь из поселян не признает власть наиба властью, предоставленной ему во время ханов, а сие уже достаточно к безвольному повиновению всем поборам корыстолюбивых наибов»[2].

Приведенное достаточно вскрывает содержание даругских повинностей.

Однако, продолжаем перечисление повинностей:

4) Байрамлык.

5) Тоуджи (слово арабское - «подать», «налог») - специальная окладная денежная подать. Размеры ее указать трудно. Сбор этот сопровождался дополнительными поборами: тому, кто собирает, $^{1}/_{20}$ собираемой суммы (назывался этот сбор «куллук»), а тому, кто считает – $^{1}/_{50}$ подсчитываемой суммы.

6) Манджлык-пули - слово азербайджанское, буквально обозначает «станочные деньги»; деньги за станки для размотки шелка. Часто взимался натурой: $^{1}/_{24}$ урожая шелка-сырца.

7) Пандж-и-калам[3] состояла во вспашке земли, посеве семян, уборке урожая (бичинчи), молотьбе и перевозке к ханскому двору в тех местах, где ханы имели свою запашку (например, на Меликархском поле, на канаве Ляки). Размеры установить трудно. В тех местах, где ханы своего хозяйства не вели, райяты вместо исполнения этой повинности вносили деньгами («хырманчи-пул», т. е. деньги за обмолот).

8) Мелкие натуральные повинности, состоявшие в обязанности доставлять мякину, попоны и войлоки к ним, шаровары и пр.;

9) Ильхичи[4] - слово азербайджанское, обозначает «табунщик». Райяты обязаны были давать людей для того, чтобы стеречь табуны ханских лошадей. Вместо нее часто уплачивали деньгами. [35 - 36]

10) Везирлык и куллук - т. е. «везирьское» и «заслуженное». Первая подать собиралась в пользу везиря или мирзы, производившего описание урожая для установления величины малджахата. Взималась подать деньгами и натурой. Натурой взимался шелк в размере $^{1}/_{20}$ урожая. Деньги, уплачиваемые за описание сох для распашки полей и определение урожая зерновых, назывались «куллук».

11) Авариз.

12) Джариме и руссум - всевозможные и многочисленные денежные штрафы и «подарки».

Нет нужды перечислять повинности, существовавшие в других ханствах Азербайджана. При всей пестроте и многочисленности этих повинностей, как мы уже отмечали, они в основном были одинаковыми[1], различия в составе повинностей, в размерах их или наименованиях не меняют существа дела.

В «качестве иллюстрации общего содержания и характера повинностей приведем текст из описания кубинского ханства, составленного в 1796 г. майором Феодором Симоновичем по сведениям, какие дал майор Аверьян Серебров, «по знаемости его как тех мест, так и языков национальных обитающим тамо жителям»[2].

В описании этом дается, очевидно, далеко неполный перечень повинностей крестьян, но поскольку оно составлено «по сказкам» жителей, то представляет собой немалый интерес. Приводим текст из него:

«Из числа деревень, принадлежащие округам Растюмскому. Мускурскому, Шабранскому, Саадинскому. Безменскому и отчасти Кубинскому, податей хану в город собирается по прежним обыкновениям с каждого двора от урожая хлеба - десятая мера, шелку - 10-я часть, масла - четверть батмана (в батмане 20 фунтов), с пары волов - хлеба одна руба (в каждой рубе весу 5 пудов), с баранов - с каждой сотни по 2 барана, сыру по три батмана, пшена сорочинского с мест хороших, для посеву отводимых, по просьбам и по приказанию хана - половинная часть, а с армян... подушных денег женатые по два рубля по десяти копеек, холостые по рублю по пяти копеек. От Кубы получается доходов в год

---

[2] А. К. А. К. , т. VII, д. № 412, стр. 462.

[3] Наименования повинности в арабской транскрипции не обнаружено. Термин персидский, буквально обозначает „пять видов”. Название, вероятно, произошло от числа видов исполнявшихся работ.

[4] Наименования повинности в арабской транскрипции не обнаружено.

[1] Ср. ЦАУ Азерб. ССР. Истор. арх., фон Кубинского коменданта, св. I, д. № 6.

Колониальная политика российского царизма в Азербайджане, под ред. И. П. Петрушевского, т. I, изд. АН СССР, М.-Л., 1936.

Статистическое описание Нахичеванской провинции составленное В.Г, СПБ, 1833.

[2] Описание южного Дагестана, владение Дербентского, Кубинского, Ахтинского, Кутульского, Хамутая и Табасарана, сделанное во время снятия земли на карту Кавказского гренадерского полку секунд-майором Федором Симоновичем с помощью черноморского гренадерского батальона майора Аверьяна Сереброва.... в 1796 г. Москва, ЦВИА, фонд ВУА, док. № 18474, лл. 1-45.

около 11.000 своими деньгами, с деревень другой части Кубинского округа и Кубинского Дагестана, как на службу употребляющихся, получаются в город с каждого двора с имеющихся баранов Кубинского округа с каждой сотни по два барана, масла по четверти батмана, сверх того со всех деревень кроме дагестанских получается с каждого двора хлеба по одной рубе, вместо земли выпахивается хану от жителей. Со всех же домов чиновничьих, муллинских и армянских поповских податей не собирается»[3].

Для того чтобы завершить описание положения райятов, отметим очень важное обстоятельство, состоявшее в том, что власть наибов, даруг, беков над крестьянами была весьма значительна также и потому, [36 - 37] что они имели административно-полицейскую власть в отношении крестьян, живших в их селениях. Осуществление этой власти, несомненно, было связано с произволом.

Состав повинностей указывает также, что райяты находились в личной зависимости от беков, юзбашей и пр. Это видно хотя бы из того, что райяты вынуждены были уплачивать за получение разрешения на свадьбу. Мало того, райяты были прикреплены к месту своего жительства, они не имели права покидать своих селений. Крестьяне селения были связаны круговой ответственностью за исполнение наложенных на них повинностей. Если кто-либо убегал, то доля податей и повинностей, приходившихся на убежавшего, раскладывалась на оставшихся членов общины, которая отвечала за своевременность и полноту всех налоговых поступлений, и исполнение работ. Благодаря этому бегство райятов было затруднено, более того, если оно совершалось, принимались меры к отыскиванию беглецов и возвращению их на место. У ханов в том случае, если между ними существовали дружеские, добрососедские отношения, существовали правило и обычай, состоящие в том, чтобы задерживать и возвращать беглецов. Таким образом, положение райятов показывает, что они были закрепощены.

Тяжесть многочисленных повинностей значительно усугублялась, иногда даже удваивалась, благодаря произволу даруг, беков, наибов, а также сборщиков податей. Распаленные жадностью, они, пользуясь правом сильного, собирали с крестьян значительно более того, что было установлено обычаем или ханскими приказаниями. Это было бедствием для крестьян, не находивших нигде управы на всесильных по отношению к ним беков и сборщиков податей, среди которых немалую роль играли кедхуды, т. е. сельские старосты.

Если иметь в виду, что доходность крестьянских хозяйств при примитивной, средневековой технике и рутинных способах ведения хозяйства была вообще невелика, то понятно, что налоги ложились на крестьян тяжелым гнетом. Пожалуй, не ошибёмся, если грубо определим, что на всевозможные налоги и повинности у крестьян уходила едва ли не половина всей продукции их хозяйства.

---

[3] Там же.

ПОЛОЖЕНИЕ РАНДЖБАРОВ

Другая довольно многочисленная группа крестьян называлась ранджбарами и акерами. Ранджбар - слово персидское, им в ханствах шекинском, ширванском, ганджинском и карабахском называли крестьян, не имевших своего хозяйства. Ранджбары работали в хозяйствах ханов, беков и пр.[1] Им обычно поручали шелковичные сады или чалтычные плантации. Владельцы хозяйств снабжали ранджбаров потребным сельскохозяйственным инвентарем и семенами для посева. В этих хозяйствах они работали круглый год, на пропитание они получали от своих хозяев часть продукции того хозяйства, в котором работали. Величина этой части была установлена обычаями, но зависела также от владельца. В зависимости от характера хозяйства и местных условий ранджбары получали от $^1/_3$ до ½ урожая.

Ранджбары жили бедно, даже в нищете: доля урожая, которую они получали, не обеспечивала их, поэтому ранджбары почти всегда были в долгу у своих хозяев и практически получалось так, что по [37 - 38] сборе урожая, они благодаря долгам не получали своей части, которая шла в возмещение задолженности. На жизнь время от времени они получали от хозяев некоторое количество продуктов питания

Ранджбары не имели права покидать хозяйств, в которые они были определены. Тяжелые жизненные условия, бесправность положения приводили часто к тому, что ранджбары искали спасения в бегстве. Их ловили и возвращали на старое место. В том случае, если им удавалось убежать в другое хаиство, их иногда не возвращали старому владельцу, но отдавали новому, который оставлял их в прежнем ранджбарском же состоянии и помещал в свое хозяйство. Даже и побеги не улучшали положения ранджбаров.

Из сказанного видно, что вряд ли возможно называть ранджбаров издольщиками. они работали в чужом, а не в своем хозяйстве, и фактически получали не долю урожая, а продукты на прокормление Так как получаемое ими часто не обеспечивало прожиточного минимума, ранджбары создавали для себя малые, если можно так выразиться, собственные хозяйства, с которых они несли райятские повинности[2]. В общем их положение было близким к положению рабов. Ранджбаров, не поселенных в хозяйства, владельцы могли продавать. Помещенных же в хозяйство продавали обычно вместе с самим хозяйством.

В ранджбарское состояние обращали крестьян, выбежавших из других ханств, а также тех райятов, которые, разорившись, потеряли свой сельскохозяйственный инвентарь и имущество и не могли уже самостоятельно вести хозяйство[3]: таких обнищавших крестьян в шекинском ханстве называли «гандаверами».

Бывало и так, что беки, отбирая у своих райятов имущество, превращали их в ранджбаров[4]. Таковы пути пополнения ранджбарского слоя.

В талышинском ханстве были крестьяне, называвшиеся акерами их положение было одинаково с положением ранджбаров.

Цифровых данных о количестве ранджбаров по ханствам у нас не имеется, но известно, что в ханствах шекинском и шемахинском были целые деревни, населенные ранджбарами. Как мы уже отмечали, большая часть ранджбаров была занята или на чалтычных плантациях или в шелковичных садах.

Ранджбаров могли иметь не только ханы и беки, но и их челядинцы, называвшиеся нукерами. Сельские старосты и некоторые городские жители также имели ранджбаров. Ранджбары среди крестьянства составляли довольно значительный слой. Общее, может быть, не совсем точное впечатление таково, что они составляли около одной трети крестьянского населения шекинского, ширванского и талышинского ханств. Это был наиболее обездоленный и угнетенный слой закрепощенного крестьянства, находившийся на положении полурабов.

Картина положения сельскохозяйственного населения страны, вырисовывающаяся из этих данных, весьма безотрадна. Она говорит об «усталости сельского хозяйства, о примитивной технике, о рутинности приемов ведения хозяйства, о задавленности крестьян нуждой, о слабо развитии денежного хозяйства, о преобладании натуральных форм [38 - 39] ренты и налогов. Все это говорит о глубоком упадке,царившем в основной отрасли хозяйства ханств - в сельском хозяйстве. Этот упадок особенно усугубился к концу XVШ в., что было вызвано большими разрушениями, которые имели место в первой

---

[1] ЦАУ Азерб. ССР. Историч. арх., ф. Верховного Груз, пр-ва, св. 5, д. № 66, л. 84.
Ср. Свод материалов по изучению экономического быта государств, поселян Закавказского края, т. I, ч. 2., стр. 28. Тифлис, 1887.

[2] ЦАУ.Азерб. ССР. Истор. арх.,ф. Верх. Груз, пр-ва, св. 21, д. № 262, лл 401-402.

[3] ЦАУ Азерб, ССР. Историч. а.рх., ф. Взрх. Груз. пр-ва, св. 21, д. № 262, л.л. 150-169.
А. К. А. К. т VII, д, № 373, стр. 430. т VIII. д. №. 354, стр. 472.

[4] А. К. А. К. т VIII. д. №. 354, стр. 472.

половине века во времена Надир-шаха, а также во время междрусобий. происходивших между ханами Азербайджана во вторую половину века, и при нашествии Ага-Мухам-мед-хана Каджара.

Нетрудно видеть, что крестьяне не были заинтересованы в сохранении ханского строя. Этот строй не мог обеспечить стране безопасность от внешнего врага. Междуусобные войны ханов несли с собой не меньше несчастий и разорения, нежели нашествия иноземных завоевателей. Эти междуусобные расприи длились десятилетиями.

Тяжесть налогов и повинностей низводила крестьянское хозяйство до жалкого состояния. Беспрзаде крестьян, отсутствие элементарных прав защиты личности и имущества, произвол ханско-бекской администрации ухудшали положение крестьян. Все это приводило к тому, что крестьяне были забиты, они относились недоброжелательно, к власти ханов, они боялись ее и из страха подчинялись ей.

КОЧЕВОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Среди населения ширванского и карабахского ханств едва ли не половина занималась скотоводством и в связи с этим вела кочевой образ жизни. В других ханствах кочевники составляли значительные части населения, примерно, до $^1/_4$ или $^1/_3$. Лето они проводили в горах на яйлагах, т. е. летних пастбищах, осенью спускались с гор в степь. Здесь они проводили зиму, скот пользовался подножные кормом; зимние пастбища назывались кышлагами. т. е. зимовниками.

Как мы уже отмечали выше, все земли, в том числе и пастбищные, принадлежали ханам, бекам, меликам. Яйлаги и кышлаги часто назывались по именам их владельцев. Рядовые кочевники обязаны были в пользу владетелей пастбищ отработочными, натуральными и денежными повинностями.

Вследствие того, что владетели пастбищ в большинстве являлись главами племен и родов, отношения эксплоатации носили патриархальный характер, это было сочетание элементов феодальных и патриархальных.

Повинности рядовых кочевников, называвшихся эль, благодаря патриархальности отношений и почти полному отсутствию документации определить еще труднее, нежели повинности оседлого населения. Они состояли в том, что эляты пасли бекские стада, поставляли бекам топливо, стригли овец и баранов, приносили различные подарки. Подарки овцами, шерстью, маслом, сыром и пр. занимали едва ли не первое место среди повинностей элятов.

Большая часть натуральных повинностей исполнялась в форме подарков. Эти «подарки» приносились бекам и старшинам («аксакалам» - по-азербайджански буквально белобородым) по случаю рождения ребенка в семье бека или аксакала, по случаю свадьбы, смерти, праздника и пр.

Размеры этих повинностей были определены обычаями и, вероятно, в различных племенах и местностях величина и содержание их были разнообразны, они нам неизвестны. Кроме них существовали еще и другие натуральные поборы, о размерах которых в документах сохранились кое-какие сведения. Так, например, за, пастьбу скота с каждой [39 - 40] сотни голов эляты должны были давать владетелю пастбища одну или две дойных овцы, что называлось чоп-баши. Хану или беку с яйлага давался один баран на шашлык. В пользу приближенных хана или бека тоже дарили барана. Сборщику податей, называвшемуся саркаром (слово персидское, буквально значит «глава дела»), с каждого ятага давали одного барана, что называлось саркарлук (саркарское). Саркару же за сбор податей с сотни мелкого рогатого скота давалось 50 коп. деньгами, это называлось «куллук», т. е. заслуженное.

Здесь же отметим, что кочевники Ширвана и Карабаха не были какими-то чистыми номадами, документы указывают на то, что они наряду с кочевым хозяйством вели и хозяйство земледельческое. Это видно хотя бы из того, что жители кышлагов в Карабахе обязаны были такими повинностями как сальяне, отаг-харджи, кырх-хана-хаджи, ат-арпаси. Если вторая и третья повинности вносились маслом, сыром, баранами, то сальяне и ат-арпаси должно было вносить натурой, т. е. пшеницей и ячменем.

Очевидно, некоторая часть элятов летом оставалась на низменности и занималась сельским хозяйством. Среди остававшихся летом в низменности, беднейшие эляты, не имевшие такого количества скота, которое было бы достаточным для того, чтобы обеспечить семью пропитанием, вероятно, занимали первое место. На каких условиях вели эти бедняки земледельческие хозяйства, в своих или чужих хозяйствах они работали - об этом у нас сведений нет.

Но не только в Ширване и Карабахе были кочевники, немало их было в ханствах нахичеванском[1], шекинском, ганджинском, кубинском и др. В общем надо сказать, что кочевое хозяйство, хотя и не занимало первого места в экономике тогдашнего Азербайджана, но, вне всякого сомнения, играло в ту пору огромную роль: большие массы населения жили в условиях этого хозяйства. Роль этих кочевых хозяйств была так велика, что без характеристики этого вида хозяйства невозможно дать правильное понимание экономики Азербайджана того столетия.

Кочевое хозяйство еще более усугубляло отсталость экономики Азербайджана. Оно было весьма отсталым: в течение тысячелетий в нем не произошло сколько-нибудь существенных изменений.

Кочевники во все времена были бедствием для оседлого населения. Переходя на яйлаги или спускаясь с них, они уничтожали посевы и сады, находившиеся на их пути, грабили селения. Из среды кочевого населения в гораздо большей степени, чем из оседлого, выходили шайки разбойников и грабителей, которые своими налетами создавали у оседлого населения страх и неуверенность в завтрашнем дне, что конечно, опять-таки неблагоприятно отражалось на положении страны.

Существовало мнение о том, что большое место, занимаемое кочевым хозяйством в Азербайджане, обусловлено природными условиями степей и низменностей. Указывалось на то, что эти степи, в том числе Мильская и Муганская, вследствие безводья в летнее время совершенно непригодны

---

[1] И. Шопен - Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПБ, 1852.

для жизни. В них нельзя было заниматься земледелием потому, что с наступлением летней жары солнце выжигало растительность степей, и они становились мертвыми. Ни люди, ни животные не могли оставаться там. В то же время года близлежащие горы имели здоровый климат и превосходные пастбища. [40 - 41]

В зимнее время, когда в горах становилось очень холодно, луга покрывались снегами и условия жизнь в горах становились очень трудными, - в степях было тепло, перепадали дожди, росла трава.

Было мнение о том, что эти природные условия привели к утверждению и распространению кочевого хозяйства, которое испокон веков существовало в Азербайджане. Однако, несмотря на кажущуюся убедительность, этот взгляд неправилен.

Большое место кочевой формы скотоводства обусловлено не столько природными, сколько историческими условиями. Ряд исторических источников неопровержимо говорит о том, что в V-VII веках вплоть до X в. Муганская и Мильская степи имели густое оседлое население. Эти степи были перерезаны многочисленными арыками, они орошались, здесь были огромные, богатейшие сады и плодороднейшие нивы.

Арабский географ X в. Ал-Факих упоминал о том, что в Арране 4000 селений[1], его современник Ибн-Хаукаль писал: «Если тот, кто там (на берегах Аракса-В. Л.) утвердился, исследует его и пройдет по берегам от города Варсана, поднимаясь вверх и спускаясь вниз, то увидит на нем следы уже разрушившихся и провалившихся городов, частью развалившихся»[2]. Якут Хамави, географ XIII в., описывавший страну после монгольского нашествия, отмечал: «говорят, что в Арране. вдоль Арраса, была раньше тысяча городов»[3].

О том, что область Барды была прекрасным садом, полным всяких богатств, писал Низами в поэме «Искендер-наме», в главе, где описывается бардинская область. Низами отмечал также, что в его время она находилась в состоянии упадка.

Можно было бы привести немало письменных свидетельств того, что Мильская и Муганская степи были областями высокой земледельческой культуры, но мы не можем специально останавливаться на этом вопросе. Отметим лишь, что сведения письменных источников подтверждаются археологическими данными и народными преданиями. Совокупность указанных материалов наводит на мысль о том, что под влиянием ряда исторических событий и прежде всего иноземных завоеваний, а именно завоеваний арабов, сельджуков, монголов, в этих местностях было совершенно уничтожено интенсивное земледельческое хозяйство и утвердилось экстенсивное, скотоводческое кочевое хозяйство[4].

Исторические события последующих XVI-XVII вв., войны Ирана и Турции за господство в Азербайджане не позволили восстановить земледелие в Мильской и Муганской степях. Насилия и разорения, имевшие место на протяжении длительного периода, не только задерживали экономическое развитие страны, но в ряде случаев отбросили ее назад. Азербайджан XVIII столетия получил тяжелое историческое наследие. Большое место кочевого скотоводческого хозяйства в ханствах Азербайджана XVIII в. есть в значительной степени результат того упадка культуры в стране, который причинили ей на протяжении веков различные иноземные завоеватели, стоявшие на более низкой ступени развития, нежели местное население. [41 - 42] Это тяжелое наследие в виде экстенсивных форм кочевого скотоводческого хозяйства не могло быть и не было преодолено в ХУШ столетии.

[1] Ал-Факих-ал-хамадани - Книга о странах. Перев. Караулова. Сб. мат. для опис. местн. и плем. Кавказа. Тифлис, 1902, в. XXXI, стр. 23.
[2] Ибн Хаукаль - Книга путей и царств. Перев. Караулова. Сб. мат. для опис. местн. и плем. Кавказа. Тифлис, 1908, в. XXXVIII, стр. 95-96.
[3] Якут-Хамави - Географический словарь (перев. П. К. Жузе). Научн. арх. Ин-та истории им. А. Бакиханова АН Азерб. ССР, № 501, 778, стр. 72. (Ср. его же I, 19-22, стр. 15).
[4] М. Кучаев - Путы земледельчества в Закавказье, стр. 199, 218 („Русский Вестник", 1892 г., декабрь).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЛАСТИ ХАНОВ

Классики марксизма неоднократно отмечали, что при феодальном способе производства эксплоататоры для выжимания прибавочного продукта применяли внеэкономическое принуждение.

Феодалам-крепостникам необходима была челядь, пользуясь которой они производили свои бесчисленные поборы.

В ханствах Азербайджана помимо дворовых слуг хана, так называемых нукеров, существовала довольно многочисленна прослойка населения, использовавшаяся ханами и беками в, виде силы, которая обеспечивала их господство над закрепощенным крестьянством. Из этого же слоя составлялись вооруженные отрады ханов.

Эта прослойка населения пользовалась особыми привилегиями и носила название маафов. В широком смысле название мааф означает - освобожденный от податей и повинностей. Маафы составляли весьма многочисленный слой, слагавшейся преимущества из воинов земского ополчения, освобожденных от всякой ренты, но обязанных хану или сильнейшим бекам военной службой.

Маафское звание давалось ханом или за особые заслуги перед ним или по ходатайству беков, вступивших в брак с крестьянками. Иногда это звание ханы продавали. Обычно, звание маафа было наследственным, но нередко только пожизненным.

Маафы были ханской полицией, жандармерией, войском. Ханы для обеспечения верности и боеспособности маафов жаловали их земельными участками. По ханским талике маафы получали от деревень ранджбаров. Ханы дарили маафам лошадей и вооружение, а некоторым даже деревни, мельницы, канавы, сады.

Обеспечивая маафов, создавая им условия сытой и праздной жизни, ханы обязывали их являться по яервому требованию вооруженными. Маафы должны были беспрекословно выполнять все поручения ханов. Ханы давали маафам привилегии и обеспеченность за счет трудового населения с той целью, чтобы привязать их к своим интересам, поставить их благополучие в зависимость от своего благополучия, сделать их надежным орудием своего господства.

К этому же слою маафов по своему общественному положению относилась также и вся мелкая ханская и бекская администрация, а именно: юзбаши и десятские, бывшие начальниками небольших отрядов маафов, так называемые кетхуды, сельские старшины, мирабы - водная администрация, откупщики и их агенты и прочие слуги ханов и крупных беков. Маафством пользовались также муллы, ахунды, сеиды и проч.[1] лица духовного сословия. Но эти последние исполняли другие гнойственные их званию функции.

В одном из документов начала XIX века общественное положение маафов ширванской провинции характеризуется следующим образом:

«Маафы суть те, кои еще при ханском правлении избавлены от всяких податей и повинностей. Право на маафство приобреталось при ханах или за особенные заслуги, или по ходатайству беков, вступивших [42-43] в рабство с простолюдинами, которых они старались вывести из аортного состояния, или покупалось у самого хана за достаточные подарки.

Маафы - нукеры составляли отличное войско хана, которые не только не платили никаких податей и не несли повинностей, но еще получали от хана подарки лощадьми, оружием и другими вещами. Они также упртреблялись ханом для разных посылок, поручений и в роде экзекуции, если требовалось от противящегося настоятельное взыскание»[2].

Маафы были тесно связаны с классовыми интересами держащих власть, господствующих ханов и беков, кроме того, они в значительной степени были связаны с ними узами родства, впрочем, обычно, отдаленного.

Хотя многие из маафов, например, воины, десятские, старшины селений, и занимались сельским хозяйством, но весьма значительную долю потребляемого ими продукта они получали от народа; все они принадлежали к классу эксплоатирующему. Нужно сказать, что эти тунеядцы обременяли и изнуряли трудовой народ насилиями и поборами едва ли не больше, нежели беки и ханы. Каждый из них был начальником, был привилегированным, каждый был господином над крестьянами и драл с них шкуру.

В принадлежности маафов к господствующему, эксплоататорскому классу сомнений быть не может. Ради дополнительного документального подтверждения высказанного положения приведем довольно яркую характеристику социальной роли маафов, данную в упоминавшееся выше документе:

---

[1] А. К. А. К. , т. VII, д. № 372, стр. 426, 430; т. VIII, д. № 39 стр. 63; т. VIII, д. № 50, стр. 74; т. VIII, д. № 354, стр. 470, 472, 473, 475, т. IX, ж. № 217, стр. 195, 196, 197.

[2] А. К. А. К. , т. VIII, д. № 354. стр. 474.
Ср. т. VII, д. № 372, стр. 426.

«Маафы суть люди простого состояния, но освобожденные прежними вадельцами от податей и прочих повинностей крестьянина.

Обязанность их состояла в исполнении ханских поручений вроде наших жандармов или десятских; в случаях формирования войск, они первые должны явиться в ряды службы, на всем своем иждивении», и далее:

«Маафы и юзбаши, по данным от хана талагам, имеют речбаров и пользуются особыми участками земли, пожалованными от владельцев, полученными по наследству или приобретенными покупкой. Маафы, быв употребляемы в рассылки для сбора податей и прочих надобностей к бекам или в селения и кочевья, получают от них куллухи, т. е. плату за труды, по произволу дающих оную»[1].

Хотя у нас и не имеется данных о численности маафов в XVIII веке, но то обстоятельство, что маафские привилегии переходили большей частью наследственно, а также и то, что в 20-х годах XIX века порядки, существовавшие при ханах, были почти вовсе не тронуты, позволяют нам воспользоваться данными переписи, произведенной российской администрацией в 1824 году. Перепись производилась в целях тщательного установления доходов, существовавших в ханствах.

Согласно данным этой переписи в шекинской провинции, как она тогда называлась, маафов было: мужчин - 1.809, женщин – 1.582.

В этой же переписи указано: «Никому не платящих, но подлежащих обложению» мужчин – 1.530 чел. Женщин – 1.346 чел[2].

Царская администрация, старательно выискивавшая. рб'екты обложения, прилагавшая усилия к увеличению поступлений с присоединенных к России областей, занесла в указанную, выше графу всех, кто при [43 - 44] ханском правлении, будучи так или иначе связан с господствующим классом, был освобожден от податей и повинностей, а при российской администрации не смог доказать своих прав на маафство.

Таким образом, в шекинской провинции в начале 20-х годов XIX века общее число маафов с их семьями составляло, примерно, около 6.250 человек, что по отношению к платящему подати и отбывающему повинности населению провинции составляло более 7%.

Вероятно, что, примерно, подобное же соотношение количества податного населения и маафов было и во времена ханского правления.

Беки составляли высшее привилегированное сословие ханства. В это сословие входили сами ханы, их дети и потомки, ханские родственники, султаны и их потомки, потомки родовых меликов и беков, а также мелики и беки, пожалованные в это достоинство ханами.

Кабалинские и арешские султаны, бывшие до 80-х годов полунезависимыми феодальными владетелями названных магалов, и их прямые наследники были знатнейшими, богатейшими и политически наиболее влиятельными среди беков шекинского ханства.

После того, как Мухаммед-хасан-хан в 80-х годах XVIII в. уничтожил их политическую полунезависимость, они все же продолжали оставаться богатыми и знатными.

Участвуя в ханском диване, султаны занимали первые места. То же следует сказать и о медиках Карабаха.

В управлении по наследству принадлежавшими им магалами (в которое они вступали после ханского утверждения) они пользовались большим иммунитетом. Все беки магалов, принадлежавших султанам и меликам, были непосредственно подчинены им[3].

Султаны и мелики определяли размеры податей и повинностей, кои были обязаны нести крестьяне, жившие в их магалах. Султаны не отдавали ханам отчета в собранных ими с магала натуральных и денежных поборах.

Султаны и мелики имели почти полную судебную и административную власть над трудовым населением принадлежавших им магалов. Лишь о главнейших, вероятно, политического характера преступлениях султаны и мелики доводили до сведения хана и принимали по согласованию с ним решение о наказании, которое в подобных случаях большей частью состояло в смертной казни[4].

Следует отметить, что не все мелики были столь значительны, как мелики Карабаха. К концу XVIII в. большинство меликов шекинского ханства были некрупными помещиками, лишь некоторые из них имели по несколько селений. Они находились под началом магальных беков. Служба меликов по магалу состояла в раскладке податей и повинностей, в принуждении крестьян к скорейшему выполнению их. В собраниях знати шекинского ханства мелики занимали место после беков.

---

[1] А. К. А. К. , т. VII, д. № 354, стр. 470.
[2] А. К. А. К. т. VI, ч. 1, д. № 1157, стр. 781; т. IX, д. 519, стр. 603.
[3] А. Бакиханов - Сведения о наименованиях и титулах различным должностным лицам во времена ханского управления мусульманскими провинциями.
С. Эсадзе - Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, стр. 610-616. Тифлис, 1907.
[4] А. К. А. К. , т. VIII, д. № 354, стр. 469. А. К. А. К. , т. VII, д. № 373, стр. 430.

Как было уже сказано, сословие ханов, султанов, беков и меликов. а также и вышедшего из их рядов крупного духовенства, являлось собственником всех земель. Так как ханы, султаны, беки и мелики различались между собой только по степени бекского достоинства, по богатству и силе, но принадлежали к одному и тому же классу феодальных владельцев, противостоящему крестьянству, то в дальнейшем все [44 - 45] эти степени бекства для удобства изложения будем об'единять под именем беков.

Из беков более знатными были те, которые имели большое богатство и получили это звание от иранских шахов; менее знатными и богатыми были лица из податного сословия и маафов, получившие бекство от ханов за особые заслуги. Иногда звание беков получали те из подданных, которые, благодаря разбоям или чему иному, были страшны для ханов. Например, в шекинском ханстве, таким образом, достигли бекского положения некоторые беки бумского магала[1].

Все, принадлежавшие к бекскому сословию, были свободны от личных податей и земских повинностей.

Беки покупали и продавали сады, мельницы, вели земледельческое хозяйство, торговлю и промысла, не уплачивая ни податей, ни пошлин.

В документах начала XIX в. права беков, существовавшие во времена ханского правления, определены следующим образом:

«Беки занимали всегда высшие должности в ханстве и при дворе хана и получали за свои труды или жалование из казны ханской, или предоставленные доходы от порученных им частей управления, или наконец, хан давал им в пожизненное владение деревни. Они равно, как и другие свободные сословия могли приобретать земли и в свободное время заниматься без всякого платежа хану торговлей, земледелием и другими промыслами.

Обязанность беков главнейше состояла в том, что они должны были быть всегда готовы на всякую службу хану, на собственном иждивении»[2].

И далее:

«Гражданские права беков были потомственные, исключая из'ятия от подати и повинности, каковое право терялось по мере отдаленности потомства от последнего бека, а из политических, одно только звание бека, по праву рождения было потомственно и простиралось до известной степени родства»[3].

Обладая богатствами и вооруженной силой, состоявшей из многочисленных нукеров, беки заставляли крестьян отбывать им различного рода повинности. Обычно беки, владевшие и управлявшие целыми магалами, имели иммунитеты, выражавшиеся в том, что в их магалах рента, предназначенная хану, собиралась не ханскими сборщиками, а слугами самих магальных беков[4].

Беки многих ханств имели значительные собственные хозяйства, т. е. то, что называют барской запашкой.

В этих хозяйствах работали, главным образом, ранджбары. Собственно бекские хозяйства состояли, в основном, из посевов пшеницы, чалтыка и шелковичных садов. В бекских хозяйствах работали также райяты, они обрабатывали бекские земли аваризом или мирской сходкой.

Магальные беки получали от крестьянских общин, находившихся в их владении, пастухов, конюхов и прислугу, выделявшихся крестьянской общиной из своих членов. Кроме того, беки имели в качестве домашней прислуги рабов, коих всегда можно было купить. Покупной [45 - 46] мужчина назывался «кул», а женщина - «караваш». В рабов обращали военнопленных или специально для того похищенных людей, не принадлежащих к основным народностям, населявшим ханства[5].

Беки имели административно-полицейскую власть над крестьянским населением, жившим на их землях. Собственно, лучше сказать, что они осуществляли грубый произвол. Зависимость крестьян от бека увеличивалась вместе со знатностью, богатством и политическим значением бека.

Крестьяне были прикреплены к землям, принадлежавшим меликам, бекам и ханам, а также и духовенству как мусульманскому, так и армяно-грегорианскому. В этом отношении чрезвычайно интересен рапорт князя Мадатова генерал-майору Кутузову от 5-го сентября 1817 года, написанным им в об'яснение того, на каком основании им был произведен вывод некоторого количества семейств армян из шекинского ханства в Карабах. Князь Мадатов писал: «Я сделал таковое переселение не 240 семейств, а 187, по праву, какое и всякий из помещиков имеет располагать собственностью по своему произволу ……в здешних местах есть введение между владельцами ханств и деревень, что, если у кого

---

[1] А. К. А. К. , т. VII, д. № 373, стр. 430.
[2] Там же.
[3] А. К. А. К. , т. VIII, д. № 358, стр. 483, 484; ср. д. № 50, стр. 74.
[4] А. К. А. К. , т. VI, ч. 1, д. № 1142, стр. 768.
[5] ЦАУ. Азерб. ССР, Историческ. Арх., ф. Верх. Груз, прав., св. 29. д. № 310, лл.. 88, 108.
А. К. А. К. , т. VII, д. № 373, стр. 430; т. VIII, д. № 354, стр. 473.

окажутся беглые проживающие семейства, принадлежащие другому господину, отдают взаимно с добровольного согласия; следовательно, и я поступил, сообразно с правами и обычаями здешнего края, как урожденный Карабагский»[1]. Этот документ прямо говорит о прикреплении крестьян.

Многочисленные сообщения о том, что ханы во время феодальных междоусобий выводили крестьян из соседних ханств, подтверждают сказанное Мадатовым; да иначе и быть не могло, так как только заселенная земля могла приносить ренту, а поэтому существеннейший интерес беков и ханов состоял в удержании крестьян на своих землях, т. е. в прикреплении их к земле[2].

Беки составляли ядро господствующего класса. Если ханы, обычно, довольно легко могли расправиться с отдельными представителями этого класса, то вызывать недовольство целой группы бекских семейств и для ханов было рискованно, так как это могло привести, а иногда и приводило, к потере власти.

О политической влиятельности беков в журнале Совета Главноуправляющего на Кавказе имеются следующие строки: «Беки горных магалов, прилегающих к ущельям главного хребта Кавказа, в ханствах Шекинском, Ширванском и Кубинском, с трудом покорившиеся ханской власти и часто оную непризнававшие, находились в отношении управляемых ими деревень в меньшей против других зависимости, так что ханы, довольствуясь из'явлением ими покорности, поступали с ними с большой осмотрительностью и остерегались нарушать их права, освященные давностью»[3].

Еще одно свидетельство о политической зависимости ханов от беков. В записке о правах беков, агаларов и пр. в разделе о шекинской провинции сказано: «Ханы употребляли их (т. е. беков–В. Л.) для своих выгод и удержания власти за собой и потому часто действия их были самопроизвольные, чему поводом были сами ханы, из опасения, [46 - 47] дабы они они не отклонились От их власти не делали бы возмущений. Содержание имели беки на счет жителей, чем приводили их в совершенную нищету»[4].

В приведенной отрывке Ярко раскрывается классовый характер ханской власти. Ханская власть была аппаратом, обслуживавшим интересы беков, меликов и духовенства. Ханы были прежде всего крупнейшими землевладельцами и сильнейшими из беков.

Очень ценные наблюдения о зависимости ханов от беков сделаны одним из путешественников конца XVIII в., Биберштейном. Хорошо ознакомившись с положением дел в Ширване, Биберштейн писал: «Несмотря на обычай говорить о восточном деспотизме... мелкие властители этой страны (речь идет о Дагестане-В. Л.) не имеют совершенно абсолютной власти. Ширванские ханы имеют, правда, больше авторитета над своими подданными, но они должны остерегаться делать и предпринимать что-нибудь важное без согласия своего совета или дивана, состоящего из главной знати или беков и тех, которые приобрели себе воинственную репутацию. Этот диван консультирует в делах юстиции, особенно в уголовных случаях, и, если случится, что хан осуждает и наказывает как неограниченный господин, то это не обходится без боязни злопамятства, которое может быть для него пагубным, если он посмеет предаться подобным проявлениям власти, которые обычай не одобряет»[5].

В приведенных строках дана об'ективная и вполне правильная оценка общего характера власти ханов. Автор отмечает, что традиционные представления о безграничном характере восточного деспотизма, о полном произволе ханов в управлении страной не соответствуют действительному положению вещей: ханы связаны в своих действиях интересами бекского слоя; большое место в ходе дел имел обычай. Впрочем, следует отметить и другую сторону дела - зависимость беков от ханов. Ханы обычно имели силу достаточную для того, чтобы лишить имущества и значения ту или иную бекскую семью.

Для того, чтобы не дать усилиться той или иной бекской фамилии, ханы утверждали в управлении имениями не старшего из наследников, а передавали их или младшему наследнику или даже в какую-либо боковую линию. Рассматривая вопрос о взаимоотношениях ханов и беков, д. с. с. Смитен, пользуясь архивными делами наместника кавказского, пришел к такому выводу. «Переход управления какого-либо племени от отца к сыну никогда не совершался иначе как с утверждения властелина, который нередко для умаления наследственной власти передавал управление не ближайшему по прямой линии колену, а другому родственнику или совершенно постороннему лицу, от чего неминуемо должны были возникнуть раздоры между обществом и сии раздоры, уменьшая власть и могущество его, увеличивали влияние высшего властелина страны»[6].

---

[1] А. К. А. К. , т. VI. ч. I, д. № 1081, стр. 726.
[2] А. К. А. К. , т. VI, ч. I, д. № 1099, стр. 740.
Ср. Письмо Ибрагим-хана к Цицианову, сентябрь, 1805. А. К. А. К. , т. II, д. № 1475, стр. 720.
[3] А. К. А. К. , т. IX. д. № 218, стр. 201.
[4] А. К. А. К. , т. VIII, д. № 354, стр. 469.
[5] Биберштейн - Описание провинций, расположенных на левом берегу Каспийского моря, между реками Терек и Кура. Перевод С. Саламовой (Научн. арх. Ин-та истории им. А. Бакиханова АН Азерб. ССР, инв. № 466, гл. 4, § 8).
[6] ЦАУ. Азерб. ССР, Истор. Арх., фонд № 1, ед. хран. 189.

В общем, нужно сказать, что не во всех ханствах беки были одинаково влиятельны. Если, например, в шекинском ханстве беки были весьма сильны, то в ганджинском и бакинском ханствах они были намного слабее: в ганджинском ханстве беки не были даже освобождены от натуральных и денежных повинностей в пользу хана. В бакинском ханстве [47 - 48] многие из прежних беков, утеряв управление имениями, обеднели и слились с простым народом[1].

Будучи правителями, ханы вместе с тем были крупнейшими землевладельцами. Многие из них управляли ханствами просто, как большими имениями. Основные интересы ханов, этих крупнейших феодальных господ, заключались в охране своего положения, т. е. власти и богатства, как от врагов внутренних, так и внешних, и в увеличении земель, а вместе с ними населения ханств для приумножения ренты. Этими классовыми интересами определялась внутренняя и внешняя политика ханов. В этих целях ханы должны были обеспечивать нужды беков, медиков и духовенства, уважать их и держать доброе согласие с ними. В этих целях ханы имели большое количество привязанных к ним привилегиями маафов, юзбашей и всяких чиновников, в этих же целях заключали браки, вступали в союзы, вели войны.

В административном отношении ханства делились на магалы. Например, шекинское ханство в конце ХУШ века было разделено на восемь магалов: шекинский, хачмасский, кабалинский, алпаутский, падарский, агдашский, арешский и бумский.

В основе деления шекинского ханства, так же как других ханств, на магалы лежали исторически сложившиеся условия производственной деятельности народа, обусловившие наследованное XVIII веком политическое деление. Границы магалов обычно совпадали с бассейном речек и связанных с ними оросительных канав. Каждое значительное ущелье было особым магалом, границами его были вершины гор, образующих ущелье.

Управление магалами ханы вверяли так называемым магальным бекам, т. е. крупнейшим и сильнейшим бекам магалов; часто они бывали потомками прежних вассальных владетелей, пользовавшихся значительным иммунитетом. Должность «легального бека была наследственной, однако, при всяком переходе должности новое лицо должно было получить и обычно получало ханское утверждение.

Административная деятельность магальных беков заключалась в распределении между населенными местами магала повинностей, определенных ханом для всего магала, в принуждении податного населения к внесению податей, в наказании неповинующихся и уклоняющихся от несения повинностей, в преследовании и уничтожении всяких политических преступников, которых в ту пору называли разбойниками, в суде и возложении наказаний за кражи, в назначении, смещении и общем руководстве низшей администрацией магала, в сборе вооруженной силы магала и командовании ею во время походов, войн, и в том случае, если магал был пограничным - в постоянной охране границ.

Отметим, что в населенных местах магала, принадлежавших бекам, значительная часть перечисленных функций выполнялась непосредственно бекам. Мелкие же беки обычно замещали места низшей администрации, места юзбашей и деревенских старост - кетхуд.

Ханы для выполнения их распоряжений по части фиска, а также по части полицейской и военной имели приближенных советников и разных должностных лиц и нукеров[2].

Высшие сановники составляли диван, т. е. совет хана, а остальные являлись орудиями исполнения решений хана и его дивана. Нам известны некоторые из наименований важнейших должностных лиц, находившихся при текинском хане. Ханской казной управлял казначей, называвшийся «хазна-атаси». Действия казначея, поступление доходов и расходы контролировались сановником, называвшимся «сандухтар-агаси». Сановник, управлявший ханским хозяйством и имевший в своем распоряжении много должностных лиц, наблюдавших за работами в собственных ханских хозяйствах и собиравших подати, назывался попросту «мирза». Приемом продуктов, поступавших в качестве натуральных повинностей, а также и из ханских хозяйств, их хранением и расходом ведал сановник, называвшийся «амбардар-агаси». Судебный пристав города Нухи назывался «мухасиль».

Все эти ханские чиновные лица, в зависимости от своих должностей и назначения, получали от ханов пожалования или в виде населенных мест, или в виде предоставления права собирать с крестьян, ремесленников и купцов различного рода денежные и натуральные повинности и всевозможные пошлины, которыми была обложена торговля и промыслы, или, наконец, просто семьями ранджбаров. Кроме того, в отношении некоторых из этих ханских чиновных лиц крестьянство было обязано повинностью даругалык, о чем уже сообщалось выше.

В качестве примера, иллюстрирующего кормление ханских чиновников, приведем выдержку из рапорта полковника Миклашевского, сообщавшего главноуправляющему Закавказьем гр. Паскевичу о

---

[1] Там же. лл. 8-74.
[2] А. К. К. т. VI, ч.1. д. № 1131, стр. 761.

власти магальных беков и даруг следующее: «хан призывал магалъного наиба, приказывал ему собрать 500, 1000 или более червонцев; магальный наиб удвоивал требование хана: одну половину собранных денег оставлял у себя, другую представлял своему владыке, который за точное исполнение поручения давал ему еще некоторую часть из представленные денег»[1].

Это сообщение отражает действительное положение вещей: сильный и страшный для крестьян, ремесленников и купцов ханский чиновник брал с них столько, сколько ему удавалось собрать.

В заключение еще раз отметим характерную сторону той государственности, которая существовала в ханствах Азербайджана. Это была феодальная власть, не различавшая и отождествлявшая государственное и лично ханское имущество. Распорядки, существовавшие в ханствах, показывают, что управление ими устроено было и рассматривалось как управление вотчинными владениями ханов. Основанием этому служили не только небольшие размеры ханств, сколько то, что ханы были крупнейшими землевладельцами, а собственное ханское хозяйство было самым крупным по сравнению с хозяйствами султанов, меликов и беков. Обычно, ханы владели оросительными канавами, имели большие посевы зерновых, в том числе и чалтычные плантации, им принадлежали шелковичные сады и обширные летние и зимние пастбища.

Все это накладывало определенный отпечаток на государственность ханств. Внутренняя и внешняя политика ханов обусловливалась, прежде всего, непосредственными интересами крупного феодального землевладения.

Более сложным было управление кубинско-дербентским ханством во времена Фатали-хана (1758—1789); там, по нашему мнению, яснее проходило различие между имуществом, принадлежавшим ханскому дому, и государственным. Однако и здесь, несмотря на более развитую, чем в других ханствах систему управления, не было создано нового, цельного государственного аппарата. Фатали-хан уничтожил власть дербентских ханов, но он почти до самого конца своего правления не решался окончательно вырвать корни власти прежних шемахинских ханов, [49 - 50] и поручал им управление Ширваном. Не уничтожил он власти и бакинских ханов. Государство, созданное Фатали-ханом, представляло собой, по существу, совокупность вассальных владений ему подчиненных, но сохранявших в значительной мере прежнюю вотчинную систему управления. О государственном устройстве кубинско-дербентского ханства не выявлено еще достаточного количества материалов, позволяющих сколько-нибудь полно осветить этот вопрос.

Для характеристики социальной структуры населения ханств Азербайджана приведем данные по кубинскому и бакинскому ханствам. Нужно отметить, что эти статистические данные составлены в 1810[2] г. О более раннем времени цифровыми данными мы не располагаем. Общая картина социальной структуры целого ханства не могла сколько-нибудь существенно измениться в результате политических событий первых годов X1X в., связанных с присоединением ханств к России, поэтому мы можем использовать эти сведения для того, чтобы получить общее представление о соотношении различных групп населения в ханствах в конце XVIII столетия. Поскольку имеющиеся сведения позволяют показать каждый из магалов кубинского ханства в отдельности, приведем их по магалам. Транскрипцию наименования магалов берем из документов, не исправляя ее.

Прежде чем привести эти данные, отметим, что группой неллатящих подати в документе обозначены беки, муллы, сеиды, есаулы, юзбаши, нукеры, кетхуды, а в группу платящих подати входили все остальные. Магалы в использованном документе названы волостями. Приводим сводные данные в составленной нами таблице:

Наименование волости	Всего дворов	Неплатежных податей										Платяж подати	%% неплат. Податей
		бекских	ахундов	сеидов	мулл	армянск.дух овен.	юзбаши	есаулов	кетхуд	нукеров	Всего неплатеж.по датей		
Бармакская	540	23	6	17	12	-	7	-	10	83	158	382	ок.29
Шабранская	732	20	10	11	16	-	5	17	11	202	292	440	ок.40
Шишпаринская	640	5	22	11	12	2	3	7	12	147	221	419	ок.35,5.
Мишкурская	275	10	-	-	8	-	4	3	12	54	91	185	ок.33

[1] А. К. А. К. , т. VII, д. 412, стр. 462.
[2] Москва, ЦВИА, фонд ВУА, д. № 18495, лл. 26-31. об.

Типская	630	12	9	4	18	-	-	18	22	156	239	391	ок.38
Ханалугская	640	1	5	-	6	-	5	-	-	19	36	604	ок.6
Будулугская	523	4	4	30	8	-	-	2	5	32	85	438	ок.16
Юхарабашинская	638	1	6	-	10	-	15	-	-	7	39	599	ок.6
Сыртская	484	1	-	-	15	-	-	1	20	10	47	437	ок.10,5
Анах-дере	161	-	1	-	7	-	-	-	8	10	26	135	ок.16
Итого по кубинской провинции	5264	77	63	73	112	2	39	48	100	720	1234	4030	ок..23

Вряд ли возможно подвергать сомнениям приведенные цифры: если российская администрация стремилась увеличить количество податных домов, записывая в числе их и тех, которые при ханах были освобождены от податей, то население, стремясь уйти от налогов, часто показывало [50 - 51] не платившими тех, кто ранее платил; возможно, что эти тенденции уравновешивали одна другую; во всяком случае, у нас в настоящее время нет других данных, которыми возможно было бы воспользоваться для внесения коррективов. Поэтому мы пока принимаем эти данные в целом. О чем они говорят?

Прежде всего, отметим некоторую неравномерность в количестве беков, мулл и, в особенности, сеидов и нукеров по отдельным магалам. Это об'ясняется рядом исторических причин и условий. Укажем на некоторые из них. Отсутствие сеидов в магалах мишкурском, ханалугском. юхарыбашинском, сыртском и анах-дере об'ясняется тем, что основная масса населения этих магалов состояла из суннитов, которые не платили в пользу сеидов хумс ($^1/_5$ от всех доходов). Зато в магалах будулугском, бармакском было много сеидов, что служит верным указанием на то, что здесь основная масса населения была шиитской.

В магалах шабранском, шишпаринском и типском - большое количество нукеров: в первом более 27%, во втором около 23%, а в третьем около 25% общего количества дворов. Известно, что в шабранском магале были целые селения маафов, например, Хачмас. Освобожденные от податей, они обязаны были военной службой хану. В используемом документе эти маафы, очевидно, показаны в качестве нукеров. Магалы шабранский, шишпаринский, типский давали ядро ханского ополчения - были основными поставщиками воинов. В магалах юхарыбашинском, ханалугском, сыртском и анах-дере очень незначительное количество беков об'ясняется, возможно, тем, что селения этих магалов принадлежали ханам, а также и тем, что в северных частях кубинского ханства, в горах, были сильны еще начала родового строя. Как бы то ни было, приведенные данные показывают большую пестроту отношений, характерную для феодализма.

Обратим внимание также на большой процент неплательщиков податей. Эта группа в основном состояла из лиц, не занимавшихся производительным трудом - беков, мулл, сеидов, ахундов, юзбашей, есаулов и значительной части нукеров. По магалам бармакскому, шабранскому, шишпаринскому, мишкурскому, типскому этот слой составлял от 29 до 38% всего количества домов, а в среднем по кубинскому ханству около 23%, т. е. почти около четверти населения[1].

Полагаем вполне очевидным, что содержание столь многочисленного слоя непроизводительного населения, жившего гораздо богаче крестьян, тяжело ложилось на плечи несших бремя податей и повинностей. Многочисленность непроизводительного слоя являлась одной из характерных черт социальной структуры ханств Азербайджана.

Для того, чтобы еще раз иллюстрировать это положение, обратимся к сводным данным по бакинскому ханству, точнее по Апшеронскому полуострову. Данные относятся к 1810 году. В 34 селениях, расположенных на Апшеронском полуострове, исключая город Баку, числилось[2]:

бекских	домов	42	душ	м.п.	132
мулл	“	61	“	“	144
сеидов	“	98	“	“	275
нукеров	“	105	“	“	234
хлебопашцев	“	2008	“	“	4602

[1] Дома беков, ахундов и пр. обычно состояли из большего числа душ, нежели дома крестьян. Имея это в виду, можно относить приведенную цифру и к количеству населения.
[2] Москва, ЦВИА, фонд ВУА, д. № 18495. лл. 17-25.

т. е. по Апшеронскому полуострову непроизводительный слой составлял около 17%- т. е. более 7« части населения. Примерно, ту же картину [51 - 52] дает ханство шекинское. Общий вывод: непроизводительный слой феодальных светских и духовных владетелей и их слуг являлся огромной силой, препятствовавшей экономическому развитию страны.

Таковы в общих чертах экономические порядки и социально-политический строй ханств Азербайджана во второй половине XVIII в.

* *
*

Подытоживая описанное, мы видим, что степень экономического развития ханств Азербайджана была такова, что в отношении XVIII столетия с полным основанием можно говорить о состоянии глубокого упадка, в котором находилась страна: земледелие было придавлено тяжестью феодальных повинностей, большинство которых выполнялось в натуральной форме, ремесла, внутренняя и внешняя торговля были связаны и опутаны множеством разнообразных поборов и не имели сколько-нибудь значительного развития, денежное обращение было очень слабым, города были маленькими, «третье сословие» еще не сложилось, было слабосильным и не могло играть решающей роли в политическом отношении, страна была раздроблена на ряд небольших ханств, часто враждовавших между собой, попытки политического об'единения, предпринятые выдающимися людьми эпохи, не имели оснований для того, чтобы увенчаться успехом и поэтому не привели к воссоединению страны. Международная обстановка была такой, в которой ханства не могли сохранять свою политическую независимость. Стране и в дальнейшем угрожали нашествия со стороны Ирана и Турции.

Совокупность обстоятельств и условий, складывавшаяся из географического положения страны, ее международного положения, уровня её экономического развития, состояния политической раздробленности, привели к тому, что в начале XIX века присоединение Азербайджана к России явилось исторически неизбежным.

РЕМЕСЛА И ТОРГОВЛЯ, ГОРОДА. ОБЩАЯ ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

В Азербайджанских ханствах XVIII в. вследствие господства натуральных форм хозяйства большое значение имели домашние крестьянские промыслы.;

Огромное количество разнообразных тканей, потребных населению, производилось в крестьянском хозяйстве. Здесь не будем останавливаться на перечислении предметов, производившихся в крестьянских семьях для домашнего же употребления.

Помимо этой формы производства повсеместно существовало также и ремесло, местами мелкотоварное производство. Такие ремесла, как кузнечное, гончарное, красильное и пр., были во многих местах. Они обслуживали первейшие и главнейшие потребности крестьянской массы.

Остановимся на освещении наиболее крупных центров ремесленного и мелкотоварного производства, центров, пользовавшихся известностью за качество и количество выпускавшихся ими промышленных изделий. Эти центры собрали в себе лучших мастеров различных отраслей промышленной деятельности, в них сосредоточились уменье, навык, знание дела, художественный вкус - показатели, отражающие многовековой опыт народа, его из глубин растущую культуру. Ряд произведений азербайджанского ремесла XVIII в. показывает не только прекрасные навыки мастерства, но и большой художественный вкус, являются произведениями народного таланта. [52 - 53]

Наибольшее значение в экономической жизни страны, несомненно, имело производство шелковых тканей в Шемахе. Хотя после того, как в 1734 году Надир-шах разрушил Старую Шемаху, производство шелковых тканей сильно пострадала, но к середине столетия, в шестидесятых годах, оно вновь возродилось. В это время в Шемахе действовала около 1500 ткацких станков. С. Гмелин пишет о том, что в Шемахе были фабрики, производившие шелковые материи. Это определение не нужно донимать в том смысле, что были предприятия развитого капиталистического типа, но несомненно, что это были зародыши мануфактуры, в них, вероятно, применялись и наемный труд, назывались они кархане.

Два крупных селения близ Шемахи - Басхал и Мюджи - также были крупными центрами производства шелковых тканей. Последнее из селений особенно славилось производством станков для размотки шелковых нитей, кручения их и различных станков для тканья. Ткацкие станки различались между собой по величине (в особенности имела значение ширина). В Мюджи строили различные по величине и виду ткацкие станки для выделки разных сортов материи. Ассортимент шемахинских изделий из шелка был довольно богат. Судя по данным начала XIX в. в Шемахе выделывались следующие сорта шелковых тканей: несколько сортов дарая, различавшихся по качеству, цвету, ширине и длине, различные же канаусы, мов, тафта, платки, намази, особая ткань для кофт (татанлик), джиджимы и др.

Ткани эти имели хорошее качество, благодаря чему они пользовались известностью и имели широкое распространение не только в Закавказье, но шли и в Иран и в Малую Азию, в значительном количестве вывозились в Астрахань, а оттуда в Россию.

Существовало довольно распространенное мнение о том, что лучшие ткани ручной выделки производились в ту пору и впоследствии только в Иране, что в городах северного Азербайджана немогли выделывать материй, по тонкости работы и вообще по качеству подобных иранским тканям. Однако, это мнение совершенно неправильно.

В одном из документов от 1808 года рассматривался вопрос об уничтожении таможенных пошлин, существовавших особо в каждом из ханств. Это мероприятие намечалось для того, чтобы освободить торговлю от пут, мешавших движению ее. Однако, вследствие того, что границы с Ираном не были еще прочно обеспечены признано было невозможным уничтожить таможенные сборы в ханствах, так как нельзя было отличить товары, выделывавшиеся в ханствах северного Азербайджана, от товаров, производившихся в южном Азербайджане и Иране. Приводим текст этого документа: «В уничтожении внутренних пошлин с товаров, привозимых из ханств шекинского, ширванского и шушинского встречается та невозможность, что собственные произведения и рукоделия сих ханств суть таковые же, какие большею частью получаются из Персии, как-то: хлопчатая непряженная бумага, шелк, разных сортов шали, шелковые и бумажные материи, платки большие и малые шелковые и разные другие мелочные вещи. Следовательно, прежде, нежели поставлены будут прочные границы с Персией и учредятся в каждом ханстве пограничные таможни, могли бы произойти большие злоупотребления в том, что привозимые из Персии в сии ханства товары были бы выдаваемы за собственные их произведения и казна от того терпела бы немаловажный убыток, почему и уничтожение оных признается необходимым оставить до удобнейшего времен и»[1]. [53 - 54]

---

[1] Отношение гр. Гудовича к гр. Румянцеву от 31-го мая 1808 г., «"* 79 (А. К. А. К. , т. III, д. № 85, стр. 48).

Российская администрация на Кавказе старалась не упустить возможных источников дохода казны. Не следует сомневаться в том, что российские таможенные чиновники прекрасно знали восточные товары Раз в приведенном документе говорится о том, что невозможно было отличить изделий, выделывавшихся в ханствах, от привозных иранских, то это действительно было так. Еще в начале XIX в. отмечалось, что «шемахинские заведения для тканья шелковых материй, пользуются давнишнею славой; было время, когда они считались лучшими между персидскими»[2].

В ширванском ханстве был еще один центр, пользовавшийся широкой славой. То был Лаич - центр производства медной посуды и оружия. Большое селение Лаич почти сплошь населено было медниками, выделывавшими самую разнообразную медную посуду. Оружейники Лаича выделывали также кремневые ружья, кинжалы, шашки. Они знали секрет приготовления, великолепной дамасской стали. Недаром в начале XIX в. российская администрация была озабочена тем, чтобы передать умение ширванских мастеров мастерам Ижевского оружейного завода. Можно высказать даже предположение о том, что в Лаиче отливали маленькие пушки, называвшиеся «зумбураки». К сожалению, не имеется каких-либо статистических данных о размерах этого производства в XVIII столетии.

В начале XIX в. в Лаиче насчитывался 291 дом. Если полагать по 5 душ на дом, то население его, примерно, можно исчислить около 1.500 чел. Вероятно, лет за сорок до того, т. е. в конце XVIII в., там было не менее, если не несколько более, значительное население[3].

В шемахинском ханстве производились также хлопчатобумажные ткани, тесьмы (бафта), ковры, обувь и пр., но эти отрасли производства не достигали особенно значительных размеров. Только красильни, в связи с развитием шелкоткачества, занимали видное место.

Кубинское ханство славилось своими коврами. Ковры выделывались в домах крестьянками, довольно значительная часть их поступала или в виде налогов, или на рынок на продажу. В кубинском же ханстве выделывалось большое количество разнообразного оружия. Производилось оно большей частью в селах северной части ханства.

В шекинском ханстве следует отметить, как центр промышленного производства, город Шеки. Там производились шелковые ткани, прекрасное медное литье (чирахи, мангалы). Особенно хороши были шекинские работы из дерева (шебеке), великолепные образцы которых сохранялись в нухинском ханском дворце и в доме Шекихановых. Большую известность имели нухинские вышивки цветными шелками на сукне. Эту работу выполняли мужчины: вышивались попоны, чепраки, скатерти, мутаки, подушки и пр. Эти вышивки расходились далеко за пределами Закавказья. Из остальных ремесел наибольшее значение имели кожевенное дело и выделка хлопчатобумажных тканей.

По изобилию шелковичных насаждений и огромной массе производившегося в Шеки шелка-сырца следует отметить два крупных центра торговли шелком - Агдаш и Ареш, которые еще в XVI и XVII столетиях были известны в Западной Европе[1]. В XVIII в. они хотя и сохраняли еще свою былую славу, но сильно ослабели, находились в состоянии [54 - 55] упадка. Нужно все же отметить, что Агдаш и Ареш были не столько центрами по размотке шелковой нити - это производилось преимущественно в домах крестьян, сколько складочными местами крупной торговли.

В ганджинском ханстве выдающееся место в промышленной деятельности имели в особенности производство хлопчатобумажных набивных тканей и кожевенное дело. В связи с выделкой хлопчатобумажных тканей известностью пользовались ганджинские красильщики. Из других ремесел следует отметить производство посуды из меди и оружейное производство[2]. В ганджинском же ханстве находились известные рудники Дашкесан, где добывалась железная руда.

Карабах славился более всего произведениями кочевого хозяйства - коврами, паласами, войлоками, шалями. Производство шелковых тканей и хлопчатой бумаги не особенно выделялось среди других производств.

Нахичеванское ханство более всего было известно своими соляными копями. Нахичеванские платки и хлопчатобумажные ткани также пользовались известностью.

Бакинское ханство было известно нефтью, солью и шафраном[3]. Нефть добывалась из колодцев, ее вычерпывали крестьяне апшеронских селений. Это составляло их отработочные повинности. Ценное

---

[2] Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношениях, ч. Ш, СПБ. 1836, стр. 109.

[3] Там же, стр. 122.

[1] Антоний Дженкинсон - Путешествие в Персию, 1561-1564 гг , стр. 205, 212. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Перев. с англ. Ю. В. Готье. Л. 1937.

[2] Ведомость о ремесленных и художнических, казенных и обывательских лавках и мастерах армянских и татарских, состоящих на майдане в темном ряду и караван сараях в (Елисаветполе), 23 апр. 1804 г. А. К. А. К. , т. II, д. № 1197, стр. 599.

[3] Архив Государственного Совета. Торговля с Персией. Доложено 21 декабря 1800 г. (о торговле Дербента и Баку), т. II, стр. 695.

описание нефтедобычи оставил И. Лерх, который побывал в г. Баку в середине тридцатых годов XVIII в. Он писал:

«При деревне (Балаханы) находилась еще малая четвероугольная крепость с 4-мя бастионами, где стоял капитан. Кладезей оных находилось во время персидского шаха 52, посредством, коих великий тогда отправлялся торг, теперь неповрежденных остается только 26. Нефть из кладезей выливают в большие и глубокие каменные ямы, а отсюда в больших кожаных мешках на арбах возят в Баку, выливают в три ямы или погреба и продают в Гилане, Шемахе и в прочих местах, а остатки употребляют в городе... кладези глубиной в 20 сажен, из коих один весьма сильно бьет и ежедневно доставляет 500 батманов нефти (батман составляет российского веса 15 фунтов). Он шибко кипит, так что слышать можно. Работу при колодезях отправляют тамошние крестьяне»[4].

С. Гмелин оставил сведения о доходах, приносившихся нефтяными колодцами в 70-х годах XVIII в. Он писал: «Годовые доходы, коими бакинский хан от сей земли произведениями пользуется, простираются, как мне знающие армяне об'явили, до сорока тысяч рублей»[5].

Бакинская соль развозилась по близлежащим ханствам, доставляли ее и к южному берегу Каспия. Шафран находил себе более широкое распространение, он шел не только по Закавказью, но и за пределы его.

Южно-азербайджанские города Ардебиль и Тебриз славились более всего выделкой хлопчатобумажных и шерстяных, отчасти и шелковых тканей, фаянсовой посуды, лаковых мелких изделий из папье-маше.

Мы осветили вопрос о том, чем известно было каждое из ханств, и лишь отчасти остановились на вопросе о размерах производства и торговли. Об этой стороне дела, как и повсюду, где требуются определенные [55 - 56] статистические сведения, материалов пока обнаружено весьма мало. Однако, общую, оценку состояния ремесел и торговли во второй половине XVIII в. дать, возможно. Торговля азербайджанских ханств в основном ограничивалась территорией самих ханств, Кахетией, Картлией, Арменией и южным побережьем Каспия[6]. Лишь отдельные товары, да и то не в больших массах еще продолжали следовать в более далекие страны по проложенным в прежние столетия путям. К этим товарам относились, прежде всего, шелк-сырец и шелковые ткани, медная посуда, шафран.

Если сравнить торговлю ханств Азербайджана второй половины XVIII в. с тем, какой эта торговля была ранее, в XV-XVI вв., можно с уверенностью сказать, что она не сделала каких-либо успехов по сравнению с указанными веками; более того, вряд ли она имела прежний уровень.

Упадок торговли, связанный с политической раздробленностью страны, а также международными осложнениями, чувствительно отзывался на ремесле и мелкотоварном производстве в промышленности: их успехи были связаны условиями рынка. Несмотря на то, что в промышленной деятельности народа имелся ряд замечательных достижений, как в области мастерства производимых изделий, так и со стороны художественности исполнения их, тем не менее, в условиях ханского управления отсутствовали возможности к расширению и развитию промышленности, ремесленной по приемам производства. Эти условия обрекали на застой и эту отрасль хозяйственной и одновременно художественной деятельности народа.

Сильной помехой развитию торговли являлось также то обстоятельство, что каждое из ханств имело свою монетную систему. Монеты чеканились в Шемахе, Кубе, Дербенте, Шеки. Гандже, Тебризе и др. городах[1]. Они имели различное достоинство Разнохарактерность монетных единиц затрудняла обращение. К этому присоединялись еще затруднения, возникавшие из различий мер длины, веса, сыпучих и жидких тел. Не только в каждом ханстве, но часто даже в отдельных местностях ханств употреблялись различные, сложившиеся на основе местной практики, единицы измерений. Все это не только составляло препятствия широкому развитию торговли, но являлось также следствием господства натурального хозяйства, хозяйственной замкнутости, слабости экономических связей.

Пожалуй, нет нужды детально освещать поборы, коими были опутаны ремесла и торговля в каждом из ханств. И в этом отношении ханства были в основном одно подобным другому. Поэтому подробно нарисованная картина одного из ханств может служить как бы образцом порядков в остальных ханствах. Поборы, которыми облагались ремесла и торговля в ханские времена, обычно сдавались на откуп. Ханы, дабы не утруждать себя этими сборами, продавали право сборов откупщикам, которые, приобретя его, старались собрать с населения в несколько раз больше той суммы, которая ими была

---

[4] “Новые ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие”, 1790, стр. 84.

[5] С. Г. Гмелин - Путешествие по России, ч. III, СПБ, 1785, стр. 73.

[6] Е. А. Пахомов - Монетные клады Азербайджана, в. I. Труды об-ва обследов. и изуч. Азербайджана, в. 3. Баку, 1926
Его же - Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, в. II. Баку, 1938.
Его же, указ. соч., в. III, изд. АзФАН. Баку, 1940.

[1] А. Марков - Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПБ, 1896.
Е. А. Пахомов - Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, указ. изд., в. в. I, II, III.

уплачена хану. [56 - 57] Размеры сборов определялись ханским установлением и обычаем, однако, как и везде, и в этой области в ханские времена было много произвола.

В ганджинском ханстве при Джеват-хане сдавались на откуп следующие статьи доходов: 1) сбор с красилен синего цвета (боя-хана); 2) сбор с красилен в разные цвета; 3) весовые пошлины (мизанный сбор); 4) таможенные пошлины (рахдарный сбор); 5) сбор с продажи бязи; 6) сбор с кожевен; 7) сбор за продажу марены; 8) сбор за продажу мыла; 9) за убой скота; 10) за продажу лошадей и рогатого скота; 11) за продажу вина и пошлины за убой скота в Килисе-кенде и Норашене: 12) за продажу табака; 13) за продажу хлеба; 14) за четыре караван-сарая; 15) с лавок; 16) за продажу арбузов и дынь; 17) за продажу рыбы; 18) за продажу посуды; 19) за продажу бумажных нитей; 20) за продажу масла; 21) за маслянный завод; 22) мелочная торговля на майдане; 23) за бани; 24) сбор в пользу базарного смотрителя[2].

Остановимся на пояснении содержания некоторых основных статей:

С красилен взималось за окраску весовой единицы (одного стиля) ткани или пряжи, при чем величина сбора зависела также от качества окрашиваемого материала (хлопок, шерсть, шелк, в изделии или пряже), а также от цвета окраски. Например, за окраску в темносерый или темносиний цвет со стиля взимался 1 руб., с голубого-50 коп, с зеленого-25 коп. С шелковой нити с темносинего цвета со стиля-40 коп., с вишневого-20 коп., с светлозеленого-20 коп.; с сукна светлосинего с $14^{1/}{}_{2}$ арш.-40 коп; с бурмета 5-ти аршин-10 коп. и т. д. и т. п.

Мизанный сбор, т. е. весовые пошлины взимались с шелка. За батман шелка, продававшегося на ганджинском базаре, с покупщика взималось 65 коп., с продавца-40 коп., с провозивших шелк через Ганджу, но не продававших его, взималось по 13 руб. с вьюка, да еще 60 коп. в пользу весовщика.

Самым разветвленным, сложным, был рахдарный, т. е. таможенный сбор. Он охватывал десятки вещей. Этот сбор опутывал густой сетью всю торговлю, поэтому часто под именем рахдаров разумели вообще всевозможные поборы. Остановимся на нескольких примерах рахдарных сборов в ганджинском ханстве. Приводим текст российского документа о рахдарах, составленного в 1806 г. «За таможенные пошлины: с каждой материя, буде здесь продаваться будет, и за марену за вьюк-1 руб.; с проезжающих с материями берется с вьюка-5 руб.; буде здесь купит материи и вывезти в другое место берется с вьюка 1 р. 30 к.; из Эривани, Тифлиса, Шуши и Нухи привозят сукна и бурки-берется с вьюка 1 р., с лезгин 50 кал......с сарачинского пшена, из какой бы то привезено ни было деревни, с вьюка 25 коп.; с пшеницы и муки с вьюка-10 коп.; с рыбы с вьюка-20 коп., с масла коровьего и меду с вьюка берется 50 коп., с сыра-с вьюка 20 коп.; с арбы рыбы, буде грузин [57 - 58] привезет продавать или из города повезет,$37^{1}/_{2}$ к., а с армянина за ярбу-80 коп., соли с вьюка 20 коп. с шелка, вывозимого отсюда, с вьюка 1 руб., с гороха и лобби-с вьюка 50 коп., с табаку-с вьюка 90 коп., с 10 батманов табаку берется один батман и т. д. и т. п.»[1].

Приведем еще некоторые статьи в том же изложении: «За продажу мыла: кто буде привезет для продажи мыла, с оного здешний откупшик „берет с батмана 2 стиля, а буде здешний житель, который сварит собственно для своего дома и буде продаст хотя 1 стиль, с оного обществу всего народа согласились взыскать 50 руб., из оного половину в казну и 300 палок на майдане дать ему, буде же половину батмана кто ему подарит и **с** оного взыщется штраф тот же»[2].

«За табачные пошлины: кроме откупщика никто не смеет менее половины батмана врознь продавать, и то внеся откупщику с батмана 50 коп., батман имеет в себе 50 стилей; а ежели потаенно кто продасг и уличен будет взыскать с него 50 руб. - штрафу и дать на майдане 300 палок»[3].

Откупная система тяжелым гнетом своим стесняла развитие ремесел и торговли.

В одном из документов начала XIX в. была дана яркая оценка откупной системы. Автор этой записки под названием рахдаров имел в виду всю совокупность обложений ремесел и торговли. Современник ее, наблюдая действие этой системы в экономической жизни страны, писал, - «Откупщику, на основании прежних ханских прав, дозволяется пользоваться разными сборами, известными под именем рахдара, которые освобождают только жизнь и смерть, но существование человека, пища, питие, одежда, всякая торговля, промышленность, рукоделие, землепашество,

---

[2] Такие же откупные статьи существовали в шекинском ханстве при Мухаммед-хасан-хане. К ним только надо добавить статьи: “Переправа через р. Куру” и „Рыбная ловля на р. Куре”. Предметы обложения и размеры сборов по большей части этих статей были записаны при Мухаммед-хасан-хане в специальном сборнике, носившем наименование “Дастур-уль-амаль”. Списки сборника пока не обнаружены. Имеются лишь записи его содержания, сделанные чиновниками российской администрации в 20-х годах XIX в.

См. ЦАУ Азерб. ССР, Истор. Архив., Фонд Верховного Грузинского правительства, св. 14, д. № 155, лл. 3-60. Ср. рапорт д. с. с. Могилевского и полковн. Ермолова генералу Ермолову от 2 марта 1823 г., № 7, Шуша. Об откупных статьях Карабахской провинции. А. К. А. К. , т. VI, ч. I, д. 1305, стр. 852-855.

[1] “Выписка откупным статьям во время Джевад-хана, за что и сколько было собираемо откупщиками”, 1806 г. А. К. А. К. , т. II, д. № 1203, стр. 602.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 603.

шелководство и все без из'ятия заведения, изобретения и труды обречены рахдарным поборам даже земные и лесные плоды, камыши и всякие мелочи подвергаются рахдару»[4].

Если присмотреться к откупной системе в жизни, то мы увидим, что один и тот же товар подвергался нескольким различным обложениям. Возьмем в пример тюк шелка-сырца, проданный на ганджинском майдане. Если его доставили из Ареша или Агдаша в Ганджу, то за него платили откупщикам за вывоз из шекинского ханства, за переправу через р. Куру, за ввоз в ханство ганджинское, за места в каравансарае, весовой сбор, базарному даруге - уже шесть обложений.

Товары же, проходившие путь через несколько ханств, в каждом из них подвергались обложениям, что, конечно, чрезвычайно удорожало их.

Для сбора обложений откупщики имели специальных людей, смотрителей, доглядывателей. Легко представить себе, сколько цепких, хищных рук тянулось к произведениям промышленности и сельского хозяйства для того, чтобы взять причитающееся откупщику.

Откупная система в течение веков существовала не только в Азербайджане, но и почти во всех других странах Переднего Востока. Всегда для хозяйственной жизни она была огромным злом, разрушавшим, ослаблявшим экономику. Откупщик не имел другого интереса или побуждения, [58 - 59] как только сбор ценностей. Откупная система истощала хозяйственный организм страны: злоупотребления, неизбежно связанные с ней, еще более ухудшали положение страны.

Особо вредное действие откупной системы обложений ремесла и торговли в Азербайджане во второй половине XVIII в. основывалось на большой политической раздробленности страны. Если при этом принять во внимание тяжесть повинностей, лежавших на райятах, если оценить вредное влияние на хозяйственную жизнь страны междоусобных ханских войн, если учесть также огромные разрушения и потери, нанесенные хозяйству страны завоевателями, вторгавшимися в Азербайджан, то станет вполне понятным, почему ремесла, торговля, а вместе с ними и города Азербайджана XVIII века находились в состоянии упадка. И в самом деле, в XVIII веке в Азербайджане нет таких крупных городов, какие были в XII или XV веках. Хотя самый большой город – Тебриз - к концу века насчитывал несколько десятков тысяч населения, но он был исключением, Шемаха к концу столетия едва ли имела 1.0 тыс. человек, остальные города - Ганджа, Ардебиль, Шуша, Нуха, Шаберан, Баку имели население не более чем в 3-8 тыс. чел.

Ярким примером упадка, который переживали города Азербайджана, в особенности в конце XVIII столетия, может служить сама Шемаха - столица Ширвана. Один из путешественников, посетивших Ширван в 1796 г., Биберштейн писал о Шемахе того времени:

«Шемахинский хан был некогда самым могущественным ханом Ширвана, и его столица была городом самым большим и наиболее прославленным по своим богатствам, главным источником которого была торговля шелками, которую он поддерживал с местным рынком Персии. Сейчас ... от его старинной резиденции, старого города Шемахи видны только обширные развалины, расположенные на склоне одной горы. Его стены довольно хорошо сохранились. Так как они тянутся на пространстве в несколько верст, можно предположить по многим признакам, что и жилища некогда тянулись на много дальше.

Архитектура города имела характер архитектуры всех городов этой страны, как Дербент, Куба и Баку, но, повидимому, она была более изящной в общественных и массивных сооружениях. Когда рассматриваешь остатки мечетей, их возвышенные купола, их пространные своды и, наконец, все здание, построенное из искусно тесанного и мастерски соединенного камня, когда останавливаешь свой взгляд на магазинах и лавках, построенных из камня в том же духе,, которые время и разорительные войны не могли полностью разрушить, то удивляешься тому, как Гмелин, который еще видел этот город населенным, мог нас уверять, что все дома там являются ни чем иным, как грудой необработанного камня, соединенного гончарной глиной и что ни одно из общественных зданий не заслуживает внимания путешественника»[1].

Грустью веет от этих строк, описывающих разрушение когда-то большого, богатого и красивого города. Город жил кипучей жизнью, имел большое население, масса иностранных купцов со всех сторон земли приезжала в него, но своим торговым делам. К концу же века город от претерпенных им потрясений совсем захирел и мог гордиться разве только остатками памятников своей старины, которые убедительно говорили о былом его величии и культуре.

Описывая состояние упадка, в котором находился Ширван в конце столетия, Биберштейн приходит к следующему заключению: «Постоянные [58 - 60] потрясения и притеснения, которым подвергаются крестьянин и мирный горожанин, почти изгнали всякого рода промышленность из этих

---

[4] А. К. А. К. , т. VII, док. Ср. А. К. А. К. , т. VIII, д. N° 1, стр. 10. Всеподданнейший рапорт сенаторов гр.Кутайсова и Мечникова.

[1] Биберштейн, указ. соч. и перев. Гл. „Ширванское ханство”.

стран»[2]. Правда, в этом выводе есть значительная доля преувеличения, потому что сам Биберштейн перечисляет десятки ремесел тогдашнего Ширвана, но, очевидно, по сравнению с прошлым, Ширван представлял собой картину крайнего упадка.

Упадок ремесел и торговли был связан со слабостью городского населения. Города не получили ни самоуправления, ни тех свобод, которыми они в известное время стали пользоваться в Западной Европе. Нам почти ничего неизвестно об об'единениях ремесленников в городах Азербайджана[3], хотя они существовали, но это были слабые организации, не имевшие сколько-нибудь значительного влияния на жизнь страны. Ведь при общем населении города в 3-8 тыс. человек, количество ремесленного населения в нем было весьма незначительным.

То же самое следует сказать и о купечестве. Все наиболее крупные города Азербайджана второй половины XVIII века были административно-политическими центрами; обычно в городе жил хан с лицами, ведавшими различными отраслями государственной деятельности. В таком центре жило и довольно много беков. Ханы, не доверяя некоторым бекам, требовали, чтобы они или их семейства жили в городе, что являлось своего рода обеспечением надлежащего надзора за ними и послушания с их стороны. Если принять во внимание, что феодальная знать как светская, так и духовная имела при себе довольно многочисленных слуг, челядинцев, то станет понятно, что эта группа в составе городского населения по численности занимала значительное место.

К этой группе примыкала группа наиболее крупных купцов. Они были тесно связаны с правящими ханско-бекскими кругами. Достаточно отметить, что большая часть откупов находилась в их руках. Они были агентами экономической политики ханов в отношении ремесел и торговли. Это, конечно, свидетельствует о зависимости купечества от феодальных верхов.

Есть даже сведения о том, что часть городского населения Нахичевани[4], Шуши, Нухи не была свободна от денежных и натуральных повинностей в отношении беков. Эти факты указывают на силу крепостнических отношений в ханствах, где повинности, оказывается, были связаны не только с землей, но вытекали также из отношений личной зависимости[5]. Эти факты говорят о том, что городское население в массе своей не получило особых привилегий по сравнению с крестьянским населением.

Мы не располагаем статистическими данными о городах, относящимися к XVIII веку. Имеются сведения о городах Баку и Куба за 1810 год. Конечно, эти данные представляют картину несколько измененной. И в Баку, и в Кубе до присоединения их к России жили ханы со своими семьями, придворными и прислугой. Во время присоединения этих городов ханы со своими приближенными и сторонниками бежали. [60 - 61]

Вследствие этого довольно значительная группа местной аристократии и их слуг выбыла из состава городского населения.

Другие изменения, происшедшие в городе за время после присоединения, вряд ли могли быть столь значительными, чтобы изменить облик социальной структуры города. Поэтому воспользуемся данными за 1810 г., считая, что с учетом указанного выше изменения, они дают картину, характерную и для последних годов XVIII столетия.

В ведомости, составленной генерал-лейтенантом Репиным в 1810 г.. указано[1], что в гор. Баку и его предместьях был 931 дом, в которых проживало 2235 душ мужского пола. Если принять, что количество душ женского пола было равно количеству душ мужского пола, то общую численность местного населения нужно будет полагать до 4500 чел., а с приезжими вряд ли более 5000 чел.

Из указанного числа домов (931)-897 были населены мусульманами «алиевой секты», 24 дома армянами и 10 домов «иудеями».

По социальному «признаку население распределялось по числу душ мужского пола:

I. Освобожденных от податей:

1) беков—98

2) мулл, сеидов и проч. духовенства—202

3) нукеров—43

Всего 343 (или около 15,5%).

II. Платящих подати:

[2] Биберштейн, указ. соч. и перев. Гл. „Ширванское ханство”.

[3] С. А. Егиазаров - Исследование по истории учреждений в Закавказья, ч. II, Городские цехи. Организация и внутреннее управление Закавказских амкарств. Казань, 1891. „Записки Кавк. отд. Русск. геогр. об-ва”, XIV, 2.

[4] Передняя Азия в документах. Нахичеванскне рукописные документы XVI-XIX вв. Перев. и коммент. К. Н. Смирнова и Дж. Гаибова, под ред. Ю. Н. Марра.

Серия памяти Ю. Н. Марра, ч. I. Тбилиси, 1936.

[5] Возможно также, что эти повинности крестьяне несли за пользование бекскими землями, находившимися при городе.

[1] Москва, ЦВИА, фонд ВУА, д № 18495, лл. 17-25.

1) «Разных мастеровых, как-то портных, сапожников, кузнецов, плотников и тому подобных»—409

2) «Промышляющих киржимами и лодками»—45

3) «Промышляющих при городе черною работой»—322 (или около 14%).

Всего ремесленников и рабочих 776 (или около 34,5%).

4) купцов—395 (около 18%).

5) мелочных торговцев, в т. ч. «торгующих разными крестьянскими мелочами»—366.

Всего 761 (или около 34%).

6) «хлебопашщев»—277

7) «извозчиков»—78

Всего 365 (или около 16%).

В этих данных следует обратить внимание на то, что, несмотря на бегство Хусейн-кули-хана и приверженных к нему беков, группа неплатящих подати составляла все же около 15,5% населения, т. е. была весьма значительной.

Важно также и то обстоятельство, что в городе жило довольно большое количество крестьян (около 16%), вероятно, зависевших от беков. Как это обычно бывало в средневековых городах, значительная часть населения еще не оставила сельского хозяйства.

Портовый характер города и значительная, но размерам (до 500.000 руб. в год), главным образом, транзитная торговля требовала большого количества грузчиков и чернорабочих (около 14%). [61 - 62]

Ремесленники и купцы составляли около 50% населения. Хотя процент этот очень высок, однако, даже и при особо благоприятном портовом положении города и его относительно большой торговле руководящая роль в общественной жизни города не принадлежала «третьему сословию». Сам город, как мы видим, был невелик, поэтому купечество и ремесленники не могли представлять собой большой силы. Известно, что бакинский Хусейн-кули-хан постоянно вмешивался в портовые дела и городскую торговлю, извлекая из них деньги путем разного рода произвольных сборов, осуществлявшихся, несмотря на то, что все пошлины с торговли и ремесел сдавались ханом на откуп.

Не останавливаясь подробно на данных по городу Кубе, отметим, что она имела в то время 350 домов с населением в 1069 душ м. п. т. е. с общим числом жителей не свыше 2500 человек[2]. Полагаем, что приведенных иллюстраций достаточно.

Такова общая картина развития и состояния городов Азербайджана к исходу XVIII столетия. В силу ряда причин и исторических условий, некоторая часть которых освещена в изложении политической истории XVIII века, Азербайджан сильно отставал в своем историческом развитии. Существовавшая в Азербайджане политическая система мелких феодальных государств препятствовала экономическому развитию страны и не открывала перспектив дальнейшего более быстрого движения.

Из трех наиболее крупных государств, находившихся в. непосредственной близости к Азербайджану - Ирана, Турции и России - первые два, т. е. Иран и Турция находились, примерно, на том же уровне развития, что и ханства Азербайджана. Влияние этих больших государств на историю Азербайджана не могло заключать в себе положительных элементов. В том состоянии, в каком страна находилась в XVIII в., наибольшие перспективы развития открывались из сношений и связей, из; сближения Азербайджана с Россией. Эта историческая задача была разрешена в начале XIX в. в форме присоединения ханств Азербайджана к России. [62 - 63]

[2] Ведомость. Сколько в Кvбе разного звания домов и душ мужского пола, какого звания. 1810 г. Москва, ЦВИА, фонд ВУА, д. № 18495. л. 31.

Глава III

АЗЕРБАЙДЖАН И СОСЕДНИЕ ГОСУДАРСТВА—ИРАН, РОССИЯ И ТУРЦИЯ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

АНТИИРАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ШИРВАНЕ

В начале XVIII века Азербайджаном управляли беглербеки, поставленные иранскими шахами. Они сидели в больших городах тогдашнего Азербайджана - Шемахе, Гандже[1], Тебризе. В крепостях Дербенте, Худате, Баку, Сальянах и др. находились подчиненные шемахинскому беглербеку султаны. Как в перечисленных, так и в других более или менее крупных городах стояли иранские гарнизоны. Таким образом, управление страной полностью находилось в руках назначенной шахом иранской администрации.

Вследствие удаленности от Ирана, плохих путей сообщения, слабой развитости хозяйственных связей между областями страны и слабости экономических связей с Ираном, беглербеки северного Азербайджана фактически обладали значительной независимостью от центрального иранского правительства.

Беглербеки собирали с населения в свою казну всевозможные подати, которыми они чрезвычайно обременяли население, главным образом, крестьян, принуждали их к выполнению целого ряда повинностей. Беглербеки производили в стране суд и расправу, содержали войско и командовали им; назначали управителей в города и магалы (округа), начальствовали над всей администрацией[2]. Они получали от шахов фирманы, в которых были указаны главнейшие политические задания по управлению страной. Беглербеки ежегодно отправляли шахам ценные подарки. Впрочем, и сами они получали из шахской казны жалованье; так, например, Ахмет-хан, сын Улубея усмия (усмиями назывались правители Кайтага, области, расположенной несколько к западу от Дербента), утвержденный иранским правительством в должности правителя Ширвана, ежегодно получал из шахской казны у откупщика бакинских нефтяных и соляных промыслов 200 туманов жалованья[3].

Иранское государство в конде XVII и начале XVIII в. находилось в состоянии крайнего упадка. Шах Хусейн не был государственным человеком, он почти не занимался делами, передав их в руки своих доверенных [63 - 64] министров. Свое время он проводил в удовольствиях и молитвах: вино, гарем и богословы занимали все его время и силы. Резкую, но в значительной мере правильную характеристику этой личности дал русский посол в Иране А. П. Волынский. Отправленный в 1715 г. ко двору иранского шаха Петром I, А. П. Волынский должен был разведывать о политическом и экономическом состоянии Ирана. В своем журнале А. П. Волынский о шахе Хусейне писал: «...здесь такая ныне глава, что ни он над подданными, но у своих подданных подданный, и чаю редко такого дурачка можно сыскать между простых не токмо из коронованных, того ради сам ни в какие дела вступать не изволит, но во всем положился на своего наместника, Ехтма Давлета, который всякого скота глупее»[4].

Весь аппарат правительства шаха Хусейна, начиная с министров и беглербеков, кончая низшими служащими, был, как язвой поражен казнокрадством, взяточничеством, ненасытной алчностью.

Суммы, «поступавшие от налогов, не могли покрыть государственных расходов. А. П. Волынский писал: «Подданные великими налогами отягчены и платят чрезмерные поборы, но токмо больше из того корысти управителям, а не государю, которому они приносят только листвие, а самые плоды у себя оставляют, что уже у них вошло в обычай»[5].

В этих условиях правительство шаха Хусейна прибегло к новому увеличению размеров податей. Один из современников шаха Хусейна, католикос агванский (резиденцией его был Гандзасарский монастырь в Карабахе) Есаи Хасан Джалалян описал, как в Карабахе проводилась перепись населения для составления списков по налоговому обложению. Записывали «все возрасты, начиная с пятнадцатилетнего», при этом был обнародован шахский фирман, в котором говорилось: «Если кто

---

[1] Перевод талике Ганджинского Масахиб-хана Зиад оглы. Сентябрь 1708 г. (Об определении мелика Шахназара меликом Варандинского магала). Азерб. Центр. Арх. Упр.,Истор, архив, фонд Воен. Окружн. нач-ка, док. № 14, св. 2, л. 411 об.

[2] Евг. Зевакин - Азербайджан в начале XVIII в. Баку 1929, стр, 299-300. Журнал посланника Волынского 1715-1718 гг.

[3] Фирман шаха Хусейна от 1123 г. х (1711 г. н. л.). (Акты Кавказской Археографической Комиссии, т. II, дополн. к I тому, д. № 3, стр. 1077). В дальнейшем ссылки на это издание будут указаны так: А. К. А. К. , и т. д.

[4] С. М. Соловьев - История России с древнейших времен, т. XVIII, стр. 655, изд. 3-е, СПБ.

[5] Евг. Зевакин - Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1929, стр. 299-300.
Журнал посланника А. П. Волынского 1715-1718 гг.

найдет скрывшегося и спрятавшегося и сообщит о них царю, то голова скрывавшегося - царю, а имущество станет добычей того лица, которое донесло о нем»[1].

В новые списки вносили даже лиц, принадлежавших к христианскому духовенству, в то время как ранее они были освобождены от налогов.

Перепись была закончена в 1702 г., начался сбор налога «по вновь назначенному размеру». Есаи католикос пишет. - «И рассыпалось войско по разным странам и селам, согласно составленных списков. И так как слишком тяжело было ярмо и переносить его было невозможно, поэтому мучили, истязали побоями, отнимали, сколько они хотели»[2].

Но правительство не ограничилось и этим: были введены еще новые налоги. В новые переписи записывали размеры земель и количество вод, которыми пользовались общества, а также сады, пастбища и «все то, что необходимо человеку».

Этой переписью были охвачены и кочевники. Есаи католикос писал: «Одновременно были составлены, списки на племена, называемые таракама[3], включены в списки их пастбища и стада, табуны, гурты [64 - 65] разных животных, и все это добавили к преждесоставленным спискам.

...Даже прежние налоги для народа были слишком тяжелы, и теперь вместо того, чтобы облегчить их, еще больше было прибавлено»[4].

Это чрезвычайное повышение налогов было распространено на все области, подвластные Ирану, в том числе на южный и северный Азербайджан.

Тот же автор пишет, что ханы, султаны, кулбеки[5] везиры, даруги[6] и тиулдары[7], т. е. вся иранская администрация, прибыв к месту своего управления, «оставив в стороне всякое правосудие и права народные, обдирали, грабили своих подчиненных. Таким же образом поступали их секретари, законоведы, т. е. шейхульисламы, шейхи и те, которых называют казиями»[8].

В 1707 году через Шемаху проезжал Корнелий де-Бруин. В описании своего путешествия он дал не только чрезвычайно важную оценку отношения шемахинского населения, с одной стороны, к иранским властям и, с другой - к России, но также попутно сообщил ценные сведения о богатствах и культуре Ширвана.

Де-Бруин писал, что многочисленные русские купцы, находившиеся по торговым делам в Шемахе, часто подвергались различным притеснениям и жестокостям. Когда купцы указывали на то, что русский царь легко может, «вторгнувшись в эту область», наказать шемахинцев за эти притеснения, то получали ответ: «...Что они (шемахинцы) этим нисколько не были бы огорчены и что они были бы более счастливы под его (царя – *В. Л.)* управлением, чем под управлением своего природного государя. Они даже открыто заявляют, что защищаться не будут, и молятся Магомету, чтобы это наступило. Я так же убежден в том, что царь здесь легко этого достигнет. Между тем эта губерния, находящаяся по ту сторону Аракса, отделяющего ее от других областей персидского государства, приносит очень большие доходы. Достаточно известно о доходах с шелка, хлопка, шафрана. Кроме того, ее почва производит очень хорошие вина, красные и белые... очень хорошие фрукты... хороших лошадей и скот. Одним словом, это красивая и хорошая область, очень плодородная, наравне с Грузией, и которая была бы еще плодороднее, если бы в ней было достаточно народу, чтобы ее возделывать. В то же время в ней достаточно дичи, риса и зерновых продуктов, и хлеб в ней превосходен. Кроме того, имеется прекрасный порт в Баку...

Присоединение этой области было бы очень кстати для его царского величества и очень выгодно для его подданных, уже издавна ведущих там дела»[9].

Таково было отношение основной массы (т. е., повидимому, торгово-ремесленных кругов) населения Шемахи к России. Мы видим, что ни религиозные различия, ни отсутствие тесных политических связей, ни самая отдаленность России не были препятствием к тому, чтобы шемахинцы [65 -66] с симпатией относились к России и желали включения Ширвана в состав российского государства.

Господство Ирана повело к тому, что народ роптал, недовольство возрастало. Вспыхнули восстания среди афганских племен, живших в районах Кандагара и Хорасана, а также и среди туркмен.

---

[1] Есаи католикос - Краткая история страны Агван (Перевод Т. И. Тер-Григорьяна с армянского текста, изд. Ереван, 1868 г., стр. 13. Научн. архив Ин-та истории им А. Бакиханова Акад. наук Азерб. ССР).

[2] Есаи католикос, указ. перев., стр. 14.

[3] По-азербайджански - кочевники.

[4] Есаи католикос, указ. перевод, стр. 15.

[5] Буквально “бек над рабами”. В настоящем случае в значении начальника.

[6] В Азербайджане XVI-XVIII в. в. слово „даруга” употреблялось в значении финансового чиновника хана или управляющего его деревней или кочевьем.

Колониальная политика российского царизма в Азербайджане, ч. II, изд. АН, М.-Л. 1937, стр. 429.

[7] Тиулдар - владелец тиула, вид ленного владения. Ср. там же, стр. 437.

[8] Есаи католикос, указ. перев., стр. 16.

[9] Voyage de Cornellie le Bruyn par la Moscovie en Perse et aux Indes Orientates, en II voll., pp., 404, 405, t. 1. Amsterdam, 1718.

В Азербайджане первым поднялось население джарской области Собственно, джарцы восстали не из-за тяжести налогов. Они вовсе не платили налогов в шахскую казну; наоборот, издавна сами получали от шахов денежные средства, отпускавшиеся им за их якобы сторожевую службу на окраине государства, а точнее, просто за то, чтобы они не делали набегов на подвластные Ирану провинции и находились бы в подданстве у шаха. Однако, как сообщает один из путешественников, в последние годы, благодаря неурядицам в Иране и злоупотреблениям ширванских беглербеков, джарцам полагающегося им жалованья не платили[1].

Это и повело к тому, что в 1711 году джарцы вошли в Ширван.

Тут они попали на почву, где было много горючего материала. Ширван страдал от тяжести налогов. К джарцам стали стекаться толпы недовольных. Это восстание имело ясно выраженный антииранский характер. Восставшие направили свои силы на уничтожение всех лиц, оставленных иранским правительством для управления краем, а также их вооруженной челяди и той части знати и купечества, которая была тесно связана с Ираном и ориентировалась на иранское правительство.

Прежде чем перейти к описанию самого движения, следует остановиться на ряде вопросов, освещение которых поможет выяснению характера движения.

Выше было указано, что проведение переписи, обложение новыми, чрезвычайно высокими налогами и произвол иранской администрации породили в стране сильное недовольство. Этими мероприятиями шахского правительства почва была накалена.

Однако дело осложнялось еще некоторыми важными обстоятельствами. Турецкое правительство, наблюдавшее за тем, что происходило на территории Ирана и в странах ему подвластных, очевидно, намерено было воспользоваться восстанием афганцев и тем тяжелым положением, в котором находился шах Хусейн и его правительство, для того, чтобы захватить Закавказье, в том числе и значительную часть Азербайджана. Турецкое правительство считало, что оно имеет законные права на обладание Закавказьем, поскольку во второй половине XVI века Турция, отвоевав эти земли у Ирана, владела ими до начала XVII в. Старые притязания не были забыты.

В связи с этим турецкое правительство собиралось действовать активно в направлении захвата этих областей. Решение указанной задачи для Турции было бы облегчено, если бы местное население склонилось на ее сторону. Происки Турции, прежде всего и были направлены к этому. Значительная часть населения в особенности северного Азербайджана[2] и население почти всего Дагестана по исповеданию принадлежало к суннизму - тому течению в исламе, которое являлось в Турции. [66 - 67] официальной религией. В Иране же господствующей официальной религией было другое течение ислама – шиитское.

Этим обстоятельством турецкое правительство издавна пользовалось для возбуждения населения Дагестана, северного Азербайджана и других подвластных Ирану стран против последнего.

Мухаммед хасан хан, автор сочинения «Мунтазами Насири», пишет о том, что в то время, о котором идет речь, османы, воспользовавшись беспорядками и смутами, происходившими в Иране, думали захватить Грузию и Азербайджан. Поэтому стамбульское духовенство сделало несколько приговоров. Они гласили: мужчины еретики (последователи секты Али, т. е. шииты – *В. Л.*) должны быть умерщвлены саблей, жены и дети их подлежат пленению, имущество их считать дозволенным законом, оно должно принадлежать мусульманам (т. е. суннитам). Жен и детей их насильственно обращать в ислам (т. е. суннитство). Не разрешается вступать с их женами в брак впредь до принятия ими суннитства[3]. Таково содержание новых откровений стамбульских богословов.

Почти не может быть сомнений в том, что эти постановления были вынесены с ведома и по желанию турецкого правительства. У нас нет документов, турецких писем, сообщающих эти постановления суннитскому населению Азербайджана и Дагестана, но нам известно из многих других примеров, что турецкие агенты постоянно прибывали в Азербайджан и Дагестан. Эти постановления были разглашены в среде дагестанского и азербайджанского суннитского населения.

Нетрудно представить себе, какое действие в описанной обстановке они могли произвести.

С самого начала движение пошло под флагом религиозной идеологии: участники его борьбу против Ирана представляли себе как борьбу суннитов против «еретических и скверных» шиитов[4]. Эта сторона движения об'ясняет многие жестокости и насилия, также факты грабежа, хищничества и

---

[1] Hanvay - An historical Account of the British Trade over the Caspian Sea, London, 1762, v. II, p. 215.
В дальнейшем сноски на это сочинение будут указаны так: Ханвай и т. д

[2].Хаджи Зейнал-абдин Ширвани - Бустан и сийехе (Цветник путешествия), стр. 318, Техеран, 1315 г.х. (на персидском яз.).
Ср. Обозрение российских владений за Кавказом, стр. 76, ч. Ш; СПБ, 1836. Здесь сообщается: “Магометане Ширванской провинция большею частью сунни, т. е. последователи Омара”.

[3] Мухаммед хасан хан - Тарихи Мунтазами Насири, т., II, стр. 229, Техеран 1292 г. (на персидском языке).

[4] Ханвай, т. II, стр. 125.

уничтожения целых городов и селений. Такой участи подвергались населенные пункты, имевшие шиитское население.

Выше мы уже отметили, что к джарцам примкнули многие из жителей Шекинской области и Ширвана, и даже из мест близ самой Ганджи. Вооруженные толпы прошли по областям Шекинской, Кабалинской. окрестностям Шемахи, Ганджи, Казаха, Акстафы, Шамшадиля, Дзегама, Шамхора, доходили до самой Барды. Наиболее известным предводителем этих отрядов был некий Али-султан[1].

«И сколько ни приказывал шах, - пишет Есаи католикос, - войскам своим в Шемахе и их районах - двинуться против них, однако ханы, находившиеся в тех городах, как ни старались, никак не могли противостоять напротив, сами были поражены и уничтожены перед ними»[2].

В 1711 году восставшие под предводительством названного Али-султана в шекинском магале разбили войско правителя Ширвана-шемахинского [67 - 68] беглербека Хасан-али-хана. В битве сам Хасан-али-хан погиб, а лагерь его был захвачен повстанцами[3].

Эти события в Азербайджане побудили некоторых предприимчивых лиц из соседних феодалов Дагестана к более значительному выступлению против Ирана. Среди них особенно выделялся владетель Кайтага усмий Ахмед-хан, который, как сообщает А. Бакиханов, «посредством тайных прокламаций и своих приверженцев старался возмутить жителей Ширвана и вооружить их против Персии»[4].

В развертывавшейся против Ирана борьбе немалую роль сыграл хаджи Дауд-бек мушкурский. Дауд жил в сел. Мушкур, находившемся к северу от сел. Хачмас. Он был простого происхождения, но обучился грамоте. Совершив паломничество в Мекку, он стал называться хаджи Даудом. Будучи человеком настойчивым, честолюбивым, хаджи Дауд сумел выдвинуться в духовные руководители мушкурского суннитского медресе. Ко времени описанных выше событий, по поручению мушкурского общества хаджи Дауд отправился к кайтагскому усмию и совместно с ним разрабатывал план восстания против иранской власти[5].

В результате этих переговоров хаджи Дауд в мушкурском магале провозгласил, что суннитам следует подняться на вооруженную борьбу против еретического шиизма за «истинную», т. е. суннитскую мусульманскую веру[6].

Этот призыв нужен был ему для того, чтобы в дальнейшем оправдать свои действия, намеченные совместно с усмием Ахмед-ханом, против таких больших и цветущих городов Азербайджана, какими были в ту пору Шаберан и Шемаха.

В этих городах значительная часть ремесленного и торгового населения, а также и купцы исповедывали шиитскую веру. Шиизм же являлся официальной религией Ирана; к этому религиозному направлению принадлежала большая часть представителей иранской власти в Азербайджане. Хорошо также известно, что в ту пору политическую ориентацию почти всегда определяли по конфессиональному признаку.

Один из русских послов, побывавших в Шемахе во втором десятилетии XVIII в., доносил российскому правительству о том, что богатые верхи городского населения были враждебно настроены к туркам и всем, исповедывавшим суннизм. Он писал, что они «как я от здешних слышу, великую антипатию с турками имеют и не токмо ими, но и законом их мерзят, и которые здесь в области шаховой живут в там законе и тех ненавидят и великое несогласие имеют с ними, которые здесь точно все подлой народ (называется сунли)»[7].

Представители иранских властей и верхи городского населения враждебно относились к местным суннитам не только потому, что они принадлежали к религиозному направлению, господствовавшему в Турции, но и потому, что за религиозными различиями в местных условиях скрывались различия классовые. Это можно подтвердить сведениями, сообщаемыми И. Г. Гербером, который, довольно близко зная местные обстоятельства, писал о том, что в Шемахе «При персидском правлении были жители по большей части купцы и фабриканты... и держались [68 - 69] вместе с ханом персидской секты, притом были они весьма учтивые люди»[8]. Суннитов же, какового направления

---

[1] Повидимому, эмир захурский. О нем см. А. К. А. К. , т. VI, ч.. II, дополнения, (док. № 10, стр. 774 и фирман султана на имя Али султана Шекинского от 1135 г. х. 1722 н. л.), там же, т. II, дополнение 2-е, док. № 18, стр. 1091.
Алкадари - Асари Дагестан, Махач-Кала, 1929, стр. 56.

[2] Есаи католикос, указ. перев., стр. 20.

[3] Аббас-Кули-ага Бакиханов - Гюлистан-Ирам, стр. 102. Изд. Об-ва обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Ср. Ахмед Расим - Османская история, изд. 1-е, т. 2, стр. 356. Константинополь, 1328-1330 г. х. (на турецком языке).

[7] Письма А. П. Волынского из Персии к барону П. П. Шафирову (“Русская Старина”, 1872, т. 5, стр. 943).

[8] И. Г. Гербер - Известия о находящихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекой Куром народах и землях и о их состоянии в 1728 г. („Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие”, стр. 225, сентябрь 1760 г.

придерживалась большая часть крестьян Ширвана, феодалов Дагестана и часть местных феодалов И. Г. Гербер называет «грубыми мужиками»[1].

В свете приведенных выше положений становится понятным, почему восстание это «против Персии», тесно связанное с силами Дагестана и организованное феодалами и фанатичным духовенством, вылилось в жестокую расправу не только с властями, поставленными иранским правительством, но и с городским населением Шаберана и Шемахи.

Восставшие под предводительством хаджи Дауда, вместе с отрядом войск, присланным от упоминавшегося выше усмия Ахмед-хана, подошли к величественному и обширному городу Шаберану, главному населенному пункту шаберанского магала, находившегося на побережье Каспийского моря, южнее магала мушкурского.

В то время в этом богатом, красивом городе находился иранский гарнизон и жило значительное торгово-ремесленное население, исповедывавшее шиизм. Несмотря на упорную защиту, город был взят повстанцами. Религиозный фанатизм, которым руководители восставших ослепили их, повел к тому, что Шаберан был совершение разорен и разгромлен[2].

С тех пор город больше не возродился.

Эта удача раздула пламя восстания и оно охватило всю область. Усмий Ахмед-хан прислал новый отряд войск. Отряды повстанцев с кайтагскими войсками подошли к крепости Худат, осадили и взяли ее. После взятия Худата и уничтожения в нем поставленных Ираном правителей, усмий Ахмед-хан, набрав из дагестанских народностей большое войско, соединился с предводителем казикумухских отрядов Сурхай-ханом. Затем он пришел в Мушкур, где об'единил приведенное им войско с отрядом повстанцев, руководимых Дауд-беком. Таким образом, составились вооруженные отряды общей численностью до 30 тысяч человек[3]. Это войско осадило Шемаху и пыталось ее взять, но успеха не имело; шемахинцы укрепили город и оборонялись. Не достигнув цели, усмий Ахмед-хан возвратился в Дагестан. Здесь он с Сурхай-ханом и другими советовался, как взять Шемаху. Наконец, в следующем 1712 г. Дауд-бек и Сурхай-хан снова со всеми находившимися у них вооруженными людьми двинулись к Шемахе. А. Бакиханов пишет, что Шемаха «с помощью тамошних суннитов была взята» и разграблена[4]. Представители иранской власти, и все сторонники Ирана были перебиты.

Шемаха в то время была богатым торговым городом, славившимся своими шелковыми тканями и шелком-сырцом. Здесь постоянно бывали иностранные купцы, среди них первое место занимали русские купцы, имевшие в городе большой каравансарай. Русские купцы вели крупную торговлю. Они скупали шелковые ткани и парчу, а также шелк-сырец и вывозили в Россию. [69 - 70]

Описанные выше события не могли не нанести значительного урона шемахинской торговле.

В течение некоторого времени повстанцы держали город в своих руках, но затем вынуждены были его оставить и скрыться в горах или же в селах. В Шемахе была восстановлена иранская администрация, но переезды по Ширвану были небезопасны: власти обычно выделяли для сопровождения посланных и купцов воинские части; так, например, русского посланника в Персии А. П. Волынского при переезде от Шемахи до берега Каспийского моря, т. е. на возвратном пути в Россию (он возвращался июне 1718 г.), сопровождало 150 солдат[5].

Через некоторое время восстание против иранской власти было подавлено. Сурхай-хан удалился в горы, а Дауд-бек попал в дербентскую тюрьму, откуда ему удалось бежать только в 1719 г. или в начале 1720 года[6].

Дауд-бек бежал из тюрьмы и вновь встал во главе повстанцев. Стремясь найти силы, которые можно было бы использовать для борьбы против Ирана, он летом 1721 г. в ответ на обращение к нему астраханского губернатора А. П. Волынского о том, желает ли он служить Петру I, выразил Свое полное согласие. Однако, условия, на которых он готов был служить российской империи, Волынский счел неприемлемыми.

Об этих условиях он доносил Петру I следующее: «Он. хаджи Дауд-бек, ответствует мне, что, конечно, желает служить вашему величеству, однако же чтобы вы изволили прислать к нему свои войска и довольное число пушек, а он отберет городы у Персии, и которые ему удобны, то себе оставит

---

[1] Там же.
[2] А. Бакиханов, ук. соч., стр. 102.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 103.
Ср. В. А. Ульяницкий - Исторический очерк русских консульств за границей, (Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел", в. 6, М. 1899. стр. 199, 200).
[5] Письма А. П. Волынского из Персии к барону П. П. Шафирову ("Русская Старина", 1872, т. 5, стр. 946).
[6] И. Лерх - Путешествие (2-е). ("Новые ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие", изд. АН, СПБ, январь 1790-июль 1791 гг.).

(а именно Дербент и Шемаху), а прочие уступает вашему величеству, кои по той стороне Куры реки до самой Испагани, чего в руках его никогда не будет, и тако хочет, чтобы вам был труд, а его польза»[1]

В 1721 г. -положение центрального иранского правительства вследствие восстания афганских племен стало весьма тяжелым. Афганцы под предводительством Махмуда, главы одного из афганских племен, разбили шахские войска и подошли к столице Ирана - городу Исфагану.

Шах Хусейн, стремясь найти себе военную помощь, послал деньги находившемуся от него в вассальной зависимости главному правителю Дагестана тарковскому шамхалу Адиль-гирею с просьбой о присылке к нему войска. Шамхал, собрав войско, отправил его в Иран под предводительством упомянутого уже казикумухского владетеля Сурхай-хана. Когда Сурхай-хан с войсками проходил через Ширван, то к нему примкнул Дауд-бек Последний к этому времени уже успел набрать отряд в тысячу человек. Дауд-бек убедил Сурхая не идти в Иран на помощь шаху Хусейну, но, воспользовавшись обстоятельствами, заняться делами Ширвана. Опять представился случай добиться власти или, по крайней мере, обогатиться. Дауд-бек вместе с Сурхаем вновь об'явили о том, что настало время избавиться от гнета шиитских еретиков.

Один из офицеров армии Петра I, побывавший в прибрежных частях Ширвана в двадцатых годах, по поводу описываемых событий сообщал следующее: [70 - 71]

«Сии оба (Дауд-бек и Сурхай хан – *В. Л.*) об'явили публично, что они от бога возбуждены, правоверных мусульманов и суннов от еретического персианского ига, в котором они поныне страдали, избавить и еретичество искоренить; и дабы все правоверные люди, присоединясь к ним, сделались вольными»[2].

Но прежде чем описывать дальнейший ход событий, необходимо несколько остановиться на том, что произошло в то же время в соседнем с Ширваном куткашенском магале Шекинской области. Там тоже выявились силы, объединившиеся с движением Дауд-бека и Сурхай-хана. Освещение этих событий еще раз укажет на антииранский характер и религиозный покров описываемого движения, а также на тесную связь его с Дагестаном.

На юго-восток от Шеки в куткашенском магале жили богатые мелики. Есаи католикос указывает, что ценность их имущества исчислялась суммой свыше ста тысяч туманов.

Шемахинские ханы доносили иранскому правительству о неблагонадежности куткашенских меликов. Наконец, последовало шахское повеление об отобрании у меликов имущества.

Шемахинские ханы насилием и истязаниями разорили куткашенских меликов: Махмуда, его брата Ахмеда и их сыновей. Сыновья меликов бежали в горы к лезгинам и просили их по единоверию защитить от шиитов. «И такое их появление, пишет Есаи католикос возбудило в них ненависть к шиитам, и они были озлоблены хуже свирепого зверя. Такое положение они считали для себя большим позором. И призвали они друг друга, об'единились и возбужденные собрались вместе по десять тысяч и по одной тысяче»[3]. В короткое время к повстанцам, вошедшим в Ширван, примкнула масса недовольных режимом иранского господства.

Дауд-бек и Сурхай-хан, собравшие огромные отряды, двинулись к Шемахе, около которой они появились в конце июля 1721 г.[4].

Некоторые подробности осады Шемахи сообщает уже упоминавшийся выше английский путешественник Ханвай. Он пишет: «Губернатор, Хусейн хан, зная, как мало он может положиться на верность горожан, нападений и вылазок не делал, чтобы не быть покинутым людьми, следовавшими за ним, или чтобы его не предали оставшиеся в городе; поэтому он решил защищаться насколько было возможно в стенах города.

Решение это, единственное, которое он мог предпринять, давало ему возможность отражать атаки неприятеля в течение 25 дней: вероятно, длительность осады утомила бы лезгин, если бы не сунниты, сносившиеся с неприятелем, сумевшие, несмотря на бдительность губернатора, открыть им одни из ворот. Победители немедленно ворвались с дикими криками, и хотя гарнизон и был застигнут врасплох, все же его не разбили. В этот день лезгины смогли только проложить себе дорогу в суннитский квартал, где они окопались. Рано утром на следующий день они выступили в полном порядке, намереваясь закончить [71 - 72] завоевание города. Губернатор недолго сопротивлялся; он увидел, что покинут или предан своим народом...»[5].

---

[1] С. М. Соловьев - Петр Великий на Каспийском море („Весгник Европы”, 1868, т. II, стр. 171).

[2] И. Г. Гербер - Известия о находящихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и Куром народах и землях, и о их состоянии в 1728 г. (“Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие”, стр. 228, сентябрь 1760 г., изд. АН, СПБ).

[3] Есаи католикос, указ. перевод, стр. 24.

[4] Ср. „Описание событий'. Перев. с грузинск. Е. Такайшвиля („Сборн. матер. для опис. местн. и племен Кавказа”, в. 21, стр. 37).

[5] Ханвай, т. II, стр. 146.

Город был взят. Областной хан, военачальники иранские и до восьмисот человек из городской знати убиты, а самый город подвергся разграблению. Лавки российских купцов снова были разграблены[1], некоторгые купеческие приказчики были убиты. У российских купцов было пограблено товару на сумму, примерно, до 500.000 рублей[2]. Крупнейший из купцов Матвей Евреинов потерпел убытку на 170 тыс. рублей.

Подробности этого дела состояли в следующем: русские купцы, обнадеженные тем, что они и их товары останутся неприкосновенными, воспользовались этим и приняли к себе ценности от шемахинских богачей. Разгневанная 4-х-тысячная толпа повстанцев, узнав, что ценности спрятаны русскими купцами, к вечеру того же дня когда Шемаха была взята, напали на лавки русских купцов и разграбили их[3].

Есаи католикос также сообщает некоторые важные подробности событий в Шемахе: «Но народ армянский - христиане, как жители города, также остальных селений, за исключением немногих, особенно не потерпели от резни, ибо милостью Христа, они были пощажены...

И так как он (город Шемаха) являлся... местом стоянки прибывающих со всех местностей купцов, являлся местом торговли и доходов индусов, греков, джугайцев[4], русских и других, прибывающих изо всех стран, поэтому он полон был всевозможным имуществом и сокровищами... И забрав все разнородное имущество, золото и серебро, вынесли его за город, разбили по частям и, разделив между собой, нагруженные ушли к себе. И настолько эти поганые были невежды, что за один хлеб и за одну дыню платили один золотой. Так случилось взятие зажиточного, отличного города Шемахи»[5].

Из приведенного текста видно, что Есаи католикос враждебно относится к повстанцам, тем не менее он подчеркивает, что армянское население города не потерпело от резни. И это не случайно. Это лишний раз подтверждает высказанное выше положение о том, что описываемое движение имело определенную направленность: оно имело антииранский характер.

Можно было бы увеличить число свидетельств, указывающих на то, что это движение, по существу своему, было антииранским, хотя и шло под религиозным знаменем. Например, Гаммер в своей «Истории османского государства», на основании турецких источников, пишет о том, что к Порте поступали многочисленные прошения из Ширвана, где жители были, как и турки, сунниты, они просили об очищении их страны от шиитов и умоляли назначить ханом Дауда[6].

Конечно, нужно иметь в виду, что турецкие источники отражают [72 - 73] иа себе влияние турецкого правительства, которое изображало дело в таком виде, будто оно являлось защитником и избавителем от угнетения. Турецкое правительство рассчитывало захватить Ширван, но массы ширванского населения не тяготели к Турции, - они стремились избавиться от иранского гнета.

Таким образом, на основании источников разных сторон можно установить основные черты этого очень сложного по характеру своему движения. Из описания обстановки, в которой движение происходило, и самого хода его видно следующее:

1) Движение возникло в Дагестане и северных частях Азербайджана в кругах феодалов и духовенства;

2) Ведущую и организованную силу движения составляли отряды из Дагестана, но наряду с ними в нем принимали участие значительные массы низов населения Ширвана и Шеки, надеявшиеся таким путем освободиться от гнета иранских властей;

3) Движение было направлено против иранской администрации, сторонников Ирана и вообще власти Ирана;

4) Движение возглавлялось лицами, принадлежавшими к кругам феодалов, они преследовали свои личные честолюбивые цели;

5) Поскольку богатые верхи горожан исповедывали государственную религию Ирана и были тесно связаны с иранскими властями, борьба против иранского господства привела к гибельным последствиям для городов Шемахи, Шаберана, а также и ряда других населенных мест;

6) Движение это происходило не без влияния со стороны Турции, суннитское духовенство которой призывало население Ширвана и Дагестана к войне против «еретиков»;

Ханвай не различает народностей, участвовавших в восстании. Он всех повстанцев называет лезгинами. Это неправильно, так как среди них была масса азербайджанцев.

[1] Ср. Лефорт. Донесения гр. Флемингу. Москва. 3 апр. и 29 мая 1722 г. („Сборник имп. русского исторического об-ва”, т. 3, док. 22 и 27, стр. 345-350).

В дальнейшем ссылки на это издание будут указаны так: С И. Р. И. О. и т. д.

[2] С. М. Соловьев, указ. изд., т. XVIII, стр. 671.

[3] С. М. Соловьев, указ соч. („Вестник Европы”, 1868, т. II, стр. 172).

[4] Джугайцы - т. е. джульфинцы. Имеются в виду приехавшие из новой Джульфы близ Исфагана.

[5] Есаи католикос, указ. перевод, стр. 26.

[6] Hammer – Geschichie des Osmanischen Reiches 1831, t. VII, s. 297. В дальнейшем будет указываться: Гаммер и т. д.

7) Движение это включало в себе разнородные элементы классовой борьбы;

8) Движение это как впрочем и многие другие общественные движения средневековья, протекало под религиозным флагом, чем об'ясняется фанатичность участников движения и междоусобия в среде азербайджанского населения, поскольку часть его исповедывала шиизм, а другая, повидимому, все же большая часть - суннизм.

Таковы наиболее важные черты этого движения, но сложность его не должна заслонить основного и важнейшего, именно того, что оно было направлено против иранского господства,- и что возглавлявшие его лица, преследуя собственные, личные цели, стремились добиться независимости от Ирана, хотя бы путем признания зависимости от Турции, что вовсе не отвечало интересам массы участников движения.

Астраханский губернатор А. П. Волынский, узнав о взятии повстанцами Шемахи, писал Петру I: «Мое слабое мнение доношу: по намерению вашему и начинанию законнее сего нельзя и быть причины: первое, что изволите вступить за свое; второе, не против персиян, но против неприятелей их и своих»[1].

Это событие послужило поводом к началу похода российских войск в прикаспийские области.

После того, как восставшие взяли Шемаху, начальники Ганджи и Еревана известили об этом шаха и просили у него помощи. Но шах не мог оказать помощи: он сам в ней нуждался, будучи доведен до крайности все разраставшимися успехами восстания афганцев.

Тогда ганджинский Огурлу-хан и эриванский хан собрали свои войска и пришли, к городу Барде, поблизости от которого и расположились на берегу р. Куры. Повстанцы хорошо знали о грозившей им опасности. [73 - 74] Воспользовавшись беспечностью ханов, не выставивших охранения и караулов, повстанцы внезапно появились перед лагерем, переправились через Куру и, напав на войско упомянутых ханов, служивших шаху Хусейну, разгромили его[2]. Ханы и их войска, бежали по течению р.р. Тертера и Хаченки; их преследовали до самого подножья Карабахских гор. Это случилось осенью 1721 г., т. е. в том же году, когда была взята Шемаха[3].

Весной 1722 г. повстанцы действовали в Карабахе, именно в Дизаке, Варанде и Хачене. Сообщение Есаи католикоса о том что повстанцы во всех этих местах занимались только чудовищным грабежом населения, не заслуживает полного доверия потому, что Есаи католикос настроен явно враждебно по отношению к повстанцам.

Повстанцы некоторое время осаждали также и город Ганджу, но взять его им не удалось, так как к Гандже подошел картлийский царь Вахтанг VI, это заставило повстанческие отряды уйти за р. Куру[4]. Между прочим, жители Ганджи, обратившись к Вахтангу, говорили: «лезгины не пришли бы к нам, в нашу страну, если бы в близких к нам районах и среди окружающих народов не было единомышленников с ними и не имели бы они сторонников среди них»[5]. Эти слова показывают, что последние события нельзя оценивать как простой грабительский набег дагестанцев на Карабах и Арран (Ганджу). Очевидно, они являлись продолжением того антииранского движения, о котором рассказывалось выше.

Из сказанного видно, что антииранское движение в северном Азербайджане, точнее Ширване, имело огромаые успехи. Большая часть края, в том числе и важнейший город Шемаха, находилась в руках повстанцев. Одни иранские отряды были разбиты и рассеяны, другие укрывались в крепостях Ганджи и Баку, не смея выйти оттуда. Иранская администрация почти повсеместно была уничтожена. Антииранское движение нанесло сильный удар по центральной власти Ирана, и без того расшатанной и ослабленной восстанием афганцев. В результате антииранского движения большая часть северного Азербайджана фактически выпала из состава иранского государства. Но все эти успехи не привели к установлению политической самостоятельности и независимости хотя бы северного Азербайджана. Распадом иранского государства воспользовались Турция и Россия. Ни хаджи Дауд-бек, ни Сурхай-хан по слабости сил своих не были в состоянии принять действенных мер к обеспечению независимости Ширвана, хотя и не приходится сомневаться в том, что она им была весьма желательна. Петр I воспользовался антииранским движением, но только как поводом для захвата Прикаспийских областей, - результаты этого движения способствовали ему в осуществлении этой задачи.

---

[1] С. М. Соловьев, указ. соч. (“Вестник Европы”, 1868, т. II, стр. 172).
[2] Ханвай, т. II, стр. 146.
[3] Есаи католикос, указ. перевод, стр. 26-27.
[4] Там же, стр. 27-30.
[5] Там же, стр. 31.

«ПЕРСИДСКИЙ» ПОХОД ПЕТРА I

Петр I, закончив войну со Швецией, стал готовиться к войне с Ираном за обладание западным и южным побережьем Каспийского моря. Азербайджан и в ту пору был богат шелком, нефтью, хлопком, рыбой, шафраном и разнообразными плодами. Через Азербайджан проходили важные торговые пути в Иран и Индию. [74 - 75]

Петр I, выводя Россию в разряд передовых европейских государств, решил обогатить свое государство изделиями и сырьем, производившимися в восточных странах. Торговля с востоком сулила огромные прибыли[1]. В связи с этим нужно было овладеть побережьем Каспийского моря, чтобы иметь порты - опорные базы для колониальной торговли. В течение ряда лет Петр всякими способами собирал сведения о политическом состоянии Азербайджана и Ирана, о дорогах черезь Дагестан и Азербайджан и о природных богатствах этих стран.

Как уже упоминалось, еще в 1715 г. с разведывательными целями был отправлен в Исфаган посланник А. П. Волынский. В данной ему инструкции Петр ставил перед ним следующие задачи: «Едучи по владениям шаха персидского, как морем, так и сухим путем, все места, пристани, города и прочия поселения и положения мест, и какие где в море Каспийское реки большие впадают, и до которых мест по оным рекам можно ехать от моря, и нет ли какой реки из Индии, которая бы впала в сие море, и есть ли на том море и в пристанях у шаха суды военные или купеческие, такожь какие крепости и фортеции - присматривать прилежно и искусно... однакожь так, чтобы того не признали персияне, и делать о том секретно журнал повседневный, описывая все подлинно... Смотреть, каким способом в тех краях купечество российских подданных размножить, и нельзя ли через Персию учинить купечество в Индию. Склонять шаха, чтобы поведено было армянам весь свой торг шелком сырцом обратить проездом в Российское государство, пред'являя удобство водяного пути до самого С-Петербурга, вместо того, что они принуждены возить свои товары в турецкие области на верблюдах, и буде невозможно то словами и домогательством сделать, то нельзя ли дачей шаховым ближним людям; буде и сим нельзя будет учинить не мочно ль препятствия какого учинить Смирнскому Алепскому торгам, где и как?»[2]. Волынский выговорил у шахского правительства право свободной торговли для русских купцов по всей Персии.

По возвращении Волынского из Ирана, в сентябре 1719 г. туда был отправлен капитан Алексей Баскаков с наказом: «Ехать в Астрахань и оттуда в Персию под каким видом будет удобнее и поступать таким образом:

1) ехать от Терека сухим путем до Шемахи, для осматривания пути, удобен ли, для прохода войск, водами, кормами конскими и прочим; 2) от Шемахи до Атюнерона и оттуда до Гиляни смотреть того же, осведомиться так же и о р. Куре; 3) о состоянии тамошнем и о прочих обстоятельствах насматриваться и наведываться и все это делать в высшем секрете»[3].

По приказанию Петра I в 1720 г. была составлена карта Каспийского моря[4]. Уже в первых годах XVIII в. Петр I установил связи с царями Грузии, армянским духовенством и частью меликов Карабаха, Шеки (позже стала называться Нухинской областью) и Ширвана.
Отношения Петра I с картлийским царем Вахтангом VI, а также [75 – 76] и с армянскими меликами духовенством Карабаха начались задолго до похода в прикаспийские области; нет необходимости останавливаться на всех перипетиях этих сношений, отметим лишь самое существенное. Царь Вахтанг летом 1721 г. через астраханского губернатора просил Петра I о том. чтобы к нему прямо в Грузию ввести 5 или 6 тысяч русских войск и поставить их гарнизонами, что, по мнению царя, помогло бы не только охране Грузии, но и заставило бы владетельных князей, не согласньгх с его -политикой, подчиниться ему.

В ноябре 1721 г. царь Вахтанг VI в письме к одному из лиц, близких Петру I, писал: «Многие причины побуждают меня к отвержению несправедливо наложенного на нас персидского ига, под которым предки наши находились, и мы до сих пор находимся в самом бедственном состоянии. Хотя в нынешнее время ослабление персиян и распадение могущества их позволяло бы нам самим предпринять дело, однако мы положили, что, при опоре на сильнейшего государя и непобедимого предводителя, мы можем действовать с большею безопасностью и ручательством за успех»[5].

---

[1] Ср. С. Идаров - Значение Индии в политике России („Русский Вестник", 1884, кн. 6, стр. 487-553).
[2] С. М. Соловьев - История России, указ. изд., т. XVIII, стр. 664.
[3] С. М. Соловьев, указ. соч. ("Вестник Европы", 1868, т. II, стр. 169).
[4] Несколько позже, в 1729 и 1730 гг., была составлена новая подробная карта Каспийского моря и описание его. Эта большая работа на основании материалов, собранных в ряде экспедиций, была исполнена Федором Ивановичем Соймоновым. Карта Ф. И. Соймонова была первой картой Каспийского моря, составленной на научных основаниях.
[5] "Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 г. по 1770 г." изд Академии наук, СПБ, 1861.

Потом Вахтанг VI просил царя о том, чтобы он десантом солдат тысяч в десять или более занял крепость Дербент и город Шемаху. После чего просил о том, чтобы была построена на р. Тереке крепость, обеспечивающая свободное сообщение с Грузией. Со своей стороны он обещал, в случае войны с Ираном, выставить 30-40-тысячное войско и пройти с ним до самого Исфагана[6].

Ряд причин заставлял Вахтанга VI стать союзником Петра I. Политическая обстановка, в которой в то время находилась Грузия, а также и положение внутри самой страны направляли Грузию на союз с Россией. С одной стороны, к этому приводило желание избавиться от гнета иранской монархии, державшей Грузию под своим ярмом, а с другой - нависшая над Грузией угроза со стороны Турции и. наконец, своеволие и неподчинение грузинскому царю местных крупных феодальных владетелей, продававшихся Ирану и Турции ради обеспечения своего благосостояния и власти. Таким образом, уже в начале XVIII века обстановка, в которой жила Грузия, была такова, что самостоятельное политическое существование ее не было возможно.

Сношения Петра I с армянским народам через меликов и духовенство начались еще с_ 1701 г. Целью их со стороны армянского народа было избавление от гнета Ирана и турецкого господства, со стороны же России - обеспечение союзника в среде местного населения для предстоящей оккупации прикаспийских областей и закрепления их за Россией.

Ободряя армянских меликов и духовенство Карабаха, Петр I организовал и готовил их к тому, чтобы они в нужный момент оказали помощь его войскам. И действительно, впоследствии армяно-грегорианское духовенство и мелики собрали весьма значительную вооруженную силу, которая готовилась к выступлению в то время, когда российские войска подойдут к Шемахе. Эти мероприятия были необходимы России для облегчения проведения оккупации Азербайджана и южного побережья Каспия[1]. [76 - 77]

Слабым состоянием иранского государства желала воспользоваться также и Турция, которая была сильнейшим врагом, противодействовавшим устремлениям России. Турция прилагала усилия к тому, чтобы не допустить Россию до утверждения на побережьи Каспийского моря, в частности – до овладения Азербайджаном; дело едва не дошло до войны.

Выступая в поход для оккупации Каспийского побережье Петр 1 озаботился тем, чтобы придать своим действиям вид законности. В манифесте, изданном по его повелению 15 июня 1722 г. на азербайджанском, персидском и турецком языках, было об'явлено, что русские войска выступают на помощь шаху Хусейну против поднявших мятеж «бунтовщиков», которые не только с оружием в руках выступили против «государя своего», но нанесли ущерб российским купцам и торговле. В этом манифесте Петр 1 обнадеживал население, что ему не причинят ни малейшего вреда в том случае, если оно не будет помогать бунтовщикам и противиться российским войскам. Манифест этот был послан в Дербент. Баку, Шемаху и другие места.

Действие манифеста было различным в зависимости от того, к кому он попал. Участники антииранского движения, и прежде всего хаджи Дауд-бек и Сурхай-хан. увидели в нем прямую угрозу. Они решили, что подвергнутся каре со стороны России. Это сразу толкнуло их в сторону Турции и попытки в дальнейшем исправить этот нежелательный результат успеха не имели. Та же часть населения, которая еще не успела, принять участия или не играла видной роли в антииранском движении, готова была вступить под власть России.

Еще в первой половине 1722 г. в Астрахани были сосредоточены суда, построенные в городах по верховьям Волги. На этих судах пехота и артиллерия из Астрахани были перевезены в Аграханский залив. Кавалерия шла к Дербенту сухим путем[2]. Соединенные у Аграханского залива российские войска во главе с самим Петрам I двинулись к Дербенту, в который и вступили без боя, в августе.1722 г.[3]

В письме, обращенном к сенату, Петр I, описывая этот поход, о вступлений в Дербент писал: «Потом, когда приближались к сему городу (Дербенту), то наиб сего города (наместник – *В. Л.*) встретил нас и ключ поднес от ворот. Правда, что сии люди нелицемерною любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили. Из Баки такия же письма имеем, как из сего города (Дербента) прежде приходу имели; того ради и гарнизон туда отправил, и тако в сих краях, с помощью божиею. фут получили чем вас поздравляем. Марш сей хотя недалек, только зело труден от бескормицы лошадям и великих жаров»[4].

В приведенном извлечении из письма особенное внимание обращает на себя тот факт, что дербентцы с радушием приняли вступившие в город российские войска. В ту пору значительная часть городского населения состояла из азербайджанцев. Очевидно, вступление русских, войск отвечало

---

[6] „Переписка грузинских царей с российскими государями", указ. изд.

[1] Г. А. Эзов - Сношения Петра Великого с армянским народом. СПБ, 1898.

[2] П. Бутков - Материалы для новой истории Кавказа, ч. I, СПБ, 1869, стр. 21.

[3] Там же, стр. 26, 27.

[4] С. М. Соловьев, указ. Изд., т. XVIII, стр. 677.

интересам большей части городского населения, которое, вне сомнения, опасалось, что отсутствие в Ширване сильной власти может повести к тому, что город сделается ареной кровавой борьбы и грабежей феодалов.

В августе 1722 г. русскими войсками был занят лежащий к югу ст. Дербента мушкурский магал, родина Дауд-бека. Один, неизвестный по фамилии современник Петра I, оставил описание приморских частей Азербайджана. [77 - 78]

Записка о походе Петра I, в которой находится это описание, составлена, очевидно, осенью. 1722 г. Так как это живое и красочное списание современника является весьма редким документом и дает нам представление о культуре страны, воспроизводим его здесь полностью: «Между тем российским войском занят как весь Дербентский уезд, так и соседственный оному уезд же, называемый Мушкура, лежащий при Каспийском море между реками Самурою или Еламою и Бельбелееюю[1], из которых последняя отделяет его от Шабрана. Прежде сего в сей области были изрядные и богатые селения под именем деревень, но оные в минувшем году (очевидно, в 1721 – *В. Л.*) от мятежников разорены; однако же жители паки туда собрались, и некоторые деревни поправились, из коих в одну называемую Дедели, окруженную каменного стеною, введен был российский гарнизон.

Вся сия страна, впрочем, весьма изобильная, имеет многие небольшие реки, рыбную ловлю, леса, луга и изрядные пашни. В лесах, по - большей части состоящих из высоких и толстых буков и дубов, в изобилии растут яблони, груши, сливы, орехи, квиты[2]; меспелы[3] и другие плоды, а особливо множество дикого винограда. Луга почти беспрестанно зеленеют, и хотя в июне и в июле месяцах высыхают от жаров, но тем приятнее бывают после, а особливо в декабре и генваре, когда все луга покрываются травами и цветами. Сей уезд снабдевал до мятежей хлебом, пшеницею и сарацинским пшеном не токмо весь Ширван, но и Дагестан, и прочие окрестные места. В нем приготовляли также множество шелка, и хотя сей промысел, во время смятений был разорен, но в оном городе паки завелись сии фабрики. Все сии места государем в том же августе месяце заняты»[4].

Однако, Петр I на военном совете, состоявшемся в Дербенте 29 августа 1722 г., решил приостановить поход и отдал приказ о возвращении значительной части армии в Россию. Сам он тоже, через Астрахань, возвратился в Москву.

Среди причин, об'ясняющих эти действия Петра I, обычно указывают на то, что суда с провиантом для армии, шедшие морем из Астрахани к Дербенту, у самого берега во время сильного шторма на море потерпели аварию, благодаря чему большая часть муки подмокла и. стала непригодной к продовольствию, указывают также на большие потери в лошадях, и на то, что внутренние дела в России требовали пребывания Петра в столице. Здесь подчеркнем только один, обычно упускаемый из виду момент, имеющий огромное значение для об'яснения дальнейшего хода событий. Известно, что Петр I собрал для так называемого «персидского похода» большую армию, насчитывавшую около ста тысяч (из них 32 тыс. регулярной пехоты и конницы) человек. Опыт самого похода, непосредственное знакомство с политическим состоянием страны, а также испытание ее природных и климатических условий показали Петру I, что для достижения его цели не было необходимости в сосредоточении огромных сил, так как в стране, в которую он вступил, не было больших организованных военных сил противника подчинявшихся единому руководству. Армия Петра I требовала громоздких обозов и огромного количества провианта. Организация всего этого была связана с колоссальными денежными затратами, которые [78 - 79] не оправдывали себя, хотя бы только потому, что обстановка, в которой действовала армия, вовсе не предписывала громоздкой организации, а скорее требовала большей облегченное и подвижности. Кроме того, большое скопление людей при тогдашнем состоянии медицинской службы, в условиях непривычного для солдат климата и обилия фруктов, неизбежно вело к массовым заболеваниям.

Опыт похода открыл все эти стороны перед Петром 1. Еще на упомянутом военном совете в Дербенте Петр, исходя из опыта совершенного им похода в Дербент, решил, что для достижения важнейшей цели похода - оккупации прикаспийских областей - нет нужды в действиях целой армии: дело успешно может быть решено несколькими экспедициями из Астрахани в Гилян и Баку. Это новое решение очень образно выражено было самим Петром, когда он на вопрос полковника Шилова, которому предстояло отправиться в Гилян, достаточно ли ему будет двух баталионов для того, чтобы занять провинцию, отвечал, что Стенька Разин имел во время своих походов в эту сторону только 500 человек, неужто ему недостаточно будет двух регулярных баталионов?[5]

---

[1] Вельвели.
[2] Айва.
[3] Шишки.
[4] Сочинитель записки неизвестен. Рукопись XVIII в. („Русск. Архив”, 1899, № 12„ стр. 480). Скорее всего, сочинителем записки являлся И. Г. Гербер, поскольку приведенный текст почти дословно совпадает с его описанием.
[5] П. Г. Бутков, указ. соч., т. 1, стр. 39.

В начале ноября 1722 г., еще в присутствии Петра I, морем из Астрахани была отправлена экспедиция Шилова. В ноябре же Решт был занят русскими войсками.

Петр I был очень обеспокоен тем, чтобы возможно скорей занять западное и южное побережье Каспия и тем самым преградить Турции доступ к морю. По мысли Петра, Каспийское море должно было превратиться в море, целиком принадлежащее России. Только этим путем, без значительных помех, можно было обеспечить торговлю по волгокаспийскому пути. Этот путь, по мнению Петра, мог бы связать Россию даже с Индией, а Западную Европу с Востоком через Россию помимо Турции. Выход России на западное и южное побережье Каспия отодвинул бы роль Турции в торговле с Европой на задний план, что немало бы способствовало ослаблению этой державы, начинавшей клониться к упадку, но еще достаточно сильной и активной. Петр предполагал, что восточные товары пойдут новым путем по Каспию и Волге, рассчитывал, что сумеет нарушить сильно сократить транзит товаров по малоазиатским путям на Смирну и Алеппо. Исходя именно из этих задач, Петр I стремился в возможно более короткий срок, пока турецкие войска не успели выйти к берегам Каспийского моря, отправить экспедиции и закрепиться прежде всего в Гиляне и Баку.

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ г. БАКУ К РОССИЙСКОЙ ОККУПАЦИИ

Петр I еще на пути к Дербенту получил от бакинских жителей письмо, в котором они отдавались под его покровительство. В журнале «О походе из Астрахани и как пришли в Дербент», который велся.у Петра I, отмечено, что 22 августа «получено письмо от бакинских жителей, в котором они писали... что его императорское величество к ним в Шарван путь свой восприять изволил, что они увидели из присланных к ним манифестов, по которым его величеству служить и в послушании пребыть желают, и при том об'являют.что тож второй уже год, что от злоумышленных шахова величества неприятелей обороняются, и желают, чтобы те злодеи как наискорее к достойному наказанию приведены, а они жители, его величества мирным охранением взысканы [79 - 80] были»[1]. Царь, получив такое письмо от жителей Баку, отправил туда морем поручика Лунина с тем, чтобы получить согласие бакинских правителей на сдачу города русским войскам. В Баку в ту пору стоял иранский гарнизон. Поручик Лунин в город допущен не был[2], а в ответ на привезенный им манифест, в котором говорилось о том, чтобы «...город Баку, для своей безопасности, принял бы российский гарнизон, который имеет быть снабжен провиантом и всякою потребностью из Дербента»[3], - бакинские правители ответили, что они сами могут оборонять город.

Эти же факты отмечены и в другом современном событиям документе, который представляет значительный интерес, поскольку в нем освещается отношение бакинских жителей к вопросу о допущении российских войск в город.

«Хотя до сего времени, - говорится в этом документе - жители города Баку и охотно отдавались в покровительство государя, но вдруг они или паче начальники их, поступили совсем противным образом. Они не токмо не приняли предлагаемого им покровительства, но и не пустили в город поручика Лунина, посланного к ним от государя с манифестом, ответствуя на оный, что они и без нужной помощи от мятежников обороняться могут»[4].

Следует заметить, что в приведенных документах указывается на различное отношение к вопросу о вступлении под российское покровительство. Жители склонны к этому, а начальники не желают этого.

Судя по этим материалам, можно придти к заключению, что бакинские жители не имели желания оборонять город против российских войск. Занятие города русскими войсками, очевидно, представлялось им как приемлемый выход из под власти Ирана. Одновременно вступление российских войск гарантировало город от всяких роковых случайностей, которые могли разразиться над ним в связи с тем, что во всем Ширване происходили грозные события, вызванные антииранским движением. Последнее обстоятельство в обстановке того времени для большинства жителей города имело едва-ли не решающее значение. Это мнение может быть подтверждено сведениями, сообщенными И. Г. Гербером, который о населении города Баку писал следующее: «Жители города по большей части кызылбаши, или персидские солдаты, следовательно, и персидского закону, которые получали жалование и должны были народ, признавающий суннитскую секту, содержать в послушании»[5].

Бакинский гарнизон использовался для поддержания представителей иранской власти, как в городе, так и в окрестностях. Жители города опасались сил Дауд-бека. Они полагали, что город от повстанцев, руководимых Дауд-беком и дагестанскими феодалами, перетерпит такие же несчастья, разорение и ужасы, которые испытали Шаберан и Шемаха и ряд других мест. Естественно, что для них вступление российских войск было более приемлемым, нежели взятие города силами Дауд-бека. Однако поставленный от имени иранского шаха султан все же решил удержать город за собой.

Для занятия города Баку в июне 1723 г. из Астрахани были отправлены суда под командой генерала Матюшкина. В инструкции [80 - 81] Петра I Матюшкину было написано: «Идтить к Баке и тщиться оный город с помощью божиею конечно достать, попеже ключ всему нашему делу оный... и беречь сие место паче всего, понеже для него все делаем»[1].

Эскадра, придя в июне в бакинский залив, стала полукружием в бухте.

Генерал Матюшкин предложил бакинскому султану сдать город. Но султан и другие почетные особы решили его защищать. Однако желания большинства бакинских жителей были направлены не к обороне города, но к сдаче его российским войскам.

---

[1] Г. Мельгунов - Поход Петра Великого в Персию. („Русский Вестник". 1874, т. 110. стр. 41).
Ср. В. Лебедев - Поход Петра Великого в Персию („Журн. мин. нар. просв.", 1848. октябрь, отд. II, стр. 30).
[2] А. Бакиханов - указ. соч., стр. 105.
[3] Г. Мельгунов, указ. соч., стр. 42.
[4] Записка неизвестного автора. Рукопись XVIII в. ("Русский Архив", 1899, № 12, стр. 486).
[5] И. Г. Гербер, указ. соч., стр. 293.
[1] С. М. Соловьев, указ. изд., т. XVIII, стр. 681, 682.

Бакинцы прекрасно знали русских по постоянным торговым сношениям с Астраханью. Много русских купцов подолгу жило в Баку, а купцы бакинские часто бывали в Астрахани. Между ними издавна существовали деловые торговые связи. Бакинцы, несомненно, противились тому, чтобы оборона города была доведена до штурма его российскими войсками, так как предвидели долженствовавшие произойти от этого несчастия. В сложившейся обстановке масса бакинского населения готова была принять российские войска.

Таково было положение внутри города,-когда началась осада его. С судов на берег был высажен десант. Направленные против него атаки конницы иранского гарнизона были отражены артиллерийским огнем. Русские войска, стреляя из пушек, свезенных на берег и с судов, находившихся в бухте, стали пробивать брешь в городской стене. Артиллерия, стоявшая на стенах крепости, в скором времени принуждена была замолчать. От бомбардировки в городе возник пожар. В городских стенах была пробита большая брешъ и, «хоть она и была заделана, на шестой день на стенах крепости появились белые флаги, город сдался[2].

В вышеупоминавшемся труде Ф. И. Соймонова в следующих строках описывается вступление российских войск в Баку:

«На берегу находящиеся батальоны были поставлены в строй, а бакинские жители почти все вышли за город без оружия, уведомляя ген.-майора, что все ко вшествию россиян готово. Вшествие происходило в наилучшем порядке. Ворота и другие места караулами, заняли. Посреди города есть большая площадь, на которой стоит знатнейшая мечеть. Там учредили гауптвахт. Солдатам отвели квартиры в двух пустых каменных каравансараях, в армянском и индийском, в коих им гораздо было безопаснее, нежели б по обывательским домам расставленным быть»[3].

По сведениям, собранным П. Бутковым: «В городе найдено 80 пушек медных и чугунных и две большие гаубицы без станков. Пороху и другой аммуниции было очень мало, особливо недоставало ядер к гаубицам. Гарнизон состоял из 700 персиян под командою старшего юсбаши (т.е. полковника) Магмут-Дарга-кули. которые все приняты на нашу службу. Жителям подтверждены их вольности. Собственность или доходы казны приняты в российское управление. Оные состояли из двух главный, поступающих в продажу статей: соля и нефти, и. сколько известно, приносили в казну российскую в год 50 т. руб. Сверх того были сборы пошлинные и полавошные»[4]. [81 - 82]

Петр I, получив донесение Матюшкина о взятии Баку, писал ему следующее:

«Письмо ваше я получил с великим довольством, что вы Баку получили (ибо не без сомнения от турков было), за которые ваши труды вам и всем при вас в оном деле трудившимся благодарствуем к повышаем вас чином генерал-лейтенанта. Не малое и у нас бомбардирование того вечера было, когда сия ведомость получена»[5].

Петр был очень рад взятию Баку, так как считал его лучшим портам Каспийского моря, он полагал, что этот город должен стать центром, через который будет проходить торговля со странами Переднего Востока. Взятие Баку в Петербурге было торжественно отпраздновано.

Подтверждением того, что население города Баку и апшеронских селений не было заинтересовано в обороне города, могут служить также строки из сочинения упоминавшегося уже выше Гаммера, который на основании сведений турецких источников сообщает о том, что одному из специальных лиц, посланных турецким двором с поручением оказать лезгинам помощь против русской армии, были пред'явлены письма жителей Дербента и Баку, которыми означенные жители отдались под покровительство России. Официальное лицо, получив эти письма, отправило их к турецкому двору[1].

Таким образом, свидетельства приведенных выше русских источников отвечают действительности и не могут быть оценены как специально сочиненные официальные версии. Подтверждением сказанного отчасти могут служить сведения из сочинения мирзы Мехти-хана - придворного историографа Надир-шаха. Отписал: «Падишах русских, Петр, сухим путем, через Кизляр, с бесчисленным войском прибыл в Дербент, и народ тамошний, опасаясь владычества лезгин и турок», как непримиримых врагов Персии, без разрешения персидского шаха явился к нему с покорностью... После чего он взял Баку и Сальяны, и довольствовался справедливою податью и повинностями, существовавшими в том крае и возвратился во свояси»[2].

---

[2] А. Бакиханов, указ. соч., стр. 108.
Ср. П. Бутков, укач. соч., стр. 46-49.

[3] Ф. И. Соймонов - Описание Каспийского моря и чиненых на оном Российских завоеваниях (“Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах”, январь 1763 г., изд. АН, СПБ, стр. 417-418).

[4] П. Бутков, указ. соч., ч. 1, стр. 48
Ср. Ф. И. Соймонов, указ. соч., стр. 418.

[5] С. М. Соловьев, указ. соч. („Весгник Езропы”, 1868, т. II, стр. 181).

[1] Гаммер, указ. соч., т. VII, стр. 298.

[2] Мирза Мехти-хан Астрабадский - „Тарихи Надир”. Перев. А. Берже („Русская Сгарина”. 1881, т. 32, октябрь, стр. 453).

Де-Кампредон, донося в сентябре 1722 г. королю Людовику XV о взятии русскими войсками гор. Баку, сообщал также слышанное им от Петра I об'яснение того, почему Баку сопротивлялся. «Население сопротивлялось потому, - писал он, - что оно ежегодно уплачивало персидскому шаху 150 тыс. экю пошлины за изобилующее в окрестностях Баку минеральное масло, называемое Oleum petral, ныне же пользуясь беспорядками, отказалось от этой пошлины»[3].

Это весьма ценное сообщение указывает на значение бакинской нефти. Надо иметь в виду, что нефтяными колодцами в ту пору обычно владели правители г. Баку и некоторая часть местной знати. Часть доходов, приносившихся нефтяными колодцами, поступала в их руки, а в связи с крайним ослаблением центрального иранского правительства, даже и та часть, которая должна была поступить в шахскую казну, теперь оставалась у городских (правителей. Поэтому вполне естественно, что именно иранская администрация и некоторая часть местной знати не были склонны сдавать город русским войскам, боясь потерять источники своего обогащения. [82 - 83]

Между тем в августе 1723 г. в (Петербург прибыл иранский посол Измаил-бек, который выехал из Ирана еще в январе месяце. Посол приехал с тем, чтобы на основании полномочий, данных ему от шаха Хусейна, а также молодого шаха Тахмаспа, договориться о том, чтобы Россия оказала иранскому правительству помощь против афганцев и других мятежников. Петр I обещал выступить вооруженными силами против врагов центрального иранского правительства. Он обещал обеспечить престол за шахом Тахмаспом. Эти обязательства; хоть и были внесены в договор, но Петром исполнены не были. Однако, до их исполнения, согласно договору, заключенному с Измаил-беком, Иран в вознаграждение расходов и трудов, которые должна была понести Россия, помогая шаху утвердиться у власти, уступал ей все западное и южное побережье Каспийского моря от Дербента до Астрабада. Правда, Иран фактически тоже ничего не отдавал, так как Дербент, Баку и Гилян были заняты русскими войсками еще до заключения этого договора, Мазандеран же и Астрабад и впоследствии русскими войсками заняты не были, тем не менее этот договор, хотя с ним иранское правительство некоторое время не соглашалось, все же как-то оформлял присоединение прикаспийских областей к России.

Бакинское султанство, присоединенное к России, обещало много выгод. Во-первых, Баку был лучшим портом на Каспийском море. По мысли Петра I, город должен был стать опорной базой российских войск, а может быть, и средоточием восточной торговли; в этом состояла политическая и экономическая роль, которую отныне предстояло играть городу. В окрестностях города находились нефтяные колодцы, из которых крестьяне сел Апшерона, приписанные к колодцам, добывали нефть. Как уже указывалось выше, доходы от нефти составляли весьма значительную сумму. Однако не только нефтью был богат Апшеронский полуостров. Для описания его богатств можно воспользоваться текстом одного из католических миссионеров, который в близком от описываемых событий времени был в Баку. Он писал: «Провинция Баку - одно из султанств в ширванском королевстве, в ней только 34 селения, но почва очень плодородная, изобилующая, в особенности зерном, хлопком и шафраном и всеми видами превосходных плодов.

Растение хлопок - это род маленького деревца высотой около 2-х футов, оно, расширяясь кверху наподобие кустарника, выпускает несколько веток, на которых появляется нечто вроде орехов, внутри которых находится хлопок; шафран имеется двух сортов: домашний и дикий. Первый более ценимый, луковичное растение низкого роста, цветет раньше появления листьев. Цветок красноватого цвета; когда он раскрывается, видны 3 или 4 нити огненного цвета; эти нити и есть настоящий шафран. Его собирают по утрам, и требуется много труда, чтобы собрать в довольно большой глиняный сосуд каждый день по нескольку щепотьев... Попадаются изгороди и заросли кустарника, покрытые дикими апельсинами и лимонами, вкус которых несравненно менее приятен, чем вкус домашних, растущих в садах или кадках.

Султанство Баку доставляет еще большое количество соли и нефти. Соль добывается из соленой воды одного озера подобно тому, как во Франции она добывается из морской воды»[1].

В приведенных сведениях имеются очень ценные данные. Они [83 - 84] говорят о наличии на Апшероне большой старинной культуры. Оказывается, в то время в условиях Апшерона могли культивировать хлопок; очевидно, когда-то здесь культивировали апельсины и лимоны, но потом они одичали. Большие размеры имела культура шафрана. Эту драгоценную пряность вывозили не только в страны Закавказья, но и в Иран и Турцию.

По занятии русскими войсками г. Баку, при помощи привезенных поволжских татар, чувашей и представителей других народностей, были проведены работы по обновлению и усилению бакинской крепости.

---

[3] Донесение де-Кампредона королю, Петерб. 2) сентября 1723 г („Сборн. импер. Русского исторического общества", т. 49, док. №71, стр. 384). В дальнейшем ссылки на это издание будут указаны так: С. И. Р. И. О. и т. д.

[1] Voyages d'un Missionaire de la C. de lesus. Перевод Абезгуза (Научн. архив Ин-та истории им. А. Бакиханова АН Азерб. ССР, № 474).

Через некоторое время стало известно, что бакинский султан имел сношения с хаджи Дауд-беком и был склонен передать город Турции; султан был арестован и выслан в Астрахань[2]. Для управления населением был назначен юзбаши (т. е. сотник) Дарга-кули-бек.

А, Бакиханов сообщает, что Дарга-кули-бек или Дарга-хан «имел резиденцию в селении Машката (вероятно, Маштаги – *В. Л.*), где его дворец, сад и водоем еще и поныне существуют под его именем»[3].

П. Бутков пишет о том, что Дарга-кули-бек в 1724 г. тайно подготовил нападение на русский гарнизон, предполагая его истребить, а город передать Дауд-беку. который с войсками из Шемахи должен был подойти к Баку. Заговор был раскрыт. Об этих событиях И. Г. Гербер сообщает: «Юсбаши и знатнейшие его сообщники ушли, а другие взяты под караул, некоторые осуждены на смерть, а прочие все, выключая токмо некоторых бедных людей, кои не имели участия в сем преступлении, посланы в Россию, и через то сей город весьма опустошен»[4]. Таким образом, становится очевидным, что в заговоре против российского гарнизона состояли городские верхи, а простой народ не был причастен к этому делу. Городская знать, часть, которой до присоединения Баку к России владела нефтяными колодцами, была ущемлена тем, что нефтяные колодцы были отобраны в казну. Последняя сдавала их на откуп за 50 тысяч рублей серебром ежегодно. Вероятно, это обстоятельство играло не последнюю роль в числе причин, вызвавших возникновение вышеописанного заговора.

Впрочем, нужно отметить, что обстоятельства, в которых возник заговор, а также и причины, вызвавшие его, не ясны, поскольку имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают раз'яснения по указанным выше вопросам. Однако, все же полагаем, что вина Дарга-кули-бека была невелика, потому что в 1727 г. российские власти вновь назначают его султаном в г. Баку и это положение он сохраняет до 1730 или 1732 года[5].

---

[2] А. Бакиханов, указ. соч., стр. 108.

[3] А. Бакиханов, указ. соч., стр. 109.

[4] И. Г. Гербер, указ. соч., стр. 294, 295.

[5] А. Бакиханов, указ. соч., стр. 109.
Ср. П. Бутков, ука. соч., ч. I, стр. 70.

ВСТУПЛЕНИЕ ХАДЖИ-ДАУД-БЕКА В ПОДДАНСТВО ТУРЦИИ

Уже весной 1722 г. Дауд-бек отправил в Константинополь послов с предложением принять его в подданство турецкой империи. Трудно сказать, был ли он тогда принят в подданство или же турецкое правительство, опасаясь осложнения отношений с Россией, воздержалось от этого, хотя и выразило большое удовлетворение этим посольством[6]. [84 - 85]

Достоверно известно, что осенью того же года, примерно в октябре, т. е. после занятия русскими войсками Дербента, Дауд-бек был принят в турецкое подданство на правах крымского хана и за ним была утверждена власть над Ширваном[7]. Он получил достоинство двухбунчужного паши, знамена с конскими хвостами, 30 тысяч червонцев и фирман султана[8]. Турецкое правительство было радо принять его под свое покровительство: это отвечало его намерениям относительно захвата .Азербайджана.

Одновременно с принятием в подданство турецкое правительство обязало Дауд-бека стараться отобрать у русских войск Дербент и другие занятые ими места.

К началу осени 1722 года турецкое правительство, обвинив жителей Тифлиса в нападении на турецких подданных, приказало эрзерумскому паше с пятидесятитысячным войском вступать в Грузию[1].

Весной 1723 года эрзерумский паша вошел с войсками в Картлию, что послужило началом захвата Грузии Турцией[2]. В течение 1723 года отношения между Россией и Турцией из-за противоречий их интересов по захвату Азербайджана были очень напряженными. С обеих сторон велись приготовления к войне[3]. Турция была намерена захватить некоторые части западного побережья Каспийского моря[4]. Петр I готов был начать войну: он ни в коем случае не соглашался допустить Турцию к берегам Каспийского моря. В апреле 1723 года русскому послу в Константинополе Неплюеву Петр I велел написать том, что «наши интересы отнюдь не допускают, чтобы какая другая держава, чья б ни была, на Каспийском море утвердилась».

Оценивая обстановку и взаимоотношения между Россией и Турцией, французский министр кардинал Дюбуа писал в марте 1723 г. французскому посланнику в Петербурге де-Кампредону следующее: «Оба помянутые государя на словах уверяют, будто твердо решились сохранить мир. Однако оба составили, повидимому, план увеличить насчет Персии свои владения, присоединив к ним прибегающие к оным персидские провинции. Между завоевателями, стремящимися к расширению своих владений в одном и том же направлении, столкновения происходят часто и иногда становятся почти неизбежны...»[5].

Турция напрягала усилия, стремясь захватить весь Азербайджан, в том числе и Ширван. Турецкий двор был очень взволнован вестью о том, что русские войска заняли гор. Баку, так как захват Баку, вне сомнения, входил в планы самой Турции[6]. Опоздав здесь, турки решили по возможности наверстать упущенное. Поэтому в течение 1723 г. [85 - 86] турки двинули войска в сторону Ганджи, а затем - Эривани и Нахичевани[6].

Эти действия не разрешали еще основной задачи Турции - выхода к Каспийскому морю. Утверждение в какой-либо части западного или южного побережья Каспийского моря позволило бы ей воспрепятствовать российской торговле с востоком по волго-каспийскому пути. Отсюда можно было бы угрожать даже Астрахани. Торговлю шелком-сырцом, имеющую огромное значение, можно было бы целиком поворотить на малоазиатские пути через турецкие владения.

---

[6] Донесение де-Кампредона кардиналу Дюбуа от 3 апреля 1722 г. (С. И. Р. И. О. т. 49, док. № 17, стр. 83-84).
С. Соловьем, статья в „Вестнике Европы", 1868, т. 11, стр. 194.

[7] Гаммер, указ. соч., т. VII, стр. 297.
С. М. Соловьев, статья в „Вестнике Европы", 1868, т. II, стр. 189, 194.
Ханвай, указ. соч , т. II, стр. 199.

[8] „Копия с поданного письма армянского архиерея вартапета 1723 г., мая 15-го". (Г. Л. Эзов, указ. соч., док. № 225, стр. 350).

[1] С. М. Соловьев, указ. соч., „Вестник Европы", 1868, стр. 192.
Ханвай, т. II, стр. 200.

[2] П. Г. Бутков, указ. соч., т. 1, стр. 52.
Донесение де-Кампредона королю. Петербург, 20 сент. 1723 г., С. И. Р. И. О. т. 49 док. 71, стр. 389.
Ханвай, т. II , стр. 201.

[3] Докладная записка о сношениях между Францией и Россией в царствование Петра 1, составленная в 1726 г. Ледраном (С. И. Р. И. О. г. 52, стр. XV).

[4] Гаммер, указ. соч., т. VII, стр. 297, 298.
С. М. Соловьев, указ. соч. („Вестник Европы" 1868, т. II, стр. 196),
Ср. Гаммер, указ. соч., т. VII, стр. 298.

[5] Письмо кардинала Дюбуа к де-Кампредону. Версаль, 26 марта 1723 г. (С. И. Р. И. О. т. 52, стр. 44).
Гаммер, указ. соч., т. VII, стр. 299-302.

[6] Ханвай. т. II, стр. 211, 213.
Гаммер, указ. соч., т. VII, стр. 302.

Опоздав в отношении Баку, Турция устремила свои взгляды на южный Азербайджан. Однако, независимо от этих больших стратегических и политических задач, захваты Турции в Азербайджане обогащали ее. Известно, что турецкое правительство нисколько не тратилось на управление захваченными областями. Они управлялись турецкими пашами за счет средств, извлекаемых из управляемой, страны. Часть их паши оставляли у себя, другую же должны были отправлять ко двору в Константинополь.

РАЗДЕЛ АЗЕРБАЙДЖАНА МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И РОССИЕЙ

Положение, создавшееся к концу 1723 г. и к началу 1724 г., показывало, что соперничавшие государства, т. е. Россия и Турция, фактически, путем оккупации, в значительной мере уже произвели раздел Закавказья[7], в частности, Азербайджана. При посредничестве французского министра в Константинополе этим государствам удалось договориться по оставшимся спорным вопросам и 12 июня 1724 г. в Константинополе был подписан между Россией и Турцией договор, уточнявший владения этих государств в Закавказье.

Граница между российскими и турецкими владениями, согласно упомянутому договору, определялась следующими пограничными знаками:

первый знак ставился между Шемахой и побережьем Каспийского моря в расстоянии $^1/_3$ пути по прямой линии от Шемахи к морю;

второй знак ставился в 22 часах средней верховой езды от Дербента «внутрь земли». Он ставился с таким расчетом, чтобы между ним и первым знаком по прямой линии было расстояние в 22 часа средней верховой езды;

третий знак ставился у слияния рек Куры и Аракса. Этот знак соединялся с первым прямой линией. Земли, лежавшие от перечисленных знаков и линий в стороне Каспийского моря, отходили к владениям Российской империи[1].

Земли, обращенные от упомянутых знаков «внутрь земли», отходили к владениям Турции.

У слияния Куры и Аракса сходились границы владений трех государств: России, Турции и Ирана. От этого места к югу границ между российскими и турецкими владениями не было, так как земли, отходившие по побережью Каспия к России, прикрывались владениями Ирана. [86 - 87]

Между Ираном и Турцией граница определялась следующими знаками:

первый знак, как уже было указано выше, стоял у слияния Куры с Араксом;

второй знак ставился в расстоянии одного часа средней верховой езды от Ардебиля в сторону Тебриза (первый и второй знаки соединялись прямой линией);

третий знак стоял у Керманшаха. Он соединялся прямой линией со вторым знаком.

Следует отметить, что по договору Ширван в границах, отошедших в сторону Турции, должен был представлять собою особое ханство, находившееся под протекторатом Турции.

Положение этого ханства по договору определялось следующим образом: «И понеже места в Ширванской провинции... принадлежащие к Высокой Порте, почитаются особым ханством, того ради город Шемаха имеет быть пребыванием хана, но город тот да останется в прежнем состоянии, без всякого нового укрепления и со стороны высокой Порты да не будет в нем гарнизона, и ниже отправлять туда войск[2], исключая таких только случаев, что или хан взбунтует и выдет из послушания, или между жителями провинции той окажутся непорядки, вредные интересам Порты, или они предпримут неприятельские действия, на принадлежащие царю места и земли; в таких случаях Порта иметь будет право, для пресечения всего того, с своей стороны, потребное число войск отправить через р. Кур, с позволения однако, российских командиров, находящихся в землях, принадлежащих царю, не причиняя во время проходу войск тех никакого вреда и убытков жителям»[3].

Согласно договоренности о Шемахе, «Порта не будет иметь право держать там ни гарнизона, ни губернатора, ни коменданта, ни какого-либо гражданского или военного чиновника, состоящего на ее службе, или турка по происхождению, ни чинить там суд и расправу, под каким бы то ни было предлогом»[4], исключая случаев, указанных выше.

Даже противоречия и борьба между Россией и Турцией не дали возможности Дауд-беку добиться хотя бы относительной самостоятельности Ширвана.

Согласно договору, ширванский хан должен был находиться в полном послушании у Порты. Запрещение на содержание турецкого гарнизона в Ширване и попытка оберечь жителей Ширвана от

---

[7] Ср. Ахмед Расим - Османская история, ук. изд., т. II, стр. 356.

[1] Поли. собр. Зак. Рос. империи, № 4531.

Ср. И. Голиков - Деяния Петра Великого, т. X, изд. 2-е. М., 1839, стр. 413.

Ср. Докладная записка о сношениях между Францией и Россией в царствование Петра I, составленная в 1726 г. Ледраном, ст. чиновником департамента иностр. дел, 1722-1724 гг., стр. XIX-XXII (С. И. Р. И. О. т. 52).

[2] Этот пункт договора со стороны Турции был нарушен. В 1726 г. по повелению из Константинополя в Шемаху был отправлен Дервиш Мухаммед паша "с тремя знаменами сипаев".

См. Гаммер, указ. соч., т. VII, стр. 341.

[3] Цит. по И. Голикову, указ. соч., т. X, стр. 420-421. Его же - Дополнения к деяниям Петра Великого к 1723, 1724 и 1725 годам, т. XIV, М., 1794, стр. 175 и сл.

[4] Докладная записка о сношениях между Францией и Россией в царствование Петра I, составленная в 1726 г. Ледраном (С. И. Р. И. О. т. 52, стр. XIX).

постоев турецких войск и их грабежей фактически нисколько не избавляли страну от тяжести и произвола турецкого господства.

Дауд-бек вынужден был идти на поводу у Турции; с ведома и, очевидно, по указаниям турецкого правительства он производил набеги на земли, вошедшие в состав владений России.

ТУРЕЦКАЯ ОККУПАЦИЯ ЮЖНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА

Турция до ратификации константинопольского договора стремилась захватить не только те земли, которые должны были отойти к ней по договору, но даже и более того. [87 - 88]

Еще в мае 1724 г. (т.е. до заключения константинопольского договора) в южном Азербайджане войсками ванского паши была взята крепость Хой. Гаммер отмечает, что покорение Хоя было нелегким. Лишь на 21-й день осаждающие овладели городом и только на 54-й день - замком, в котором был убит Шахбас-хан хойский[1]. Современник этих событий Авраам Ереванци писал: «Приблизительно в течение шести часов он (паша – *В. Л.*) избивал всех сопротивлявшихся, каковыми являлись персы[2] и заполнили город трупами, христиан же увели з плен»[3]. В августе ими были заняты Нахичевань и Ордубад[4], жители которых, боясь жестокости турок и не имея возможности от них оборониться, изгнали из своих городов персидские гарнизоны. В сентябре 1724 г. после осады был взят Ереван. После этого в феврале 1725 г. ванский Абдулла-паша с армией в 25.000 человек двинулся к Тебризу. Английский путешественник Дж. Ханвай пишет о Тебризе того времени следующее: «он был одним из прекраснейших городов на востоке, но он не имел ни стен[5], ни артиллерии, так что, подобно древней Спарте, его единственной опорой было количество и сила жителей»[6].

Жители отбили нападение турецких войск, отрезали часть их и истребили. Турецкое войско, бросив лагерь, отступило. При отступлении турки, метя за отважную защиту Тебриза, в некоторых деревнях, лежавших на их пути, убили всех мужчин, а женщин и детей, желая обратить в рабов, увели с собой. Тебризцы, возмущенные бесчеловечностью турецкого войска, преследовали и, наконец, разбили его. Остатки турецкого войска бежали в Хой[7].

Потерпев неудачу, турки решили приступить к Тебризу во второй раз.

Подробное описание второй защиты Тебриза, имевшей место в конце июля 1725 года, приведено в сочинении Ханвая. Он пишет:

«Порта, не добившись успеха с Тавризом, решила снарядить достаточное количество войск, чтобы взять город, в котором число жителей, способных носить оружие, было очень велико, и которые под влиянием благородной решимости защищаться до последней крайности, отослали свои семьи и наиболее ценное имущество в горную страну Гиляна. Начальствование над армией, посланной против города, было вручено Абдалле Купроли, ванскому паше... Об'единив воинскую часть в 70.000 человек, этот полководец... 30 июля появился у стен этого великого города. Персидский полководец... выступил на поле сражения тот час, как появились турки. Армия его состояла, главным образом, из жителей, умевших обращаться с оружием, но совершенно не привыкших к военной дисциплине; однако же они решили принудить неприятеля сразиться с ними, не давая ему времени окопаться.

Паша сразу понял их намерение, как только он увидел ,что число ВЫСТУПИВШИХ из города достигло 20.000 или 30.000 человек; желая отомстить за поражение прошлого года, он напал на них с яростью [88 - 89] обезумевшего врага. Персы держались крепко. Так как с обеих сторон непрерывно поступали свежие подкрепления, то они бились с одинаковой отвагой до ночи, когда, теснимые со всех сторон, бросились обратно в город в полнейшем беспорядке.

Турки настолько увлекались преследованием, что вошли в город вперемежку с ними и битва возобновилась с невероятным упорством. Жители устроили окопы в 9 различных кварталах, из которых состоял этот большой город, защищались с такою же храбростью и решительностью, которую и раньше выказывали при всяких обстоятельствах. Туркам понадобились 4 дня и ночи, чтобы завладеть семью из этих окопов, несмотря на повторные атаки; наконец, 3-го августа, около 20.000 человек, отступивших к двум последним окопам, считая, что они дольше не будут в состоянии продержаться, предложили капитулировать; соответственно с этим им было разрешено отступить в Ардебиль со всем имуществом, которое они смогли вывезти.

Немногие осады были столь кровопролитными, как эта. «Персы потеряли около 30.000 человек, а турки,- приблизительно, тысяч двадцать»[8].

---

[1] Гаммер, указ. соч., т. VII, стр. 305.
[2] Под персами Авраам Ереванци, вероятно, разумеет все мусульманское население города, включая и азербайджанцев.
[3] Авраам Ереванци - История войн 1721-1736 гг. Ереван, 1939, стр. 30.
[4] Перевод послания армянских католикосов Исайя и Нерсеса и карабахских меликов. 1724 г., октября 18-го (Эзов, указ. соч., д. № 219, стр. 382).
[5] Стены его были разрушены землетрясением 1721 г. (См. Ханвай, т. II, стр.145).
Ср. П. Бутков, указ. соч., ч. I, стр. 84.
[6] Ханвай, т. II , стр, 213.
[7] Там же, стр. 213, 214.
[8] Ханвай, т. II , стр. 236, 237.
Ср. Гаммер, указ. соч., т. VII, стр. 324-326. Авраам Ереванци - История войн 1721-1736 гг. Ереван, 1939, стр. 31.

К приведенному описанию следует сделать замечание о том. что население Тебриза состояло из азербайджанцев. Особенная ожесточенность и упорство тебризцев в защите города об'ясняются прежде всего тем, что городское население защищало свои семьи и имущество, так как оно знало, что турецкие войска в случае, если им удастся взять город, многих умертвят, женщин, девушек и отроков заберут в плен, а имущество разграбят. Мужественная защита Тебриза показала, что население города считало турецкое господство злом, против которого оно защищалось всеми имевшимися у него силами и средствами[1].

В конце августа 1725 г. турецкий военачальник Сары-Мустафа-паша взял город Ганджу[2].

До нас дошло прекрасное описание Ганджи в конце XVII в. Картины, нарисованные автором этого описания, могут быть полностью отнесены и к первым десятилетиям XVIII в. Мы имеем в виду сообщения иезуитского патера Авриля Филиппа. Этот патер, прибывший в Ширван с миссионерскими целями, писал: «Ганджа - один из лучших городов Персии, расположен на прелестной равнине... множество ручьев, протекающих там, которыми с выгодой пользуются для орошения садов, занимающих большую часть города, не мало содействует тому, чтобы сделать почву окрестностей прекрасной и плодородной... Персы называют этот поистине восхитительный уезд не иначе, как цветником империи. Базары или рынки, расположенные в центре города, самые красивые и; самые великолепные из всех, какие я увидел на востоке. Не говоря уже об их необыкновенных размерах, они все очень хорошо покрыты сводами, и всякий род товаров занимает свою определенную часть их. Так как местоположение Ганджи очень выгодно в торговом отношении, то в ней во всякое время встречаешь громадную толпу всяких иностранцев»[3]. [89 - 90]

Такой была Ганджа к началу XVIII в. Описываемые события первой четверти XVIII в. сложились так, что город из-под одного ига - ига Ирана - должен был попасть под ярмо Турции.

В декабре того же года в Константинополе праздновалось взятие Ардебиля[4]. Ханы Ардебиля, Талыша, Мараги и др. собрали в Талыше силы для того, чтобы уничтожить турецкий гарнизон Ардебиля. Однако, как сообщает Гаммер, вышедшими им навстречу турецкими войсками они были разбиты.

Таким образом, турками был захвачен почти весь южный Азербайджан и большая часть северного Азербайджана. О том, каково было положение населения в первое время после захвата этих местностей Турцией, можно судить по сообщению Гаммера о том, что главными сераскерами Тебриза, Ширвана и Хамадана были изданы необходимые указы, направленные против чрезмерного обогащения турецких войск за счет местного населения, а также запрещавшие продавать в рабство захваченных в плен женщин и детей. Жителям трехсот селений, бежавшим и скрывавшимся в горах, было разрешено вернуться в свои дома[5].

Турецкое правительство непрестанно стремилось к всё большим захватам и предлагало русскому двору разделить восточный Иран. Тем временем оно вело к тому, чтобы склонить Эшрефа афганского, который овладел значительной частью иранских земель, к вступлению в союз с Турцией. Однако эти намерения Турции не осуществились, и в 1726 г. ее войскам пришлось потерпеть даже поражение от войск Эшрефа.

---

[1] Авраам Ереванци – История войн 1721-1736 гг. Ереван, 1939, стр.31.
[2] Ханвай, т. II, стр. 237.
Ср. де-Кампредон - Донесение к гр.Морвилю. СПБ, 3 ноября 1725 г. - Об овладении турками Ганджой и Лористаном (С. И. Р. И. О. т. 64,док. № 8, стр. 56).
[3] Avril Philippe - Voyages en divers etais d' Europe et d'Asie. Voyage deTatarie, livre seconde, p.p. 79, 80. Перевод Абезгуза (Рукопись. Научн. архив ин-та Истории им. А. Бакиханова АН Азерб. ССР, № 477).
[4] С. М. Соловьев, т. XVIII, стр. 951.
Ханвай, т. II, стр. 240.
[5] Гаммер, указ. соч., т. VII, стр. 328.

АЗЕРБАЙДЖАН ПОД УПРАВЛЕНИЕМ РОССИИ И ТУРЦИИ

По константинопольскому договору 1724 г. России предоставлялось все западное и южное побережье Каспийского моря от Астрахани до Астрабада включительно; эта полоса побережья от Дербента к югу должна была иметь в ширину местами до 100 верст, фактически же владения России простирались только до Решта, так как ни Мазандераном, ни Астрабадом (областями, лежащими по южному побережью Каспия) Россия не владела. За Турцией оставались Шемаха, Нуха, Ганджа, Тебриз. равно как Ереван и Тбилиси.

Лишь в 1726 г., т.е. уже после заключения константинопольского договора, российскими войсками были заняты Астара, Ленкорань, Кызыл-агач, часть Талышинских гор, Джават, Ниазабад и вновь Салъяны и Мушкур. Остальные земли, лежавшие в полосе, переходившей к России по константинопольскому договору, отошли к ней только после разграничения с Турцией, проведенного в 1727 г.

Россия, упрочивая свои позиции во вновь оккупированных местах, построила укрепления в Астаре, Сальянах (Межигорский двор) и Ниазабаде (Низовой ретраншемент). Тогда же, по возможности, были приведены в известность произведения, коими богаты были вновь занятые земли.

Из неполных и кратких сведений известно, что «Джаватская землица весьма шла, но изобилует хлебом и скотом. Прежде сего делали там много шелку, из коего и ткали разные парчи, но сии фабрики разорены от бунтовщиков»[1], т. е. во время движения Даудбека и Сурхай-хана. [90 - 91]

В Сальянах «платили подать свою в Баку табаком, который растет у них изобильно; рыбная ловля в устьях Куры отдавалась под россий:ким владением на откуп за 15 тыс. рублен в год»[2]. «Кочующие на Моганской степи курды и шайсеваны зимою приходящие в землю сальянскую со своими стадами, в 1728 году поддались в подданство России... были в то время смирны, питались от скотоводства и кочевали в кибитках»[3].

Мушкур производил наилучший хлеб, который до присоединения прикаспийских провинций к России вывозили в Шемаху. Известен он был также своими овощами и плодами[4]. И. Г. Гербер пишет: «Прежде сего в Мушкуре делали довольно шелку, да и ныне на то прилегают, чтобы разоренные бунтовщиками шелковые фабрики вновь заводить»[5].

Приведены были в известность также и доходы, которые должны были по прежним правилам поступать с земель.

Так, о доходах со всех магалов, расположенный к северу от Бешбармака до самого Дербента, П. Бутков на основании документальных данных сообщает: «Доходы, которые собирались из об'явленных к дербентской провинции принадлежащих уездов и поступали к султану дербентскому, состояли в следующем: пшеницы, ячменю, сарачинского пшена, прочего хлеба - 10-я часть, шелку 5-я часть. За всякого быка, который ходит в плугу, платит хозяин по полтине. За паству в зимнее время, для которой размеривают место, смотря по величине оного, платят по 10 и по 50 рублей. Некоторые деревни ставят ежегодно ученых соколов и более ничего не платят»[6].

И. Г. Гербер, останавливаясь на вопросе о происхождении местного азербайджанского населения, пишет о том, что население, например, «Мушкурского уезда» происходит от древнейшего местного населения, называвшегося албанцами. Поэтому нижеследующий' текст И. Г. Гербера приобретает особенный интерес: «Они говорят, - пишет он, - по-турецки смешанно с татарским и содержат везде магометанский закон по сунской секте. Прежде сего назывались они аваганами, которое название может быть по разному произношению не иное что значит, как Алваны или Албаны, а не Авгазы, кои ныне еще живут в Мингрелии. Они были армянские христиане: ибо и поныне еще находятся там армянские деревни, в которые поставляются священики от архиепископа монастыря Георгия Великого, что в Ереване, яко священники аваганских христиан»[7].

В первые же дни после овладения прикаспийскими областями Петр I дает поставленным им начальникам указания относительно целого ряда вопросов, касающихся эксплоатации природных богатств вновь присоединенного края. Так, внимание Петра I останавливает не только вопрос об увеличении шелководства и о сеянии хлопчатой бумаги, но после занятия Баку он требует, чтобы в Астрахань немедленно направили 1000 пудов нефти. Вопросам эксплоатации нефти и ее транспортировки придается весьма большое значение. Ведется исследование русла реки Куры в целях

[1] Бутков, ч. I, стр. 90.
[2] Бутков, ч. 1, стр. 91.
[3] Там же, стр. 92.
[4] Там же, стр. 93, 95.
[5] И. Г. Гербер, указ. соч., стр. 207.
[6] П. Бутков, ч. I, стр. 95.
[7] И. Г. Гербер, указ. соч., стр. 207, 208.

открытия по ней судоходства, изучаются рыбные ресурсы Куры, даже шафран и плоды цитрусов привлекают внимание царя. Таким образом, уже первые указы Петра I [91 - 92] говорят о том, что в его плане намечалось широкое использование богатств Азербайджана.

По указам Петра I, начальники в целях оседания в завоеванных областях населения, вполне приверженного России, обязаны были принимать переходящих из областей, находящихся под управлением Турции, армян и не возбранять переходить в сторону турецких владений тем мусульманам, кои стремятся туда по своим религиозным воззрениям или нежеланию находиться в российском подданстве[8].

Что касается той части территории, которая находилась под управлением Турции, то нам известно, что турецкое правительство для укрепления Дауд-бека и оккупации находившихся у него земель направило в Ширван (Шемаху) войска под начальством Сары-Мустафа паши[9]. Население областей, отошедших к Турции, вопреки указаниям султанского правительства, было обложено тяжелыми податями. Особенно сильно пострадало армянское население, которое Турция считала в большинстве своем преданным России. Турецкие правители открыли гонение на лиц, исповедовавших армяно-грегорианское вероучение, принуждая их силой переходить в ислам. В нухинской области до 10.000 армян принуждены были принять ислам; сопротивлявшихся калечили и умерщвляли[1]. В Карабахе за эти годы много людей погибло от преследования Турции за приверженность России. Таков был режим, установленный Турцией в завоеванных ею областях[2].

Современник событий сообщает, что в Ширване турки часто ловили армян и продавали их в рабство в Малую Азию и, частично, в Дагестан[3]. Армянское население Карабаха и Ширвана, в особенности жившее в горных и труднодоступных местах, вместе со своими меликами оказывало туркам вооруженное сопротивление. Оно не позволяло им углубляться в горы. Создается даже впечатление, что турки в некоторых местах Карабаха так и не смогли установить своей власти[4]. Через своих духовных пастырей и меликов армянское население, неоднократно обращалось к российскому правительству и непосредственно к Петру I с настойчивыми просьбами об оказании ему военной помощи против турок. Оно готово было снабжать русские полки провиантом и потребным транспортом и умоляло о помощи. Но Петр I; согласно заключенному им договору с Турцией, не мог вмешиваться во внутренние дела областей, отошедших к Турции, поэтому он, не желая дальнейших осложнений, просимой помощи не оказал. Впрочем, справедливость требует отметить, что некоторая часть меликов и часть армянского духовенства склонна была пойти под власть Турции: одних, очевидно, это устраивало благодаря тем благам и преимуществам, которые они из этого извлекали, другие же, видя безвыходность своего положения, выражали покорность, надеясь сохранить этим свою жизнь и имущество. [92 - 93]

---

[8] Г. А. Эзов, указ. соч., д. № 257, 259, 267, 277, стр. 394-423.
[9] Донесение де Кампредона к королю. Петербург, 20 сент. 1723 г. (С. И. Р. И. О. т. 40, д.№ 71, стр.389).
[1] 1721, ноября 5-го. Запись заявлений, сказанных в Государственной коллегии иностранных дел, присланными от армянского воинства (Г. А. Эзов, указ. соч., д. № 252 стр. №389).
[2] Там же, д. № 273 стр. 415-419.
[3] Перевод Луки Ширванова с письма гандзасарского патриарха Исайи к вардапету Минасу. 1725, июля 25-го (Г. А. Эзов, указ. соч., д. № 279, стр. 427).
[4] Доношение вардапета Минаса графу С. А. Салтыкову. 1736 г., март (Там же, д. № 305 стр. 458. 459).

ОТНОШЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ К ТУРЦИИ И РОССИИ

В начале 1726г. в прикаспийских провинциях, оккупированных Россией, командование войсками и управление делами было поручено князю Вас. Влад. Долгорукову[5].

В январе 1727 г., об'езжая сухим путем порученные ему провинции от Решта до Дербента, князь Долгорукий из Ленкоранской провинции доносил императрице Екатерине I следующее: «Во всех провинциях, коими я ехал, с великою радостью меня встречали каны, солтаны и все старшины, по их обычаю, с своими музыками и во всем меня довольствовали; не токмо которые в нашу порцию достались, но которые по трактату и не в нашей порции, все... просят меня, чтобы я их принимал в протекцию российской империи... И так весь здешний народ, желая вашего императорского величества протекции с великою охотою, видя, какая от нас справедливость, что излишнего мы с них ничего не требуем и смотрим крепко, чтоб отнюдь ни мало им обиды от нас не было, и крепкими указы во все команды от меня подтверждено под жестоким штрафом; а которые в турецком владении - так ожесточены, вконец разорены, и такое ругательство и тиранство турки делают, как больше того быть нельзя. И так все народы, как христиане, так и басурманы[6], все против них готовы, только просят, чтоб была им надежда на нас»[7]. Нельзя сказать, что в данном донесении князь Долгорукий сообщает неправду. Князь Долгорукий дает описание политического состояния подвластных России провинций, причем эта оценка у него связывается с предложением правительству «в нынешнее благополучное время» воспользоваться слабостью турок и предпринять наступательное движение. Уже из этого видно, что донесение нельзя оценивать, как старание представить все в благополучном виде во вверенных его управлению провинциях. Можно было бы привести примеры, когда кн. Долгорукий доносит и о политических затруднениях управления в Дагестана. Таким образом, мы можем со значительной степенью доверия отнестись к сообщаемому в донесении. А факты, изложенные в нем свидетельствуют о том, что азербайджанское население, сравнивая порядки, установленные иранским, турецким и российским правительствами, относилось благорасположенно к России, оценивая ее правление, как лучшее по сравнению с правлением иранским или турецким.

В апреле же 1727 года, уже возвратившись в Дербент, Долгорукий доносил: «Прибыл я сухим путем в Дербень счастливо и в проезд свой привел в подданство вашему императорскому величеству провинции, лежащие по берегу Каспийского моря, а именно: Кергеруцкую, Астаринскую, Ленкоранскую, Кизил-агацкую, Уджаруцкую, Сальянскую, степи: Муранскую (Муганскую? – *В. Л.*), Шегсевенскую, Мазаригскую, с которых будет доходу на год около ста тысяч рублев. Приезд мой великую пользу учинил: как в послушание и надежду весь народ пришли, равным образом неприятель в
72

72великое сумнение, понеже, как турки, так и при дворе Тахмасибовом, и все недоброжелательные персияне, имели надежду о слабости нашей, будто мы только можем держаться по гарнизонам и за бессилием больше не можем никаких действ в Персии показывать»[1]. [93 - 94]

Конечно, князь Долгорукий несколько приукрашивает действительное положение вещей, желая ярче обрисовать значительность и полезность своей службы. На основании сведений, сообщаемых П. Бутковым, можно внести некоторые поправки. Так, например, о населении «землицы Джават» и Сальянах он писал: «не можно сказать, чтоб от жителей являема была склонность быть в российском подданстве. Приведение их к присяге продолжалось по 1730 год. Сборы доходов с таким затруднением в казну собраны, что некоторых волостей жители, явившиеся противниками и податей не платящими, разорены были вступившими к ним войсками. Персияне[2] равномерно не любили и турков, которые из Ардевиля грабежами и убийствами их озлобляли»[3].

Нельзя представить дело таким образом, будто бы местное население повсюду от Астрахани до Дербента одинаково склонно было ко вступлению в подданство российское, но полагаем, что основная масса населения была склонна к этому. Тот же П. Бутков в другом месте сообщает о кочующих в Муганской степи шахсевенах и курдах, что они в 1728 году «поддались в подданство российское» и «были в то время смирны»[4]. А ведь шахсевены известны как вольнолюбивые, храбрые и непокорные племена; Их и силой было бы трудно привести к покорности, тем более, что, зимуя на Мугани, они на лето уходили в горы, по разделу доставшиеся Турции или оставшиеся за Ираном.

---

[5] С. М. Соловьев, указ. изд., т. XVIII, стр. 948. П. Бутков, указ. изд., ч. 1, стр. 35, примеч.
[6] Мусульмане.
[7] С. М. Соловьев, т. XVIII, стр. 955.
[1] Там же, стр. 955-956.
[2] “Персиянами” здесь Бутков нарывает местное азербайджанское население.
[3] П. Бутов, указ. соч., ч. I, стр. 87.
[4] Там же, с стр.92.

Приведенный пример характерен для отношения массы населения к вопросу о подданстве российском. Те же самые шахсевены в 1728 году решительно выступили против турецких властей. Отряды шахсевенов и шакакийцев, кочевавших в горах Карадага и Савалан-дага, восстали под предводительством одного из приближенных шаха Тахмаспа Исмаила Календера и беглербека Карадага Абдурризаха.

Войска турецкого паши, высланные против восставших, были разбиты. Восставшие окружили и «осаждали Ардебиль. Число восставших возрастало и составило несколько десятков тысяч человек. В короткое время восстанием, кроме указанных выше, были охвачены местности Халхала, Мараги, Гермруда. Для подавления восстания тебризский паша требовал помощи от пашей Ширвана, Тбилиси, Еревана, Диарбекра и др.

Из сказанного видно, что восстание распространилось на значительную часть южного Азербайджана, в нём принимали участие массы населения, длилось оно с весны 1728 г. по январь 1729 г.[5].

Данные, характеризующие это восстание, ясно говорят не только о нежелании основной части населения южного Азербайджана подчиняться Турции, но и о готовности его с оружием в руках бороться за независимость от Турции. Сравнивая факты отношения населения Азербайджана к России и Турции, следует придти к выводу о том, что для основных масс населения российское подданство было более приемлемым нежели подданство Турции. [94 - 95]

[5] Гаммср, указ. соч., т. VII, стр. 351, 353, 354.

Глава IV

АЗЕРБАЙДЖАН ВО ВРЕМЯ НАДИР-ШАХА

РАСПАД ИРАНСКОГО ГОСУДАРСТВА, ВОЗВЫШЕНИЕ НАДИРА

Турция, отчасти в соответствии с константинопольским договором (1724 г.), а отчасти и вопреки ему, захватила весь южный Азербайджан. Не удовлетворившись этим, она в 1727 году предприняла .военные действия в направлении Исфагана. Заключив мир с афганцем Эшрефом и признав его законным властителем Ирана, Турция по договору с ним утвердила за собой обладание городами Тебризом; Ардебилем, Ереваном, Хамаданом, Султанией и Керманшахом.

Если Россия из иранских земель оккупировала лишь незначительную полосу в Гиляне (Мазандеран и Астрабад так и не были заняты российскими войсками), то Турция, захватив Грузию, Армению и значительную часть Азербайджана, затем стала подчинять себе собственно иранские области. Дело дошло до того, что шах Тахмасп, преследуемый и теснимый афганцами и турками, почти не имел власти в государстве и скрывался в окрестностях Астрабада на берегу Каспийского моря. Эти обстоятельства побудили население иранских городов, а также крестьянство и часть феодальных владетелей к защите страны. Иранская знать увидела, что если дело будет таким образом продолжаться, то,она потеряет свои земли, а с ними и доходы. Развал государства грозил ей потерей имений, власти, богатства. В этой обстановке вокруг шаха Тахмаспа начинают собираться крупные военачальники, готовые поддержать шаха в его борьбе за восстановление, иранского государства. Среди этих военачальников быстро выдвигается Надир-кули. По одним сведениям, Надир происходил из знати туркменских племен, обитавших в хорасанской области, другие данные сообщают, что он был сыном скорняка или меховщика.

Племя, из которого происходил Надир, во время нашествия монголов переселилось из Туркменистана в южный Азербайджан, а в начале XVI в. шахом Исмаилом I оттуда было переселено в Хорасан. Отец Надира был предводителем одной из шаек разбойников, грабивших в Хорасане и Иране. Эта шайка уводила с собой жителей ограбленных районов и продавала их в рабство. С пятнадцатилетнего возраста Надир принимал участие в разбойничьих набегах и проявил себя отличным наездником и стрелком. После смерти отца Надир был избран главарем шайки и выступал в качестве наймита в феодальных междоусобиях ханов. Отличившись в небольших столкновениях с афганцами и освободив от сеистанцев священный город Мешхед, Надир приобрел огромную популярность. После этих подвигов он со своим отрядом поступил на службу к шаху Тахмаспу.

К тому времени Надир имел уже большой боевой опыт и разносторонние [95 - 96] знания в области военного искусства. Состоя на службе у шаха, Надир разгромил на южном побережье Каспия кочевые племена туркмен, захвативших мазандеранскую и астрабадскую провинции. Туркмены, грабя, эти провинции, одновременно лишали Иран выхода к Каспийскому морю, так как западное побережье Каспия в это время уже находилось в руках России.

В декабре 1728 г. под начальством Надира иранские войска во время большого похода в Афганистан разгромили афганцев, причем ими был взят один из, главных городов Афганистана—Герат. Покончив с афганскими силами, находившимися в Иране, в декабре 1729 г. ша.х Тахмасп вступил в столицу Исфаган.

В 1730г. началась война с Турцией, которая отказалась возвратить Ирану оккупированные ею области.

В начале года был осажден Тебриз. Осаде Тебриза сильно помогло то обстоятельство, что турецкое подкрепление, провиант и аммуниция, отправленные к турецкому паше в Тебриз, по дороге были разбиты и захвачены[1].

Вслед за тем шахскими войсками был взят и Ардебиль. Турецкий гарнизон, сдавая город при посредничестве русского генерала Левашева, выговорил себе право прохода в Астару, откуда он был переправлен в турецкие владения в Ширване.

В 1731 г. шах Тахмасп, пытаясь взять Ереван, вновь потерпел крупное поражение от турок, а потом был разбит под Хамаданом и потерял Хамадан, Урмию, Марагу, Салмас и Тебриз[2], однако, по мирному договору, заключенному с Турцией в начале января 1732 г., он получил Тебриз обратно[1]. Хотя

[1] Бутков, ч. I, стр. 105.
[2] Гаммер, указ. соч., т. VII, стр. 408-409.
[1] Бутков. ч. 1. стр. 109-110.

султан при обсуждении условий мира и не желал возвращать Тебриза, но обстоятельствами вынужден был согласиться на это[2].

[2] Гаммер, указ. соч., т. VII, стр.408-409.

ДАУД-БЕК И СУРХАЙ-ХАН НА СЛУЖБЕ ТУРЦИИ

Турция утвердила правителем вновь оккупированных областей в Ширване Дауд-бека, а не Сурхай-хана, так как не надеялась на то, что Сурхай-хан станет покорно следовать ее политическим указаниям. Пользуясь в Дагестане значительным влиянием, Сурхай-хан мог занять, по отношению к Турции самостоятельную позицию, между тем как Дауд-бек полностью находился в ее руках. Этот маневр турецкого правительства возбудил негодование Сурхай-хана, и он стал делать нападения на Ширван. Эти набеги осложняли положение Ширвана.

Военные и идейные руководители борьбы, развернувшейся на севере Азербайджана против гнета со стороны Ирана, во всем преследовали, главным образом, свои личные цели; как типичные феодальные владетели того времени, они искали только власти и богатства. Борясь против Ирана и, наконец, достигнув власти, они для удержания ее не замедлили отдать себя под покровительство Турции. Дауд-бек, выполняя задания Турции, всячески старался возмутить население земель по побережью Каспийского моря против российских властей, но не имел в этом успеха, так что ему пришлось ограничиться, как было указано выше, только отдельными набегами на территорию, [96 - 97] находившуюся под властью России, а также грабежом идущих к Баку караванов с товарами. Исторически сложившееся положение для Азербайджана в ту пору было таково, что он, как видно из описанного выше, был поделен между большими пограничными с ним государствами - Турцией и Россией (часть по константинопольскому договору 1724 г. должна была остаться за Ираном). Россия времен Петра I была страной с сравнительно высоко развитой хозяйственной и культурной жизнью; поэтому присоединение части Азербайджана к России, несомненно, было прогрессивным явлением в исторической судьбе азербайджанского народа, оно способствовало сближению Азербайджана с Россией. Господство Турции в захваченных ею областях Азербайджана отразилось отрицательно на всех сторонах жизни.

Турция с каждым годом требовала от Дауд-бека все больших и больших денежных сумм, и тот, чтобы выплатить эти суммы, стал «бесчеловечно обирать население Ширвана. В то же время он был послушным орудием Турции во внешних сношениях. Так, по требованию турецкого правительства, отряды Дауд-бека нападали на русские лагери, причем одновременно они грабили и местное сельское население.

Судя по действиям Дауд-бека, он превратился в типичного турецкого пашу. Однако, несмотря на то, что он исполнял все требования Порты, он все же был смещен. Произошло это следующим образом: Сурхай-хан, действовавший вначале совместно с Дауд-беком, после того, как султан утвердил последнего пашой ширванским, воспылал к нему ненавистью. Сурхай-хан рассчитывал сам получить в управление Ширван, но это ему не удалось и он стал враждебно действовать и против Турции, и против Дауд-бека. Собирая отряды дагестанцев и джарцев, он предпринимал набеги на Ширван и Грузию, при этом грабил население и купеческие караваны. Турецкое правительство, убедившись в том, что не имеет возможности справиться с Сурхай-ханом, приказало схватить Дауд-бека и отправить его в Ганджу, а затем в Константинополь; на его место в мае 1728 г.[3] был поставлен Сурхай-хан.

Сурхай-хан по заданиям Турции и при помощи турецких войск не раз вторгался в прикаспийские провинции, оккупированные Россией. Одно из таких нападений было произведено на Кызыл-агач и Сальяны. П. Бутков на основании документов того времени сообщает следующее:

«Оный Сурхай в соединении с самим турецким войском впадение учинил в российские провинции Кызыл-агач и Сальяны; там бывших людей побил и пленил, устроенные магазины с провиантом и многие там лежащие деревни без остатку выжег, пожитки пограбил и несказанное свирепство производил»[4].

Известно, что Сурхай-хан производил частые набеги на кубинский и дербентский районы. В целях наказания его и для усмирения обитавших в верховьях Самура курелов (? вероятно, кюринцев), из которых Сурхай-хан составлял свои шайки, русское командование в конце 1728 г. и в 1729 г. посылало против них войска, которые рассеивали шайки Сурхая и разоряли аулы[5]. [97 - 98]

Изложение этих фактов показывает, что Дауд-бек и Сурхай-хан не смогли достичь политической самостоятельности. Политическая обстановка того времени была такова, что не было возможности добиться её. Если в ту «пору, когда шла борьба против иранского гнета, деятельность Дауд-бека и Сурхай-хана имела освободительное значение, то потом, когда они стали турецкими пашами и

---

[3] П. Бутков, ч. 1, стр. 88-89.
Ср. Dorn - Geschichte Schirwans von 1538-1820, указ. изд., s. 412.

[4] П. Бутков, ч. I, стр. 89.

[5] А. Зиссерман - Военно-исторические очерки (“Русский Вестник”, 1877, апрель, стр. 660).
Ср. С. Соловьев - История России, изд. III, т. 19, стр. 1228.

превратились в исполнителей захватнических планов Турции, они, по существу, стали; играть роль грабителей и пособников турецких угнетателей.

РУССКО-ИРАНСКИЙ ДОГОВОР 1732 ГОДА

После смерти Петра I правительство России стало тяготиться присоединенными прикаспийскими провинциями. Растянутость этих провинций побережью Каспийского моря требовала содержания значительного числа войск для их охранения от посягательств Турции и Ирана. Если изобразить схематично, то провинции эти представляли собой довольно узкую (не шире 100 *км*) полосу, лежавшую вдоль западного берега Каспия на протяжении свыше 600 *км*[1]

Для удержания за Россией этих провинций приходилось содержать там семнадцать полков регулярной пахоты и семь конных, драгунских полков помимо войск иррегулярных, которые употреблялись для военной службы и работ по сооружению и усилению крепостей. Иррегулярные части и рабочая сила составляли около 18.000 человек, среди них были казаки терские, украинские, донские, яицкие, а также армяне, грузины, поволжские татары, мордва и чуваши. Содержание огромной массы людей требовало больших расходов[2]. Непривычный для русских войск климат Азербайджана, сырая вода и изобилие фруктов вызывали многочисленные тяжелые заболевания. Смертность среди солдат была очень велика, так как ни достаточной врачебной помощи, ни должного количества лекарств не было. В связи с заболеваемостью и смертностью часто нужно было посылать пополнения для укомплектования стоявших там полков.

Доходы от вновь приобретенных провинций не отвечали тому, что от них ожидалось[3], и хотя доходы эти постепенно возрастали[4], они все же, очевидно, не покрывали расходов, связанных с обладанием этими областями[5].

Подсчитывая потери в людях с 1722 по 1735 г., П. Бутков говорит, что если и в дальнейшем смертность была такова, как в первые годы (1722-1724), «то нет сомнения, что Россия потеряла больше 200 тыс. человек».

Другие считают ее несколько меньшей, например, Герман[6] в статистическом обозрении России полагает ее в 130 тыс. человек.

Исчисляя содержание 10 пехотных и 8 драгунских полков, а также иррегулярных войск и употреблявшихся на работу людей, П. Бутков [98 - 99] приходит к выводу о том, что годовое содержание приобретенных Россией областей стоило свыше миллиона рублей, в то время как доходы, поступавшие с них, могли погасить лишь четвертую часть расходов[7].

Еще в марте 1726 г. в черновой журнал Верховного тайного совета по вопросу о прикаспийских провинциях было записано следующее:

«Генерал-фельдмаршал светлейший князь Меньшиков представлял, что он как напред сего неоднократно в советах напоминал, так и ныне паки об'являет мнение свое о провинциях и городах в Персии к стороне российской забранных, что содержание оных, как войсками, так провиантом и прочим России весьма великие убытки и трудности причиняют, отчего и впредь миновать способу не усматривается; того б ради лучше оные при негоциации с шахом уступить ему за деньги, и ежели он денег ныне не имеет, то у него шаха можно взять обязательное письмо, чтобы ему впредь те деньги России заплатить»[8].

Однако, российское правительство опасалось того, чтобы эти места не были захвачены Турцией; эта сторона политики России хорошо выражена в мнении вице-канцлера, выдающегося дипломата Андрея Ивановича Остермана, который в рассуждении о турецких и иранских делах в марте 1726 г. писал следующее: «Российский интерес не позволяет, чтоб турков к Каспийскому морю и в соседство с персидской стороны допустить... Россия в свои провинции кроме персов никого впустить не может, и тем персам надобно, чтоб какой основательный владелец был»[1].

Когда центральная власть в Иране окрепла настолько, что можно было без большой опасности со сторо'ны Турции отдать некоторые из занятых провинций Ирану, тогда после длинных переговоров в январе 1732 г. в гор. Реште был заключен договор между Россией и Ираном.

---

[1] Соловьев, указ соч., т. 19, стр. 1226.
[2] Выписка из протокола резолюции Верховного тайного совета от 27 марта 1729 г. (С. И. Р. И. О. т. 101, стр. 42).
[3] Соловьев; указ. соч., т. 19, стр.1223.
Ср. Маньян, Донесение министру иностранных дел, Москва, 21 июля 1729 г. (С. И. Р. И. О. т. 75, д. 138, стр. 358-360).
[4] Бутков, указ. соч., ч. I, стр. 150.
[5] Е. С. Зевакин - Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII в (Отд. оттиск из № 5 „Изв. Об-ва обслед. и изуч. Азербайджана”, Баку, 1927).
[6] Бутков, указ. соч., ч. I, стр. 141.
Ср., Маньян, Донесение гр. де-Морвилю, Москва, 15 апреля 1728 г. (С. И. Р. И. О. т. 75, д.63, стр. 175-176).
[7] П. Бутков, ч. I, стр. 150-153.
[8] Черновой журнал Верховного тайного совета, 3 марта 1726 г. (С. И. Р. И. О. т. 55, л. 31, стр. 74, 75).
Ср. Соловьеа указ. соч., т. 19, стр. 947.
[1] Рассуждение господина вице-канцлера барона Остермана о турецких и персидских делах (С. И. Р. И. О. , т. 55, стр. 112).

Содержание этого договора вкратце сводилось к следующему[2]:

1) Россия возвращает Ирану, в течение пяти месяцев по заключении и ратификации трактата, все земли по берегу Каспийского моря до устьев р. Куры с тем условием, чтобы они находились под властью Ирана и не сделались добычей Турции.

2) Земли, лежащие к северу от р. Куры, включающие города Баку и Дербент, будут возвращены Ирану после того, как шах возвратит себе все земли, отнятые у него Турцией, в том числе в Ширване и Армении, а также и Грузию. Этим полагалось гарантировать побережье Каспия от захвата его Турцией.

3) Шах обязуется в виде благодарности, выражаемой за себя и за своих наследников, содержать вечную соседственную дружбу с империею Российской, подданным же российским шах позволяет во всех землях и местах персидского государства свободное и вольное отправление купечества впредь беспошлинно и без всяких поборов и податей как с привезенных в Персию из России, так и с покупных возвратно персидских и других там купленных и на мену полученных товаров. Русским купцам разрешался также и беспошлинный [99 - 100] транзит товаров в Индию и другие соседние страны и обратно.

Кроме того, российским подданным позволялось «в удобных местах, дома, каравансараи и лавки для своего купечества и складу товаров строить и по желанию их отведены будут к тому места»[3].

Одновременно договор предусматривал обеспечение неприкосновенности как личности, так и имущества купцов.

4) Товары, вывозимые иранскими купцами из России, не облагались пошлинами только в том случае, если они покупались шахскими купцами «про обиход шаха», остальные же товары облагались пошлиной.

Особым пунктом договора предусмотрено было, чтобы всем людям народов подданных шаху, которые во время пребывания российских войск в Прикаспийских провинциях были «во услугах и управлении чинов и в подданстве» российском, за это не потерпеть наказаний и разорения от шахского величества.

Это был очень выгодный для России договор о торговле, так как он обеспечивал российских купцов в Иране привилегиями большими, нежели имели иранские купцы в России.

Следует также особо подчеркнуть одну из важнейших сторон договора. Российское правительство, заключая его, обеспечивало России союзные отношения с Ираном, направленные против Турции. Это обстоятельство, в связи с образованием в Иране сильной политической власти, имело важное значение, так как к началу 30-х годов внешняя политика России в соответствии с ее государственными интересами была устремлена на приобретение плодородных причерноморских степей и выходов к Черному морю.

---

[2] П. С. 3. , т. VIII, стр. 614-619, № 5935, 1732 г. января 21. Трактат между Россиею н Персиею.

[3] П С З, т. VIII, стр. 617,618.

ПЕРВЫЕ ДВА ПОХОДА НАДИРА В СЕВЕРНЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН И ДАГЕСТАН

После освобождения Исфахана от афганцев Надир получил от шаха Тахмаспа имя Тахмасп-кули-хана, что в переводе означает «раб шаха Тахмаспа».

Воспользовавшись неудачными военными действиями шаха против Турции, в результате чего, как выше было указано; турецкими войсками был вновь захвачен южный Азербайджан, Надир по возвращении из Афганистана в августе 1732 г. при поддержке командного состава армии сверг с престола шаха Тахмаспа и провозгласил шахом его сына, малолетнего Аббаса III. С этого времени Надир по существу стал полновластным правителем Ирана[4].

Уже в следующем 1733 г. Надир начал военные действия против Турции с тем, чтобы: возвратить Ирану отнятые у него земли.

В начале 1733 г., потерпев в окрестностях Багдада большое поражение, в котором было потеряно три четверти армии, Надир собрал новую армию и в октябре 1733 г. нанес Турции опять-таки около Багдада потрясающее поражение[1]. Эта блестящая победа Надира открыла ему возможности для изгнания турецких войск из Закавказья. [100 - 101]

Все события жизни Надира складывались так, что он сделался талантливым полководцем и государственным деятелем крупного масштаба. Надир умел возбудить к себе любовь армии, прекрасно знал стратегию и тактику современного ему военного дела и стремился приблизить строй своей армии к европейскому образцу. Он хорошо понимал силу и значение сословий Ирана. В свое время он и к религии сумел отнестись как к орудию политики. Самую жестокость он использовал как средство политического воздействия.

И вот этот, по существу, неограниченный правитель Ирана по условиям багдадского мира с Турцией (1733) получил согласие последней на возвращение Ирану оккупированных ею в Закавказье областей. Однако Турция областей этих не передавала.

Вновь собрав и пополнив войска, Надир в исходе 1733 г. подошел с ними к Араксу и остановился на зимовку. Летом следующего 1734 г. Надир со своими полчищами вторгся в Ширван.

Виднейший азербайджанский историк первой половины XIX века Аббас-кули-ага Бакиханов, в своем известном сочинении «Гюлистан-Ирам», сообщая об этих событиях, пишет: «Поразив на голову турецкую армию близ Багдада, он заключил мир с Ахмед-пашей багдадским в 1146 (1733) г., вследствие которого султан прислал ему хати-шариф ко всем пашам завоеванных от Персии областей, в которых приказывал им очистить не медленно провинции, находящиеся под их управлением[2]. Надир, прибывший в Ардебиль поручил Мусса-хану астаринскому послать своего нукера с хати-шарифом к Сурхай-хану, управлявшему Ширваном. Но Сурхай, убив посланного, написал Мусса-хану письмо, наполненное дерзостями в том смысле, что овладел Ширваном силой меча лезгинских львов и что Ахмед багдадский и другие не имеют никакого права присылать подобные требования»[3].

Однако, через некоторое время Сурхай-хан, узнав о приближении Надира к Шемахе. покинул её.

В августе 1734 г. Шемаха войсками Надира была взята[4].

Войска Надира ограбили население города, а строения его разрушили.

Крепостные стены Шемахи были срыты, дабы город в дальнейшем не мог оказать сопротивления. Из-за этих же соображений население города было переселено на новое место к реке Ахсу; здесь на плоскости, примерно, в 30 *км* к северу от р. Куры был построен новый город.

---

[4] Бутков, ч. I, стр. 114.

Ср. Гаммер, указ. соч., т. VII, стр. 424.

[1] История о персидском шахе Тахмасп-Кули-хане. С французского на российский язык переведенная асессором Степаном Решетовым (СПБ, 1762, стр. 205).

Ср. А. Бакиханов, стр. 113.

Ср. Гаммер, указ. соч., т. VII, стр. 457.

[2] Ср. Гаммер, указ. соч., т. VII, стр. 458.

[3] Бакиханов, стр. 113.

Ср. Г. Алкадари, стр. 63.

Ср. Мирза-Мехти-хан в перев. на французск. яз. сэра Виллиама Джонса История Надир-хана, соч., т. V, Лондон, 1799, гл. IX, стр. 200.

Ср. Роузат-ас-сафа, Техеран 1270 г. х., т. VIII, стр. 224 (страницы нумерованы нами).

[4] Сообщение П. Буткова о том, что Шемаха была взята после двухмесячной осады, а Сурхай-хан при этом был обезглавлен (П. Бутков, ч. I, стр. 126) не подтверждается другими источниками, напр А. Бакиханов,стр 113, 114; Г. Алкадари, стр. 63, 64, а также донесением англ. посланника в Петербурге К. Рондо лорду Гаррингтону от 26/X-1734 г. (С. И. Р. И. О. т. 76, д. № 147, стр. 307).

В этом донесении написано: “При дворе получено через особого курьера из Персии о прибытии Тахмас-Кули-хана с армией в 40.000 человек к Шемахе, которую турки и приверженцы их немедленно очистили при приближении неприятеля”.

Ср. Мухаммед-хасан-хан, Мунтазами Насири, указ. изд., т. II, стр. 279.

Эти мероприятия преследовали политическую цель, которая состояла в том, чтобы устрашить население и сделать его покорным власти завоевателя. Но значительные массы населения Азербайджана [101 - 102].и Дагестана, претерпевая несчастье, не покорились и не повиновались, но начали вести против завоевателя, несшего разорение и гнет, упорную многолетнюю борьбу.

Обстоятельства сложились так, что с этого момента Сурхай-хан казикумухский стал одной из важнейших фигур в борьбе против иранского завоевания. С этих пор на некоторое время он привлек симпатии населения и Дагестана, и Азербайджана за свою борьбу против Надира, стремившегося к обладанию этими странами.

Надир во главе своей армии двинулся в Казикумух для того, чтобы унизить и разорить родные (места и народ Сурхай-хана казикумухского. Последний, уйдя из Шемахи, готовился, а сражению в кабалинском магале шекинской области. Против него был выслан двенадцатитысячный иранский отряд[5]. В урочище Деве-батан произошло сражение.

«Это место, - пишет А. Бакиханов, - находится между горой и лесом. Сурхай-хан, ожидая приближения неприятеля, занял лес и в нем расположил свое войско тремя рядами. Персиане, ударив на первый ряд, не думали, что имеют дело с Сурхай-ханом и с невольником его Каратом, который от имени его долгое время управлял Ширваном. Опрокинутый неприятель отступил ко второму ряду. Лезгины, судя по первому натиску, полагали, что сам Надир тут находится, и эта мысль для Сурхая была гибельной. Третий ряд, которым командовал сам Сурхай, разделил смятение второго, и вскоре все обратились в бегство; претерпев большую потерю, турки и крымские татары (бывшие в войске Сурхай-хана-*В. Л.*) «бежали в Ганджу, а сам Сурхай-хан в Казикумух»[1]. Потерпев поражение, Сурхай-хан пошел на выручку Казикумуха, к которому уже приближалась армия Надира. Собрав войско, вырыв окопы и разрушив мост через ущелье, Сурхай-хан мужественно и стойко защищал Казикумух, но подавляющие силы иранских войск сделали невозможной дальнейшую оборону. Сурхай-хан вынужден был бежать в Аварию, Казикумух был взят и разграблен[2].

Приближалась зима, дальнейшие военные действия в горах Дагестана становились для многочисленной иранской армии весьма затруднительными, поэтому Надир по хачмасской дороге двинулся на юг через шекинскую область и в середине октября подошел к Гандже[3].
Передвижение многочисленной армии Надира по территории Азербайджана наносило населению неисчислимые бедствия. Для прокормления армии у крестьян силой отбирали продовольственные припасы, для перевозки снаряжения и продовольствия отбирали скот, войска грабили имущество жителей селений, вблизи которых пролегал путь армии.

Население страны стало подниматься на борьбу против армии завоевателя.

Подведя свое войско к Гандже, Надир приступил к осаде крепоти [102 - 103] в которой находился турецкий гарнизон. Автор «Роузат-ас-сафа» сообщает, что правитель Ганджи Али-паша и султан крымских татар Фати-гирей начали усиливать оборону крепости[4].

Пока шла осада Ганджи, произошли события, сведения о которых ярко характеризуют власть Надира в Азербайджане.

Автор «Хроники войн Джара в XVIII столетии» сообщает, что в начале 1735 г. в сел. Биладжик, находившемся километрах в двадцати к с.-з. от Нухи, «он (Надир) так жестоко и несправедливо собирал хараДж, что население восстало против него, вызвало на помощь отряды из Джиниха, Талы и других мест, двинулось против него, перебило много его воинов и захватило их имущество»[5].

Карательная экспедиция, посланная Надиром в область джаротальских джамаатов, сожгла укрепления и поселения, разграбила имущество и вырубила фруктовые деревья и виноградники в Катехе, Джаре, Тале, Чардахе и других местах. Жители этих мест разбежались, и вся округа опустела.

Скупой «а слова летописец джаротальских джамаатов, заканчивая описание этих событий, нарушает свое эпическое повествование грозными проклятиями «кызылбашам»:

«Да истребит их бог всех! - пишет он. - Да накажет их самый «страшным наказанием и да проклянет их!...»[6].

---

[5] Мухаммеа-хасан-хан - Мунтазами Насири, указ. изд., т. II, стр. 279.

[1] Бакиханов, стр. 114. Ср. Г. Алкадари, стр. 63-64. Ср. Мирза Мехти-хан, указ. перев., стр. 201, 202. Ср. Рондо К. - Донесение лорду Гаррингтону, СПБ, 24 дек. 1734 г. (С. И. Р. И. О. , т. 76. д. 162. стр. 345).

[2] Мирза Мехти-хан, указ. перев. стр. 203.

[3] Там же, стр 205. Ср. Роузат-ас-сафа, указ. изд., т. VIII, стр. 224, где подробно указан маршрут Надира.
Ср. Описание событий, перев. с груз. Е. Такайшвили.
(“Сб. матер, для опис. местн. и племен Кавказа”, в. 21, стр. 37).

[4] Роузат-ас-сафа, указ. изд., т. VIII, стр. 224.

[5] Хроника войн Джара, указ. изд., стр. 19.
Ср. Мухаммед-хасан, Мунтазам Насири, указ. изд., т. II, стр. 279. Там же, фирман Надир шаха о наказании жителей Джара и Талы.

[6] Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931, стр. 19.

В то время, когда иранские войска осаждали Ганджу, при Надире находился российский посол князь Сергей Голицын, который прибыл с той целью, чтобы «стараться тайно и искусно под рукою побуждать Тахмасп-Кули-хана к непрерывному продолжению с турками войны, чтобы все персидские провинции возвратить от них оружием»[7]. Однако, Надир поставил условием продолжения своей войны против Турции возвращение Ирану городов Баку и Дербента. Князь Голицын доносил, что Надир говорил ему: «Я был на турок сердит и хотел идти на них войною, но вы принудили меня остановиться, потому, что Баку и Дербента и требуемых мною людей не отдаете и ни в чем другом не соглашаетесь»[8].

Надир настойчиво требовал возвращения Ирану прикаспийских земель с городами Баку и Дербентом. Он указывал послу, что не остановится перед применением вооруженной силы для того, чтобы осуществить свои требования[9].

Российское правительство, не желая иметь осложнений с Ираном, стремилось к союзу с Надиром, главным образом, для того, как это указывалось выше, чтобы использовать его успехи в своей борьбе против Турции. Россия в ту пору готовилась начать войну с Турцией за выходы к Черному морю, в частности, за Азов. Поэтому в марте 1735 г. в иранском лагере под Ганджой был заключен договор, согласно которому из городов Баку и Дербента были выведены российские войска, а граница между государствами была установлена по реке Койсу.

Ганджинский договор 1735 года не заключал сколько-нибудь существенных, [104 - 105] которых не было бы в рештском договоре 1732 года, но зато в новой обстановке дальнейшего укрепления центральной власти Ирана и назревавшей войны между Россией и Турцией утверждал, что «иранское государство обещается вечно с Российской империей пребыть в союзной дружбе, и крепко содержать российских приятелей за приятелей, а неприятелей российских за неприятелей иметь и кто против их двух высоких дворов войну начнет: то оба высокие дворы против того неприятеля войну начать, и во всех случаях друг другу помогать должны» и далее: «Иранскому государству всякими образы прилагать старание, и начатую против неприятеля (Турции – *В. Л.*) войну с крайним тщанием и ревностью продолжая, должное отмщение получить»[1].

Особым пунктом подтверждались также торговые привилегии России.

Таким образом, этот договор целиком был направлен против Тvрции[2]. За то, чтобы Иран был союзником России в войне против Турции, с одной стороны, и благодаря ряду причин, изложенных выше при описании договора 1732 г., Россия возвратила Ирану города Баку и Дербент.

Осада Ганджи затягивалась. Иранские войска производили подкопы, пытались взорвать крепостные стены, в чем отчасти и успели. Однако крепость мужественно сопротивлялась[3]. После 4-х месяцев осады, по приказанию Надира крепость была с трех сторон окружена валом. В это замкнутое пространство было отведено русло реки. Надир хотел, чтобы вода подмыла и разрушила крепостные стены. Южные стены крепости уже начали повреждаться, но защитники ее ядрами разбили вал и выпустили воду. Крепость была спасена[4].

Турецкий гарнизон Ганджи не сдавался, он рассчитывал на помощь турецких войск из Карса или Еревана. Поэтому Надир решил покончить с войсками сераскеров Абдулла-паши и Сары Мустафа-паши, стоявшими в Ереване и Карсе.

В конце мая 1735 г. Надир прибыл к Эчмиадзину, а через несколько дней (посетил и самый Эчмиадзин, где присутствовал на торжественном богослужении. Монастырю были даны некоторые пожалования. Это произвело очень благоприятное впечатление на армянское духовенство и некоторых меликов. Очевидно, Надир стремился расположить к себе армянское население, надеясь, таким образом, облегчить себе ведение войны против турок, поскольку ему предстояло иметь с ними сражения на территории Армении. 8-го июня того же года к северо-востоку от Эчмиадзина произошло крупное сражение. Турки потерпели поражение[5]. Победа досталась Надиру не только благодаря тому, что он был талантливым военачальником, но также и лютому, что в иранской армии артиллерия была несравненно более [104 - 105] сильной нежели у турок. Яркие заметки об отдельных решающих моментах сражения

---

[7] Выписка из инструкции кн. Голицыну из Коллегии иностранных дел при отправлении ко двору Персидскому в характере чрезвычайного посланника, 26 апреля 1733г. (А. К. А. К. , т. И, стр. 1096.

[8] См. Соловьев, указ. соч., т. 20, стр. 1332.

[9] Там же.

[1] Поли. Собр. Зак., т. IX, №6707, 1735 г., марта 10, стр; 492, 496. Трактат между Россией и Персией, заключенный при Генже.

[2] Бутков, ч. 1, гл. 28. стр. 130-133.

Ср. Выписка из указов т. с. кн. Голицыну, ген. Левашеву и др. о возбуждении персов против турок и о обещании от России помощи (А. К. А. К. т. II, дополн. к I тому, д. № 1, стр. 1095-1100).

[3] Донесение К. Рондо лорду Гаррингтону из Петербурга, 16/Ш-1735 г. (С. И. Р. И. О. т. 76, д. 181, стр. 381-382).

Несколько слов об осаде Ганжи войсками Надира имеется у Гаммера, указ. Соч., т, VII, ср. 459. Время события помечено концом октября 1734 г.

[4] Мирза-Мехти-хан, указ. перев., стр. 205, 208; А. Бакиханов, стр. 115, 116.

[5] Довольно подробное описание сражения см. в “Роузат-ас-сафа” указ. изд., т_. VIII, стр. 226.

сообщены в дневнике эчмиадзинского католикоса Абраама Кретаци. Он пишет: «Из пушек и Фальконетов так градом хан (Надир) начал осыпать их (турок) серным камнем и не позволил им открывать глаза. Не давая им передышки, погнал он (Надир) османцев в сторону Егварда[6] ближе к артиллерии, а потом, окружив агарян[7], великий хан сам закрыл им путь сзади.

Гул пушек от подошвы горы доходил до нас и был слышен в Эчмиадзине и наводил ужас»[8].

Победа Надира над турецкими войсками близ Эчмиадзина[9] отняла у турецких гарнизонов Ганджи и Тбилиси надежду на помощь.

Тогда начальники гарнизонов Ганджи и Тбилиси, выговорив себе и войскам свободный проход в Турцию, сдали крепости Надиру со всей артиллерией, припасами и пленными[10].

Но несмотря на эти победы Надира, на территории Азербайджана джаро-тальские аварцы, цахурцы, азербайджанцы северных частей шекинской, ширванской и кубинской областей, а в Дагестане табасаранцы, хыналугцы, кюринцы и другие народности не подчинялись власти завоевателя и не допускали к себе иранских правителей.

Надир, получив известие о том, что по распоряжению турецкого правительства крымский хан с многочисленным войском идет по направлению к Дербенту, выступил из Грузии[1]. В джарской области, разбив в сражении отряды джарских джамаатов, он произвел страшное опустошение. Надир полагал что, сжигая и разрушая селения, вырубая сады и виноградники, убивая всех попадавшихся в плен, опустошая страну огнем и мечом, он заставит ее себе подчиниться. Но гордый и свободолюбивый народ имел огромную силу сопротивления и продолжал с Надиром борьбу, как с самым ненавистным врагом.

Двигаясь к Дербенту, Надир избивал жителей, неповиновавшихся ему магалов. Об этом Г. Алкадари пишет: «...шах сам выступил покарать население магалов Етег и Хиналарик и учинил им избиение. Затем, послав около шести тысяч войска, он подверг каре жителей докузпаринских и ахтыларинских селений, а часть войска направил со стороны селения Кабир на преграждение путей людям, бежавшим из Ахты в Кумух, так что большинство бежавших оттуда лиц, наткнувшись на преграждавших дорогу, было последними убито или взято в плен. После подобной же расправы с населением самурского округа и кубинского уезда, Надиршах с войском... отправился в Дербент в 1147 (1735) году в 11 день ноября месяца»[2]. [105 - 106]

Ожесточенное сопротивление встретил Надир и в Дагестане; карательные отряды, рассылаемые им в разные стороны, не могли привести к покорности всей страны.

Крымский хан, узнав о прибытии Надира в Дагестан, роздал владельцам Дагестана деньги, титулы и назначения, а сам вернулся в Крым[3]. Некоторые из владельцев Дагестана выразили Надиру покорность, за что были одарены и награждены.

---

[6] Село к с.-в. от Эчмиадзина на южном склоне горы Ара.

[7] Агарянами автор называет османских турок. Христианские историки средневекового Переднего Востока считали, что арабы происходили от Агари, наложницы библейского патриарха Авраама.

[8] Дневник Абраама Кретаци, перевод с армянского на русский С. В. Тер-Аветисяна, под редакцией Т. И. Тер-Григорьяна (Научн архив Института истории им. А. Бакиханова АН (Азерб. ССР. № 639. стр. 18.19).

[9] Донесение К. Рондо лорду Гаррингтону из Петербурга, 12-го июля 1735 г. (С. И. Р. И. О. т. 76, д. № 205, стр. 419).

Там же, д. № 208, от 26 июля 1735 г., стр. 424.

Там же док. № 210, от 2 августа 1735 г., стр. 427.

Ханвай, т. II, стр. 336.

[10] Мирза-Мехти-хан, указ. перев., стр. 218-219.Донесение К. Рондо лорду Гаррингтону из Петербурга 6сент. 1735 г. (С. И. Р. И. О. т. 7в, Док. № 218, с. 441) Там же, д. № 229, от 25 октября 1735 г., стр. 456.

[1] Донесение К. Рондо лорду Гаррингтову от 10 января 1736 г. (С. И. Р. И. О. т. 76, д. № 243).

[2] Алкадари, указ. соч., стр. 66.

[3] Донессние К. Рондо лорду Гаррингтону от 21 февраля 1736 г. (С. И. Р. И. О. т. 76, д. № 250, стр. 485).

«ИЗБРАНИЕ» НАДИРА ШАХОМ ИРАНА

С наступлением зимы 1735 г. Надир должен был уйти с войском на Мугань. К этому времени (февраль 1736 г.) на Мугани, у слияния рек Куры и Аракса неподалеку от селения Джеват, собралась феодальная знать Ирана и всех завоеванных Надиром стран. Огромная равнина была застроена тысячами временных домов; были воздвигнуты мечети, бани и каравансараи, так как количество собравшихся на Мугани людей исчислялось десятками тысяч человек[4].

Для Надира были сооружены огромнейшие шатры, на устройство которых употребили самые дорогие шелковые и парчевые ткани, внутреннее убранство шатров сверкало серебром, золотом и драгоценными камнями. Во время парадных приемов в ценнейшей посуде длинной вереницей подавались самые лучшие кушанья. Многочисленные ремесленники, музыканты, певцы, акробаты и слуги обслуживали и увеселяли собравшихся. В это время и в Иране и в странах, завоеванных Надиром, среди трудового населения, измученного многочисленными несносными поборами, царила нищета. Толпы нищих и калек попадались на всех дорогах страны. Разорение было столь велико, что население голодало. Многолюдное собрание на Мугани было устроено с той целью, чтобы оно избрало и провозгласило Надира шахом Ирана и властителем всех завоеванных стран. Как раз в это время пришло известие о смерти малолетнего шаха Аббаса III.

Под нажимом армии феодальная знать и духовенство избрали Надира шахом. Это произошло в начале марта 1736 г.

«После этой даты, - пишет Г. Алкадари, - Надир присвоил своему имени хутбу и также на государственной печати велел изобразить «Султан Надир»[5].

Политическая обстановка и методы, посредством которых Надир был провозглашен шахом, хорошо описаны английским послом в Петербурге К. Рондо в донесении лорду Гаррингтону.

По сведениям, полученным им в Петербурге, посол доносил своему правительству следующее: «Сюда едет новый персидский посланник; его прибытия ожидают даже в непродолжительном времени. Конфиденциально мне передавали, будто он едет с известном, что Тахмас-кули-хан принял титул шаха. Я слышал также, будто, прежде чем решиться на этот шаг, он созвал многих знатных лиц, представил им неспособность настоящего софия и его нетрезвое поведение, высказал, что и сын его также подает мало надежд; затем указал, [106 - 107] как на факт всем известный, что прежняя слава Персии восстановлена им, что он возвратил Персии земли, отнятые у нее турками и русскими во время усобиц.

«Теперь, - прибавил он, необходимо выбрать нового шаха, способного поддержать государство на достигнутой высоте, поэтому скажите - кто, по вашему мнению, наиболее достоин, занять престол?[1].

Один персиянин, пользующийся уважением, знатного рода, приглашенный высказаться свободно, ответил, было, что, по его мнению, предложенный вопрос приличнее всего решать в Испагани, где много лиц достойных, но креатуры Тахмаса спешили провозгласить его шахом. Все, проявившие чем-либо неудовольствие по поводу такого избрания, немедленно были убиты»[2].

Гаммер, оценивая политическую обстановку, в которой произошло избрание, пишет о том, что имела место кукольная комедия свободного голосования народа под тенью висевших над головами сабель[3].

Приведенные оценки политической обстановки, в которой произошло «избрание» Надира шахом Ирана, подтверждаются также известным азербайджанским историком Мирза Адигезаль-беком. В своем сочинении по истории Карабаха он сообщает о том, что ганджинские беглербеки, происходившие из фамилии Зиад-оглы, при сефевидах управляли всей местностью от моста «Сыных корпю» («Сломанный мост», или иначе он называется «Красный мост» на р. Храме) в стороне Грузии до Худаферинского моста на реке Аракс. Присутствуя на описанном выше собрании на Мугани, ганджинские беглербеки открыто и тайно противодействовали стремлению Надира занять шахский престол. Об этом Надиру стало известно. Не желая предавать их публичной казни, он провел ряд мер, направленных к тому, чтобы ослабить ганджинских беглербеков. С этой целью население Казаха и Борчалы было передано в подчинение эмирам Грузии; из карабахского вилайета были выселены части племен джеваншир, отуз ики и кебирли, они были переселены в Хорасан; пяти меликам Карабаха было дана приказание

---

[4] Авраам Ереванци – История войн 1721-1736 гг. Арм. ФАН, 1939, стр. 83, 84. Ср. А. Бакиханов, стр. 119.
Ср. Мирза-Адигезаль-бек - Карабах-намэ, стр. 2-4, рукопись Восточного отдела фундаментальной библиотеки АН Азерб. ССР, инв. № 1.

[5] Г. Алкадари, указ. соч., стр. 69.

[1] Эти сведения могут быть подтверждены данными, приводимыми автором Роузат-ас-сафа, см. указ. изд., т. VIII, стр. 225.

[2] Донесение К. Рондо лорду Гаррингтону, Петербург, 22 мая 1736 г. (С. И. Р. И. О. т. 76, д. № 267, стр 513).
Ср. Ханвай, т.П, стр. 339-343.
Ср. Авраам Ереванци, указ. соч., стр. 83, 84.
Ср. Бакиханов, указ. соч., стр. 119.

[3] Гаммер, указ. соч., т. VII, стр. 461.

объединиться в крепкий кулак и не повиноваться ганджинским ханам, а в необходимых делах обращаться непосредственно к самому Надир-шаху.

Все эти меры привели к тому, как пишет Мирза Адигезаль-бек, что «узда права выпала из рук ганджинских ханов и они оказались в положении слабости от того, что крыло их было сломанным»[4].

Из приведенных сведений видно, не только то, что ганджинские беглербеки имели значительное влияние, но также и то, что в среде азербайджанских племен Карабаха было большое недовольство по поводу происходивших событий, иначе Надир-шаху незачем было бы прибегать к такой крутой и крайней политической мере, каковой являлось переселение.

После описанных событий Надир-шах с войсками ушел в южный Азербайджан. Ему нужно было подавить вспыхивавшие в Иране восстания, [107 - 108] обезопасить границы со стороны Турции, помимо того предстоял поход в Индию. Уходя из Азербайджана, Надир-шах в качестве верховного правителя Азербайджана, Армении, Грузии и Дагестана оставил своего брата Ибрагим-хана[5], который избрал своим местопребыванием город Ардебиль.

[4] Мирза-Адигезаль-бек - Карабах-намэ, стр. 5, рукопись Восточного отдела фундаментальной библиотеки АН Азерб. ССР, инв. № 1.

[5] Ср. Роузат-ас-сафа, указ. изд., т. VIII, стр. 226.

ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ИРАНСКИХ ВЛАСТЕЙ В ШЕКИ, ШИРВАНЕ и ДЖАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Между тем в Азербайджане и Дагестане не прекращались выступления против поставленных Ираном правителей областей, иранской администрации и даже гарнизонов. Дагестанцу, совместно с джарцами и шекинцами, осаждали иранские окопы перед Нухой. Жители некоторых селений хачмасского магала шекинской области отказывались повиноваться и сопротивлялись. Иранские отряды предавали смерти неповинующихся, грабили селения и уводили жителей в плен. В этом магале между местными жителями и дагестанцами, с одной стороны, и иранскими войсками, с другой стороны, нередко происходили сражения[5].

По Карабаху, Ширвану и текинской области, ходили отряды и дагестанцев и местных жителей. Они грабили иранских купцов, нападали на «кызылбашей» («кызылбаш» - буквально означает красноголовый, так называли иранцев потому, что их головной убор состоял из папахи с красным верхом).

Осенью 1738 года Ибрагим-хан (брат Надир-шаха), в целях приведения страны к полной покорности, во главе больших отрядов войск прошел через Карабах, Ширван и шекинскую область в земли джарских джамаатов. Во время движения иранских войск многие шекинцы и ширванцы, выступавшие против иранского господства, бежали в джарскую область.

Войска Ибрагим-хана, проходя по джарской области, строили там окопы; однако, меры предосторожности не спасли Ибрагим хана и его войско. В тесном ущелье около горы Джаник он вместе со своим войском попал в засаду. Обстрелом из засады была уничтожена значительная часть военачальников из отряда Ибрагим-хана. Сам Ибрагим-хан во; время перестрелки тоже был убит, а его расстроенное и дезорганизованное войско было наголову разбито и спасалось бегством. Победителям досталась богатая добыча, состоявшая из 1500 ружей, трех пушек и прочей аммуниции и обоза[1].

Это восстание поротив Надир-шаха и удар, занесенный господству Ирана в Азербайджане, были столь значительными, что стали известными и в Западной Европе. К. Рондо доносил своему правительству в мае 1739 г. следующее: «...рассказывают, будто лезгины - племя, живущее между морями Каспийским и Черным, под начальством главы своего, хана Сакоя, с значительными силами вторглись в Ширван и завладели Шемахой, разбив персидскую армию «под начальством родного брата шаха; сам он лег на месте. Если это верно, шаху Надиру [108 - 109] достаточно дел дома, и он врядли начнет войну с турками, как надеется русский двор»[2].

В этом донесении не все передано точно. Посланнику остались неизвестны имена народов, в среде которых возникло восстание. Очевидно, искажено имя хана, руководившего восстанием. В донесении сказано «хан Сакой», что, возможно, обозначает «хан шекинский», но в то время в Шеки правящего хана не было. Эти неясности об'ясняются трудностями получения сведений и тем, что английский посланник передает их с чужих слов. Однако, несмотря на эти погрешности сообщения, оценка события дана вполне правильно. Посланник видит, что власти Надир-шаха не подчиняются в землях, захваченных им, и делает вывод о непрочности внутреннего положения в Иране.

Надир-шах в это время находился в Индии. Получив известие о смерти Ибрагим-хана, он отдал распоряжения относительно принятия мер к сохранению Ширвана за Ираном.

В 1739 году Надир-шах послал в Азербайджан карательный отряд конницы под начальством Гани-хана абдальского с приказанием произвести над джарцами расправу зимой, т. е. в то время, когда горные дороги засыпаны снегом и делаются непроходимыми. Гани-хан абдальский присоединил к себе начальников отрядов из южного Азербайджана, Хорасана и Грузии. Таким образом, составилось многотысячное войско. В феврале 1741 года (?) об'единенные отряды прибыли к берегам Алазани. Повстанцы обновили три старых укрепления. Иранские войска, переправившись через Алазань, обложили эти укрепления. Осажденные упорно защищались. Укрепления покидали лишь тогда, когда их защита становилась совершенно невозможной. Укрепление Агзибир, стоявшее на высокой горе, на краю отвесных скал, защищалось особенно упорно и отважно. Иранское войско в полночь ворвалось в укрепление, и многие защитники его погибли в рукопашной схватке. Последние из оставшихся в живых, не желая сдаваться в плен, бросались с отвесных скал в пропасть. Иранские войска в течение нескольких месяцев разрушали и жили десятки джаротальских селений, избивали жителей, уничтожали все хозяйственные обзаведения. Некогда оживленная многолюдная страна была совершенно опустошена.

---

[5] Хроники войн Джара в XVIII столетии. Изд. АзГНИИ, Баку, 1931, стр. 27, 28.

[1] А. Бакиханов, стр. 120.
Г. Алкаари, стр. 70.
Бутков, ч. I, стр. 211.
Хроника войн Джара в XVIII столетии, указ. изд., стр. 30.

[2] Донесение К. Рондо лорду Гаррингтону из Петербурга от 26 мал 1739 г. (С. И. Р. И. О. т. 80. д. № 242, стр. 490).

Оставшееся в живых население бежало. Не было видно каких-либо признаков жизни, селения лежали в пепелищах и развалинах[3].

Г. Алкадари об ужасах карательного похода Гани-хана абдальского пишет: «И они разграбили имущество и стада тех магалов, разрушили их селения, а также, заняв дороги, ведущие в другие края, убивали и брали в плен, бежавших по ним. В общем они там не оставили следов оседлости и разрушили все селения»[4].

Карательная экспедиция совершенно опустошила шекинскую область и большую часть Ширвана. Эти области, будучи смежными, с Дагестаном, имели многочисленные и разнообразные экономические связи с населением гор. Опустошая Шеки и Ширван, военачальники Надир-шаха преследовали политическую цель: они хотели голодом заморить население непокорного им Дагестана. [109 - 110]

[3] А. Бакиханов, стр. 120, 121.
Ср. Г. Алкадари, стр. 70.
Ср. Хроника войн Джара, стр. 33, 34.

[4] Г. Алкадари, стр. 70.

ТРЕТИЙ ПОХОД НАДИР-ШАХА В АЗЕРБАЙДЖАН

В мае 1741 года Надир выступил из Казвина и направился в восточный Дагестан с армией более чем в сто тысяч человек[1].

Ближайшей целью этого похода явилось подавление движений, направленных против власти Ирана, приведение к покорности всего Дагестана и Ширвана.

С 1734 г. Надир-шах вел упорную борьбу за обладание Закавказьем и, прежде всего его восточной частью, в особенности Азербайджаном. С 1741 г. по 1745 год Надир-шах тратит огромные силы и средства для того, чтобы сломить сопротивление, оказывавшееся ему населением Дагестана и прилегающих к нему частей Азербайджана.

Возникает вопрос, почему Надир-шах, победивший индийского могола, завоевавший Бухару, Хиву и другие богатейшие страны, в обстановке больших трудностей, лишений и неудач настойчиво стремится искоренить всякие попытки освободительной борьбы в Дагестане и частях Азербайджана к нему прилегающих?

По всей вероятности, не столько богатства Азербайджана и Дагестана были тому причиной, сколько политическое значение этих стран. Азербайджан и Дагестан были яблоком раздора между тремя крупными государствами: Ираном, Турцией и Россией. Обладание Азербайджаном давало не только значительные материальные богатства, производившиеся трудящимся населением страны[2], но что не менее важно, оно, укрепляя позиции государства, владевшего этими странами на побережье Каспийского моря, передавало в его руки важные торговые пути. Кроме того, военно-стратегическое значение Кавказских гор, как трудно проходимой гряды, учитывавшееся едва ли не всеми иранскими монархами, также заставляло Надир-шаха упорно добиваться господства в Азербайджане и Дагестане.

Обеспечение крепости иранской феодальной монархии и более широкие планы ее, простиравшиеся на север и запад, по мысли Надир-шаха, требовали, чтобы Иран твердой ногой стоял на горах Кавказа и на побережьи Каспийского моря.

Надир-шаха сильно беспокоило состояние Дагестана и северных частей Азербайджана. До него дошли достоверные сведения о том, что дагестанские народы и владельцы просили у Российской империи о принятии их в подданство.

Дагестанские народы, испытав ярмо иранского гнета, искали себе помощи для избавления от него у России.

Надир-шах вновь направился в Дагестан. Он полагал, что без полного покорения Дагестана трудно будет удержать за Ираном Азербайджан и Грузию.

Опасаясь влияния России и Турции в Дагестане и не желая терять Закавказья, богатого произведениями земли и ремесла, Надир-шах в этом походе рассчитывал проявить такую силу оружия войск иранского государства, чтобы у неподчинившихся возник страх перед Ираном и исчезли бы всякие надежды на избавление от его власти. Войска Надир-шаха, пройдя через азербайджанские города Барду и Кабалу, вступили в начале лета 1742 г. в Дагестан (Казикумух)[3]. [110 - 111]

Ряд феодальных владельцев, в том числе и Сурхай-хан, явились к. нему с выражением покорности; они были одарены халатами и лошадьми с золотыми уборами[4]. Однако, расчеты Надир-шаха не оправдались: во время похода в Аварию, около селения Чох аварцы перебили значительную часть войска, находившегося под его личным предводительством, так что сам он едва спасся от гибели[5].

Поражение, которое Надир-шах потерпел в Аварии, было столь значительным, что стало известно далеко за пределами Кавказа. Так например, французский посланник маркиз де-ла-Шетарди доносил из Петербурга своему правительству следующее: «Известия, полученные о поражении Кули-хана в Дагестане, отнюдь не были настолько достоверными, чтобы я непременно должен был вам о них сообщить. Подтверждение их, доставленное здешнему двору, не оставляет более никакого сомнения об этом деле. Поражение было тем более значительно, что Кули-хан дал заманить себя в ловушку и попал в

---

[1] Бутков, ч. I. стр. 211-212.
[2] Автор „Роузат-ас-сафа” отмечает, что освобождением Азербайджана от турок и русских Тахмасп-кули-хан достиг большого прироста богатства государств, чем увеличил свои силы (указ. изд., т. VIII, стр. 225).
[3] Хроника войн Джара, указ. изд., стр. 34, 35.
Бакиханов, стр. 121.
[4] Ханвай, т. II, стр. 408.
Ср. А. Бакиханов, стр. 121.
Ср. Г. Алкадари, стр. 70.
Ср. Хроника войн Джара, стр. 38.
[5] Там же, стр. 36.
Бакиханов, стр. 121.
Г. Алкадари, стр. 71.

ущелье, где скрытые с двух сторон войска произвели ужасную резню над большей частью его армии»[1]. Впечатление, произведенное этим поражением, передано правильно.

Эта победа над войсками Надир-шаха развеяла легенду об его непобедимости. Радостная весть быстро распространилась и возбудила бодрость и еще большее стремление отстаивать свою независимость. Война в Дагестане затягивалась. По приказанию Надир-шаха, в 16 *км* к северу «от Дербента был устроен для иранских войск лагерь, который за время воины получил название «Иран-хараб», что значит «разруха Ирана». Дагестанцы вели партизанскую борьбу. Иранские фуражировочные отряды (отряды по доставке армии продовольствия), опираясь на силу оружия, отбирали продовольствие и вьючный скот во всем Ширване, Шеки, Карабахе и Талыше.

О мероприятиях Надир-шаха по снабжению своей армии провиантом переводчик русского посла при Надир-шахе Братищев в октябре 1742 года доносил следующее: «... в лагерь персидский со всех стран и из дальних и из ближних городов свозился провиант, хотя «с великою тягостию», так как «по жестокосердному шахову распоряжению, во многих уездах, за неимением скота, женский пол оной (провиант) на себе стан от стана с горестным воплем переносить принужден, причем свирепые побудилыцики бесчеловечно везде с обывателями поступают». От таких «предельных налогов и разорения немало деревень разбежалось, кто, куда дорогу сыскал»[2].

Трудовое население Азербайджана было доведено до голода. Родители, не имея средств, для пропитания детей, доведенные до отчаяния, продавали их. Горсть пшеницы или рису стала большой роскошью. Население разбегалось, селения пустели.

Общую картину положения азербайджанского населения, а также крестьянства Ирана в этот год (1742), современник Надир-шаха, упомянутый [111 - 112] выше переводчик Братищев, описывает так: «Персидские подданные утеснены и истощены (до того), что уже последней своей мочи в достаток лишаются, многие села и деревни опустошены, ибо жителя оных от нестерпения тягла и беспрестанных несносных податей, иные в крепкие места, в горы разбежались, некоторые под побоями замучены, а прочие в службу насильно записаны, и немало бесприютно в крайнем нищенстве скитаются. Ужасное тиранство и неслыханное изнурение это продолжается во всей Персии»[3].

Английский путешественник Ханвай пишет, что Ширван был опустошен и не мог больше удовлетворять потребностей армии Надир-шаха[4].

Попытка постройки кораблей на Каспийском море и подвоза продовольствия к Дербенту морем не удалась. Пришлось доставлять его сухопутно, для чего использовались жители Талыша и Ширвана, которых принуждали на себе переносить вьюки с продовольствием.

В армии Надир-шаха, которая не получала в достаточном количестве провианта, появились повальные тяжелые заболевания. В результате этого, а также поражений, дисциплина разложилась, сарбазы (солдаты иранской армии) стали дезертировать[5].

В конце 1742 года Надир-шах в кругу своих военачальников говорил о том, что «в Дагестане более дела нет, ибо-де лезгинцы истреблены, а которые остались, те от опустошения их жилищ, скитаясь по горам, от голода сами погибнут»[6]. Однако, ни Дагестан, ни Ширван им не были приведены к полной беспрекословной покорности. И там и здесь таились народные силы, готовые при первом удобном случае подняться против власти завоевателя. Это было ясно даже для современников. Упоминавшийся уже нами переводчик Братищев писал: «... довольно показуются гнилые плоды действ его, что через два года в Дагестанской стороне достигнуть не мог, кроме, что государство свое подорвал, народ истощил, войска растерял и остальное крайне изнурил»[7].

Зимой 1742 г. и в начале 1743 г. войска Надир-шаха страшно страдали от голода. Не видя возможности оставаться далее в Дагестане, Надир-шах в феврале 1743 г. предпринял отступление из Дагестана и северных частей Азербайджана. Он шел на Муганскую степь[8].

Полную жизненной правды картину отступления армии Надир-шаха дал П. Бутков.

Он писал: «Тогда было свирепое безвременье; воспоследовала великая зима и слякоть, явилось оскуднение в провианте; открылся на людей и скот гибельный вред. Голод был так велик в армии надировой, что из мертвых трупов человеческих маркитанты делали катламу, т. с. пирожки с мясною начинкою, и продавали. Столько людей померло и скота всякого звания пало от бескормицы, что от

---

[1] Донесение маркиза де ла Шетарди г. Амело, СПБ, 18 сентября 1742 г, (С. И. Р. И. О. т. 96, д. № 111, стр. 579).
См. также Ханвай, т. II, стр. 409.

[2] Цитировано по статье Россия и Персия в конце 1742 года (“Русский Архив” 1899, № 3, стр. 375).

[3] „Русский Архи” в, 1899, № 3, стр. 381.

[4] Ханвай, т. II, стр. 409.

[5] „Русский Архив”, 1899, № 3, стр. 381.

[6] Там же, стр. 373.

[7] Там же, стр. 374.

[8] Ханвай, т. II, стр. 416.

реки Самура даже до Шабрана, на расстоянии 55 верст, дорога человеческими трупами и падалищами была услана; а в походе от, Шабрана далее, по причине случившегося жестокого ненастья и метелицы, крайнее себе изнурение нанес и собственной шаховой конюшни больше 1 тысячи мул в дороге погибло и еще с голоду и холоду немалое число людей померло; [112 - 113] и за тем множайшие из чиновников продолжали путь пешие от стана до стана»[1].

Таковы были печальные итоги пребывания Надир-шаха в Дагестане. Один из, крупнейших, полководцев, ранее одержавший ряд. побед над Турцией, покоривший Афганистан и самую Индию, бесславно отступал с развалившейся, деморализованной, голодной и замерзавшей армией, терявшей на каждой переходе, людей, и имущество. Достигше, Муганн, Надир-шах, остановился там для того, чтобы поправить людей и лошадей, так как в ближайщее время время он готовился к выступлению против Турции.

Описанные обстоятельства показывают, что Надир-шах находился в тяжелом, положении. Ему не удалось покорить Дагестана. В Азербайджане, копились силы, готовое выступить против него. Население Азербайджана исстрадалось под гнетом и бедствиями, обрушившимися на него с приходом армии Надир-шаха. Здесь нелишне привести несколько свидетельств современника, осветившего положение северного Азербайджана в то время. Врач Иоган Лерх, сопровождавший 1744 году русского посла кн. М. М. Голицына к Надир-шаху, писал:

«В Шемахе я видел множество молодых и старых нищих, большею частью слепых, с выколотыми глазами, или таких, которым были отрезаны носы и уши... У них существует еще один жестокий; способ наказания: они кладут провинившегося на спину, привязывают поднятые вверх ноги к палке и затем бьют двумя палками по пяткам так долго, пока не обнаружатся кости... в нынешние печальные времена персы применяют этот способ для того, чтобы вымогать деньги для шаха... Шах считал, что этим он всем пообрежет крылья и они не станут больше бунтовать, раз у них не будет больше денег»[2].

Далее, на пути к Куре, он наблюдал следующее: «Видны были запущенные поля, но людей не было видно. Впрочем, в этой местности, вдоль Куры попадались люди, называемые аульни, небольшое число которых я видел у Наваги—бедные и голые»[3].

И, наконец, о местности, лежащей в непосредственной близости к южному Азербайджану, он писал:

«Астара - место незащищенное... Жители были большей частью бедняки, выглядели изголодовавшимися и выпрашивали у нас хлеб. У них не было ни рису, ни других зерновых продуктов, ни денег, которые шах уже выжал из них. За ничтожные деньги они продавали своих детей... Все это вызывалось нечеловеческим вымогательством денег, вследствие которого крестьяне бежали в леса и горы, и никто не обрабатывал, спокойна своего поля, что и было причиной такого голода. Они бывали иногда вынужденными питаться корнями»[4].

Примерно, таким же было положение и в других частях Азербайджана: в Карабахе, Гандже, Шеки.

Таковы были результаты иноземного господства и угнетения. В тех, кто не был еще совершенно раздавлен, рождалось чувство ненависти и горячего стремления изгнать поработителей. [113 - 114]

---

[1] Бутков указ. соч., ч.1. стр. 226, 227.
[2] И. Лерх. - Путешествие на Кавказ (2-ое). “Новые ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие”. Генварь 1790.
[3] Там же.
[4] Там же.

ВОССТАНИЕ СЕФИ-МИРЗЫ

Азербайджан, а в частности и Ширван, армиями Надир-шаха был совершенно разорен, селения опустели, много крестьян, бежавших из жилищ, укрывалось в лесах и горах. Они составляли отряды, которые нападали на города, где находились иракские гарнизоны и правители, «оставленные Надир-шахом. Население страны находилось в движении. Турция, желая ослабить Надир-шаха путем организации и поддержки восстаний на территориях, подвластных ему, нашла, что настало самое подходящее время для устройства мятежей. Пользуясь ненавистью народных масс Азербайджана к Надир-шаху, она решила послать в Ширван некоего Сефи Мирзу (или, как его иначе называли. Сам Мирзу)[5], выдававшего себя за сына шаха Хусейна[6]. Этот претендент на шахский престол Ирана призывал к борьбе за права законной династий сефевидов против похитителя власти Надира. Б. Дорн сообщает, что Сефи Мирза был из Кубы[7], но какое он имел происхождение нам неизвестно. В 1735-1737 гг. этот Сефи бродил в одежде дервиша по городам и селам Азербайджана. Он распространял слух о том, что является сыном шаха Хусейна и называл себя Сефи Мирзой, т. е. принцем (из рода сефевидов). По повелению брата Надир-шаха Ибрагим-хана, бывшего в то время правителем Азербайджана, Сефи Мирза был пойман, за его речи ему отрезали кончик носа и затем выпустили на волю. Сефи Мирза бежал в Турцию, где он жил до тех пор, пока не создались возможности для использования его[1].

У нас нет подробных сведений о политических намерениях или, если можно так выразиться, «о Программе» Сефи Мирзы. Но когда-летом 1743 г. он появился в Ширване, то вокруг него в короткое время собралось несколько тысяч человек[2].

Составитель хроники войн Джара отмечает, что в это время «от шаха Тахмаза... отложились некоторые области, а именно: Ширван, Шемаха и Шеки... Представители Ширвана и всего Аррана, а также Сурхай-хан со своим сыном предложили ему быть у них главой»[3].

Сефи Мирза соединился с Мухаммедом, сыном Сурхай-хана. Под их знаменем об'единились ширванцы, кумухцы, дербентцы и табасаранцы.

Жители селений, лежащих между Шемахой и Шабераном, узнав о том, что Хайдар-хан, правитель Ширвана, готовился подавить мятеж, захватили его. Через несколько дней они его умертвили, имение его разорили, а имущество поделили между собой[4]. Восстание ширилось. Восставшие взяли город Шаберан и полностью уничтожили иранский гарнизон. Вслед за Шабераном был взят Ахсу или Новая Шемаха, столица Ширвана. Восстание распространилось и на округ Дербента. [114 - 115] В некоторых источниках сообщается о том, что тем временем турецкие войска в количестве 50 тысяч человек стягивались к Карсу[5]. Местное начальство своими силами не могло подавить этого восстания. Тогда Надир-шах послал в Ширван своего сына Неср-али-мирзу с 25-ти или 30-ти тысячным войском. В декабре 1743 года близ города Ахсу ополчение повстанцев, руководимое Мухаммедом, сыном Сурхай-хана, и Сефи-Мирзой, вступило в сражение с иранской армией. В результате упорного кровопролитного боя восставшие были разбиты, Мухаммед бежал в Дагестан, а Сефи-Мирза в Грузию, после чего был взят и Ахсу.

Беспощадна была расправа победителей. Большинство повстанцев, попавших в плен, было казнено[6]. Около Ахсу и Джевата, по приказу Надир-шаха, были выстроены высокие конусовидные каменные, башни, в них от основания и до самого верха имелись малые нищи, в) которые были вставлены отрубленные головы повстанцев. Таким образом, населению хотели показать, что его ожидает в случае возмущения.

Сефи Мирза был пойман. О дальнейшей судьбе его английский путешественник Ханвай пишет: «Саун (т. е. Сефи Мирза-*В. Л.*) бежал: только лишь с 70 людьми, но был вскоре схвачен. Шах велел

---

[5] Письмо из Константинополя (от султана) Кайтагскому усмию Ахмед-хану, от последних чисел месяца реджеба 1156 г. х. (1743 н. л.). (А. К. А. К. , т. II, дополн. к 1 т. д. № 8, стр. 1081, 1082).

[6] Ханвай, т. II, стр. 419.

[7] B. Dorn - Geschichte Schirvans von 1538-1820, указ. изд., стр. 415.

Г. Алкадари пишет о том, что Сефи Мирза был иранцем, указ. соч. стр. 72.

[1] Хроника войн Джара, стр. 40.

Мухаммед-хасан-хан - Мунтазами насири, указ. изд., т. II, стр. 288.

[2] Автор "Роузат-ас-сафа" пишет о том, что ширванское население согласно было поддержать право наследования Сефи Мирзы шаху Хусейну и поэтому население арестовало правителей Ширвана и назначило своих правителей. См. указ, изд.,т. VIII, стр. 231.

[3] Хроника войн Джара, указ. изд., стр, 39, 40.

[4] Бакиханов, стр. 122**.**

[5] Хроника войн Джара, указ. изд., стр. 40.

[6] Алкадари, стр. 73.

Из текста автора "Роузат-ас-сафа" тоже видно, что расправа была беспощадной. Он отмечает также, что после разгрома повстанцев кара постигла население Табасарана, указ. соч., т. VIII, стр. 231.

своему сыну вырезать один глаз у этого бунтовщика, а затем послать его к оттоманскому двору[7] со следующим известием: «Надир не пожелал отнять жизнь у такого от'явленного негодя, хотя султан и взял его под свою защиту, как потомка семьи Сефи»[8].

Надир-шах понял, какой угрозой для господства Ирана в Азербайджане являлись подобные выступления народных масс. А. Бакиханов писал, что он (Надир-шах) отозвался об этих событиях словами «Аллах дат», что значит «боже упаси»[9].

Таким образом, вследствие борьбы самого народа приведение к покорности Азербайджана и Дагестана не было завершено, несмотря на то, что Надир-шах с огромной армией уже трижды проходил по этим странам и для того, чтобы сломить их сопротивление, принимал самые жестокие и бесчеловечные меры.

Нужно также не упускать из виду того обстоятельства, что к освободительной борьбе в Азербайджане против иранского государства, как это видно из описанных выше событий, имело отношение турецкое правительство. Оно преследовало свои политические цели и рассчитывало движения, направленные против Ирана, использовать для захвата Азербайджана. Из вышеизложенного видно, что в течение первой половины XVIII в. Азербайджан являлся ареной борьбы между Ираном,; Турцией и Россией. Попытки хаджи Дауд-бека и Сурхай-хана образовать из Ширвана политически обособленное владение потерпели неудачу. Давление Ирана и Турции было очень велико, внешнеполитическая обстановка и феодальная раздробленность страны не давали возможностей для достижения государственной самостоятельности страны или хотя бы части ее. [115 - 116]

[7] Ср. Мухаммед-хасан-хан, - Мунтазами насири, указ. узд., т. II, стр. 288.
[8] Ханвай, т. II, стр. 425.
[9] А. Бакиханов, стр. 123.

Глава V

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ХАНСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ ОБ’ЕДИНЕННОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

ПЕРЕВОРОТ В ШЕКИ

Действия Надир-шаха по утверждению господства Ирана над северным Азербайджаном встретили упорное сопротивление феодальной знати и народной массы также и в северо-западной части Азербайджана, в шекинской провинции. Борьба шекинцев против иноземного завоевания и порабощения заслуживает особого внимания. Для того, чтобы проследить условия и ход этой борьбы, необходимо возвратиться к событиям третьего похода Надир-шаха в Азербайджан, к 1741-1743 гг.

Наиболее видной фигурой, возглавлявшей борьбу шекинцев против Надир-шаха, был хаджи Челеби.

Хаджи Челеби имел знатное происхождение. Есть некоторые указания на то, что он был потомком ширваншахов[1].

Одним из ближайших и значительнейших предков хаджи Челеби был Дервиш-Мухаммед-хан, наследственный правитель шекинской области. Во время его правления, т. е. в первой половине XVI века, шахи из династии сефевидов путем завоевания присоединили к своему государству Ширван.

Дервиш-Мухаммед-хан, воспользовавшись политической обстановкой в Ширване, не выразил подобно своему отцу покорности и не признал зависимости от шаха Тахмаспа. Он начал вооруженную борьбу против него. Но эта попытка отстоять свою политическую независимость, стоившая жизни участникам ее, не увенчалась успехом.

Наследники Дервиш-Мухаммед-хана, как люди, от которых нельзя было ожидать покорности, были лишены власти[2]. Управление шекинской областью было передано в руки меликов, назначенных шахом. В седьмом поколении от Дервиш-Мухаммед-хана родился у Курбана сын по имени Челеби. Ко времени правления мелика Наджафа (т. е. при Надир-шахе) Челеби был уже взрослым человеком. Челеби был прямого характера, «имел знатных предков и являлся знающим, честным и энергичным человеком», он «пользовался почетом: среди населения Шеки и был богат»[3].
Изложенные факты отчасти об'ясняют, почему во главе шекинской знати, начавшей борьбу против господства Ирана, встал хаджи Челеби. [116 - 117] Эта знать была недовольна постоянными н тягостными поборами, производившимися ставленниками Надира по приказаниям последнего.

Произвол мелика Наджафа, его незаконные поборы и жадность, в конце концов, привели к тому, что шехинская знать отправила Надир-шаху жалобу. В этой жалобе описывались притеснения и несправедливости, которые творил мелик. Наджаф, и была выражена просьба о том, чтобы шах убрал его из Шеки. В результате этой жалобы шах потребовал, чтобы к нему был прислан от жителей области доверенный человек. Шекинцы своим уполномоченным выбрали Челеби. Челеби прибыл к шаху. Было это незадолго перед 1742 годом. Шах, ознакомившись с положением дел, назначил Челеби своим уполномоченным «векилем» по шекинской области. Согласно распоряжению шаха, мелик Наджаф не должен был облагать население области какими бы то ни было поборами и повинностями без ведома Челеби[4]. Очевидно, Надир-шах учел значение, вес и влияние Челеби и решил использовать его в целях упрочения своей власти.

Судя по действиям Челеби, видно, что последний стремился использовать свое положение для того, чтобы еще больше усилить свое влияние в народе. Он упорно защищал интересы населения и на этой почве, очевидно, имел многочисленные столкновения с меликом Наджафом, который ненавидел Челеби, как человека, ограничившего именем шаха его произвол. Мелик Наджаф неоднократно жаловался на Челеби. Он доносил о том, что векиль Челеби «не подчиняется приказаниям шаха и не позволяет народу выполнять их»[5]. Шах потребовал к себе Челеби. Он отправился к Дербенту, в лагерь, где находился шах. Вначале разгневанный шах приказал повесить Челеби, но тот, стоя уже с веревкой на

---

[1] И. Сегаль - Елизаветпольская губерния (Впечатления и воспоминания). „Кавказский вестник”,№ 1, 1902, Тифлис.
[2] Гаджи-Сеид-Абдул-Гамид - Родословная шекинских ханов и их потомкев. Баку, 1930, стр. 14, 15.
[3] Абдул-Лятиф-Эфенди - История шекинских ханов. Баку, 1926, стр. 7.
[4] Гаджи-Сеид-Абдул-Гамид указ. соч., стр. 15.
[5]. Абдул-Лятиф-Эфенди указ. соч., стр. 15.

шее, держал себя с достоинством, смело раз'яснил шаху о том, что на него наклеветали и о том, что мелик Наджаф свои корыстолюбивые действия выдает за приказаний шаха. Казнь была отменена. Челеби и мелик Наджаф снова отправились в Шеки[1].

Впечатление, произведенное твердостью духа Челеби, осталось в памяти народа. Сохранилось предание, в котором рассказывается о том, что умный, дальновидный и хитрый Надир-шах был удивлен поведением Челеби. Вот несколько строк из этого предания: «Вечером шах сидел и размышлял. Вдруг он обратился к своим приближенным и сказал: «В то время, как при мне никто не смеет даже заикнуться, этот нухинец Челеби осмелился самым спокойным образом выразить мне свое мнение и пожаловаться на мелика, несмотря на то, что на его шею уже была накинута петля. Нет сомнения, что он что-нибудь да натворит, я не ошибаюсь»[2].

Среди знатных суннитов шекинской области возник заговор против власти Надир-шаха; главарем этого заговора был хаджи Челеби. Заговарщики, собрав вокруг себя знать и влиятельных людей, убили мелика Наджафа, поставленного Надир-шахом. Таково было начало восстания против Надир шаха.

Политические обстоятельства благоприятствовали перевороту, произведенному шекинской феодальной знатью. Как было уже отмечено, поход 1741-1742 гг. в Дагестан был для Надир-шаха чрезвычайно неудачным. Победы, одержанные дагестанцами, развал иранской армии, [117 - 118] О котором, конечно, очень хорошо знали в Шеки создали условия, в которых решительные действия хаджи Челеби могли увенчаться успехом, и хаджи Челеби не упустил момента, чтобы нанести удар по врагу. Таким образом, дагестанцы и азербайджанцы в это время оказали друг другу большую помощь в деле борьбы против иноземного господства.

Положение в Ширване и Грузии благоприятствовало хаджи Челеби.

В Грузии крупные феодалы, князья Амилахвари, находясь в связи с Турцией и, с Сефи Мирзой в Ширване, осенью 1742 года взялись за оружие, направив его против Надир-шаха и его сторонников.

В Ширване, как выше было уже указано, во второй половине 1743 года некто Сефи Мирза, самозванец, об'явивший себя сыном шаха Хусейна и поддерживаемый Турцией[3], совместно с сыном Сурхай-хана Мухаммедом подняли мятеж против Надир-шаха *в* то время, когда последний находился на турецкой границе и готовился к войне с Турцией.

Пользуясь этими обстоятельствами и огромными затруднениями Надир-шаха, хаджи Челеби при поддержке народа уничтожил представителей иранской власти в шекинской области и с 1743 года (1156 г. х.) сделался в ней полновластным правителем[4].

Шекинская область вышла из-под власти Ирана. Закавказская администрация, поставленная Надир-шахом, не имела сил вмешаться в дела области; так, например, сардари Азербайджана и Грузии не могли взять скрывавшегося в области Шеки у кабалинского султана, Панах-хана, будущего карабахского хана, который в 1743 году (1156 г. х.) бежал из Хорасана от гнева Надир-шаха. Несмотря на то, что Надир-шах дал строжайшее распоряжение изловить и доставить к нему Панах-хана, последний благополучно укрывался в области Шеки под защитой кабалинского султана и в джарской области до самой смерти Надир-шаха[5].

---

[1] Там же.
[2] Там же, стр. 8.
[3] Histoire de la Géorgie, traduite du géorgien par M. Brosset. II livraison. SPB, 1857, p.p. 77, 80.
В дальнейшем ссылки на это сочинение будут указаны так; Броссе, указ. соч,, и т. д.
[4] Абдул-Лятиф-Эфенди передает некоторые подробности осады Надир-шахом крепости Гелесен-ве-гересен. Он пишет: «В 1156 году
Абдул-Лятиф-Эфенди, указ. соч., стр. 8.
Гаджи-Сеид-Абдул-Гамид, указ. соч., стр. 15.
Ср. Бакиханов, указ. соч., стр. 123, 124.
Ср. Такайшвили Е. С. - Описание рукописей библиотеки .”Общества распространения грамотности среди грузинского населения”,стр.3. “О происхождении азербайджанских ханов” (“Сб. мат. для опис. местн. и плеи. Кавк.” в. X, Тифлис, 1910).
[5] Джемаль-Джаваншир-Карабаги, Карабаг (Газ. “Кавказ”, № 62, 1855).

ПОПЫТКА ЛИКВИДАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПЕРЕВОРОТА В ШЕКИ (ЧЕТВЕРТЫЙ ПОХОД НАДИР-ШАХА)

В начале 1744 года Надир-шах снова, уже в четвертый раз, направился в Азербайджан и Дагестан. На этот раз перед ним снова стояла задача привести к покорности дагестанцев и уничтожить результаты шекинского переворота.

Хаджи Челеби с приближенными и войсками укрылся в хорошо защищенной от природы крепости Гелесен-ве-гересен, находившейся на небольшом расстоянии от г. Нухи. Осада продолжалась с начала весны и, примерно, до июня 1744 года. Осажденные голодали, но крепости не сдавали. Под покровом ночи они производили вылазки из крепости, «подходили близко, стреляли и причиняли урон шахским войскам»[1]. Войска Надира сожгли город Шеки и часть его разграбили. Абдул-Лятиф-Эфенди передает некоторые подробности осады Надир-шахом крепости Гелесенг-ве-гересен. Он пишет: «В 1156 году [118-119] гиджры (1743 г. н. л.) все сунниты собрались, выбрали Гаджи Челеби своим правителем, и засели в крепости Гелесен-ве-гересен. Когда сообщили об этом шаху, он прибыл с войском на место Кетан-дюзи, находящееся около селения Даш-булах. Главную часть своего войска шах оставил там, а с собою взял лучшие силы и двинулся к крепости Гелесен-ве-гересен. В длительном бою обе стороны понесли потери, и даже был убит один из приближенных шаха. Тогда свита шаха посоветовала ему не проливать напрасно крови из-за кучки бесполезных голодных людей. Шах согласился. Пробыв некоторое время в армии, шах ушел обратно[2].

В этом сообщении имеется ряд весьма ценных для нас моментов: во-первых, отмечается, что Надир-шах пришел в шекинскую область специально для подавления восстания, возглавлявшегося хаджи Челеби; во-вторых, указывается на то, что шах пришел с целой армией; в-третьих, что для осады крепости Гелесен-ве-гересен шах взял с собой лучшие силы; в-четвертых, что восставшие шекинцы нанесли отборным шахским войскам некоторый урон и, наконец, пожалуй, любопытнее всего мотивировка, об'еняющая причины снятия осады крепости. Автор пишет о том, что шах согласился с мнением тех своих советников, которые считали, что ради кучки голодных повстанцев, засевших в крепости, не стоит терять людей и время. Однако, совершенно ясно, что шах, придя с целью уничтожить результаты переворота, произведенного хаджи Челеби, не добился желаемого; он не смог взять крепости, защитники которой стойко боролись, перенося лишения и голод.

Грозный завоеватель простоял несколько месяцев перед крепостью Гелесен-ве-гересен и ушел с подорванным авторитетом. Защитники крепости, поддерживая честь своей страны, показали, что недаром их крепость носит гордое наименование «Гелесен-ве-гересен» («Придешь и увидишь!»).

Надир-шах не довел до конца осады крепости в 1744 г., главным образом потому, что в одно и то же время в равличнььх частях Ирана загорелись крупные восстания, вызванные чудовищным грабежом и разорением страны, питаемые отчаянием и ненавистью народа. Надир-шах пришлось снять осаду крепости Гелесен-ве-гересен и двинуться в Иран. Есть неясные сведения, что при отступлении во время переправу через Куру он едва не погиб со всей своей армией.

Неудача, которую Надир-шах потерпел при осаде крепости Гелесен-ве-гересен, показала населению Ширвана, что борьба против власти Надир-шаха отнюдь не безнадежна. Количество и численность отрядов, собиравшихся из беглецов, т. е. крестьян, покинувших свои селения и хозяйства, увеличивалось. Наконец, движение разрослось настолько, что по всему Ширвану стали бродить отряды, предводимые безвестными главарями; они боролись против администрации, поставленной иранским правительством.

А. Бакиханов пишет, что «начальники никаким образом не могли усмирить их»[3].

Конечно, некоторая часть этих бездомных крестьян превратилась просто в разбойников, грабивших и убивавших проезжих, но и они парализовали жизнь края и деятельность иранской администрации. Это видно хотя бы из того, что турецкий султан принимал меры для поддержания [119 - 120] беспорядков, так как они происходили в тулу его врага Надир-шаха[4].

А. Бакиханов пишет, что этот год (1744) получил название «Тули-дат», т. е. «упаси от разбоя»[5].

Надир-шаху удалось подавить восстание и в Ширване, и в Ширазе, и в Астрабаде. В Ширване сын Надир-шаха Неср-али-мирза, как уже упоминалось, командуя 25-тысячной армиейу разбил Сефи

---

[1] Гаджи-Сеид-Абдул-Гамид. указ. соч., стр. 16.

[2] Абдул-Лятиф-Эфенди, указ. соч., стр. 8, 9.
Гаджи-Сеид-Абдул-Гамид, указ. соч., стр. 16.
Ср. А. Бакиханов, стр. 124.

[3] А. Бакиханов, стр. 124.

[4] А. Бакиханов, стр. 124.

[5] Там же.

Мирзу около реки Ахсу, повстанцы были перебиты. Грузия также была приведена к покорности Надир-шаху.

В течение трех лет Челеби Курбан-оглы прожил в крепости Гелесен-ве-гелесен. Опасаясь действий военачальников Надир-шаха, еще не изгнанных из Ширвана, Гянджи и Карабаха, он не покидал своей твердыни, снабженной всем необходимым для защипы. В эти годы он распоряжался в большей части шекинской области, как полновластный правитель.

Велика была заслуга Челеби Курбан-оглы. Он поднялся на решительную и настойчивую борьбу против тирании Надир-шаха. Он первый освободил шекинскую область из-под власти Ирана, сделал ее политически самостоятельной. Он, окруженный со всех сторон врагами, в течение нескольких лет, в условиях разительного неравенства сил, вел борьбу против власти Ирана.

В деятельности Челеби-хана мы видим ясно выраженное стремление добиться для шекинской области, а возможно и для Ширвана, государственной самостоятельности. Иначе чем же еще можно об'яснить его действия? Он был богат, был векилом шекинской области, и, пользуясь своим умом и влииянием, мог снискать милости и благорасположение шаха и тем упрочить свое положение. Однако, он пренебрег всем этим и вел против Надир-шаха борьбу, исполненную таких опасностей, при которых один неверный шаг вел к смерти.

Но кроме мужества и настойчивости Челеби обладал ещё гибкостью, он был умен и хитер и, когда обстановка показала, что уже приостоновить действия оружием и вступить на путь переговоров и соглашений, он вступил на путь, переговоров и соглошений, он вступил на этот путь, не теряя из виду основной своей цели и во всех действиях незримо преследуя ее.

Политическая обстановка в Закавказье так изменилось, что у хаджи Челеби и его партии уже не могло быть надежде противостоять Надир-шаху.

В марте 1746 года хаджи Челеби с некоторыми шекинскими жителями приехал к Надир-шаху и просил простить им их враждебные против него действия.

Надир-шах простил пришедших с повинной и назначил в шекинскую область правителем мелика Джафара - племянника мелика Наджафа, бывшего правителем Шеки. Надир-шах приказал мелику Джафару вместе с хаджи Челеби восстановить управление и заставить райятов заняться земледелием[1].

Вскоре после этого, а именно в мае 1747 года, Надир-шах был убит кучкой заговорщиков прдворных.

После этого события в Иране начинаются междоусобия. Претенденты на шахский престол ведут между собой борьбу. Центральная власть ослабевает и не может уже силой оружия удержать в повиновении не только окраины, но подчас и центральные области государства. [120 - 121]

[1] Фирман Надир-шаха от 9 сафара 1159 г,, мелику Джафару, сыну брата мелика Наджаф-кулия (Абдул Лятиф-Эфенди, указ. соч., прилож., стр. 24).

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛЕБИ-ХАНА

После смерти Надир-шаха в течение короткого времени в Азербайджане оформился ряд ханств. Хаджи Челеби снова стал шекинским ханом[2]. Об этом времени один из историков шекинских ханов пишет: «Гаджи Челеби сделался сильным и могущественным. Власть его распространилась до города Тавриэа[3].

В то же время хаджи Челеби занял некоторую часть Карабаха[4], но туда же из джарской области явился с небольшим числом своих приверженцев Панах-хан хотя хаджи Челеби-хан и рассеял вначале отряд Панах-хана, но в дальнейшем после того, как из Ирана вернулись в Карабах единоплеменники Панах-хана[5], он сумел изгнать из Карабаха шекинцев, а в сражении при крепости Беят разбил войско хаджи Челеби-хана. Опасаясь карабахских медиков, очевидно сносившихся с хаджи Челеби-ханом, Панах-хан, в целях укрепления своей власти в Карабахе, выразил покорность тебризскому Амир-Аслан-хану[6] и при помощи его и благодаря личной инициативе и энергии сумел укрепиться и противостоять мероприятиям хаджи Челеби-хана, направленным к установлению его владычества в Карабахе[7].

Панах-хан, подчинив себе многие населенные места Карабаха быстро усиливался и становился одним из самых сильнык ханов Азербайджана.

Для того, чтобы укрепить свой тыл, упрочить положение и приобрести союзников, обладавших большой военной силой, хаджи Челеби-хан женил сына своего Ага-киши-бека на дочери Мухаммед-хана кази-кумухского и установил тесные связи с дагестанскими старшинами и владетелями.

Укрепив свою власть, хаджи Челеби-хан подчинил себе султанов кабалинского и арешского, доселе пользовавшихся большой степенью, независимости. Подчинение этих крупных феодальных владетелей имело большое значение в отношении консолидации сил шекинского ханства и усиливало ханскую власть.

Предание свидетельствует о том, что Хаджи Челеби-хан был рачительным хозяином и упорядочил налоговые поступления. Известно также, что он построил в Нухе здания общественного назначения: мечеть, медресе, баню.

Армянский архиепископ середины XIX столетия Саркис Джалалян в книге, где дается описание его путешествий, отмечает, что хаджи-Челеби оставил описание крепости Гюлистан, ее дворцов и палат, находящихся близ Шемахи, к западу от нее. Это сообщение, которое, правда, очень трудно проверить, наводит на мысль о том, что Челеби-хан интересовался памятниками старины своей страны. Надо полагать; что этот интерес был тесно связан с вопросами политическими, с вопросами [121 - 122] о местной, азербайджанской государственной власти. В этой связи необходимо отметить, что хаджи Челеби, очевидно, весьма широко понимал свои задачи. В надписи, исполненной на мраморе, которая была укреплена на выстроенной им в Нухе мечети, хаджи Челеби так обозначил свой титул: «Хаджи Челеби султан, сын Курбана, хаким (правитель) Шеки, эмир (т. е. правитель или повелевающий) Ширваном. Дата-1162 г. х.-1748-1749 гг. н. л.»[1].

Фактически Челеби-хан ни в указанный год, ни раньше не был правителем Ширвана. Повидимому, здесь выражены его политические цели, намерение подчинить своей власти весь Ширван[2]. Возможна эта идея обосновывалась тем, что он первым достиг политичесявой самостоятельности на левобережье Куры.

---

[2] Г. Алкадари, указ. соч., стр,75.

[3] Абдул-Лятиф-Эфенди, указ. соч., стр. 9.

[4] Перевод с талике шекинского хаджи Челеби-хана, декабрь 1749 г.Об определении мелика. Шахназара меликом в Варандинском и, Киочизском магалах. (Азерб. Центр. Архивн. Управл., Истор. арх., фонд Воен. окружн. нач-ка, д. № 14, св. 2, л. 413.

[5] Список с соч. Мирзы, Адигезаль-бека - История, Караваха. Рукопись на азерб. языке, хранящаяся в вост. Отд. Фунд. б-ки АНАзерб. ССР, инв. № 1, стр. 8. В дальнейшем ссылки на эту рукопись будут указаны: МирзаАдигезаль бек, указ.соч.

[6] Там же, стр. 9.

[7] Там же, стр. 10.

[1] Әләскәрзадә, һачы Чәләби султан мәсчиди китабәси.(„Известия АзФАН”, Баку 1943, № 2).

[2] Мирза-Адигезаль-бек, указ. рукоп., стр. 18. Автор пишет, что „хаджи Челеби над всем Ширванатом простирал свои длинные руки владельческих прав”.

МЕЖДОУСОБНЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ ХАДЖИ ЧЕЛЕБИ И ИРАКЛИЯ II

Теймураз, царь Картлии, пользуясь удачно сложившимися для него обстоятельствами, а именно, междоусобиями из-за шахского престола между знатнейшими представителями феодальной аристократии Ирана, вел к тому, чтобы захватить Ганджу и земли ей принадлежавшие, а также, если представится возможность, то и Карабах. Сын Теймураза, Ираклий, царь кахетинский, помогал отцу в осуществлении его расчетов.

Впрочем, первую попытку расширить пределы государства и увеличить количество подвластных им земель цари Теймураз и Ираклий произвели не в отношении Ганджи, аджарской области. В анонимной грузинской хронике XVIII в. об этом походе Ираклия записано следующее: «1751 г. царь Теймураз и царь Ираклий отправились воевать на Дчар, из Дчара с Аджи Чалабом. Аджи Чалаб разбил царей по той причине, что у царей было большое войско и с большим войском они не справились... Была среда масленницы, 11-й день февраля»[3].

В следующем 1752 г. цари Теймураз и Ираклий предприняли поход в Ганджу. Для достижения цели им прежде всего нужно было сломить двух наиболее сильных ханов Азербайджана: хаджи Челеби-хана шекинского и Панах-хана карабахского. Последнего Ираклий хотел взять хитростью.

Стремление царя Теймураза, а затем и царя Ираклия II подчинить своей власти ганджинское ханство об'яснялось тем, что это ханство давало большие доходы. Теймураз и Ираклий II постоянно нуждались в деньгах, казна их обычно пустовала. Доходы с Грузии поступали я многочисленным князьям и дворянам. Царские доводы были невелики, да и те в значительной степени разворовывались. Ираклий, стремясь улучшить свои финансы, желал прибрать к рукам ганджинское ханство. Видя его захватнические стремления, хаджи Челеби начал препятствовать им по той причине, что он сам имел виды на Ганджу, а также и потому, что не желал усиления Ираклия, владения которого граничили с шекинской областью. Этими обстоятельствами были обусловлены столкновения и междоусобия, имевшие место между Ираклием и Челеби-ханом. Находясь в кругу феодальных [122 - 123] отношений и феодальной политики, они не доверяли один другому. Каждый боялся усиления своего соседа и принимал меры к тому, чтобы ослабить его.

Между Паиах-ханом карабахским и Ираклием велись переговоры о том, что им следует привлечь соседних ханов для совместного выступления против все возраставшей силы хаджи Челеби-хана. Переговоры привели к тому, что против хаджи Челеби сложился союз ханов, в который вошли Шахверди-хан ганджинский, Касим-хан карадагский, Хусейн-али-хан ереванский и Хайдар-кули-хан нахичеванский, возглавляемые Панах-ханом карабахским и Ираклием. Когда ханы-союзники с'ехались на совещание к Гандже, Ираклий окружил их спрятанными в засаде войсками и взял в плен[4]. Этим поступком Ираклий обнаружил свои истинные намерения.

Хаджи Челеби-хан, зная о готовящемся на него нападении, собрал войско и стоял с ним на левом берегу Куры. Как только дошла до него весть о коварном поступке Ираклия, он двинулся к Гандже и преследовал войска Ираклия до реки Акстафы, недалеко от которой в кровопролитном сражении разбил их на голову[1].

Сообщения об этих событиях помещены были в «Санкт-Петербургских ведомостях» в ноябре 1753 года. Там писали: «Персидской области пять ханов грузинскому царю были отчасти склонны, а именно: Козах-хан, Бурчалинской хан, Шамшадельской хан, Иреванской хан и Генджинской хан, которые совокупясь с грузинским царем Ираклием людили с войсом на Шекинского Аджи Челебия для войны, причем от него Шекинского Аджи Челебия из войска царя Ираклия с 6000 побито, и в полон взято. До прошлого года, он же Ираклий царь ходил на того же Шекинского Аджи Челебия с войском и с 6000 же человек, притом со всеми их пожитками потерял, а сам с (малыми людьми возвратился; а ныне помянутые Иреванской, Генджинской, Козах, Шамшаделъской и Бурчалинской ханы от царя Ираклия отдалились, и совокупились с Аджи Челебием, от чего Грузинский и Кахетинский цари в великой опасности состоят и к обороне своей никакой надежды не имеют...»[2].

---

[3] „Описание событий”, анонимная хроник XVIII в. на грузинском языке. Перев. Е. С. Такайшвили. (С. М. О. М. П. К. , в. 21, стр. 37 и сл.).
Ср. Бутков, указ. соч., ч. 1, стр. 238.

[4] Абдул-Лягиф Эфенди, указ. соч., стр. 9.

[1] Мирза Адигезаль-бек, указ. рукоп., стр. 20.
А. Бакиханов, стр. 127, 128.
Ср. Бутков, указ. соч., ч. 1, стр. 390, 391; ч. III, стр. 89.
Ср. Г. Алкадари, указ. соч.. стр. 77.

[2] Цитировано по Буткову, ч. 1, стр. 390.

Хотя во внешнем описании событий не все источники сходятся, но все они отмечают, что царь Ираклий с войском подошел к Гандже, что с ним были связаны ханы Ганджи, Карабаха и Карадага, что собиравшиеся силы готовились двинуться против хаджи Челеби, однако, в «писании внутренней связи событий некоторые грузинские источники отмечают, что ханы Ганджи и Карабаха, внешне находясь в союзе Ираклием, замыслили против него измену, намереваясь в готовящемся сражении перейти на сторону хаджи Челеби, что именно это обстоятельство понудило Ираклия схватить и пленить пришедших в его лагерь азербайджанских ханов[3].

Поскольку вряд ли возможно на основании источников проникнуть в замыслы ханов, а также и потому, что все эти события несомненно являются довольно типичными в феодальных междоусобных войнах средних веков, мы не будем на них останавливаться подробнее.

Для большей полноты картины приведем лишь свидетельство одной [123 - 124] из современных событиям грузинских хроник. Вот как они описаны:

«1752 г. царь Теймураз и царь Ираклий отправились с войском из Тифлиса в Ганджу: Хан ганджинский Шеверди хан, выйдя из крепости, встретил царей с многочисленными подарками и виделся с ними. Посетили также царей (с подарками) слепой Комуз-хан. карадагский и шушинский Панах-хан. Эти ханы хотели примирить царей с Аджи Челабом. Цари же полагали, что названные ханы условились соединиться с Аджи Чалабом и поэтому всех этих ханов схватили, связали по рукам кандалами и ограбили, марта 21-го»[4].

Далее в той же хронике сообщается:

«1752 г. сын Панах-хана отправился к Аджи Чалабу и привел войско в Ганджу. Произошла битва. Цари ни во что не ставили приведенное из Нухи войско, в беспорядке вступили в бой и потерпели поражение. Царские войска вместе с царями вернулись в Тифлис, ханы; бывшие в плену, отправились в Ганджу к Аджи Чалабу... марта 28-го».

Эта победа отдала в руки хаджи Челеби-хана казахский и борчалинский магалы. Там он поставил своего сына Ага-киши-бека, который в течение двух лет был правителем этих местностей[5].

К чести хаджи-Челеби следует сказать, что он, очевидно, весной 1752 г., как пишет П. Бутков, «прислал к грузинскому царю Теймуразу с представлением, чтобы в происшедших ссорах помириться, токмо царь Теймураз к миру не склонился»[6]. Впрочем, справедливость требует отметить, что в ту пору сын хаджи Челеби, Ага-киши-бек, с войском стоял в шестидесяти верстах от Тбилиси. Подробности же предложения о мире, с которым хаджи Челеби обратился к Теймуразу, нам неизвестны.

Ираклий, не имея достаточно сил для того, чтобы, противостоять хаджи Челеби-хану, отправил послов в большую и Малую Кабарду с просьбой помочь войском. По просьбам князей, посланников грузинского царя, ему в Кабарде дано было в августе 1752 г. свыше 2000 человек. Воспользовавшись этими силами, Ираклий принудил Ага-киши-бека оставить борчаливский и казахский магалы и возвратиться в Шеки[7].

Ханы, побывавшие в плену у Ираклия, поняв намерения последнего, не могли уже быть его союзниками. Хаджи Челеби, желая привлечь ханов на свою сторону, повелел освободить их[1].

И действительно, некоторые из них в дальнейшем стояли на стороне хаджи Челеби-хана против Теймураза и Ираклия II.

Хаджи Челеби-хан настойчиво старался упрочить свою власть в шекинском ханстве, стремился также к обладанию Ганджой, поэтому он противодействовал усилению Ираклия II, царя Картлии Кахетии. Борьба между ними шла с переменным успехом. По существу это была междоусобная феодальная война, не доставлявшая, ни, чести, ни славы, ни одной, ни другой стороне. Она была вызвана узостью феодальных стремлений и Ираклия II и хаджи Челеби. [124 - 125]

Эта междоусобная война потребовала много сил, средств и внимания как одной, так и другой стороны.

---

[3] Бросcе, указ. соч., ч. II, кн. II, стр. 166-168.
[4] „Описание событий", анонимная хроника на грузинском яз., перев. Е. С. Такайшвили (С. М. О. М. П. К. , в. 21, стр. 37 и след).
[5] Мирза Адигезаль-бек, указ. рукоп., стр. 20.
[6] Бутков, ч. I, стр. 392; ч. III, стр. 90.
[7] Бутков, ч. I, стр. 240, 391-393; ч. III стр. 90.
Боссе, указ. соч., ч. II, кн. II, стр. 172.
[1] МирзаАдигезаль-бек, указ. рукоп., стр. 20.
Броссе, указ. соч., ч. II, кн. II, стр. 168.

ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛЕБИ-ХАНА

Хаджи Челеби вынужден был оставить те мероприятия по укреплению и усилению маленького государева, им созданного, которые он «проводил в конце 40-х годов, когда находился в дружественных отношениях с Теймуразом. Тогда он произвел ряд попыток к расширению подвластной ему территорий за счет присоединения, к Шеки земель Ганджи и Карабаха. Его виды простирались даже далее. К сожалению, нам подробно неизвестны шаги, которые предпринимал хаджи Челеби в отношении Ширвана[2].

Не подлежит сомнению, что хаджи Челеби стремился расширить подвластные ему владения, причем это расширение шло по пути об'единения под его властью земель, населенных азербайджанцами.

Хаджи Челеби умер в 1755 г. По отзыву А. Бакиханова, он был «предприимчивым и храбрым и попечительным владетелем»[3]. В нем мы видим человека, который предпринял первые, правда, во многом неосуществившиеся попытки воссоединения ханств Азербайджана под одной местной властью. Попыткам этим не суждено было осуществиться: не шло для этого еще почвы; в экономике Азербайджана не сложились еще условия, позволявшие воссоединить Азербайджан. И со стороны политической эта попытка встретила ряд тяжелых, непреодолимых трудностей, и, как мы видели, содержала наряду с блестящими намерениями шаги, заслуживающие порицания. Тем не менее, он приобрел уважение народа за мужественную и стойкую борьбу против чужеземного угнетения. Храбрый и настойчивый, он посвятил значительную часть своей жизни завоеванию политической самостоятельности и независимости своего родного края - шекинской области.

В народной памяти сохранились имя хаджи Челеби-хана и его подвиги в борьбе против иноземного завоевания. Около ста двадцати пяти лет тому назад русский чиновник Ал. Яновский, составлявший по приказанию министерства финансов описание шекинской области, записал народное предание о хаджи Челеби.

В то время, т. е. в двадцатых годах XIX в., еще не были опубликованы какие-либо документы или описания, освещающие историю шекинской области, поэтому Ал. Яновский писал: «Так как об основании шекинского ханства нет письменных свидетельств, то остается воспользоваться преданиями, которые еще сохранились в народе... Шах Надир надал на шекинские земли. Жители южной равнины покорились ему, но обитатели северной части подняли оружие. Кабалинцы остались в своих дремучих лесах, а прочие, избрав начальником Хаджи Челеби, соединились в неприступном ущелье Гиоля-сан-Геора-сан (эти слова означают: придешь и увидишь). Хаджи Челеби вполне оправдал ожидания народа, упорно сопротивляясь, он везде наносил значительный вред войскам неприятельским, и принудил шаха Надира отступить без всякого успеха. Народ, в знак своей признательности, вручил Хаджи Челеби верховную власть, которую он сумел распространить на султанов кабалинского и арешского, не лишая их владений...»[4].

Это предание очень ценно для нас. В нем передана народная оценка деятельности хаджи Челеби. Он стойко боролся против иноземного завоевателя принудил его отступить. [125 - 126]

---

[2] Бакиханов, указ. соч., стр., 129.
[3] Там же, стр., 130.
[4] “Обозрение Российских владений за Кавказом”, часть III, СПБ, 1836, стр. 125.

ОБРАЗОВАНИЕ КАРАБАХСКОГО ХАНСТВА

Теперь нужно будет несколько осветить деятельность другого выдающегося человека сороковых и пятидесятых годов XVIII столетия? уже упоминавшегося нами Панах-хана карабахского. Нами было отмечено, что в 1748 году Панах-хан вел против хаджи Челеби борьбу, цель которой заключалась в том, чтобы самому укрепиться в Карабахе. В этих условиях Панах-хан не желал приобретать себе лишнего противника. Поэтому, когда сардар Тебриза - Амир-Аслан-хан, поставленный на управление еще Надир-шахом, потребовал, чтобы Панах-хан подчинился Адиль-шаху, овладевшему престолом после смерти Надир-шаха, Панах-хан выразил полную готовность[1]. Амир-Аслан-хан остался очень доволен этим, так как его собственное положение не было прочным. О своем успехе он сообщил Адиль-шаху, который прислал Панах-хану фирман на управление Карабахом. Вместе с фирманом были присланы подарки - почетная одежда, лошадь с седлом, украшенным золотом и осыпанным драгоценными камнями, и сабля[2]. Панах-хану удалось обезопасить себя от противника, угрожавшего ему с юга, но ненадолго.

В Иране и южном Азербайджане непрерывно длились смуты и волнения. Панах-хан, воспользовавшись этими обстоятельствами, распространил свое влияние до Ардебиля. В эту пору Панах-хан оказал влияние и на дела Ганджи, где он успешно содействовал занятию ханского престола тому из претендентов гянджинской ханской фамилии Зияд-оглы, который был ему угоден[3].

Но скоро со стороны южного Азербайджана вновь обнаружилась, угроза. Вместо Амир-Аслан-хана там появился Мухаммед-хасан-хан Каджар, приобревший большую силу.

В этих обстоятельствах Панах-хану надлежало подумать об обороне южных границ своих владений. На собранном им совете обсуждался этот вопрос. Джемаль Джаваншир Карабаги в следующих словах передает мнения, высказывавшиеся на этом совете: «... мы не можем положиться на преданность соседственных с нами ханов (рассуждали почетные лица – *В. Л.*) и легко случиться, что они, подстрекнув Мухаммед-хасан-хана, в союзе о ним предпримут против нас поход и народ карабахский будет затоптан многочисленностью их ополчения. Что касается до Шах-булага, то будем ли мы в состоянии в подобной крепости отразить гораздо нас сильнейшего врага? Мы неминуемо должны будем погибнуть, если не построим более верный против них оплот, и потому не лучше ли основать другую крепость в неприступном месте нашей земли, чтобы, в случае нужды, могли бы мы также получить помощь одного из соседственных нам ханов»[4].

В результате этого совещания решено было избрать место для построения крепости новой, более сильной, чем выстроенная в недавнем времени крепость Шах-булаг[5].

Мир Мехди Хизани сообщает, что при выборе места для крепости руководились также мыслью о том, чтобы она находилась посередине [126 - 127] между зимними и летними пастбищами и чтобы с находящимися на летних пастбищах возможно было иметь связь.

О вновь выстроенной крепости Мир Мехди Хизани писал, что Панах-хан превратил ее в благоустроенный и пользующийся любовью город, который он наименовал Панах-абадом. В этом городе чеканили, монету, которая получила широкое распространение и повсюду называлась «панабад» (сокращение от наименования «Панах-абад»). Панах-абад был расположен неподалеку от небольшого селения Шуша-кенд. Впоследствии Панах-абад, утеряв свое первоначальное название, стал называться по имени этого селения.

Крепость Шуша стояла на довольно высокой, обрывистой горе - к ней вела лишь одна узкая тропинка.

Повидимооду, не прошло и года со времени построения крепости; как в 1751 г. упоминавшийся уже Мухаммед-хасан-хан Каджар вошел с войсками в Карабах. Не решившись на осаду Шуши, он простоял месяц вдали от нее и принужден был уйти в южный Азербайджан, где возгоралась борьба между ним и усилившимся Керим-ханом Зендом. Отступление Мухаммед-хасан-хана было столь поспешным, что в лагере своем он оставил находившиеся при нем пушки, которые Панах-хан взял и доставил в Шушу[6].

Однако на этом попытки южно-азербайджанских феодалов подчинить себе Карабах не закончились. В южном Азербайджане усилился Фетх-али-хан Авшар из Урмии. Он также предложил Панах-хану выразить покорность, но получил грубый отказ. Фетх-али-хан явился с войском в Карабах.

---

[1] Джемаль-Джаваншир Карабаги - Карабаг (Газ. “Кавказ”, № 65, 1855.

[2] Ср. Мири Адагезаль-бек, указ. рук., стр. 9.

Ср. Джемаль Джаваншир Карабаги, указ. соч. (Газ. “Кавказ”, № 65, 1855).

[3] Мирза Адигезаль-бек, указ. рук. стр. 17.

[4] Джемаль Джаваншир Карабаги - Карабаг (газ. “Кавказ”, № 65, 1855).

[5] Мир Мехди Хизани - Карабах-наме, рукопись. Восточн. отдел фундаментальной библиотеки АН Азерб. ССР, № 14214, стр. 41, 42.

[6] Мирза Адигезаль-бек, указ. рукоп., стр. 18.

Он разбил свой лагерь в одном фарсахе[7] от Шуши, где в бездействии простоял пять или шесть месяцев. Хотя и есть сведения о том, что войска его были разбиты Панах-ханом, однако, по условиям заключенного мира, Панах-хан должен был отправить к Фетх-али-хану своего сына Ибрагима для того, чтобы последний женился на его дочери, но Фетх-али-хан задержал Ибрагима[8]. Впоследствии Фетх-али-хан был разбит Керим-ханом Зендом, который выступил против него совместно с Панах-ханом. После этого, Керим-хан, оставив у себя Панах-хана, фирман на управление Карабахом передал его сыну Ибрагиму. Это было около 1758 г.[1]

Панах-хан карабахский за время своего управления добился больших успехов в утверждении своей власти в Карабахе. Он, пользуясь помощью варандинского мелика, подчинил своей власти остальных четырех меликов Карабаха. Это была «политическая борьба, - в результате которой мелики вынуждены были признать над собою верховную власть Панах-хана. Они признали свою вассальную зависимость[2].

Мы видели, что Панах-хан одно время расширил свои владения на юго-востоке, а на юго-западе он подчинил себе магалы Татев, Сисиян, Капан, Мигри[3]. [127 - 128]

Следует сказать, что размеры владений в ту пору не были устойчивыми по той причине, что мелкие владетели, выражавшие покорность часто выходили повиновения, найдя себе сильного союзника или покровителя. Однако Панах-хану все же удалось закрепить за собой Карабах. Правда его сыну Ибрагиму пришлось возобнавить борьбу с непокорным вассалами – тремя меликами, но к тому времени, когда Ибрагим, продолжая политику отца, вновь начал подчиняться своей власти меликов, он обладал уже большими силами, чем Панах-хан в начале своей деятельности Панах-хану удалось создать, сильное ханство, которое отчасти прикрывало остальные северо-азербайджанские ханства от попыток подчинения, исходивших со стороны Ирана. Он стремился возможно больше расширить свои владения, увеличив этим силы, обеспечить себе самостоятельность и независимость.

Именно в этом заключается объективное значение деятельности Панах-хана. Обстановка, в которой ему пришлось действовать не позволила ему достичь, больших успехов. Слишком много препятствий и экономического и политического характера находилось на пути к созданию крупного азербайджанского государства. Эти условия не могли быть преодолены действиями хотя бы и очень энергичной и одарённой личности. К этим вопросам мы еще возвратимся ниже, когда (будем рассматривать об'ективные условия и значение деятельности других выдающихся людей того времени - Фатали-хана кубинского и Ибрагим хана карабахского.

---

[7] Фарсах = 5 $^1/_2$ версты.
[8] Мирза Адигезаль-бек, указ. рукоп., стр. 21, 22. Ср. А. Бакиханов, стр. 130.
[1] Панах-хан умер в 1758 г. Эта дата высечена на мраморном надгробье могилы Панах-хана.
Ср. Бутков, ч. Ш, стр. 97.
[2] Мирза Адигезаль-бек, указ. рукоп., стр. 11, 13-16.
Ср. Emin Joseph - The Life and adventures of Joseph Emin, p. 425, London 1792.
[3] Мирза Адигезаль-бек, указ. рукоп., стр. 12.

ВОЗВЫШЕНИЕ ФАТАЛИ-ХАНА КУБИНСКОГО

Наиболее значительным моментом в политической жизни Азербайджана в начале второй половины века явилось возвышение кубинского Фатали-хана. Фатали-хан родился в 1736 г. Происходил он из знатного рода[4]. Его предки были ханами в кубинской области еще в середине XVII в. Известный нам из официальных документов кубинский Хусейн-хан умер около 1689 г. Отец Фатали-хана в одном из своих указов называет этих умерших своих предков «благородными ханами, величайшими султанами, знаменитейшими, правителями»[5]. Один из них, Ахмед-хан, был правителем «усмием» Каракайтага. Резиденцией кубинских ханов до 1735 г. была крепость Худад.

Род Фатали-хана дал Азербайджану ряд выдающихся людей, среди них самым замечательным был Аббас-кули-ага Бакиханов, бабушкой которого была сестра Фатали-хана Хадиджа-бике, по настоянию брата своего вышедшая замуж за бакинского хана.

К началу 60-х годов Фатали-хан об'единил под своей властью владение сальянское, ханства дербентское и бакинское, имел связь и значительное влияние на шамхала Тарковского и некоторые общества Дагестана. Будучи человеком умным, образованным, храбрым, Фатали-хан упорно вел очень сложную политику, направленную к подчинению псех ханств Азербайджана его власти. [128 - 129]

Прежде чем повествовать о дальнейшей деятельности Фатали-хана, приведем некоторые сведения о его владениях. Путешественник Биберштейн о Кубе писал:

«Кубинское ханство заключает в себе часть Ширвана, находящуюся между Рубас и Ата-чаем, т.е. кроме части гор до границ с Лезгистаном, главным образом, прекрасную и плодородную равнину... Оно бесспорно самое лучшее и более населенное из мелких государств Ширвана. Куба, ее столица, представляет собой маленький город, укрепленный восточным способом - стеной, фланкированной башнями. Жители этого округа имеют воинственную репутацию»[6].

Эти строки были написаны через восемь лет после смерти Фатали-хана (1789 г.). В них дана сжатая оценка значения кубинского ханства; это маленькое ханство, оказывается, было довольно сильным. Об его укреплении немало постарался сам Фатали-хан и его отец Хусейн-али-хан, которые пользовались всяким случаем для, того, чтобы увеличить население ханства.

Располагая силами кубинского ханства, Фатали-хан, как уже упоминалось выше, сумел присоединить к Кубе Сальяны (1756 г.)[1], несмотря на то, что они были яблоком раздора между шемахинским и карабахским ханами, из которых каждый стремился забрать их себе. Хотя Сальяны были по территории весьма незначительным владением, но хозяйственное их значение было велико. Упоминавшийся уже Биберштейн о Сальянах писал: «Население Сальян довольно значительно и жители его не стеснены. Рыбная ловля в Куре очень доходна и сдана на откуп предпринимателям, большинство которых русско-подданные из гор. Астрахани[2] и других мест губернии этого названия. Вот почему там видят много иностранцев. Доходы, которые получает хан (Биберштейн имеет в виду наследника Фатали-хана, Ших-Али хана – *В. Л.*) от рыбной, ловли, исчисляются в 50 тысяч рублей серебром. До Фетх-али-хана Сальян и его городской округ были отделены от других его владений, но в настоящее время они присоединены к кубинскому ханству землями, отнятыми у бакинского хана[3].

После Сальян Фатали-хан присоединил к своим владениям Дербент (1759 г.)[4], который был сильнейшей крепостью, занимавшей важнейший стратегический пункт, и в то же время портом, имевшим значительную торговлю с Астраханью и Дагестаном. Затем он подчинил своей власти Баку. Этого он достиг тем, что одну из своих сестер, упомянутую выше Хадиджа-бике, выдал замуж за бакинского хана. Сестра Фатали-хана, обладавшая твердым и властным характером, забрала в свои руки слабохарактерного бакинского хана, она вела все дела в направлении, намеченном ее братом, Фатали-ханом[5].

---

[4] Искендер-бек Гаджинский - Жизнь Фет-Али-хана Кубинского (газ.”Кавказ”. № 48, 1847).

[5] И. П. Петрушевский – Персидские официальные документы, XVI-нач. XIX вв., как источник для истории феодальных отношений, в Азербайджане и Армении. („Проблемы источниковедения”, Ш, М. – Л. 1940, стр. 40.

[6] Биберштейн, Маршалль, фон - Описание провинций, расположенных на левом берегу Каспийского моря, между реками Терек и Кура, гл. “Кубинское ханство” § 1. Перевод С. Саламовой. Научи, архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, № 466.

[1] А. Бакиханов, стр. 129.
Ср. Искендер бек Гаджинский, указ. соч. (газ. „Кавказ”,№ 48, 1847).

[2] Ср. Бутков, ч. III, стр. 99.
Ср. Бутков, ч. I, стр. 249, пр. 2-ое, ч. III, стр. 106.

[3] Биберштейн, ук, соч., гл. Сальянский округ, стр. 319.

[4] Искендер-бек Гаджинский - Жизнь Фет-Али-хана Кубинского (газ. “Кавказ”, № 48, 1847).
Ср. Бутков, ч. I, стр. 97, пр. 1-е, 138, 139, 233, 250, 251; ч. II, стр. 387, ч. III, стр. 108. П. Бутков относит это событие к 1765 г.

[5] С. Г. Гмелин - Путешествие по России, ч. III, половина первая, СПБ, 1785, стр. 83.
Ср. П. Бутков, ч. I, стр. 251.

Подчинение бакинского ханства имело огромное значение. Город Баку был лучшим портом на Каспии и приносил большие доходы от [129 - 130] нефтяных колодцев и соли, добывавшейся в его окрестностях; присоединение бакинского ханства связывало Кубу с Сальянами.

После подчинения Баку оказалось, что Фатали-хан сосредоточил в своих руках важнейшую часть западного побережья Каспийского моря от Дербента до устья р. Куры. Богатейшие земли эти приносили ему большие доходы. Можно утверждать, что, владея Дербентом, Кубой, Баку и Сальянами, Фатали-хан стал первым по силе владетелем среди правителей Азербайджана и Дагестана, имевшим не только наибольшие денежные средства, но и весьма внушительные людские ресурсы. Укрепившись в значительной части побережья Каспийского моря, Фатали-хан приступил к распространению своей власти вглубь страны. Перед Фатали-ханом встала задача - овладеть крупнейшим из ханств Азербайджана - ханством шемахинским с его столицей городом Шемахой, которая еще в 60-х годах, по словам российского академика С. Г. Гмелина, проезжавшего через нее летом 1770 г. была «пре-знаменитым купечественным местом»[6].

Своей славой и богатством Шемаха обязана была, главным образом, шелку, большое количество которого производилось во всей области. В Шемахе в многочисленных шелкоткацких заведениях, имевших в сумме гораздо более 1500 станков, выделывались разнообразные шелковые ткани. Шемахинский шелк и ткани вывозились в Россию, Турцию, Иран. При Мухаммед-сеид-хане шемахинском, т. е. в 50-х и первой половине 60-х годов, шемахинская торговля и производство шелковых материй находились «в весьма цветущем состоянии»[7].

О природных богатствах шемахинского края С. Гмелин писала «Шемаха со всем своим уездом плодородием столь славна, что ежели хочешь себе земляной рай, который мало по малу зарос деревьям представить, то собственно такое понятие иметь должно о Шемахинской стране»[8].

Понятно упорное стремление Фатали-хана завладеть Шемахой. Фатали-хан неоднократно нападал на нее, но взять не мог и принужден был иной раз уходить даже с уроном, вследствие того, что к шемахинским Мухаммед-сеид-хану и Агаси-хану (Ширваном управляли названные братья) каждый раз приходил на помощь шекинский Хусейн-хан.

Наконец, Фатали-хану, воспользовавшемуся неизвестно вследствие чего возникшей между Мухаммед-сеид-ханом и Хусейн-ханом ссорой, удалось в 1766 г. заключить с последним союз. Согласно договору Фатали-хана с Хусейн-ханом, они должны были с востока и с запада вторгнуться в Ширван, завоевать это владение и разделить между собой. В 1767 г. предприятие это было осуществлено. Шемахинские ханы, братья Мухаммед-сеид-хан и Агаси-хан, были свергнуты, а ханство поделено между союзниками[1].

По этому разделу магалы Саадари и Касани, лежавшие в западной части шемахинского ханства и граничившие с ханством шекинским, достались на долю шекинского Хусейн-хана[2]. [130 - 131]

Но Фатали-хан вовсе не думал укреплять Хусейн-хана, он ему был нужен лишь для достижения ближайшей цели, т. с. покорения Ширвана. Совершенно очевидно, что согласно планам Фатали-хана, в недалеком будущем шекинское ханство также должно было быть присоединено к его владениям, пока же, по прошествии некоторого времени после раздела, Фатали-хан отнял у Хусейн-хана его долю ханства шемахинского[3].

Нужно сказать, что некоторая часть населения Азербайджана и Армении, очевидно, главным образом крупное купечество, понимало пользу, проистекавшую от обвинительной деятельности Фатали-хана. Купцы, а также и часть населения, сочувствовали и даже были готовы содействовать предприятиям Фатали-хана, направленным к об'единению страны.

Один терский житель, ездивший в 1769 году по поручению кизлярского коменданта в Сальяны к русскому консулу, проезжал через Дербент, Кубу и Шемаху. Он встречался с Фатали-ханом, некоторое время жил в Новой Шемахе. О своих наблюдениях он сообщил кизлярскому коменданту в путевых заметках. Между прочим в них имеется следующее: «В Дербенте видел я трех человек знатных купцов, приехавших к об'явленному Фет-Али-хану с подарками из гилянской провинции, из городов Ардевиля, Тавриса, Генжи, Эривани, которые с согласия всего тамошнего народа, а потаенно от своих ханов, просили его, дабы он те места взял под свою власть, обещаясь в самое его к тем городам путешествие,

---

[6] С. Гмелин, указ. соч., ч. III, стр. 100.
[7] Там же, стр. 101.
[8] Там же. стр. 102.
[1] А. Бакиханов, стр. 132.
Ср. С. Гмелин, указ. соч., стр. 92, 93.
Ср. Искендер-бек Гаджинский, указ. соч. (Газ. ”Кавказ”, № 48, 1847).
Ср. Бутков, ч. 1, с. 253, ч. III, стр. 112.
[2] А. Бакиханов, стр. 132.
Искендер-бек Гаджинский, указ. соч. (газ. „Кавказ”, № 48, 1847.).
[3] Искендер-бек Гаджинский. - Жизнь Фет-Али хана Кубинского (газ. “Кавказ”. № 48, 1847).

все места отдать ему без сопротивления. На как Фет-Али-хан имеет ныне войны с шекинским Усейн-ханом, в таком случае, принял намерение, чтоб наперед, если удастся, разбив его, и потеребив Шемаху, безопасно потом уже идти для завладения и теми, отдающимися ему во власть местами»[4].

Хусейн-хан. не желая терять своего приобретения и давать возможность усиливаться Фатали-хану у самых границ шекинского ханства, примирился с ослепленным им Агаси-ханом, который, живя на берегу реки Куры в шекинском ханстве[5], готовился поднять против Фатали-хана своих сторонников - беков, находившихся в Ширване. Для того, чтобы собрать больше сил, Хусейн-хан заключил также союз с аварским ханом, который выслал ему на помощь войско под начальством своих двух сыновей[6].

Не случайно хан аварский примкнул к предприятию Хусейн-хана. Дело в том, что Фатали-хан имел сильное влияние в Дагестане, благодаря союзу с шамхалом тарковским. Этот союз был осуществлен под давлением и присмотром российского правительства, союзнические отношения с которым были установлены Фатали-ханом для того, чтобы усилить себя. Свое политическое влияние и силу он использовал для об'единения ханств Азербайджана и народов Дагестана под своей властью. Российское правительство дружественные отношения с Фатали-ханом интересовали, прежде всего, потому, что в это время шла [131 - 132] война с Турцией (1768-1774). России полезно было сохранить спокойствие в восточной стороне Кавказа, в том числе и со стороны Азербайджана. Российскому правительству было известно, что турецкий двор через ахалцихского пашу обращался к Фатали-хану с настояниями о том, чтобы он выступил против России. Фатали-хан не намерен был делать этого[7], но в то же время, не желая озлоблять турецкое правительство, он отвечал ему в том смысле, что выступить не может по недостаточности сил. Фатали-хан, очевидно, знал, что Турция не в состоянии была в то время выделить войска для того, чтобы направить их к Дербенту, и, пользуясь этим, отклонял свое участие в войне. В течение всей войны Фатали-хан удержал позицию мирных отношений к России. Кон'юнктура,
94
создавшаяся в Закавказье во время первой русско-турецкой войны, способствовала повышению политического значения Фатали-хана.

Из сказанного видно, что у аварского Нуцал-хана были очень серьезные основания для оказания Хусейн-хану шекинскому военной поддержки против Фатали-хана.

В последовавшем затем сражении войск Хусейн-хана, Агаси-хана и сыновей Нуцал-хана аварского, с одной стороны, и Фатали-хана, с другой стороны, первые были разбиты, сыновья Нуцал-хана аварского пали на поле битвы, Хусейн-хан бежал в Шеки, а Агаси-хан в Котеван[1]. В 1774 году Нуцал-хан аварский установил связь и союз с Хусейн-ханом шекинским через слепого Агаси-хана, брата Мухаммед-сеид-хана шемахинского. Союзники подошли к Шемахе и взяли ее. Хусейн-хан шекинский, поссорившись с Агаси-ханом, со своим войском ушел. В это время Фатали-хан, набравший поспешно до 20 тысяч войск, вновь появился под Шемахой. И в этот раз победа досталась Фатали-хану. Агаси-хан бежал опять в свое местечко Котеван[2], а Нуцал-хан был убит дагестанцами, бывшими в войске Фатали-хана. Шемаха осталась за Фатали-ханом, сила и влияние его крепли[3].

Незадолго до описываемых событий через владения Фатали-хана проезжал (1772 г.) упоминавшийся уже член российской Академии наук С. Г. Гмелин. Он оставил весьма ценные сведения о Фатали-хане и его власти. Он писал: «Фат-Али-хан есть сын Уссейна-Али-хана, который во времена Надир-шаха травил городам Кубою, и уже Петром Первым, когда он в сей стране находился, об'явлен владельцем сего уезда, а по смерти своей оставил землю сию в наследство сыну своему Фат-Али-хану. Ему от роду около тридцати лет, имеет шесть жен, и по персидскому обыкновению пьет очень много. Сколько я приметить мог, то Дербентские жители его нарочито любят.

Власть его неограничена, а доходов точно определить нельзя, потому что он подати накладывает, смотря по обстоятельствам, и состоят оные в лошадях, скоте, всяком жите, пшенице, сорочинском пшене и других плодах; во всех городах имеет собственные сады и пашни.

---

[4] И. Иванов. - Материалы для истории Закавказья. Сведения о Фет-Али-хане Кубинском (газ. „Кавказ," № 94, 1854).
[5] А. Бакиханов, стр. 132.
С. Г. Гмелин, указ. соч., стр. 93, пишет, что .Агаси-хан жил в местечке Карабов на Муганской степи. "…"
[6] Этого аварского владетеля П. Бутков называет Мерсел-ханом аварским, отмечая раз'яснение Гюльденштедта, который писал, что по-лезгински аварский владетель назывался "нуцал" или „муцал". Таким образом, "нуцал" не является собственным именем. Имя упоминаемого владельца Мерсел. Бакиханов же в „Гюлистан-Ирам" называет его Нуцал-ханом аварским.
[7] Рапорт кн. Моуравова графу Тотлебену, 7 октября 1769 г. (Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии, т. I, под ред. Цагарели. СПБ, 1891, д. № 204, стр. 443).
[1] Сел. Котеван находится на берегу р. Куры в Агдашском р-не; Искендер-бек-Гаджинский, указ. соч. (Газ. „Кавказ", № 48, 1847); А. Бакиханов, стр. 132. Ср. Бутков, ч. I, стр. 253, ч. III, стр. 117.
[2] Местечко, в которое бежал Агаси-хан, П. Бутков называет Еловле и указывает, что оно находилось на Мугани. П. Бутков, указ. соч., ч. 41, стр. 17; ч. III, стр. 134; в ч, 1, стр. 259 все эти события отнесены к 1772 г.
[3] А. Бакиханов, стр. 133.
Г. Алкадари, стр. 81, 82.

Войско его, сказывают, простирается до сорока тысяч человек и [132 - 133] состоит не только из персиян[4], кои, когда в воинской службе находятся и от хана жалованье получают, куль называются, но по большей части из наемных соседственных татар, из коих особливо в сию службу вступают лесгины.

Сие наемное войско есть причиною превеликих ханских расходов. Все, что он с подданных собрать может, расходится на оное; и хотя подданные хана своего и любят, однакож не недостает при том и жалоб, и весь Дербент желает, чтоб возвратились те щастливые времена, в которые Ширван была под скипетром Российским.

Хану ж, напротив того, по причине беспрестанного мятежа его соседей надобно войско. На сие подданных не довольно, и так, должен он стараться о присовокуплении чужих. Сии хотят хорошей платы, а деньги вместе с другими потребностями должны платить подданные, коим для того такая должность довольно трудною быть, кажется»[5].

В приведенных строках Гмелин прекрасно обрисовал внутриполитическое положение во владениях Фатали-хана. Окруженной со всех сторон враждебными ему феодальными владетелями, боявшимися его усиления, Фатали-хан должен был быть всегда готовым к отражению их нападений, ему необходимо было иметь большое войско, которое требовало расходов, едва ли не превышавших доходы.

Постоянные финансовые затруднения приводили к тому, что Фатали-хан вынужден был увеличивать налоги, которыми облагалось население, что местами порождало недовольство.

Отсутствие безопасности со стороны окружавших Ширван феодальных владетелей, даже более того, частые набеги врагов и претерпеваемые от этого разорения создали, например, среди дербентцев желание находиться под защитой сильного государства русского.

Фатали-хан, поддерживая с Россией дружественные отношения, стремился самостоятельно расправиться со своими врагами. Не случайно на встречающихся в официальных документах оттисках печати Фатали-хана, относящихся к этому времени, были выгравированы слова: «Судьба на зените неба начертала ясными письменами: развернулось знамя Фетх-Али»[6].

В этом несколько торжественно-пышном изречении, несомненно, заключено выражение идеи государственных устремлений Фатали-хана.

---

[4] Считая Азербайджан частью Персии. С. Гмелин местное азербайджанское население называет „персианами".
[5] С. Гмелин, указ. соч., стр. 23, 24.
[6] Указы кубинских ханов. Перевод Ф. Ростопчина, стр. 61. Серия памяти Ю. Н. Марра, кн. III, Тбилиси, 1937.

ГАВДУШАНСКАЯ БИТВА

В дальнейшем важнейшие политические события жизни северного Азербайджана развернулись следующем образом: в 1774 году кайтагский правитель (уцмий) Амир Хамза, казикумухский Мухаммед-хан, казанишский правитель Дишсиз (беззубый) Мухаммед и табасаранские правители - все чрезвычайно враждебные Фатали-хану за его притязания на Дагестан, а также и за союзнические отношения с Россией, вступили с войском в северную часть кубинского ханства.

В продолжительной и кровопролитной битве, происшедшей в степной местности под названием Гавдушан, войско Фатали-хана не смогло устоять против натиска кайтагской конницы, обрушившейся на кубинцев в тот момент, когда они уже достигали победы. [133 - 134]

Войско Фатали-хана было совершенно разбито и рассеяно[1]. Об этих событиях в народной песне Дагестана рассказывается:

«Поведя мощную рать с собой.
Остановился Кази около Худата...
Слышно, идет кубинский хан
С пушками на запряженных лошадьми повозках,
С орудиями, навьюченными на катерах.
«Посмотрим на тебя, осмелившегося войти в мои владения!»
Но увидев снаряжение рати Кази,
Стал кричать кубинский хан:
«Если золота хочешь - навьючу им катеров,
Владений, если хочешь - половину дам,
Иди, говорит, младший брат, на мир со мной!»
«Твоего и моего отца мир —
То друг другу направляемые свинцовые пули!
Теперь же между нами прочный мир —
Это стальные сабли, которыми мы будем биться,
Они—между нами посредники!»
Сказав эти слова в ответ.
Как орел бросается на курочек.
Ударил Кази на Казильбашей»[2].

В этой песне есть два обстоятельства, которые следует отметить. В ней говорится, что войско Фатали-хана имело пушки на повозках и катерах. Полагаем, что об этом говорится не случайно. Очевидно, Фатали-хан на вооружении войска широко использовал технику своего времени. Вероятно, это обстоятельство немало способствовало его успехам.

Но еще более ценно то, что песня иллюстрирует одну из важнейших сторон внешнеполитической деятельности Фатали-хана. Из песни видно, что Фатали-хан не желал кровопролития, он предлагал мир, даже награды, но с условием признания его главенства, его старшинства. В дипломатических отношениях феодального мира придавали огромное значение форме обращения, потому что в ней выражались иерархические отношения владетелей. Слова «младший брат», с которыми Фатали-хан обратился к Кази, показывают, что Фатали-хан соглашался признать только подчиненные, зависимые от него отношения Кази.

Потерпев поражение, Фатали-хан не имел сил для того, чтобы удержаться в Кубе, он бежал в Сальяны[3].

Вследствие этого (поражения Фатали-хан потерял большую часть своих владений, за ним остались только Сальяны, Мугань, Баку и Дербент. Уцмий Амир Хамза решил воспользоваться плодами гавдушанской победы. Он намеревался захватить и Дербент. Однако ввиду того, что Дербент представлял собой сильную крепость, он расчет свой строил не на открытом штурме Дербента, а на захвате его посредством хитрости. Дербентом во время отсутствия Фатали-хана управляла его жена Тути-бике, она была сестрой Амира Хамзы. Последнй решил свои родственные отношения к Тути-бике использовать в целях применения хитрости, рассчитанной на захват города. Амир Хамза распустил слух [134 - 135] о том, что Фатали-хан в сражении на Гавдушанском поле был убит. Слух этот достиг и Дербента. Между тем Амир Хамза, устроив траурную процессию, сопровождавшую труп одного из

[1] Бакиханов, стр. 133.
[2] Песня о Надир-шахе (“Дагестанский сборник”, ч,Ш, стр. 51, Махач-Кала, 1927).
[3] А. Бакиханов, стр. 133. Г. Алкадари, стр. 82. Ср. Искендер-бек-Гаджиинский, указ. соч. (газ.”Кааказ”, № 48. 1847). Бутков, указ. соч., ч. II, стр. 17,18.

дагестанских владетелей, павших в бою, с войском подошел к дербентским крепостным стенам. Он сообщил своей сестре Тути-бике о постигшем ее горе, а также о том, что он привез тело Фатали-хана, и ждал того момента, когда откроются городские ворота и он сумеет войти в город. Однако Тути-бике распознала коварство брата. Предание говорит о том, что она сама вышла на городские стены и приказала открыть пушечный огонь по войскам брата. Затем Тути-бике выслала из города отряд дербентцев, который заставил Амира Хамзу отойти в Мушкур. Дербент был спасен[1]. После этого Амир Хамза, собрав отряд конницы, попытался было захватить Баку, но бакинский Мелик-Мухаммед-хан за крепостными стенами держался стойко; ограбив окрестности, Амир Хамза удалился[2].

Через некоторое время Фатали-хан сумел тайно в сопровождении небольшой свиты пройти сухопутно из Салъян в Дербент. Амир-Хамза, усилив себя войском, вновь подступил к городу и пытался его взять, но не смог. Тогда Амир Хамза приступил к длительной осаде города. Девять месяцев стоял он под стенами Дербента. Положение Фатали-хана становилось все более тяжелым, голод мучил и изнурял дербентцев. Тогда Фатали-хан послал в Кизляр к командующему русскими войсками свое доверенное лицо. Фатали-хан просил у Екатерины II помощи, за что обещал быть ее подданным[3].

[1] А. Бакиханов, стр., 133.
Г. Алкадари, стр. 82.
Бутков, указ. соч., ч. II, стр. 19.
[2] Г. Алкадари, стр., 83.
[3] Бутков, указ. соч., ч. II, стр. 19, 20.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД СНОШЕНИЙ ФАТАЛИ-ХАНА С РОССИЕЙ

Уже в 60-х годах XVIII столетия Россия осуществляла много различных мероприятий по укреплению своих позиций на Северном Кавказе. Устраивалась Кавказская линия, состоявшая из укреплений и крепостей, увеличивалось количество войск, стоявших на линии, велись переговоры о вступлении в российское подданство кабардинских владетелей, увеличивался отпуск денежных средств, вновь сооружавшиеся укрепления заселялись переселенцами. Однако сколько-нибудь значительных действий с целью подчинения Закавказья российское правительство не предпринимало. Это об'ясняется тем, что в конце 60-х и начале 70-х годов Россия была занята войной с Турцией (1768-1774). Эта война велась за обладание побережьем Черного моря и, следовательно, устьями рек Днепра и Дона.

Обладание побережьем, портами, открывало возможность интенсивной эксплоатации черноземных причерноморских степей. Пользуясь реками и Черным морем, Россия стремилась расширить торговлю. Здесь неуместно перечислять все политические и экономические выгоды, какие получала Россия от обладания черноморским побережьем. Однако, нужно сказать, что этот вопрос был одной из важнейших сторон внешней политики России на протяжении большей части XVIII столетия. Естественно, что, решая этот жизненный вопрос, российское правительство стремилось не распылять сил и средств.

Решение вопроса о присоединении к России Закавказья откладывалось на время, когда бы она была свободной от войны с Турцией. Более [136 - 137] того, в своих действиях на Кавказе российское правительство было связано Турцией, которая зорко следила за всеми шагами его на Кавказе. Таким образом, политика России на Кавказе находилась в тесной связи с ее отношениями к Турции. По окончании в 1774 году русско-турецкой войны и заключении кучук-кайнарджийского мира российское правительство находит возможность более деятельно заняться кавказскими делами. Это немедленно сказалось на течении и положении дел в Азербайджане.

Повод к тому, чтобы вмешаться в дела, имелся. В 1771-1773 гг. через земли Дербента и Баку на Энзели проезжал российский академик Самуил Гмелин. Он ехал с поручением обследовать естественные богатства «прикаспийских областей и самого Ирана. Помимо этой задачи он, очевидно, имел и другое поручение: описать пути, населенные места, ознакомиться с политическим состоянием стран, через которые он проезжал, т. е. узнать силу местных владетелей, их взаимоотношения, число войск, которыми они располагают, укрепленные места и проч. Таким образом, С. Гмелин одновременно с выполнением задач путешественника-естествоиспытателя должен был собрать сведения, освещающие экономическое и политическое положение и состояние Азербайджана и Ирана. Выехал в это путешествие. С. Гмелин по поручению императрицы Екатерины II. Понятно, что путешествие это было предпринято с целью осуществления дальнейших видов российского правительства по присоединению к России, по крайней мере, прикаспийских частей Кавказа и Закавказья.

Скрытая сторона путешествия С. Гмелина не осталась тайной для тех правителей, землями которых С. Гмелин проезжал. Так, дальновидный и умный Фатали-хан кубинский и дербентский, который был самым крупным и значительным по силе правителем на западном берегу Каспия, несомненно, понял намерения Гмелина. Он принимал меры к тому, чтобы Гмелин не выведал слишком много, старался также оставить Гмелина у себя на службе при дворе, однако, не достиг этого.

На обратном пути из Ирана Гмелин поехал сухим путем. После того, как он проехал уже Дербент, во владениях усмия каракайтагского Амира Хамзы, в феврале 1774 г., его вместе со спутниками захватили люди усмия. Амир Хамза, ссылаясь на то, что российское командование на кавказской линии не удовлетворяло его требований о возврате бежавших из его владений двухсот восьмидесяти душ, задержал Гмелина, а с. ним сопровождавших его двух студентов и конвой. Несмотря на неоднократные представления и требования кизлярского коменданта и астраханского губернатора, Амир Хамза отказался отпустить Гмелина впредь до удовлетворения его требований. В июле 1774 г. С. Гмелин, находясь в плену, как свидетельствуют очевидцы, от дурного питания, изнурения и болезни умер[1]. Фатали-хан воспользовался этим случаем для того, чтобы искать помощи России против враждебного ему Амира Хамзы. Находясь в стесненных обстоятельствах после гавдушанского поражения, Фатали-хан оказывал приверженность России, дабы с помощью ее войск сокрушить своих врагов[2].

---

[1] Полиевктов - Архивные материалы о смерти на Кавказе акад. С. Г. Гмелина („Изв. Кавказск. Истор. арх. Института”, т. III. Тифлис, 1928).

[2] Рапорт генерала де Медема от 24 декабря 1774 г. об усердии Фетх-Али-хана к России. Выписка из Кабардинских дел в коллегии иностранных дел находящихся от 1762 по 1779 г. (А. К. А. К. , т. 1, стр. 89).

Екатерина II не предполагала тогда делатъ на Кавказе сколько-нибудь решительных шагов. В 1774 году был заключен мир с Турцией и [136 - 137] Россия не могла предпринимать чего-либо значительного, так как это было бы нарушением заключенного договора.

Однако, Екатерина II дала повеление командовавшему войсками на Кавказской линии генералу И. Ф. де Медему наказать Амира Хамзу так, чтобы внушить уважение и страх к российскому оружию[3]. Во исполнение этого указа от 5-го сентября 1774 года, де Медем, снесшись с Фатали-ханом кубинским, двинул войска во владения Амира Хамзы. Это было в марте 1775 года. Союзник Фатали-хана, шамхал тарковский Муртуз-али присоединился к де Медему. Последний достиг местности, расположенной к северу от Дербента и носившей название «Иран-хараб». В это время усмий уже девятый месяц осаждал Дербент, испытывавший муки голода и, очевидно, близкий к падению. Фатали-хан руководил обороной города.

Бросив осаду Дербента, усмий выступил против де Медема, но его кавалерия не могла сокрушить российской пехоты. Войско усмия огнем из ружей и пушек было рассеяно[4]. Фатали-хан предложил де Медему занять город Дербент и принять его в покровительство России. Собственно наказанием Амира Хамзы и заканчивалась задача, возложенная на де Медема, но он, склонившись на предложение Фатали-хана, отправился с войсками в Дербент и занял его[5].

После этого Фатали-хан отправил к императрице Екатерине II ключи города Дербента с прошением о принятии его в подданство Российской империи[6]. В прошении своем Фатали-хан указывал, что он издавна склонен к России и привержен ей, что хотя в минувшую войну России с Турцией султанское правительство неоднократно требовало от него, чтобы он выступил против России, он того не сделал. Далее в прощении Фатали-хан писал о том, чтобы он был оставлен самостоятельным и полномочный во всех делах, относящихся к управлению его землями. Одновременно он просил, чтобы войска де Медема помогли ему сокрушить его врагов и возвратить Шемаху, Шаберан и все земли, лежащие до р. Куры. Пока посланец Фатали-хана ехал в Петербург, де Медем помог Фатали-хану в его борьбе с соседними дагестанскими владетелями. Русские отряды совместно с войском Фатали-хана совершили походы в область Кюре и в Табасаран - земли, примыкающие к владениям дербентским с запада и юго-запада. Врагам Фатали-хана были нанесены сильные удары[7].

Искендер-бек Гаджинский, написавший специальный труд, посвященный жизни Фатали-хана, отмечал: «Это обстоятельство (он имел в виду походы российских войск в Кайтаг, Казикумух и Табасаран) имело большое влияние на судьбу Фет-али-хана и было главною причиною успехов, приобретенных им впоследствии»[8].

Екатерина II в ответ на реляцию генерал-поручика Медема о его действиях, в рескрипте от 28-го июля 1775 года писала ему: «... дальнейшие поиски против Хайдатского владельца не были бы при настоящих обстоятельствах и для того ко времени, что могла бы чрез то подозрительная огласка далеко проникнуть и распространиться, тем еще [137 - 138] меньше можем мы в нашем покровительстве иметь и удержать город Дербент, действительно и без всякого прекословия принадлежащий Персии, почему мы, хотя всемилостивейше приемлем за благо учиненное вами Дербентскому хану защищение от превозмножения Уцмия и его сообщников... но в поступке вашем, ободрившем оного пограничного начальника персидского в его нашей протекции искательстве, и что вы у него в городе и часть наших войск оставили, превзошли вы меру порученной вам экспедиции, долженствовавшей окончиться поражением Уцмия»[1].

Как видно из этого рескрипта, Екатерина II принимала за благопомощь, которую Медем оказал Фатали-хану, но в то же время опасалась, что действия Медема, которые он предпринял по просьбе Фатали-хана и собственной инициативе, могут привести к осложнению отношений России с Персией и Турцией.

Не желая в этой части внешней политики предпринимать каких-либо шагов, могущих осложнить отношения с Турцией и Ираном, Екатерина II в то же время желала укрепить Фатали-хана в его доброжелательном отношении к (России. Подтверждение этому мы находим в том же рескрипте, где Екатерина II писала: «... повелели мы отправленного по дозволению вашему от хана Дербентского нарочного допустить ко двору нашему единственно в том намерении, чтобы сего хана и

---

[3] Рескрипт императрицы Екатерины командующему в Кизлярской стороне генерал-поручику Медему, дан 5 сентября 1774 г. (С. И. Р. И. О. , т. 135, д. № 2566, стр. 207-213).
[4] А. Бакиханов, стр. 133.
Г. Алкадари, стр. 83.
[5] Бутков, ч. II, с. стр. 20, 21.
[6] Бутков, ч. II, с. 21, ч. III, стр. 138.
[7] А. Бакиханов, стр. 134. Г. Алкадари, стр. 83, 84.
[8] Искендер-бек Гаджинский, указ. соч. (газ. “Кавказ”, № 48, 1847).
[1] Рескрипт императрицы Екатерины II командующему в Кизлярской стороне ген.-поручику Медему, дан 28 июля 1775 г. (С. И. Р. И. О. , т. 135, д. № 2720, стр. 435-438).

непосредственно удостоверить для содержания и впредь только к нашей стороне в доброжелательстве...»[2]

Действия войск де Медема упрочили положение Фатали-хана и способствовали возвращению Шемахи и Шаберана, хотя туда русские войска и не ходили.

В трудный момент, когда казалось, что погибли все результаты деятельности Фатали-хана, направленной к созданию большого государства, в основе которого лежали азербайджанские земли, русские войска под командой де Медема помогли Фатали-хану восстановить положение. Он вновь обрел все, чем успел завладеть до 1774 г., т. е. Шемаху, Шаберан, Баку, Сальяны. Однако создание большого и сильного государства у южных границ России на Кавказе не входило в интересы правительства Екатерины II.

Ген. Медем, очевидно, доносил Екатерине II об этих успехах Фатали-хана. Екатерина же считала, что заверения Фатали-хана и некоторых владетелей Дагестана об их приверженности к. России не прочны. Исходя из этого в рескрипте от 4 октября 1775 г. к ген. Медему она в следующих словах открывала ему свою политическую линию: «... здесь мы по поводу получаемых от вас известий о продолжаемом в том вами подвиге, восхотели вам открыться и с большей еще точностью о правилах нашей политики относительно к персидской стороне... Для интересов нашей империи всегда «прочнее и выгоднее быть может, когда сил держава останется и впредь в нынешнем своем состоянии без прямой верховной власти законной и в независимости частных начальников одного от другого, по большей части между собою несогласных»[3].

Екатерина II считала полезным для России наличие политической раздробленности в Иране и сопредельных ему странах. В ее намерения не входило содействовать такому усилению Фатали-хана, которое позволило [138 - 139] бы ему создать значительное по размерам и сильное государство, находящееся в непосредственной близости к границам России. Поэтому де Медем не получил одобрения императрицы. Более того, ему было выражено неудовольствие за то, что он предпринимал действия, не предписанные указом. На докладе Г. Л. Потемкина о действиях де Медема, против того места, где сказано о том, что де Медом находится у Дербента, императрица написала: «чорт велел к Дербенту итти». Действия Медема она назвала «дурачеством»[4].

В мае или июне 1775 г. де Медем возвратился с войсками на линию в гор. Кизляр, однако, в Дербенте он оставил небольшой отряд, который должен был защищать Фатали-хана от всяких происков усмия и его союзников. Правительство Екатерины II не желало усиления усмия каракайтакского и поэтому продолжало оказывать помощь Фатали-хану. Этот отряд находился в Дербенте до весны следующего 1776 г. За это время Фатали-хан примирился с усмием и кадием табасаранским. Женившись на сестре казикумухского владельца, он успокоил и его. В это же время, как было указано выше, он восстановил свое господство в Шемахе, куда назначил правителями бывших ханов Шемахинских - Мухаммед-сеид-хана и Агаси-хана, которые нашли способ примириться с Фатали-ханом и войти к нему в доверие.

Между тем, письмо Фатали-хана об оказании ему покровительства и помощи российскими войсками для возвращения принадлежащих ему земель, в июле месяце 1775 г. было читано в Государственном совете[1].

Судя по материалам Государственного совета, Фатали-хан просил покровительства и помощи для того, чтобы ему стать независимым в своих землях владетелем.

В Государственном совете сложилось мнение о том, что по существующим у России договорам с соседними державами невозможно «вспомоществовать ему в желании его быть независимым и возвратить отнятое у него соседями»[2], однако, Фатали-хан обнадеживался российским покровительством. Министр иностранных дел граф Панин в письме к Фатали-хану сообщил, что императрица «удостаивает его своего благоволения за усердие к империи Российской», но принять в подданство не может, так как это было бы нарушением договора России с Персией и Турцией. Ключи от Дербента были возвращены с тем же посланцем, который возил письмо[3].

Как уже было сказано, русский отряд весною 1776 г. возвратился из Дербента[4]. Фатали-хан начал действовать неприязненно в отношении российского правительства. Трудно сказать, что побудило его к

---

[2] Там же.
[3] Рескрипт Екатерины II командующему в Кизлярской стороне ген.-поручику Медему, дан 4 октября 1775 г. (С. И. Р. И. О. , т. 135, д. № 472, стр. 472-476.)
[4] Две собственноручные резолюции имп. Екатерины II на всепод. докладе Г. А. Потемкина о положении дел на Кавказе (С. И. Р. И. О. , т. 27, стр. 59-60).
[1] Архив Государственного Совета, т. I, ч. 2, СПБ, 1869, стр. 788-789.
[2] Там же.
[3] Бутков, ч. II, стр. 26.
[4] Там же, стр. 32, 33.

этому, возможно, опасения, что российское правительство приберет к рукам его владения. Но в это время у российского правительства еще не было подобных намерений, они возникли несколько позже.

Первые значительные разногласия между российским правительством и Фатали-ханом произошли в конце 1775 и в 1776 гг. У устья р. Самур сел на мель один, из астраханских купеческих кораблей, [139 - 140] груженный товарами на сумму до 700 тысяч рублей. Этот груз был разграблен прибрежными жителями. Фатали-хан принял меры к тому, чтобы собрать похищенные товары, что ему отчасти и удалось. Некоторую часть груза Фатали-хан препроводил к Медему, но другую часть этих товаров Фатали-хан не возвратил; по этому поводу между ним и русскими министрами возникла переписка, в которой имеется ряд любопытных оценок того, сколь большое значение придавалось российским правительством торговле с Дербентом, Сальянами, Баку[5], а также указывается, что до этого происшествия отношения между Россией и Фатали-ханом были добрососедскими и со стороны последнего отмечались «достохвальной к Российскому императорскому престолу преданностью»[6]. В официальных документах того времени, направляемых с российской стороны к Фатали-хану, он титуловался так: «Высокостепенный и высокоместный Кубинский и Дербентски» Фатх-али-хан»[7]. Это был титул, который можно приравнять чину генерала российской армии.

В 1778 г. в России ожидали смерти правителя Ирана, векили Керим-хана Зенда; подготовлялась экспедиция, в Казани строились восемь военных кораблей, вооруженных 120 пушками[8]. Керим-хан Зенд умер в феврале 1779 г.

В Иране начались междоусобия. Российские купцы покинули Баку и переехали в Астрахань. Суда, построенные в Казани, были препровождены в Астрахань. Генерал-поручик А. В. Суворов, прибывший в Астрахань в начале 1780 г., принял в начальство казанскую дивизию и «собирал подробнейшие сведения» об Иране, Армении, Ширване, Гиляне[9]. Эти сведения он доставлял князю Григорию Александровичу Потемкину.

Фатали-хан, совершенно неосновательно опасаясь вторжения российских войск, прятал в горах драгоценности. Турецкие паши из Карса и Баязета настойчиво стремились побудить Фатали-хана к выступлению против России. С этой целью они присылали подарки, обещали деньги. Но Фатали-хан не внял их настояниям[10]. Все это разрешилось только тем, что в июне 1781 г. из Астрахани в Астрабадский залив отплыла небольшая эскадра под командой графа Войновича. Перед ней стояла задача обосноваться на одном из островов залива или на самом берегу. Тут должна была быть создана торговая фактория, которая сумела бы распространить свои операции до самой. Индии.

Здесь не будем останавливаться на неудачах, которые претерпела эта экспедиция в Астрабаде, на том, как враждебно действовал астрабадский Ага-Мухаммед-хан против ее предприятий. На возвратном пути в июле 1782 года корабли эскадры графа Войновича вошли в бакинский порт. Один из участников экспедиции, К. Габлиц, в журнале, который он вел, записал: «...эскадра была салютована 11 [140 - 141] пушками с крепостных стен города Баку... и на сделанный оный салют ответствовано было со стороны эскадры таким же числом пушек»[1]. Граф Войнович прибыл в Баку для того, чтобы урегулировать ряд вопросов, относившихся к торговле российских купцов в Баку и других городах Ширвана. Фатали-хан находился в это время в Кубе, к нему от Войновича был послан чиновник для «раз'яснения причин, побудивших эскадру притти в его владения». Дальнейший ход переговоров К. Габлиц описал так: «9-го августа чиновник сей возвратился обратно, и вместе с ним прибыл в Баку и помянутый владетель {Фатали-хан – *В. Л.*) для удовольствования командующего во всех его требованиях в рассуждении разных обид и притеснений, кои до того российским подданным от подвластного ему бакинского хана чинимы были; и 13 числа они имели между собою свидание в приготовленной нарочно для того на берегу ставке; а потом начались нужные между ними негоциации, кои продолжались до последних чисел августа, и на последок кончены были тем, что командующий получил во всех требованиях своих полное удовлетворение и взял с означенного хана весьма выгодное для российского купечества, в области его торгующего, обязательство»[2]. В приведенном отрывке особенно интересно освещение

---

[5] Высочайший указ из Коллегии иностранных дел назначенному консулом в Персию советнику посольства Георгию Мерку, 30 апреля 1776 г. (С. И. Р. И. О. , т. 145, стр. 80).

[6] Рескрипт императрицы командующему в Кизлярской стороне генерал-поручику И. Ф. Медему, 13 декабря 1776 г. (С. И. Р. И. О. , т. 145. стр. 295).

Письмо ген. де Медема к гр. Н. И. Панину, от 8 апреля 1777 г. (А. К. А. К. т. I, стр. 90).

[7] Письмо графа Н. И. Панина к Дербентскому и Кубинскому хану Фетх-али (С. И. Р. И. О. , т. 145, стр.651).

[8] П. Бутков. ч. II, стр. 70.

[9] Там же, стр. 71.

[10] Там же.

[1] К. Г. Исторический журнал бывшей в 1781 и 1782 годах на Каспийском море Российской эскадры пот командою флота капитана второго ранга графа Войновича с картою оного моря, стр. 103, 104. Москва, 1809.

[2] Там же.

подчиненности бакинского хана Фатали-хану, осуществление последним верховных прав над бакинским ханством.

БОРЬБА ФАТАЛИ-ХАНА С ИБРАГИМ-ХАНОМ КАРАБАХСКИМ

Расширив свои владения, Фатали-хан пришел в непосредственное соприкосновение с владениями Ибрагим-хана карабахского. Ибрагим-хан был вторым по силе феодальным владетелем Азербайджана. Естественно, что он, видя расширение владений Фатали-хана и усиление его, стал опасаться Фатали-хана, который стремился поставить его в зависимость от себя. Фатали-хан свои намерения в отношении ханства карабахского желал осуществить мирным путем по договору с Ибрагим-ханом. С этой целью в начале 1779 года он послал к Ибрагим-хану в качестве посредника своего зятя - бакинского хана, справедливого и кроткого хаджи Мелик Мухаммеда, но Ибрагим-хан, не вняв предложениям и доверию, оказанному Фатали-ханом, заключил бакинского хана в тюрьму[3]. После этого отношения между Фатали-ханом и Ибрагим-ханом стали враждебными.

В 1780 году Фатали-хан, воспользовавшись смутами, происходившими в Иране после смерти Керим-хана, и тем, что Ибрагим-хан не мог оттуда получить помощь, предпринимал походы в Карабах. Он соединил вокруг себя зависимых и подчиненных ему владетелей, шамхала Тарковского и шемахинских ханов[4], в его войске было до восьми тысяч наемных лезгин. В начале 1780 г. Фатали-хан переправился через Куру и вторгся в Карабах, но к Ибрагим-хану на помощь пришел находившийся с ним в союзе царь Ираклий; он отправил в Карабах большой отряд грузин, предводительствуемый царевичами Георгием и Давидом. В происшедшем [141 - 142] столкновении передовой отряд войск Фатали-хана был опрокинут, лезгинский отряд, по уговорам царевича Давида, изменил Фатали-хану и бросился через Ширван в горы, грабя все, что ему попадалось на пути. В августе того же года Фатали-хан повторил поход, но опять неудачно[5].

В начале 1781 г. ему удалось проникнуть вглубь Карабаха; там он захватил сельчан армян и азербайджанцев, пленил их и отогнал в свои владения. Крестьяне составляли богатство феодального владетеля; этим-то и об'ясняется. что Фатали-хан увлекал к себе карабахских крестьян. Эти войны Фатали-хана и Ибрагим-хана продолжались и в последующие годы; они весьма неблагоприятно отражались на положении крестьян, так как во время этих войн посевы уничтожались, сёла подвергались разрушению[6], хлеб дорожал и крестьяне обрекались на голод.

Фатали-хан в борьбе своей против Ибрагим-хана не достиг рашающего успеха, он не смог ни покорить его, ни поставить от себя в зависимость.

[3] Бутков, ч. II, стр. 73; ч. II, стр. 146.
[4] Бутков, ч. II, стр. 74.
[5] Бутков, ч. II, стр. 74.
[6] Н. Дубровин - История войн и владычества русских на Кавказе, т. II, СПБ.. 1886, стр. 160.

СОБЫТИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ, СВЯЗАННЫЕ С ВСТУПЛЕНИЕМ ГРУЗИИ ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВО РОССИИ

В 1783 г. была уничтожена власть крымского хана и Крым был присоединен к России. Летом того же года последовал подготовлявшийся ранее указ о принятии Грузии под покровительство России. Согласно трактату, заключенному 24-го июня 1783 г. в Георгиевске, царь Ираклий от своего имени и за своих преемников признал верховную власть и покровительство монархов всероссийских. Россия брала на себя обязательство сохранения в целости владений царя Ираклия и утверждала за его домом права на владение престолом Кахетии и Картлии. Преемники его должны были получать утверждение из Петербурга. Власть во внутреннем управлении целиком оставалась в руках царей грузинских, но внешние сношения они могли вести только при участии аккредитованного к ним российского чиновника. Князья и дворяне грузинские в отношении прав и привилегий приравнивались к российскому дворянству. Россия обязывалась защищать Грузию от внешнего врага[1]. В начале ноября 1783 г. в Тбилиси вступили русские войска.

Еще с мая 1783 г. русские начали исправлять дорогу, ведущую с Северного Кавказа в Грузию (позже она стала называться Военно-Грузинской дорогой). У начала дороги весною 1784 г. была основана крепость, получившая символическое наименование Владикавказ. Екатерина II отправила царю Ираклию в подарок пушки и снаряды к ним.

Азербайджанские ханы от генерала П. С. Потемкина, командовавшего войсками на Кавказе, получили извещение о вступлении Грузии под покровительство России. Они, конечно, осведомлены были и о всех остальных событиях, связанных с этим актом.

Вступление Грузии под покровительство России имело место вскорости после присоединения Крыма, поэтому азербайджанские ханы были очень встревожены. Ханы предполагали, что Россия не остановится на свершенном, но овладеет всем Закавказьем. В Малой Азии [142 - 143] было тоже очень напряженное состояние. Турция сносилась с азербайджанскими ханами и побуждала их к выступлению против России[2].

Еще в августе 1782 г. через Дагестан к Фатали-хану прибыл претендент на картлийско-кахетинский престол князь Александр грузинский в сопровождения князя Александра Амилахвари. Князь Александр был внуком картлийского царя Вахтанга, выехавшего в Россию еще в царствование Петра I. Он служил капитаном в гвардейском Измайловском полку. В 1766 г. за приверженность к императору Петру Ш был разжалован и выслан за границу. Теперь, действуя враждебно против России, он стремился использовать в Грузии силы, которые были недовольны политикой царя Ираклия, и искал способов захватить царский престол Картлии и Кахетии.

Фатали-хан был недоволен союзом Ираклия с Ибрагим-ханом шушиискам. Этот союз, укрепляя Ибрагим-хана, препятствовал ему захватить Карабах. Теперь он готов был поддержать притязания князя Александра[3]. Возможно, что Фатали-хан, так же как и другие ханы Азербайджана, в действиях российского правительства видел угрозу своей самостоятельности. Это тоже могло укрепить его в намерении поддержать князя Александра.

Фатали-хан стал подыскивать союзников для исполнения своих намерений Ираклий II сообщил на Кавказскую линию кизлярскому коменданту об этих намерениях Фатали-хана и его союзника шамхала Тарковского.

Генерал-поручик П. С. Потемкин осенью 1783 г. распорядился выставить два довольно сильных отряда: один у р. Сулак, около бывшей крепости Св. Креста, а другой на Тереке у входа в Дарьяльское ущелье. Первый из этих отрядов должен был двинуться к Дербенту, а второй—в Грузию в том случае, если Фатали-хан и князь Александр начали бы осуществлять свои намерения[4].

Эти меры отклонили благоразумного Фатали-хана от действия против Ираклия II. Более того, Фатали-хан, удержав у себя князей Александра и Амилахвари, по требованию П. С. Потемкина выдал их ему, за что получил выражение благодарности от имени российского правительства[5].

---

[1] Поли. собр. зак., т. XXI, № 15835, стр. 1013-1017, изд. 1830 г.
[2] Н. Дубровин - История войн и владычества русских на Кавказе, т. II, СПБ.. 1886, стр. 77.
[3] Бутков, ч. II, стр. 117.
[4] Там же, стр., 133.
[5] Там же.

ПОХОД ФАТАЛИ-ХАНА В АРДЕБИЛЬ

Фатали-хан постоянно стремился расширять свои владения. К 1783 г. ему принадлежали земли дербентские, кубинские, шаберанские, шемахинские, бакинские, сальянские. От него зависели шамхал тарковский и кадий табасаранский, а также хан шекинский. На этом он не остановился: виды его простирались дальше. Не совладав с Ибрагим-ханом шушинским, Фатали-хан вознамерился присоединить к своим владениям Ардебиль и Тебриз. П. Бутков о нем пишет: «Дербентский Фатали-хан имел обширнейшие виды»[6].

В целях отыскания предлога для осуществления своих намерений Фатали-хан выдвинул некоего семидесятилетнего старца, называвшего себя Аббас-мирзою. В письме Фатали-хана в российское министерство от апреля 1783 г. об'яснено было, что Аббас-мирза являлся наследником [143 - 144] сефевидов и потому законным претендентом на шахский престол Ирана.

Весною 1784 г. Фатали-хан, собрав значительное войско, двинулся на юг, переправился через Аракс и в августе овладел городами Ардебилем и Мешкином[1].

Успехи Фатали-хана. как было уже отмечено, не соответствовали политическим видам Екатерины II. Она не желала усиления Фатали-хана, и без этого достаточно сильного в Закавказье и Дагестане. Поэтому князь Г. А. Потемкин в грамоте, направленной в феврале 1785 г. к Фатали-хану, требовал, чтобы он распустил свои войска[2]. Усмий каракайтакский и Омар-хан аварский, вероятно, поощряемые Потемкиным, стали угрожать на севере владениям Фатали-хана.

Эти действия заставили Фатали-хана оставить свои предприятия и возвратиться в Ширван. Таким образом, мы видим, что российское правительство, с одной стороны, препятствовало попыткам усиления Фатали-хана, а с другой стороны, в тех случаях, когда находило в нем послушного исполнителя своих политических указаний, готово было поддержать и укрепить его. Фатали-хан же непрочь был воспользоваться поддержкой России, но не желал терять своей самостоятельности.

Один из современников Фатали-хана, полковник Бурнашев, живший в Тбилиси в качестве уполномоченного российского правительства при царе Ираклии II, в 1786 г., в составленном им описании политического состояния областей азербайджанских писал следующее:

«К теперешнему положению тех земель, которые под именем Адребиджани разумеются, начиная с севера прилежит Грузия, то есть царства Кахетинское и Карталинское; от востока море Каспийское и: провинция Гилян, от полудня область Ирак, от запада Турецня... Азербайджанских владельцев разделять должно на самовластных и зависимых, а первых - на могущих и маломощных.

Дербентский или Куба-хан есть из числа могущих, почитают его довольно богатым, сила его собственная состоит из 3000 человек, но к предприятиям важным против своих соседей призывает он как ближние Адербиджанские ханы, как-то: Нухинский, Ширванский и Шушинский, владельцев из Дагестана и приводит бродяг лезгинских...»[3].

Приведенный документ важен не только как свидетельство современника о выдающейся роли, которую имел Фатали-хан в Азербайджане, важно заметить также и то, что полковник Бурнашев вопреки утверждениям большей части старой арабской и иранской географии и историографии, впервые в документе, написанном на русском языке, называет Азербайджаном не только области Мараги, Тебриза, Ардебиля, но и земли Шеки, Ганджи, Шуши, Нахичевана, Шемахи, Баку. Об'яенение этому весьма простое.

Находясь в Тбилиси, Бурнашев при составлении описания пользовался сведениями, которые он получал от современников, знающих Азербайджан людей. Текст его описания ясно показывает отсутствие всяких заимствований из арабских или иранских письменных источников, в основе его лежит, живое повествование. [144 - 145]

Из сказанного следует, что уже в то время, когда писал Бурнашев, в народе Азербайджаном называли не только южную, но и северную часть страны. Современники Бурнашева, очевидно, замечали этническую общность их населения, а может быть, и еще какие-нибудь стороны, на основании которых они связывали эти части в одно целое. Приводимые факты помогают уяснить взгляды, существовавшие среди населения Азербайджана и Закавказья во время, когда жил Фатали-хан. Они способствуют

---

[6] Там же, стр. 140.
[1] Бутков, ч. II, стр. 141.
Ср. А. Бакиханов, стр. 138.
Ср. Г. Алкадари, стр. 88, 89.
[2] Там же.
[3] Описание областей Адербиджанских в Персии и их политического состояния, сделанное пребывающим при его высочестве царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Теймуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1786 г., стр. 4-5 и след. Курск, 1793

пониманию значения деятельности Фатали-хана, который, как это следует из описания Бурнашева, был самым энергичным, влиятельным и значительным из ханов Азербайджана.

БОРЬБА ИБРАГИМ-ХАНА С МЕЛИКАМИ КАРАБАХА

Панах-хану карабахскому наследовал сын Ибрагим-хан (1759 г.). Есть сведения, что сильный в то время правитель Ирана Керим-хан Зенд утвердил Ибрагим-хана в качестве правителя Карабаха[4].

Положение Ибрагим-хана было осложнено тем, что трое из медиков Карабаха, а именно мелик дизахский Есай, мелик джерабертский Меджлум и мелик гюлистанский Беглярян, воспользовавшись обстоятельствами, связанными с переходом власти от Панах-хана к Ибрагим-хану, вышли из повиновения. Защищая свое положение крупных феодальных владетелей, они стремились к полной политической самостоятельности и независимости от Ибрагим-хана.

Мелики представляли собой силы, желавшие закрепить феодальную раздробленность Карабаха. В условиях второй половины XVIII в. это было оченъ опасно. Раздробленные силы легко могли быть подчинены более сильными соседями - Ираном и Турцией[1].

Ибрагим-хан, вступив в управление Карабахом, начал борьбу против центробежных стремлений этих меликов, ставших его противниками.

Дабы скрепить союз с приверженным к нему варандинским. меликом Шахназаром, Ибрагим-хан женился на его дочери[2] Хуризад, рожденной от жены мелика Шахназара - дочери дизахского мелика Есая. Политические противоречия и борьба осложнены были еще личной нененавистью мелика Есая за то, что его внучку Хуризад отдали за его врага Ибрагим-хана.

Кроме мелика Шахназара в союзе с Ибрагим-ханом находился еще и хаченский мелик Мирза-хан. Владения меликов Шахназара и Мирза-хана соприкасались с землями, принадлежавшими Ибрагим-хану, поэтому их союз, связанный и территориально, представлял значительную силу.

Нет нужды описывать все перипетии и драмы, происшедшие во время борьбы Ибрагим-хана и приверженных ему меликов (против трех остальных меликов. В этой борьбе, кроме открытой силы, применялись и хитрости, и коварство, и вероломство, и подкуп, и предательство. Обе стороны пускали в ход все средства ради достижения успеха[3].

Здесь остановимся только на важнейших моментах этой борьбы.

В 1781 г. Ибрагим-хан вместе с союзными ему меликами варандинским и хаченским осадил крепость «Тог», принадлежавшую дизахскому [145 - 146] мелику Есаю. Долго длилась осада. Изнуренный мелик Есай поверил убеждениям посылавшихся от Ибрагим-хана людей о том, что он желает заключить с ним мир и вышел из крепости. Ибрагим-хан приказал схватить его и бросить в тюрьму. Там его задушили. Дом мелика Есая был разграблен и разрушен[4]. Власть наследовал племянник мелика Есая - мелик Бахтам[5]. Однако и он, несмотря на то, что был поставлен Ибрагим-ханом, начал борьбу против него.

Ибрагим-хан для того, чтобы приобрести сильного союзника, женился на дочери аварского владетеля Омар-хана. Впоследствии Омар-хан оказал немало услуг Ибрагим-хану.

Ибрагим-хану предстояла длительная и упорная борьба. С джерабертскими меликами Ибрагим-хан полагал покончить путем привлечения на свою сторону одной из знатных джерабертских семей, члену которой юзбаши Рустам-беку он пообещал меликство в Джераберте. Рустам-бек, охваченный честолюбием, превратился в орудие Ибрагим-хана. Пользуясь своими родственными связями, Рустам-бек склонил на сторону Ибрагим-хана настоятеля монастыря Ерицманканц, находившегося среди южных отрогов Мровдагского хребта. Этот настоятель самопроизвольно наименовал себя католикосом и вступил в борьбу с подлинным католикосом, находившимся в Гандзасарском монастыре. Они враждовали между собой подобно светским феодалам. В этих условиях Рустам-беку нетрудно было «католикоса» ерицманкандского склонить на сторону Ибрагим-хана, который обещал поставить его также католикосом Гандзасарского монастыря.

Так окончательно определились боровшиеся в Карабахе силы: с одной стороны; Ибрагим-хан и мелики вараздииский хаченский и католикос ерицманканцский, с другой, гюлистаиский мелик Абов Бегляров, джрабертский мелик Меджлум Исраэлян, дизахский мелик Бахтам Аванян и каталикос гандзасарского монастыря Иоганнес[6]. Борьба против этой коалиции феодалов для Ибрагим-хана

---

[4] Мирза-Адигезаль-бек, указ. рукопись, стр. 24 и 26. Ср. А. Бакиханов, стр. 130.

[1] Ср. Всеподданнейшее донесение ген. Ермолова от 12 апреля 1820 г. Между прочим, дается оценка управлению Карабахом медиками (А. К. А. К. т. VI, ч. 1, д. 1273, стр. 840).

[2] Мирза-Адигезаль-бек, указ. рукоп., стр. 14.

[3] Раффи „Хамсаи меликутюннер 1600-1827" (Пять меликств). Изд. газ. „Мшак" на арм. яз. Тифлис, 1882.

[4] Ср. Бутков. ч. П, стр. 142.

[5] Раффи, указ. соч., стр. 112.

[6] Прощение, поданное ген.-л. Кнорингу епископом Саркисом Гандзасарским, от 29 мая 1801 г. (А. К. А. К. , т. 1, д. № 883, стр. 638-639).

Прощение мелика Фридона владельца Гулистанского к е. и. в. (А. К. А. К. , т. I д. № 873. стр. 631, 632).

Прошение мелика Джимшида к е. и. в. (А. К. А. К. , т. I, д. Nk 873, стр. 634,635).

осложнилась еще тем, что с 1783 г. в эти дела через Грузию стал вмешиваться один из виднейших руководителей внешней политики правительства Екатерины II князь Григорий Александрович Потемкин.

Ибрагим-хан, желая упрочить свое положение и отнять у врагов своих возможность настроить против него российское правительство, написал ген.-поручику П. С. Потемкину о том, что он повергает себя в подданство России и готов платить дань[7].

В мае 1783 г. Г. А. Потемкин получил указ Екатерины II о принятии в подданство Ибрагим-хана. В указе было написано: «Что касается до Ибрагим-хана, если в принятии его под российское покровительство не встретится никакое затруднение или сомнителъство, кажется можно взять за руководство то, что сделано с царем Ираклием, и в таком случае вы не оставите поручить генералу порутчику Потемкину заключить с ним договор о подчинении его российскому императорскому престолу и о признании им моей и преемников моих верховной власти над ним и его преемниками. Принятие на подобных условиях может сложить доказательством [146-147] кроткого здешнего обладания и побуждения для многих из тамошних соседей подражать примеру сих двух владетелей»[1].

Этот чрезвычайно важный документ показывает, что Екатерина II в 1783 г. готова была подчинить России все Закавказье.

Из сказанного выше о действиях Фатали-хана видно, что он в это время не желал вступить в российское подданство. Подобную же позицию занимал и Ибрагим-хан, но не выказывал своего отношения к этому предмету ясно, так как опасался русских войск, стоявших в Грузии.

Ибрагим-хану стало известно, что князь Г. А. Потемкин имел план создания в Азии христианского государства, для чего он среди прочих предполагал использовать меликов Карабаха. Осуществление этого плана привело бы к потере Ибрагим-ханом власти[2].

Ибрагим-хан начал поспешно укреплять Шушу и принимать еще более крутые меры против своих политических противников - меликов Карабаха[3].

Однако в сношениях с российским командованием Ибрагим-хан вёл себя так, будто бы был склонен к вступлению в подданство; он обнадеживал, но ожидавшегося от него шага не предпринимал, желая договориться об условиях, на которых он вступит в подданство. С этой целью в начале 1784 г. он отправил в Россию своего посланца с письмом, в котором просил покровительства и одновременно невмешательства в управление его делами[4].

Между тем Екатерина II все более заинтересовывалась Ибрагим-ханом. В мае 1784 г.. в собственноручном письме к князю Г. А. Потемкину она высказывала следующее:

«Кажется, письма Ибрагим-хана гораздо вежливее писаны нежели турецкие или иные персидские, когда до моих дошли. Пожалуй, дай мне знать, кто он таков? И как учинился ханом? Молодой ли или стар, силен ли или бессилен, и склонны ли персияне к нему?»[5].

Ибрагим-хан не смог длительное время скрывать отрицательного отношения своего к предложению о вступлении в подданство. Вскоре всё выяснилось, и П. С. Потемкин увидел в Ибрагим-хане врага.

В то время, когда происходили описанные события, мелики, враждовавшие с Ибрагим-ханом, сносились с начальством русских войск, стоявших в Тифлисе, и с Ираклием II. Эти мелики уверяли, что если им удастся справиться с Ибрагим-ханом, то они образуют христианское государство в Карабахе и подчинят его России. Мелики просили помощи для создания вассального по отношению к России государства.

Ибрагим-хан догадывался и кое-что знал о сношениях меликов с российским командованием. Он был очень обеспокоен надвигавшейся на него грозой и послал письмо Омар-хану аварскому, в котором просил своего тестя выступить против Грузии, дабы отвлечь внимание Ираклия П и заставить его отвратиться от союза с враждебными ему меликами.

Омар-хан действительно устраивал набеги на Грузию, разорял села, грабил и сжигал их, уводил в плен жителей, но не мог разогнать туч, собиравшихся над головой Ибрагим-хана[6]. [147 - 148]

Летом 1784 г. российские войска, находившиеся под командованием П. С. Потемкина, а также войска царя Ираклия и враждебных Ибрагим-хану меликов должны были войти в Карабах для того,

---

Ср. Раффи, указ. соч., стр. 112.

[7] Бутков, ч. II, стр. 144, ч. III, стр. 169.

[1] Подписавший императрицей Екатериной II указ. ген. Г. А. Потемкину о полученных с Кавказа донесениях и о принятии в подданство Ибрагим-хана, 5 мая 1783 г. (С. И. Р. И. О. т. 27, стр. 256).

[2] Бутков, II, стр. 115, ч. III, стр. 170, 176

[3] Там же, ч. III, стр. 177.

[4] Там же, ч. II, стр.. 144.

[5] Собственноручное письмо императрицы Екатерины II кн. Г. А. Потемкин (28 мая 1784 г.) С. И. Р. И. О. , т. 27, стр. 336.

[6] Бутков, ч. II, стр. 180-182. 183. 184, 187, 189.

чтобы лишить Ибрагим-хана власти. Последний делал вид, Что ничего не подозревает. Он притворился искусно и ничем не выдал своих намерений. Между тем, благодаря помощи католикоса Ерицманканц монастыря ему удалось получить документальные данные, а готовящемся на него покушении. Однако, и на этот раз он не проявил ничего, что бы могло указать на его осведомленность. Поэтому, когда он пригласил к себе в Шушу трех Меликов - мелика Меджлума, мелика Абова и мелика Бахтама - для того, чтобы посоветоваться с ними по вопросам управления Карабахом, они, ничего не подозревая, явились к нему. Ибрагим-хан распорядился схватить их. Меликов Меджлума и Абова посадили в тюрьму, а мелика Бахтама Ибрагим-хан выдал ардебильскому хану, который отнесся к мелику Бахтаму, как к политическому преступнику и тоже бросил его в тюрьму.

Ибрагим-хан не удовольствовался тем, что обезвредил трех меликов. Покончив с ними, он нанес удар и по гандзасарскому монастырю, который, как выше было указано, тоже был одним из центров, где подготавливалось свержение его власти. Конный отряд Ибрагим-хана неожиданно налетел на монастырь и ограбил его. Католикоса Иоганнеса с пятью братьями схватили и привезли в шушинскую крепость. В 1786 г. католикос, находившийся в тюрьме, был отравлен[1]. Католикос Ерицманканц монастыря в благодарность за услуга, оказанные им Ибрагим-хану, получил от него назначение на Агванский католикосский престол. Так Ибрагим-хан уничтожил сложившийся и зревший против него заговор.

Меликам, сидевшим в тюрьме шушинской крепости, удалось бежать из нее. Они явились к царю Ираклию и начальнику русских войск в Тбилиси полковнику Бурнашеву. Здесь они просили войска для борьбы с Ибрагим-ханом. Им обещали дать отряд в 4000 солдат; этим отрядом должен был командовать князь Орбелиани[2].

В сентябре 1787 г. войска царя Ираклия II и полковника Бурнашева подошли уже к Гандже[3], но в это время началась вторая русско-турецкая война. Бурнашев получил приказ немедленно с войсками возвратиться на Кавказскую линию. Сколько ни просили мелики оказать им содействие, Бурнашев в точности исполнил повеление. Ираклий тоже удалился в Тбилиси.

Ибрагим-хан полностью достиг своих целей. Он уничтожил власть непокорных ему меликов и назначил других, послушных ему.

Здесь необходимо сказать несколько слов о характере этой борьбы. Буржуазно-националистические армянские писатели XIX в. изображали эту борьбу, как национальную, называли варандинского мелика Шахназара изменником и предателем, продавшим дело утверждения власти армянских меликов Ибрагим-хану. Эти писатели, разжигая националистические чувства, изображали эту борьбу, как борьбу азербайджанцев и армян. Этот вредный националистический взгляд в дореволюционное время был весьма распространен. Однако нетрудно убедиться в том, что он от начала до конца ложен. Он не подтверждается, а опровергается фактами, изложенными выше, Уже из самой расстановки боровшихся сил мы видим, что здесь дело в борьбе феодалов [148 - 149] за власть, за владение землями и крестьянами. Не нужно забывать того, что на стороне Ибрагим-хана, были два мелика и католикос Ерицманканц монастыря. По уничтожении неповиновавшихся ему меликов Ибрагим-хан назначил других меликов армян.

Факты показывают, что случаи браков между азербайджанцами и армянами были не исключением, а весьма распространенным явлением. В быту того и другого народов было очень много общего, они были земляками, даже больше того - имели одних предков. Нужно сказать, что в массе своей армяне Нагорного Карабаха так же, как и азербайджанцы, были потомками албанцев, местного населения, коренных жителей страны. Албанцы издревле населяли Карабах, часть из них во времена господства арабского халифата была обращена в мусульманство, другая часть продолжала оставаться христианами. Албанцы-христиане, будучи по религии близкими армянам, подверглись арменизации. Так с течением времени определилось различие среди населения Карабаха. Переходы из одной религии в другую совершались и в XVIII в., воспоминания и традиции, указывавшие на общность происхождения, были еще живы, - это еще раз говорит о том, что борьбу Ибрагим-хана и меликов нельзя рассматривать как борьбу национальную. Нужно сказать также, что современники ее так и не понимали, они оценивали события правильно, когда видели в них борьбу за власть между различными группировками владетелей.

Однако, возвратимся к прерванному нами изложению событий. Мелики Абов и Меджлум, находясь у Ираклия, просили его выступить против Ибрагим-хана. Ибрагим-хан потребовал у Ираклия, чтобы он выдал ему меликов, обещая взамен меликов возвратить три тысячи семейств азербайджанцев, бежавших в прошлые годы из Борчалы (местность в стороне Грузии) в Карабах. Ираклий II склонялся к тому, чтобы удовлетворить требование Ибрагим-хана не столько из желания получить обещанные три

[1] Ср. Бутков, ч. III, с. 204, где сказано, что “патриарх” был взят под караул и “умер от страху”.
[2] Ср. Бутков, ч. II, стр. 194.
[3] Там же.

тысячи семейств, сколько из желания, как бы Ибрагим-хан не стал враждебно действовать против него. Мелики Абов и Меджлум, узнав о требовании Ибрагим-хана, бежали из Тбилиси в Ганджу к Джават-хану. Последний принял их радушно и даже отвел им возле Шамхора место для тех крестьян, которые будут выходить к ним из Карабаха. Джават-хан воспользовался случаем, чтобы усилить себя против Ибрагим-хана, с которым он был во вражде.

ШЕКИНСКИЕ ХАНЫ И ФАТАЛИ-ХАН

События, последовавшие за поражением на Гавдушанском поле (1774 г.), настолько заняли Фатали-хана, что, устраивая свои дела, он на время оставил притязания на ханство шекинское.

Последние годы правления Хусейн-хана шекинского (конец семидесятых годов) наполнены борьбой его против дяди хаджи Абдул-кадыра, «оторый пользовался поддержкой султана куткашенского, наследников султана мелика Алий арешского и Ибрагим-хана карабахского. В 1779 году Абдул-кадыр с приверженными к нему беками ворвался в Нуху и убил Хусейн-хана[1]. Абдул-кадыр, сын хаджи Челеби, стал шекинским ханом.

О событиях времени правления Абдул-кадыр-хана, за неимением сведений, мы можем сказать мало. Известно; что в отличие от политики Хусейа-хана, Абдул-кадыр-хан вошел в союзнические отношения [149 - 150] с Фатали-ханом и помогал последнему в его борьбе против Ибрагим-хана карабахского.

Видно, что хаджи Абдул-кадыр-хан попал, в сферу влияния, а может быть и некоторой зависимости от Фатали-хана[2]. Думается, что именно это обстоятельство и привело его к гибели. Джарские джамааты вооруженной рукой поддержали сына Хусейн-хана, Мухаммед-хасан-агу, который с их помощью в 1783 или 1784 году овладел шекинским ханством и умертвил Абдул-кадыр-хана и его семерых сыновей[3].

Генерал А. П. Ермолов в следующих словах характеризовал Мухаммед-хасан-хана: «Хан сей, известный здесь с одной стороны по уму своему и лучшему против других ханств устройству, введенному в шекинской провинции в его правление, а с другой, по властолюбивому и предприимчивому духу, особенно же по бесчеловечной жестокости, с какой истребил он большую часть своих родственников и всех тех, кого подозревал в неблагорасположении к себе, - имеет еще и теперь между шекинскими жителями и лезгинами сильные партии приверженных ему людей[4].

А. П. Ермолов, говоря, что Мухаммед-хасан-хан известен лучшим против других ханств устройством Шевки, очевидно, имеет в виду составленный при Мухаммед-хасан-хане сборник законов, известный под название Дастур-ул-амаль.

Сборник этот или списки его, насколько нам известно, до сих пор не найдены[5]. Дастур-ул-амаль закреплял феодально-крепостнические отношения, существовавшие в шекинском ханстве, его сословную структуру, права и обязанности эксплоатирующих и эксплоатируемых слоев населения ханства.

Мухаммед-хасан-хан, как мы видели, вступил в управление шекинским ханством, будучи ярым противником Фатали-хана и его политики[6]. В своей борьбе с Фатали-ханом Мухаммед-хасан-хан пользовался поддержкой Агаси-хана и Мухаммед-сеид-хана, бывших правителей Ширвана, и преданных им сторонников. Но уже в начале своего правления, а именно в 1785 г., Мухаммед-хасан-хан потерпел поражение от войск Фатали-хана кубинского.

Агаси-хан, бывший вместе с Шекинским ханом, сдался на милость победителя, а Мухаммед-хасан-хан поспешно отступил к Нухе. Закончив дела в Ширване, Фатали-хан вступил в шекинское ханство и разбил войско Мухаммед-хасан-хана. Последний, не видя возможностей к оказанию дальнейшего сопротивления, просил у Фатали-хана [150 - 151] мира. Мир был заключен, причем примирившиеся выдали один за другого замуж своих сестер[7].

Одновременно Мухаммед-хасан-хан был вынужден выдать Фата-ли-хану находившихся в его владениях членов прежнего ширванского ханского дома, а также оказывать ему содействие в

---

[1] Абдул-Лятиф-Эфенди, указ, соч., стр. 10.
Гаджи Сеид-Абдул-Гамид, указ. соч., стр. 17.
Бутков, ч. II, стр. 72-73.

[2] В Музее истории Азербайджана хранится, повидимому, копия с письма эмира хаджи Абдулкадыр-хана, адресованного в какие-то два селения (или местности) к его “друзьям”. В этом письме хаджи Абдулкадыр-хан пишет: “Мы с высокопочтенным старшим братом нашим Фатали-ханом в добре и беде всегда были в единодушии. Предоставление ему прав распоряжения Вашим войском показывало, что Вы с нами находитесь” (Истор. фонд. д. № 11, инв. № 868).

[3] Абдул-Лятиф-Эфенди, указ. соч., стр. 10.
Бутков, ч. 11, стр. 73.

[4] А. К. А. К. , т. VI, ч. I, д. № 1158, стр. 781.

[5] Имеются документы на русском языке, представляющее собой то переводы извлечений из Дастур-ул-амаля Мухаммед-хасан-хана шекинского, не то запись устно сообщенных оттуда же сведений о размерах пошлин за продажу скота на базарах, за убой скота, о весомых сборах с шелка и пр. (Аэерб. Центр Архивн, управление, Истор. Арх., фонд Верх. Грузин. Пр-ва, д. № 155, св. 14).

[6] Бакиханов, стр. 138. Алкадари, стр. 87, 88.

[7] Бакиханов, стр. 136.
Искендер-бек Гаджинский, указ. соч. (Газ. “Кавказ”, № 50, 1847 г.),
Ср. Бутков, ч. II, стр. 272, ч. III, стр. 190, 191.

уничтожении остальных членов этого дома. Таким образом, уже в начале своего правления Мухаммед-хасан-хан попал в некоторую зависимость от Фатали-хана.

Борьба Мухаммед-хасан-хана шекинского против Фатали-хана облегчалась тем, что против все возраставшего влияния последнего, и его планов об'единения страны под своей властыо выступал один из крупнейших ханов Азербайджана - Ибрагим-хан карабахский, во владениях которого было почти двухсоттысячное население. Со времени своего возвышения Фатали-хан имел крупного и сильного врага также в Омар-хане аварском. Эта политическая обстановка подкрепляла Мухаммед-хасан-хана в его борьбе против Фатали-хана.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ СБЛИЖЕНИЕ ФАТАЛИ-ХАНА С РОССИЕЙ

По распоряжению свыше П. С. Потемкину, как; пишет; П. Бутков, предписано было сделать Фатали-хану «пристойные внущения чтоб хан сам почувствовал необходимость, быть принятому а подданство России. Но мы не знаем, чтобы были произведены сколько-нибудь угрожающие внушения, которые могли бы понудить фатали-хана вступить в подданство России.

Известно только, что к тому времени Ага-Мухаммед-хан астрабадский, по овладении Исфаханом и подчинении многих прочих ханов, стал устремлять свои взгляды на север, вплоть до Большого Кавказского хребта. Желая обеспечить непротиводействие своим намерениям со стороны России, он обратился к ней с предложениями о дружбе. В этой обстановке в 1786 году Фатали-хан виовь отправил к князю П. С. Потемкину, руководившему оккупацией Северного Кавказа и Закавказья, посла, а в июне 1787 года прошение с просьбой о принятии его под покровительство Российской империи[1]. Полагаем, что Фатали-хан, увидев на деле, как было осуществлено принятие Грузии под покровительство, убедился в том что опасности ему, от этого не приключится. Желая расправиться с Ибрагим-ханом карабахским, он стремился укрепить себя, а потому просил о присылке к нему двух полков пехоты. Отношения свои с Россией он, очевидно, полагал определить на тех же основаниях, какие были приняты с Ираклием II, причем настаивал, чтобы преимущества его по сравнению с теми, которые имел Ираклий II не были уменьшены. В то же время он всячески остерегался попасть в действительную зависимость от российского правительства. Ему нужна была политическая и военная поддержка России, но присоединять свои владения к России он не собирался. [151 - 152]

Фатали-хан не был принят под покровительство вследствие войны происходившей между Россией и Турцией[2], но политическое содействие своим замыслам от российского правительства он отчасти получил.

В январе 1787 года Фатали-хан нанес сильное поражение Ибрагим-хану карабахскому, выступившему против него с намерением отнять ханство шемахинское. Эта победа еще более усилила Фатали-хана. В том же году он заключил мир с Омар-ханом аварским[3]. Под покровительством и в угоду российскому двору, а в основном преследуя собственные цели, Фатали-хан в исходе того же 1787 года заключил союз с царем Картлии и Кахетии Ираклием II. Цель союза заключалась в приобретении Карабаха и южного Азербайджана[4].

Мухаммед-хасан-хан, зажатый союзниками с запада и востока, желая выйти из зависимости от Фатали-хана, в 1788 г. пытался разгромить его. Сражение произошло около города Старой Шемахи. Хотя вначале шекинцы побеждали, но к концу битвы, благодаря тому, что со стороны Фатали-хана выступило войско шамхала тарковского, они были совершенно разбиты и в значительной части уничтожены. Мухаммед-хасан-хан с несколькими нукерами спасся и бежал в Шеки. После этого он дал Фатали-хану обязательство исполнить все его политические требования и быть совершенно покорным[5].

В декабре Фатали-хан и Ираклий подчинили Ганджу. В действиях Ираклия и Фатали-хана против Ганджи к ним присоединился и шекинский Мухаммед-хасан-хан[6].

После того, как ганджинский Джават-хан без сопротивления сдал Ганджу, Фатали-хан и Ираклий стали совещаться относительно похода в южный Азербайджан[7]. Этот поход решено было отложить до следующего года с тем, чтобы за это время произвести необходимую материальную и политическую подготовку.

Союзники договорились также и о том, что Ираклий II, оставаясь в Грузии, обеспечит тыл, т. е. будет грозой для возможных противников Фатали-хана в Азербайджане и Дагестане и тем поддержит власть Фатали-хана в его владениях и предотвратит возможные покушения со стороны владетелей,

---

[1] Письмо князя Г. А. Потемкина-Таврического Я. И. Булгакову, 13 декабря 1786 г. (С. И. Р. И. О. , т. 47, д. № 108, стр. 193). Ср. Бутков, ч. II, стр. 277.

[2] Турецкое правительство во время этой войны неоднократно посылало Фатали-хану письма и подарки, стремясь склонить его к враждебным действиям против России. Фатали-хан не принимал подарков, а письма пересылал генералу П. С. Потемкину. Дубровин, указ. Соч., т. II, стр. 252.

[3] В Музее истории Азербайджана АН Азерб. ССР хранится копия письма Ахмед-хана, сына Фатали-хана, к Сурхай-хану (второму – *В. Л.*). Содержание его, повидимому, относится к описываемым событиям. В этом письме сказано: “Если вы хотите известиться о нашем положении, то мы получили точные и правильные сведения о положении войск нашего отца Фатали-хана и Омма-хана, они, по-братски посоветовавшись между собой, заключили союз. В 9-й день месяца раби-ул-ввала высокоместный Омма-хан со своими войсками через реку Куру в сторону Карабаха, пошел” (Истор. фонд, д. № 12, инв. № 12 инв. № 869).

[4] Бутков. ч. II, стр. 277.

[5] Искендер-бек-Гаджинский, указ. соч. (Газ. „Кавказ”, № 50, 1847 г.).

[6] Бутков, ч. II, стр. 278, 283.

[7] А. Бакиханов, стр. 139.
Ср. Броссе, указ. соч., стр. 254

находившихся в зависимости и под влиянием Фатали-хана. Сам же Фатали-хан собирался с войском, переправившись через Аракс, двинуться в южный Азербайджан и далее в Иран[1].

Нужно сказать, что в это время, т. е. в 1788 г., силы Фатали-хана были уже весьма значительны. Он владел Дербентом, Кубой, Шемахой, Баку и Сальянами. Шекинский хан находился в полной от него зависимости, табасаранские владетели были совершенно покорны, шамхал [152 - 153] тарковский, уцмий кайтагский и хан казикумухский, опасаясь России, выказывали Фатали-хану приверженность. Ханы талышинский и муганский были ему покорны, а гилянский Гедает-хан находился под его защитой. Если при этом иметь в виду, что Иран после смерти векиля Керим-хана представлял собой арену междуусобных войн ханов, стремившихся к завоеванию иранского шахского престола, то нужно будет признать, что возможности для присоединения южно-азербайджанских ханств были налицо. Но осуществить намеченные планы не пришлоесь. Фатали-хан, который и до сего времени был болен, почувствовав себя совсем плохо, прибыл к своей сестре в г. Баку. Здесь в марте 1789 года Фатали-хан умер. Похоронен он на кладбище при мечети Биби-Эйбат[2]. Смерть Фатали-хана положила конец успехам в деле политического об'единения ханстн Азербайджана. Его преемник, Ахмет-хан, не смог силой и страхом удержать владений, подчиненных его отцу и зависевших от него. Сознавая трудности своего положения и желая сохранить наследие отца, Ахмет-хан в июне того же 1789 г. отправил к главно-начальствовавшему на Кавказской линии генералу Текели посланца Ибрагим-бека. В письме Ахмет-хан из'явил желание повергнуть себя и всех подвластных ему в подданство России[3]. Однако, это намерение Ахмет-хана не осуществилось. Ему одному без помощи России пришлось противостоять своим врагам.

Мухаммед-хасан-хан шекинский первый показал всю непрочность политического об'единения, производившегося Фатали-ханом. Вместе с сыновьями ранее свергнутых Фатали-ханом шемахинских ханов и их сторонниками он занял Ширван[4]. Мухаммед-хасан-хан пытался присоединить часть ширванского владения к шекинскому ханству, но это ему не удалось. Пришлось удовольствоваться только награбленными во время похода значительными средствами. Власть в Шемахе перешла к наследникам прежних шемахинских ханов, сначала Касим-хану, затем-его брату Мустафа-хану[5].

В последующие годы Мухаммед-хасан-хан старался поддержать в Ширване свое влияние через ханов, которым он содействовал в достижении власти. Но это стремление Мухаммед-хасан-хана привело лишь к тому, что укрепившийся Мустафа-хан, заключив условие с Сурхай-ханом II казикумухским, в 1792 году поднял против Мухаммел-хасан-хана султанов кабалинского и арешского, последний кроме того получал поддержку из Карабаха. С большим трудом, благодаря разумным мерам и личной храбрости, Мухаммед-хасан-хану удалось одолеть врагов. Тогда была уничтожена власть влиятельных вассальных султанов шекинского хана[6].

---

[1] Там же.

[2] Мраморное надгробье с могилы Фатали-хана в настоящее время хранится в Музее истории Азербайджана АН Азерб. ССР.

[3] Ср. Копия с письма персидского, присланного от дербентского Ахмет-хана (Кавказский сборник, т. XX, стр. 392, Тифлис, 1899).

[4] А. Бакиханов, стр. 139.

[5] Биберштейн, указ. соч., гл. Шемахинское ханство, § 21.
Ср. Бутков, ч. II, стр. 280.

[6] Бакиханов, указ. соч., стр. 140, 141.

ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФАТАЛИ-ХАНА

Около тридцати лет правил Фатали-хан кубинский. В течение всего зтого времени неустанно и настойчиво он стремился к политическому об'единению ханства Азербайджана.

Оценка деятельности Фатали-хана, как политики об'единения азербайджанских ханств под одной' властью и создания крупного государства, [153 - 154] была дана еще в прошлом столетии. Ахмед-бек Джеваншир в своем сочинении по истории Карабаха, отмечая, что Фатали-хан является одним из могущественных владетелей в Закавказьи, назвал его «собирателем своей земли»[7].

Десятки раз Фатали-хан поднимал оружие на владетелей, боровшихся против его политики. Свои дипломатические способности, военные и государственные таланты посвятил он делу политического обединения ханств Азербайджана. Но не было еще общественных сил, которые обеспечили бы прочный успех этому делу.

В течение XVIII века торговля Азербайджана падала. Захирела и шемахинская торговля. Все это отозвалось на купечестве. Купцы шемахинские в этих условиях упадка стремились изыскать выгоды свои через тесную связь с ханской фамилией, они поддерживали представителей дома саркеров[1], с которыми были связаны многочисленными нитями. Поэтому они не были приверженцами Фатали-хана и он их преследовал. Обстановка постоянной борьбы и войн, отсутствие прочности и уверенности в годы правления Фатали-хана также не способствовали развитию торговли.

Для крестьян Фатали-хан не мог сделать больше чем его предшественники. Почти непрерывно шли войны, в результате которых то одна, то другая часть страны подвергалась опустошению. Враги производили набеги и грабили села. Тяжесть содержания наемных войск, которые вынужден был держать Фатали-хан, также в значительной степени ложилась на крестьян. В то время часто наемников ставили на постои в села. Эти постои разоряли крестьян. Наемные войска иногда производили опустошения и грабежи более значительные, чем враги. В этой обстановке оставалось очень мало возможностей для созидательного мирного труда и подъема сельского хозяйства. Но исполнение повинностей и взнос часто повышенных податей с крестьян требовали.

Фатали-хану для осуществления его предприятий приходилось держать значительное количество войска, которое он часто не мог распустить по домам. Кроме местного войска он содержал и наемное. Все это требовало больших средств и в них Фатали-хан всегда нуждался. Хотя он применял жесткие меры при взысканиях налогов с имущества купцов, враждебно к нему относившихся, однако этот источник был непостоянным, да и не мог покрыть больших расходов. В то же время крутые меры, применявшиеся Фатали-ханом при сборах с торговли и ремесла, очень неблагоприятно на них отражались. Торговля Шемахи приходила во все больший упадок. Фатали-хану приходилось усиливать налоговый нажим на крестьян. Ввиду всего этого крестьяне, конечно, не могли быть силой, поддерживавшей Фатали-хана.

Не возникли еще экономические условия и не было сил, которые обеспечили бы успех деятельности Фатали-хана. Все, чего он добился в отношении об'единения ханств Азербайджана, не имело под собой основы; все это было результатом лишь его напряженой деятельности, его удачливости, его таланта.

А. Бакиханов дал высокую оценку личным качествам Фатали-хана «Фет-али-хан замечательный человек в истории Кавказа, возвысился благоразумием, щедростью и предприимчивым характером. По достижении власти в нем обнаружились качества умного и деятельного [154 - 155] правителя и особенный дар привязывать к себе всех окружающих, усыплять деятельных врагов и выпутываться из самых затруднительных обстоятельств»[2].

Ко времени, когда жил Фатали-хан, целиком можно отнести слова товарища Сталина о дореформенной Грузии. Товарищ Сталин писал: «Эфемерное и случайное об'единение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии»[3].

Именно такое об'единение удалось провести Фатали-хану. но из этого следовало, что при возникновении критической внешнеполитической ситуации или при отсутствии равного Фатали-хану по таланту преемника, все дело рук его должно было разрушиться. Так оно и произошло.

---

[7] Джаваншир-Ахмед-бек - О политическом существовании Карабахского ханства с 1717 по 1805 год. Тифлис, 1884, стр. 5.

[1] „Саркер” - по-персидски значит “глава дела”. Домом саркеров в Ширване называли шемахинскую ханскую фамилию во главе с братьями Мухаммед-сеид-ханом и Агаси-ханом..

[2] А. Бакиханов, указ. соч., сгр. 139.

[3] И. Сталин - „Марксизм и национально-колониальный вопрос” Партиздат ЦКВКП(б), 1937, стр.6.

ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Известно, что после смерти Надир-шаха (1747 г.) в Иране возникли междоусобия, вследствие борьбы различных претендентов на шахский престол. Это повело к сильному ослаблению центральной политической власти, которая временами имела лишь номинальный характер и не обладала достаточной силой для того, чтобы подчинить себе местных правителей. Эти обстоятельства на основе феодального характера экономики стран, находившихся под властью Ирана, способствовали увеличению власти и самостоятельности местных ханов. В южном Азербайджане так же, как и в северном, возник ряд ханств, но судьба этих ханств была несколько отличной от судьбы ханств северного Азербайджана, поскольку они за исключением небольших промежутков времени не имели политической самостоятельности.

Риза-кули-хан, автор последних томов «Роузат-ас-сафа», рассказывая о событиях второй половины XVIII века, сообщает, что южный Азербайджан (он пишет просто Азербайджан) являлся одной из двадцати областей Ирана, которая к северу граничила с Муганью, Ширваном и Альбурсскими горами, в южной стороне - с Ираком, Аджеми и Курдистаном, с востока - с Каспийским морем, Гиляном. Дейлемом и Талышем, с запада - с Арменией и Грузией. В этой стране 17 городов и 29 касаба (местечек-поселений городского типа)[1].

После смерти Надир-шаха, в Иране возникла борьба между наследниками Надир-шаха (афшары). В эту борьбу, стремясь захватить шахский престол, вступили также главы азербайджанского племени каджаров, а также главы иранского племени зендов и афганцы.

В начале пятидесятых годов XVIII века политическую власть в южном Азербайджане сосредоточил в своих руках афганец Азат-хан. Он подчинил себе местных азербайджанских ханов. Но уже в 1756-57 гг. против него выступил Мухаммед-хасан-хан, глава азербайджанского кочевого племени каджаров койунлу. Войска Мухаммед-хасан-хана [155 - 156] хасан-хана, разгромив Азат-хана в Гиляне[2] и постепенно перекочевывая, подошли к Урмии - крепости, которая была опорой Азат-хана. В этой крепости находились его дворец и диван, а также и семья. Каджары окружили крепость. Сам Азат-хан-афган с войском в это время был на юге области, куда его привлекли опасности, грозившие со стороны Керим-хана зенда. В войске Азат-хана находились и азербайджанские ханы; один из них, Шахбаз-хан думбули, правитель Хоя, не желая подчиняться Азат-хану, перешел на сторону Мухаммед-хасан-хана. Это обстоятельство поставило Азат-хана в безнадежное положение и он, боясь попасть в плен, бежал в сторону Турции. После этого крепость Урмии, как пишет автор, оказалась между морем и огнем. Военачальник Азат-хана, командовавший гарнизоном крепости, открыл ворота и сдал город. Мухаммед-хасан-хан 4000 афганских всадников переселил в Мазандеран[3].

Упоминавшийся уже выше автор «Роузат-ас-сафа» пишет, что Мухаммед-хасан-хан стремился расширить свои владения настолько, чтобы они охватывали все земли, которыми владели племена каджаров со времени сефевидов.

Его взоры прежде всего были обращены на северный Азербайджан. Автор, описывая торжества, устроенные при ставке Мухаммед-хасан-хана по случаю новруз-байрама, пишет о том, что со времени сефевидов эти земли - Азербайджан (имеется в виду южный Азербайджан), Мугань, Ширван, Карабах, Ганджа, горный Аладаг являлись наследством каджаров.

Правителем Тебриза, как столицы Азербайджана, Мухаммед-хасан-хан поставил своего сына Ага-Мухаммед-хана. Однако тут же автор вынужден отметить, что правитель Карабаха Панах-хан джеваншир не выразил подчинения Мухаммед-хасан-хану. И не только он один, но и все ханы северного Азербайджана, несмотря на старания Мухаммед-хасан-хана склонить их к себе и признать его главенство, проявили равнодушие к этим призывам и фактически остались вполне независимыми.

После смерти Мухаммед-хасан-хана (он был убит людьми, старавшимися отличиться перед Керим-ханом зендом и, очевидно, по указаниям, последнего) ханов южного Азербайджана подчинил себе Фетх-али-хан афшар. Он овладел Урмией и Тебризом и об'единил вокруг себя племена шагаги и шахсевен[4].

К этому времени (около 1758 г.) уже почти весь Иран был подчинен Керим-хану зенду. Последний, видя, что Фетх-али-хан афшар не оказывает ему повиновения, двинулся с войсками в Азербайджан.

Войска Керим-хана зенда окружили Тебриз и в окрестностях разгромили отряды шахсевенов и шагаги. Однако, Керим-хан зенд не сумел завершить начатого дела. Лишь на следующий год весной,

---

[1] Роузат-ас-сафа, Техеран, 1270 г. х., т. VIII, стр. 93, 94 (на персидском языке). Страницы нумерованы нами.
[2] Ср. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПБ 1869, ч. I. стр. 212. ч. III, стр. 94, 95.
[3] Роузат-ас-сафа, указ. изд., т. IX, стр. 15, 16.
[4] Там же, стр. 29-30.

придя с новыми войсками, в большом сражении он разбил войско Фетх-али-хана. После этого ему подчинились Тебриз, Марага, Хой и Салмас.

На помощь Керим-хану зенду выступил противник Фетх-али-хана - Панах-хан карабахский.

Совместно с Панах-ханом карабахским, Кязим-ханом караджадагским и Шахбаз-ханом думбулийским войска Керим-хана зенда после девятимесячной осады взяли Урмию и пленили Фетх-али-хана. Так [156 - 157] весь южный Азербайджан был подчинен Керим-хану зенду и находился под его властью до самой его смерти (1779 г.)[5].

После смерти Керим-хана зенда в Иране опять настала пора междоусобий. Автор упоминавшегося нами сочинения пишет о том, что порядки изменились, каждый город находился в руках отдельного владетеля. В середине восьмидесятых годов, по сведениям, сообщаемым резидентом при царе Ираклии II полковником Бурнашевым, в южном Азербайджане были следующие владения:

1. Карадаг, управлял им Мустафа-хан, который местопребывание свое имел в Ахаре, находился как бы в некоторой зависимости от Ахмет-хана хойского и Ибрагим-хана карабахского. Мог выставить не более 2 тысяч воинов.

2. Мешкин, город с небольшой округою, управлялся Насир-ханом, находившимся и послушании у своего тестя - хана карабахского. Войска имел до 1 тысячи человек.

3. Ардебиль, крепость с небольшим владением, управлял им шахсевенский Наджаф-хан, состоявший в большой дружбе с ханом карабахским. Войска имел менее 2000 человек.

4. Тебризское владение с городом того же имени, управлял им Худайят-хан[1], богатый и самовластный. Войска имел до 10.000 человек.

5. Марагинское владение, управлялось Ахмед-ханом, самовластным и богатым. Войска своего имел до 3 тысяч человек. В случае необходимости нанимал войска из курдов.

6. Урмия, город и владение, управлялись Мамед-кули ханом, самовластным и довольно могущественным. Войск имел от 4 до 5 тысяч человек. Войска мог нанимать и у окрестных племен.

7. Хой, крепость и немалое владение, управлялись самовластным Ахмет-ханом, который вначале просил о покровительстве России, но затем вступил в связь с Турцией[2].

Бурнашев отмечает, что о более отдаленных владениях он сведений не имеет, а заключает описание следующими словами: «Состояние владельцев, границ их земель, связь их между собою, союзы и война и расположение их к соседям непостоянны и переменяются по беспрестанным междоусобиям почти ежегодно»[3].

Но это положение самостоятельности перечисленных владений продолжалось недолго: до начала девяностых годов. К этому времени упоминавшийся выше сын Мухаммед-хасан-хана Ага-Мухаммед-хан каджар укрепился настолько, что стал сильнейшим из ханов Ирана. Дела его главного противника Лютф-али-хана зенда пришли в полное расстройство. В это время (начало 1791 г.) Ага-Мухаммед-хан каджар направил 10 тысяч всадников в Азербайджан. Азербайджанские ханы подчинились ему, только Садых-хан шагагийский оказал сильное сопротивление, но был разбит и бежал в Карабах к Ибрагим-хану джеванширу[4].

Ага-Мухаммед-хан дал приказание о том, чтобы крепость Сараб, на которую опирался Садых-хан, была разрушена и сожжена. Войска [157 - 158] Ага-Мухаммед-хана произвели в Сарабе и шагагийской области такие разрушения, что их стали приводить в пример по всему Ирану[5].

Войско, посланное Ага-Мухаммед-ханом в Талыш для покорения и уничтожения Мустафы-хана талышинского, потерпело поражение. Талышинские племена оказали сильное сопротивление. В оправдание неудачи начальник войска указывал на то, что местность в Талыше труднодоступная, а леса очень большие[6].

После разрушения Сараба Ага-Мухаммед-хану выразил покорность Мустафа-хан - правитель Караджадага и Хусейн-кули-хан думбули - правитель Хоя.

---

[5] Роузат-ас-сафа, ук. изд., т. IX, стр. 30.

[1] Бурнашев писал: „Худиат".

[2] Бутков, ч. II, стр. 145, 176.

Ср. Н. Дубровин (История войны и владычества русских на Кавказе, СПБ, 1871. т. 11, стр. 40), который отмечает, что турецкое правительство пожаловало Ахмет-хану титул сераскира и передало в управление часть Азербайджана.

[3] Бурнашев „Описание областей Азербайджанских в Персии и их политического состояния", Курск, 1793.

[4] Насих-ат-таварих, изд. Тебриз 1292, т. I, стр. 30, 31 (на персидском яз.).

[5] Роузат-ас-сафа, указ. изд., т. IX, стр. 96.

[6] Насих-ат-таварих, указ. изд, т. I, стр. 31.

Ср. Бутков, ч. II, стр. 321.

Ср. Донесения ген.-аншефа Гудовича. Всепод. рапорт его от 7 ноября 1791 г. Кавказский сборник, т. XVIII, стр. 421, Тифлис, 1897.

Последний получил в управление Хой и Тебриз, но в залог верности должен был отправить в Казвин свою жену, дочь Ибрагим-хана карабахского[7].

Мухаммед-кули-хан - правитель Урмии уклонялся от выражения покорности, однако, урмийская крепость была взята.

В это же время Ага-Мухаммед-хан получил сведения о том, чтс против него сложился заговор, в котором участвовало несколько азербайджанских ханов. Ага-Мухаммед-хану удалось предупредить выступление заговорщиков, и они были жестоко наказаны[8].

Эти обстоятельства, видимо, отняли надежду у ханов на возможность успеха при дальнейшем сопротивлении и поэтому Мухаммед-Kvли-хан урмийский прибыл с большими подарками к Ага-Мухаммед-хану и искал у него убежища.

Садых-хан шагагийский, находившийся в это время, как было упомянуто выше, в Карабахе, видя, что все ханы южного Азербайджана приведены к покорности, искал у Ага-Мухаммед-хана прощения. Он с достойными подарками отправил из Карабаха к Ага-Мухаммед-хану десять своих братьев. Получив гарантии личной неприкосновенности, сам также прибыл к Ага-Мухаммед-хану[5].

Так было завершено подчинение южно-азербайджанских ханств власти Ага-Мухаммед-хана каджара.

Из изложенного видно, что Ага-Мухаммед-хан являлся главой каджарских азербайджанских племен. Эти и другие азербайджанские племена населяли южный Азербайджан, часть их жила вокруг Астрабада и в Хоросане, куда они были переселены в прошлые века[1].

Племена эти, состоявшие в значительной части из кочевников, были воинственны и могли выставить большое число конницы. Не случайно, что, опираясь на них, Ага-Мухаммед-хан, бывший сыном «его высочества главы азербайджанских племен», разбил; своих противников и сосредоточил политическую власть в своих руках. Однако, несмотря на то, что основной силой, приведшей Ага-Мухаммед-хана к власти, были азербайджанские племена, несмотря также на то, что значительное число, едва ли не большая часть, важных государственных постов, а именно военачальники, правители областей и городов - были азербайджанцами, Ага-Мухаммед-хан строил иранское государство. Впоследствии [158 - 159] он назвал себя шахом Ирана. Во всех, сколько известно нам, официальных документах он выступал как глава иранского государства. Это очень важное обстоятельство говорит о том, что Ага-Мухаммед-хан официально признал не только иранское общество и верхи его важнейшей частью возглавлявшегося им государства, но и иранскую государственную традицию. Это официальное признание, безусловно, связано с учетом экономического и культурного значения иранские областей, с признанием традиционной роли и значения иранской феодальной (светской и духовной) знати в государственном управлении. Государство Ага-Мухаммед-шаха, как это было на протяжении столетий и раньше, представляло собой конгломерат стран и народностей. В этом конгломерате, особенно с начала XVI в. (еще во времена первых сефевидов), ясно определились как активная политическая сила азербайджанские племена. Однако соотношение влияния и значения в жизни иранского государства этих племен и массы иранского населения в различные периоды было не одним и тем же. Во время Ага-Мухаммед-хана политическая сила и активность азербайджанских племен были использованы для восстановления иранского государства.

---

[7] Насих-ат-таварих, указ. изд., т. 1, стр. 31.
[8] Там же, стр. 32.
Ср. Бутков, ч. II, стр. 320.
[5] Насих-ат-таварих, указ. изд., т. 1, стр. 33.
[1] А. Бакиханов - „Гюлистан-Ирам”, стр. 142, 143. Баку, 1926 г.

СРАВНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ ХАНСТВ СЕВЕРНОГО И ЮЖНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА

Если не было экономических условий для того, чтобы возможно было осуществить воссоединение азербайджанских областей, то возникает вопрос, почему уже с середины XVIII в. и почти до конца его выдвигались правители, стремившиеся осуществить воссоединение? Чем объяснить появление в южном Азербайджане Мухаммед-хасан-хана, а в северном - Фатали-хана? Правильна ли оценка деятельности этих людей, как воссоединителен? Не приняты ли факты феодальной борьбы и междоусобий за деятельность по воссоединению? Действительно ли эти ханы сознательно ставили перед собой задачи воссоединения?

Поскольку пока не обнаружено документов, которые бы неопровержимо доказывали, что указанные ханы сознательно ставили перед собой задачи воссоединения областей, населенных азербайджанцами, речь может идти только о том, имела ли их деятельность объективное значение воссоединения. Ведь каждый из феодальных владетелей стремился расширить принадлежавшую ему территорию и тем самым увеличить количество подвластного ему населения - это способствовало его усилению и обогащению. Но дело в том, что расширение владений при успешности осуществления его, достигнув значительной величины, приобетало иное значение.

Азербайджанские ханства середины и второй половины XVIII в. были весьма незначительными по величине и силе государственными образованиями. Их окружали большие и сильные государства, которые в течение столетий вели борьбу за господство в Азербайджане. В этих условиях маленькие ханства не могли существовать самостоятельно сколько-нибудь длительное время. Со всех сторон угрожали опасности. Ханы стремились увеличить свои владения, усилить себя. Ближе всего и доступнее им было расширение своих земель за счет присоединения местностей, имеющих азербайджанское население, родственное населению их ханств. Поэтому наиболее способные и удачливые из ханов делали успехи, которые шли в направлении воссоединения. Как было указано выше, экономических основ для воссоединения еще не было, [159 - 160] поэтому попытки эти не завершились и не могли завершиться созданием воссоединенного, крупного, самостоятельного азербайджанского государства.

Во второй половине века в северном, Азербайджане возникли и на протяжении более чем полувека существовали хотя и малые, но самостоятельные ханства, в то время как южно-азербайджанские ханства находились (за исключением короткого (периода) то под властью Керим-хана зенда, то под властью Ага-Мухаммед-хана. Это говорит о том, что в XVIII столетии центры политической жизни азербайджанского народа находились в северном Азербайджане.

Было время, когда центр политической жизни после падения ширванского государства в эпоху шаха Исмаила I переместился в южный Азербайджан; к XVIII веку южный Азербайджан уже не был и не мог быть центром политической жизни азербайджанского народа. Близость южно-азербайджанских ханств к Ирану и Турции при наличии феодальной раздробленности ставила их в сильную зависимость от иранского государства, а некоторых от Турции.

В период своего существования южно-азербайджанские ханства находились между собой в постоянной вражде и войне и были настолько слабы, что Ибрагим-хан карабахский временами имел здесь весьма значительное влияние.

Южно-азербайджанские ханства не в состоянии были определить дальнейшего хода жизни Азербайджана. Противоречиями и борьбой между Ираном, Турцией и Россией, внутриполитической борьбой в Иране, а также отчасти некоторой удаленностью северо-азербайджанских ханств от Ирана и Турции были созданы условия, в которых северно-азербайджанские ханства в течение некоторого времени имели политически самостоятельное положение. Уже эти обстоятельства привели к тому, что центры политической жизни пероеместились на север Азербайджана, дальнейшие политические судьбы которого определили последующие решительные изменения в историческом пути и жизни значительной части азербайджанского народа. Борьба северно-азербайджанских ханств за свою независимость способствовала созданию обстановки и условий, в которых было осуществлено присоединение этих ханств к России. [160 - 161]

Глава VI

БОРЬБА ИРАНА И РОССИИ ЗА АЗЕРБАЙДЖАН В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

УГРОЗА С ЮГА РОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ХАНЫ АЗЕРБАЙДЖАНА

Политическое об'единение Азербайджана по причинам, указанным выше, не было достигнуто; Азербайджан пребывал в состоянии феодальной раздробленности. В 90-х годах XVIII в. наиболее сильными были ханства карабахское, дербентско-кубинское и шекинское, В Иране после смерти векиля Керим-хана-зенда, как уже упоминалось выше, в междоусобицах, которые там происходили между ханами, искавшими себе шахского престола, выдвинулся Ага-Мухаммед-хан Каджар.

Каджары - одно из азербайджанских племен, живших в окрестностях Ганджи на левом берегу р. Шамхорчай. Д. Бакиханов сообщает, что племя это во времена шаха Аббаса I было переселено в Хорасан[1]. Ага Мухаммед-хан вышел из семейства, принадлежавшего к племенной знати каджар. По политическим обстоятельствам Ирана середины XVIII столетия Ага-Мухаммед-хан мог сыграть роль одного из претендентов на шахский престол. Дабы пресечь эту возможность, политические противники каджаров оскопили малолетнего Ага-Мухаммед-хана. Векиль Керим-хан-зенд содержал его под присмотром при своем дворе. Изувеченный в детстве, Ага-Мухаммед-хан был замкнутым, скрытным, озлобленным ребенком. Даже во взрослые лета он продолжал оставаться по росту мальчиком, имел сморщенное старушечье лицо и пронзительный высокий голос. Но в маленьком тщедушном тельце скопца таились непомерное честолюбие, властолюбие и жестокость. Лишенный многих человеческих радостей, Ага-Мухаммед-хан в течение долгих лет ждал того часа, когда он сможет осуществить свои тайные мечты о достижении высшей власти. После смерти Керим-хана-зенда этот час настал.

Ага-Мухаммед-хан, бежав из Исфахана, припыл в Астрабад. Укрепившись вначале в Астрабаде, он оттуда в результате длительной и полной превратностями жестокой борьбы сумел подчинить себе Исфахан, Иезд, Керман, а затем и Шираз. С течением времени он стал самым сильным из ханов Ирана и был близок к подчинению себе всего Ирана. Ага-Мухаммед-хан вел упорную борьбу также и за обладание всем южным побережьем Каспийского моря. Здесь, в Гиляне, он встретил решительное сопротивление со стороны Гидает-хана Полянского, а потом Муртаза-кули-хана; своего родного брата. [161 - 162]

Еще Фатали-хан кубинский, прекрасно учитывая растущую угрозу с юга, оказывал значительную помощь и поддержку Гидает-хану гилянскому. Он дважды помог ему возвратить владения, отнятые от него[2]. После гибели, в сентябре 1786 г., Гидает-хана гилянского Фатали-хан старался утвердить в Гиляне Муртаза-кули-хана и добился этого. В декабре 1787 г. Муртаза-кули-хан, получивший от Фатали-хана войско, при содействии талышинцев, зависевших от Фатали-хана, овладел Гиляном[3].

Эти действия Фатали-хана об'ясняются стремлением его поставить в Гиляне зависимого от себя владетеля. Влияние в Гиляне соответствовало видам Фатали-хана на присоединение к своим владениям южного Азербайджана.

Попутно отметим, что Муртаза-кули-хан, по приверженности своей к России, в ходе дальнейшей борьбы против Ага-Мухаммед-хана получал от России помощь, но она была незначительна. Его поддерживали вооруженные корабли русского флота, стоявшие в Энзелийском заливе[4]. Дальновидный и испытанный в политике Фатали-хан, очевидно, ясно понимал, что усилившийся Ага-Мухаммед-хан каджар станет угрожать не только южным, но и северным ханствам Азербайджана. Действительно, 90-е годы наполнены борьбой против Ага-Мухаммед-хана и его попыток подчинить себе Азербайджан.

Российское правительство также видело усиление Ага-Мухаммед-хана. По окончании, в 1792 г., второй русско-турецкой войны Россия получила более широкие возможности для проведения мероприятий, ведших к подчинению ей ханств Азербайджана. В рескрипте от 8-го мая 1792 г., данном генералу Гудовичу, который управлял Кавказским краем, Екатерина II четко определила внешнюю политику России в отношении ближайших к ее границам ханств Азербайджана. В рескрипте было написано:

---

[1] Бакиханов, стр. 142-143.
[2] Бакиханов, стр. 135.
[3] Бутков, ч. II, стр. 307.
Ср. Роузат-ас-сафа, указ. изд., т. IX, стр. 88.
[4] Бутков, ч. II, стр. 314.

«...повелеваем всех доброжелательных нам ханов обнадежить высочайшим нашим покровительством, объявить им, что по мере усердия их к престолу нашему излиется на них и наша императорская милость в изъявление же преданности истребовать, чтобы они прислали к двору нашему, из первейших своих чиновников, с прошением о принятии их под державу ли или покровительство империи»[1].

В апреле следующего, 1793 г. Екатерина II дает еще один рескрипт по этому же вопросу. В нем писалось:

«...что касается до народов прилеглых к берегам Каспийского моря, желающих вступить в вечное подданство России, нималого не настанет сомнения в принятии их, тем более что Персия, раздираемая ныне внутренними мятежами и не имеющая ни государя, ни правителя, не может вопреки тому ничего предпринять, а если бы кто из мятежных ханов и похотел противопоставить какие-либо препоны, не многие востребуются способы отразить подобное покушение и посредством нашей на Каспийском море эскадры обуздать всякого, кто в той стороне осмелится оказать себя врагом нашим»[2].

Здесь содержится уже прямая угроза в отношении ханов, которые не пожелали бы вступить в подданство России. Российское правительство активизировало свою политику и начало прямое наступление. Еще [162 - 163] с 1785 г. были предприняты меры к увеличению на Каспии русского флота, а также к строительству в Астрахани верфи.

Ага-Мухаммед-хан со своей стороны отправлял к ханам северного Азербайджана своих посланцев; они привозили его бумаги, в которых были изложены требования о подчинении и признании его верховной власти. В требованиях этих были и угрозы.

Выше было отмечено, что еще в 1791 г. Ага-Мухаммед-хан привел к повиновению ханов южного Азербайджана. В 1794 г. Ага-Мухаммед-хан принял титул шаха, в этом нашли себе также выражение его притязания на власть во всем Азербайджане, потому что согласно установившейся в Иране традиции шах обязательно должен был быть верховным властителем всего Азербайджана, Армении и Грузии.

В мае и июне 1795 г. требования о подчинении были повторены. Ага-Мухаммед-шах требовал аманатов, угрожал разорением и смертью.

Обстановка сложилась так, что и с севера и с юга на самостоятельность ханов покушались крупные государства: Россия и Иран. Турция в данный момент, по окончании изнурительной и сопряженной с большими для нее потерями войны с Россией, не могла активно вмешаться в дела восточного Закавказья и поэтому только сносилась с некоторыми из ханов, в особенности с Ибрагим-ханом карабахским, поддерживая в нем намерение противостоять Ага-Мухаммед-хану.

В этих условиях уже в 1792 г. кубинско-дербентский Шейх-али-хан, бакинский Хусейн-кули-хан[3], талышинский Мир-Мустафа-хан, гилянский и мазандеранский Муртаза-кули-хан обращались в Георгиевск к генералу Гудовичу с просьбой отправить их послов в Петербург для представления прошений о принятии их в подданство Российской империи[4].

В августе 1793 г. в Государственном Совете читали рапорт ген. Гудовича от июля того же года, в котором сообщалось следующее:

«Присланный от дербентского Ших Али-хана с полной доверенностью первейший чиновник его Мирза-Хасан учинил Е. И. В. именем хана своего полную подданическую присягу, равно как прежде Шамхал Тарковский»[5].

Оформление вступления в подданство бакинского Хусейн-кули хана затягивалось; однако, в марте 1795 г. в Государственном Совете читалось донесение Гудовича, в котором он «извещал о прибывшем к нему посланце (упомянутом в протоколе совета от 21-го февраля 1793 г.) бакинского Хусейн-кули-хана с полной доверенностью от сего хана и жителей города Баки вступить в вечное подданство Е. И. В. »[6].

Следует отметить, что оформление начатых дел закончено не было.

[1] Цитир. по Буткову, ч. II, стр. 286, 287.
[2] Там же, ч. II, стр. 287.
[3] Бутков, ч. II, стр.293, 294.
[4] Архив Государственного Совета, т. 1, ч. 2, СПБ, 1869 г.,стр.790, 793, 795.
[5] Там же, стр. 796.
[6] Там же, стр. 797.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ХАНСТВ ПЕРЕД НАШЕСТВИЕМ АГА-МУХАММЕД-ШАХА

Российское правительство старалось об'единить в приверженности к себе ханов северного Азербайджана, дабы они соединенными усилиями могли противостоять Ага-Мухаммед-шаху в том случае, если он покусится на их владения[1]. [163 - 164] уничтожил сильнейшего из своих противников Лютф-али-хана ширазского. Далее, он сообщал «о намерении Ага Мамеда с одной стороны напасть сзади на Ереван, а с другой - идти на Муганскую степь при реке Куре, где шахи персидские в прежние, времена обыкновенно принимали достоинство шахское, простирая действия свои противу ханов Шемахинского, Шекинского, Шушинского и Талышинского, а потом через Карабах на Грузию...»[2].

Государственный Совет, которому было передано донесение генерала Гудовича, имел следующие суждения:

1) «...стараться всех поддавшихся Е. И. В. и приверженных к России владетелей тамошних содержать в единомыслии и благонамеренности, дабы они согласно и столь удачнее властолюбивым замыслам Ага-Мамет-хана противустоять могли и не поддавались бы отнюдь на приласкивания и чинимые от него иногда обещания; 2) что к лучшему достижению сей цели можно удовлетворить желанию талышинского Мустафы-хана принятием его в вечное подданство Е. И. В.; 3) что может генерал Гудович, поощряя сего хана и прочих вышеозначенных властителей на общий подвиг, преподавать им полезные советы и обнадеживать в высочайшем Е. И. В. покровительстве и милости, а вследствие того (буде действительная надобность настоять будет) снабжать артиллериею и другими военными припасами, или же силою подкреплять царя Ираклия и других ханов, употребляя к тому войска, под начальством его, генерала Гудовича, находящиеся, по благоусмотрению его, сколько возможно будет, не оставляя без бдительного наблюдения и края, туркам принадлежащего»[3].

Взгляды и мнения екатерининского правительства в отношении Азербайджана и Грузии, нашли себе совершенно определенное и ясное выражение. Русское правительство заявило о том, что области, прилежащие к Каспийскому морю, а равно и Грузия находятся под его покровительством. Оно предупреждало, что посягательство на них будет рассматривать как действия, направленные против России.

П. . Бутков по этому вопросу сообщает следующее: «Двор российский согласен был и желал дать (знать) ему (Ага-Мухаммед-шаху – *В. Л.*) стороною, что ежели Ага-Магомет-хан хочет достигнуть признания его в шахском достоинстве, то надобно, во-первых, чтоб он прекратил свои предприятия на области к Каспийскому морю прилежащие, и на владетелей скипетру российскому подвластных, именуя тут точно, во-первых, царя карталинского, а потом Шамхала, Усмия, ханов дербентского, бакинского, талышского, также шушинского и других в Азербайджане находящихся»[4].

Это весьма ценное свидетельство; оно показывает, что уже в 1795 году у российского правительства была программа присоединения к России Грузии и Азербайджана, включая также южный Азербайджан. Большинство азербайджанских ханов склонялось к вступлению в подданство России, они учитывали наличную обстановку и через вступление п подданство предполагали найти защиту своим владениям, обеспечение ханств от разорений, грабежа и разрухи, которые обычно были следствием иранских или турецких завоеваний. Но эти же ханы колебались и медлили со вступлением в подданство императрицы [164 - 165] Екатерины II, так как не были уверены в том, что за ними будет сохранена полная власть во внутреннем управлении. Наконец, они небыли уверены также и в том, что российское правительство в будущем вообще оставит их у власти.

Правительство Екатерины II в проекты договоров о вступлении в подданство ханств Азербайджана, по примеру договора, заключенного с Грузией, предполагало внести пункты, обеспечивающие наследственность ханской власти, её полноту во внутреннем управлении, гарантии сохранения внутренних распорядков и обычаев. Однако ханы относились к этим предположениям недоверчиво и, видимо, считали, что изменение обстановки и всякие случаи могут дать повод к уничтожению ханской власти, а этого они боялись больше всего. Поэтому политика одних ханов в отношении России, так же как других в отношении Ирана, была неустойчивой, колеблющейся.

Не ошибаясь можно утверждать, что речь шла о присоединении ханств Азербайджана к России. Именно этим обстоятельством и об'ясняется неуверенность ханов.

Хотя не обнаружено документов, освещающих для 1795 г. отношение народных масс Азербайджана к вопросу присоединения, однако, из действий ханов видно, что они не были связанными

[1] Российское правительство не признавало за Ага-Мухаммед-шахом шахского достоинства. В официальных документах его именовали ханом.
[2] Архив Госуд. Совета, т. 1, ч. 2, СПБ, 1869 г., стр. 797, 798.
[3] Архив Государственного Совета, т. 1, ч. 2, СПБ, 1869, стр. 798.
[4] Бутков, ч. II, стр. 331.

с этой стороны. Население не относилось к России враждебно. Горожане хорошо были знакомы с русскими купцами, большое число которых проживало в Шемахе, Низовой, Баку, Дербенте, на рыбных промыслах в нижнем течении р. Куры. От времени петровской оккупации прикаспийских областей, сколько нам известно, не осталось дурных воспоминаний, наоборот, тогда было облегчено положение крестьян тем, что отчасти было уменьшено количество налогов и упорядочено их взимание.

Однако, выраженная российским правительством программа в 1795 г. не была приведена в исполнение. Ага-Мухаммед-шах предпринял поход в Карабах и Грузию. Россия же в это время; оставалась как бы наблюдателем, лишь в 1796 г. был предпринят ответный поход русских войск под командой Валериана Зубова.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ ПЕРЕД НАШЕСТВИЕМ АГА-МУХАММЕД-ШАХА

Ага-Мухаммед-шах знал, что Ибрагим-хана карабахского и царя Грузии Ираклия нельзя угрозами заставить подчиниться. Между Ибрагим-ханом и Ираклием был союз и, конечно, можно было ожидать, что они будут выступать соединенными силами. Ираклий уже отправил к Ибрагим-хану грузинский отряд под командой царевича Александра.

Однако, Ага-Мухаммед-шах знал также, что между азербайджанскими ханами не существует единства и договоренности о совместной защите. Междоусобия поставили их во враждебные отношения друг к другу. Они даже в такую тяжелую минуту, когда им угрожала опасность завоевания и жестокого разорения, не нашли способов соединить силы.

Ганджинский Джават-хан опасался союза Ираклия II и карабахского Ибрагим-хана. Этот союз угрожал его власти в Гандже. Между Ибрагим-ханом и Ираклием существовала договоренность о разделе ганджинского ханства. Джават-хан склонился на сторону Ага-Мухаммед-шаха, дабы с его помощью сохранить за собой власть в Гандже. Его властолюбие было столь велико, что он без больших колебании перешел на сторону иноземного завоевателя, врага закавказских народов. [165 - 166]

Мухаммед-хасан-хан шекинский, полагая, что Ага-Мухаммед-шах одержит верх и опасаясь за свою судьбу, тоже склонялся на сторону врага.

Шейх-али-хан дербентский, испытывая давление со стороны России и считая, что угроза с севера опасна его власти более, чем находящийся на юге в некотором отдалении от него Ага-Мухаммед-шах, также склонялся на сторону последнего. Принять эту ориентацию Шейх-али-хану было тем легче, что Ага-Мухаммед-шах через послов своих обещал назначить его управителем всего Ширвана в том случае, если он окажет ему повиновение[1].

В то же время Шейх-али-хан был занят военными действиями против неповиновавшегося ему бакинского хана.

Бакинский Хусейн-куляи-хан, несмотря на то, что просил принятия в подданство России, колебался и готов был при случае перейти на сторону Ага-Мухаммед-шаха, но все же более склонялся в сторону России, так как рассчитывал, что вступлением в подданство России он обезопасит себя от Шейх-али-хана, непрестанно посягавшего на бакинское ханство. Бакинские жители попрежнему были склонны к вступлению в подданство России[2].

Ханы шемахинский, карабахский и талышинский были явными противниками Ага-Мухаммед-шаха. Ибрагим-хан искал помощи царя Ираклия и России. Мир-Мустафа-хан тальшшнский также просил о помощи России[3]. Вблизи его владений, на о. Саре, стоял отряд русских войск и военные суда, назначение которых состояло в защите интересов русских купцов, торговавших в Гиляне и Мазандеране, а также в защите прибрежной полосы Каспийского моря от войск Ага-Мухаммед-шаха[4]. Но даже владетели, враждебные Ага-Мухаммед-шаху, не об'единили своих войск и усилий против него. В то же время шамхал тарковский и ханы аварский, дербентский, ширванский, шушинский отправили посланцев в Константинополь в надежде получить помощь Турции против Ага-Мухаммед-шаха. Но эти попытки успеха не имели[5].

Ага-Мухаммед-шах продолжал готовиться к нападению на Карабах и Грузию, но, не теряя надежды склонить к подчинению Ибрагим-хана карабахского, отправил к нему посланника с требованием отдать в заложники сына. Ибрагим-хан ответил решительным отказом и послал своему союзнику царю Ираклию значительную сумму денег на содержание войска[6]. Тогда Ага-Мухаммед-шах для начала отправил в сторону Карабаха и Еревана четырехтысячный отряд. Этот отряд прошел через араксинскую низменность и стал входить в горы Малого Кавказа, но здесь в ущелье был встречен и разбит войсками Ибрагим-хана и грузинского царевича Александра.

Примерно, в это же время Ага-Мухаммед-шах отправил из Гиляна небольшой отряд для разорения владений талышинского хана. Этот отряд грабил селения и вырубал насаждения шелковичных деревьев. Одновременно Ага-Мухаммед-шах из Энзели и Мазандерана морем в Талыш отправил шестьдесят киржимов с войском, но они не были допущены к берегу, российский фрегат преградил им дорогу и принудил [166 - 167] их возвратиться. В то время как иранцы опустошали Талыш, многие беки и даже родственники самого хана изменили ему и перешли на сторону врага, поэтому Мир-Мустафа-хан должен был бежать на остров Сару под укрытие российских войск. Однако

---

[1] Н. Дубровин, История войн и владычества русских на Кавказе, т. III, стр. 19. Изд. СПБ, 1886.
[2] Бутков, ч. II, стр. 295.
[3] Бутков, ч. II, стр. 333, ч. III, стр. 250.
[4] Н. Дубровин, указ. соч., т. III, стр. 21.
[5] Бутков, ч. II, стр. 298, 392.
[6] Бутков. ч. III, стр. 251.

беки, изменившие талышинскому хану, не нашли того, что они искали, никаких благ из своего поступка они не извлекли. Ага-Мухаммед-шах, не веря им, приказал их всех умертвить.

Таковы были первые шаги Ага-Мухаммед-шаха, которые он предпринял, очевидно, с целью разведки, надеясь также и на то, что они случайно могут принести значительный успех. В то же время он вновь отправил своих посланцев в Ширван, Шеки и Дагестан с требованиями о том, чтобы все правители этих земель оказали ему как шаху Ирана безусловную покорность[1]. Но так как его противники Ибрагим-хан карабахский, Ираклий и Мир-Мустафа-хан талышинский и Мустафа-хан ширванский не предпринимали никаких шагов, которые показывали бы, что они желают подчиниться, Ага-Мухаммед-шах стал собирать большое войско, намереваясь вторгнуться с ним в Карабах, а через него пройти и в Грузию.

Но несмотря на то, что грозные тучи уже закрывали весь горизонт на юге и северо-азербайджанские ханы знали о приближавшейся беде, они не оставили взаимных неудовольствий и мелких расчетов и продолжали междоусобия. Шейх-али-хан дербентский и Мухаммед-хасан-хан шекинский, враждуя с Мустафа-ханом шемахинским, приняли сторону одного из претендентов (Касим-хана) на ширванский престол, с войсками подошли к Шемахе и стали осаждать ее. Осада длилась 25 дней; наконец, шемахинцы, томимые жаждой, предприняли решительную вылазку и обратили осаждавших в бегство[2].

[1] Бутков, ч. III, стр. 251.
[2] Бутков, ч. II, стр. 297, ч. Ш, стр. 253, 254.

НАШЕСТВИЕ АГА-МУХАММЕД-ШАХА И ОБОРОНА ШУШИ

К лету 1795 г. Ага-Мухаммед-шах собрал огромную армию, насчитывавшую, по мнению современников, около восьмидесяти или восьмидесяти пяти тысяч человек. Оставив некоторую часть войск в южном Азербайджане, Ага Мухаммед-шах подошел к Араксу и переправился через него по Худаферинскому мосту, который хотя и был людьми Ибрагим-хана карабахского уже за несколько времени перед этими событиями разрушен, но по приказанию Ага-Мухаммед-шаха был вновь восстановлен[3]. В то время, когда Ага-Мухаммед-шах переправился на левый берег Аракса, его брат Али-кули-хан, посланный к Еревану, подчинил этот город[4].

Войска Ага-Мухаммед-шаха продвигались к Шуше. Жители низменных мест, узнав о вторжении врага, забрав с собой сколько возможно было имущества, оставляли селения и массами уходили.

Мирза-Адигезаль-бек сообщает, что по указаниям Ибрагим-хана некоторых из них взяли для службы внутри крепости Шуши, часть укрепилась в труднодоступных горных местах Карабаха, часть ушла в Грузию и Ширван[5].

Шушинская крепость стояла на высокой обрывистой горе, к ней [167 - 168] вела лишь одна узкая тропа. Стены крепости были массивны. Ибрагим-хан, призвав население Карабаха - и азербайджанцев и армян - подняться против врага, принимал меры по устройству крепостной артиллерии и усилению отрядов всадников, собранных в крепости[6]. Он имел твердое намерение защищать Шушу до последней возможности. В этом намерении Ибрагим-хана поддерживал его везирь Вагиф.

В конце июня войска Ага-Мухаммед-шаха достигли Шуши и обложили ее. Они готовились, повидимому, к длительной осаде, окопались рвом[7] и устроили редуты на флангах, чем хотели обезопасить себя от нападения карабахцев. Но для осады Шуши у Ага-Мухаммед-шаха не было соответствующего технического снаряжения. Войско его состояло главным образом из кавалерии, которую при осаде крепости нельзя было эффективно использовать. Большинство сарбазов его было вооружено устаревшими фитильными ружьями. Артиллерией командовали французские офицеры, но вследствие малого калибра орудий действия ее не могли дать существенных результатов при осаде крепости.

Генерал-лейтенант российской службы С. Кишмишев, занимавшийся в восьмидесятых годах прошлого столетия историей Надир-шаха, живя в Тбилиси, разыскал некоторых стариков - очевидцев похода Ага-Мухаммед-шаха и расспросил их о событиях того времени, поэтому сообщаемые им сведения в этих частях имеют как бы характер первоисточника. Об интересующих нас событиях он пишет: «… владетель Карабаха (т. е. Ибрагим-хан – *В. Л.*) не ограничился одною обороною крепости, а принял все меры к тому, чтобы вообще нанести противнику чувствительный удар. Будучи убежден, что ненависть его к тирану разделяют и его подданные, он об'явил народную войну, с помощью которой и мог только изгнать персиян из своих владений. На зов любимого хана поднялось все население и организованные местными беками ополчения вскоре сделались грозою для тыльных сообщений Ага-Магомета»[1].

Ряд положений этого свидетельства необходимо подчеркнуть. Во-первых, здесь отмечается не только твердость духа Ибрагим-хана, но и его умение организовать борьбу против врага.

Во-вторых, очень важно отметить отношение народной массы к иноземному врагу: карабахцы - будь то азербайджанцы или армяне - ненавидели врага и по призыву хана поднялись на войну.
Эти ополченские отряды карабахцев сыграли огромную роль, они пресекли коммуникации войск Ага-Мухаммед-шаха, подрывали снабжение армии и внезапными нападениями причиняли значительные потери в людях. Риза-кули-хан, автор последних томов Роузат-ас-сафа, писал, что всадники Карабаха полетели как орлы на охоту и так поражали к аджарских воинов, что последние подобно умирающем птицам бились в судорогах, а некоторые от страха себе на голову надели чадру.

Мирза-Адигезаль-бек тоже отметил, что войска Ага-Мухаммед-шаха «повреждались» от мужественных набегов и геройских ударов счастливых войск Карабаха[2]. Эти отряды дважды одержали крупные победы. В первый раз они отбили шедшие от худаферинской переправы транспорты противника с рисом, маслом, пшеницей и пр., во второй [168 - 169] раз они отогнали иранские табуны, находившиеся в окрестностях Ковахана, - это лишило Ага-Мухаммед-шаха перевозочных средств для

---

[3] Роузат-ас-сафа, указ. изд., т. IX. стр. 108.
[4] Мирза-Адигезаль-бек, указ. рук., стр. 27.
[5] Там же, стр. 28.
[6] Мирза-Адигезаль-бек, указ. рук., стр. 28.
[7] Роузат-ас-сафа, указ. изд., т. IX, стр. 109.
[1] С. О. Кишмишев „Походы Надир-шаха в Герат, Кандагар, Индию и события в Персии после его смерти". Тифлис, 1889, стр. 255.
[2] Роузат-ас-сафа, указ изд., т. IX, стр. 109. Ср. Мирза-Адигезаль-бек, указ. рук., стр. 30.

его армии. Азербайджанский историк Джемаль Джеваншир Карабаги сообщает, что часть отбитых животных была пригнана в Шушу, вследствие этого цены на скот в городе чрезвычайно понизились: верблюда можно было купить за 6 руб., мула за 2 руб., хорошую лошадь за 10 рублей[3].

Крепость находилась в осаде. Ага-Мухаммед-шах применял хитрости для того, чтобы выманить из крепости Ибрагим-хана, но последний не поддавался на уловки. Его войска делали лишь неожиданные для неприятеля вылазки.

Ага-Мухаммед-шах предпринял несколько штурмов крепости, но они были отбиты[4]. Красочную картину того, как шушинцы защищали крепость, оставил один из современников. Ниже приводим описание нескольких эпизодов из этих событий:

«На восходе солнца пришли известия в город о том, что город окружен. Все (жители гор. Шуши), отвергнув от себя страх, яростно, как огонь, вооружились. Мужчины, оставив жен своих и дома, с ружьем и мечом ринулись к восточной стороне города, которая была защищена искусственной и слабой стеной. А женщины, не вытерпев, оставили дома свое хозяйство и детей. Они стремительно направились к вершине скалы и от горы той стали откалывать громадные камни. Эти камни они сбрасывали на вражеское войско. Камни катились, и каждый из них умерщвлял двадцать или тридцать иранцев.

Считая это недостаточным, эти храбрые женщины надумали другим способом, нанести врагам еще более сильные удары. Где-то поблизости были сложены бревна. Как львицы, набросились они на них. Превозмогая женскую слабость, толкая, перекатывали они эти бревна. Скатываясь по склону горы, эти бревна раздавливали и расшибали по сорок или пятьдесят человек из многочисленного вражеского войска...

И когда они (враги) не смогли причинить городу вреда, были побеждены храбрыми женщинами и многих из рядов своего войска потеряли, они убежали оттуда и все собрались вместе на вершине Довталаба к своему военачальнику шахзаде Сулейману. То место, где они собрались, было против пятнадцати крепостных башен города в расстоянии пушечного выстрела. Когда Ибрагим-хан увидел, что они собираются вместе, приказал, чтобы в тот день с утра и до полудня не стреляли ни из пушек, ни из ружей, ни с башен ни с крепостных стен. Напротив, чтобы ждали пока все иранское войско соберется в одном месте.

А в 6 час дня когда все войско собралось на вершине Довталаба. со всех стен стали беспрерывно стрелять из тридцати пушек в течение часа. Бесчисленное множество их (вражеских воинов) рассеялось по долинам и горным ущельям. Когда Хасан-кули-хан. полководец крепостей Аскеранских услышал, что иранское войско понесло поражение, взяв все свое войско; стал преследовать их по следам и, избивая их, гнал до реки Аракса»[1]

Это простой и бесхитростный рассказ очевидца событий. Местами [169 - 170] рассказ даже примитивен, есть и преувеличения (гнали до Аракса) но автор наблюдателен и отмечает важные, решающие стороны событий.

Очень важно, что все жители Шуши поднялись на защиту города. Нет известий о разногласиях или раздорах между жителями. Ни религиозные, ни этнические различия не помешали им сплотиться под властью Ибрагим-хана для обороны города. Отражая врага, шушинцы проявили смелость и находчивость. Женщины Шуши проявили подлинный героизм. Ибрагим-хан оказался достойным руководителем обороны.

Ага-Мухаммед-шах, видя, что ни штурмами, ни осадой ему не удается взять крепости, повел переговоры. Но Ибрагим-хан, зная его вероломство, хитрость и жестокость, не соглашался ни на какие условия. В ответ на предложение о сдаче крепости он предпринял ночную вылазку. Пользуясь плохой постановкой караульной службы в иранском войске, шушинцы, внезапно обрушились на передовые части иранской армии, стоявшие на склоне горы, опрокинули их и гнали далеко вниз до ханских садов. В следующую вылазку ободренные успехом шушинцы ворвались в окопы, окружавшие лагерь противника; один из отрядов, руководимый меликом Шахназаровым, разрушил иранский редут.

Царь Ираклий II, внимательно следивший за всем, что происходило вокруг Шуши, 27 августа 1795 года в письме к своему посланнику кн. Г. Чавчавадзе, находившемуся в то время на Кавказской линии у ген. Гудовича, дал следующую оценку партизанской борьбы карабахцев против войска Ага-Мухаммед-шаха. «Ага-Мухаммед-хан более месяца окружал шушинскую крепость, но тамошний народ

---

[3] Джемаль Джеваншир Карабаги „Политическое существование Карабаха" от 1747 по 1805 г.- Перев. А. Берже (газ. „Кавказ" за 1855 г., № 67).

[4] Роузат-ас-сафа, указ изд., т. IX, стр. 110. изд.,т. IX, стр. 110.

[1] Захарянц Яков. История Арцаха, написанная в 1853 г. Перевод Т. И. Тер-Григорьяна, рукопись Ин-та истории АН Азерб. ССР, научн. арх. № 924.

весьма беспокоил его перехватыванием людей его и похищением скота, и при том причинил ему немалый урон. По сим-то обстоятельствам не мог он вступить в сражение с нами»[2].

Осада крепости длилась 33 дня. Наконец, Ага-Мухаммед-шах убедился в том, что в короткий срок взять крепость он не сможет[3]. Было уже начало августа 1795 г., ему предстояло еще идти в Грузию. Надо было торопиться, потому что к Ираклию могла подоспеть помощь. Если бы русские войска прошли через Дарьялъское ущелье, его намерения о подчинении Грузии пришлось бы оставить. Но Ага-Мухаммед-шах не хотел также оставлять в своем тылу шушинскую крепость и Ибрагим-хана.

---

[2] „Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся до Грузии", т. II, вып. II, с 1769 по 1801, г., под ред. Цагарели, СПБ, 1902, д. № 73. стр. 93.

[3] Роузат-ас-сафа, указ. изд., т. IX, стр. 110.

ПОХОД АГА-МУХАММЕД-ШАХА НА ТБИЛИСИ

Во время осады крепости Шуши Джават-хан ганджинский, перешедший на сторону врага, находился в лагере Ага-Мухаммед-шаха.

Джават-хан был человеком твердого характера, решительным и смелым. Будучи связан родством скаджарами, он являлся ярым сторонником иранской ориентации. Один из современников Джават-хана в 1800 г. дал о нем следующий отзыв: «Джават-хан от роду лет под пятьдесят, поколения Каджар, человек острый, коварный и славящийся политикою своею, а также и даром слова»[4].

Стремясь укрепить себя во владении Ганджой, он всячески содействовал намерениям Ага-Мухаммед-шаха и помогал ему в снабжении [170 - 171] войск провиантом. Этот изменник убеждал Ага-Мухаммед-шаха бросить осаду Шуши и идти поскорее к Тбилиси. Он указывал, как сообщает Мирза-Адигезаль-бек, на то, что если Ага-Мухаммед-шах вернется в Иран с пустыми руками, не достигши своих целей, население Ирана станет дерзким и проявит самовольство[5].

Настойчивые советы приближенных склонили Ага-Мухаммед-шаха к тому, чтобы итти к Тбилиси. Ага-Мухаммед-шах, писал Мирза-Адигезаль бек, убедился в том, что лучше уйти от половины вреда и увести войска из этого опасного и полного горя места, что в этом ключ к сокровищнице спасения[1].

Но прежде нужно было обеспечить провиантом войско, найти перевозочные средства для обозов, пополнить убыль в людях. Войска Ага-Мухаммед-шаха перешли в Агдам. Сюда Джават-хан ганджинский и Мухаммед-хасан-хан шекинский привели свои отряды, которыми пополнили иранские поиска. Эти же ханы доставляли продовольствие и перевозочные средства. Старые враги Ибрагим-хана, мелики Меджлум и Абов, изменили царю Ираклию и России, они перешли на сторону Ага-Мухаммед-шаха[2] и взялись проводить иранские войска к Тбилиси. Они хорошо знали край и дороги, чем оказали Ага-Мухаммед-шаху значительную помощь.

Описанные события еще раз убеждают в том, что не национальные убеждения руководили поступками владетелей, этих побуждений в ту пору не могло и быть. Как в одном, так и в другом лагере были различные народности. На стороне Ага-Мухаммед-шаха были некоторые азербайджанцы, армяне и грузины. На стороне противников, врагов Ага-Мухаммед-шаха, были народные массы Карабаха, т. е. азербайджанцы и армяне, а также грузины. Разделение шло по линии политической. К Ага-Мухаммед-шаху примкнули изменившие родине искатели личного благополучия. Народная масса и достойные правители подняли оружие на вторгшегося в их страну врага.

В 20-х числах войска Ага-Мухаммед-шаха выступили из Агдама по направлению к Гандже. Сильная жара препятствовала быстрому передвижению. Мелики Меджлум и Абов шли во главе войска в качестве проводников. К первым числам сентября войска вступили в Ганджу. Здесь Ага-Мухаммед-шах ожидал джарцев. Джават-хан приглашал их на службу к Ага-Мухаммед-шаху, обещая им большое денежное вознаграждение[3], но джарцы отказались, среди них не нашлось охотников служить Ага-Мухаммед-шаху.

4-го сентября войска Ага-Мухаммед-шаха быстрым маршем двинулись через Казах. Ага-Мухаммед-шах старался предупредить грузинского царевича Александра и помешать ему навербовать казахскую и шамшадильскую конницу. Конные отряды казахцев и шамшадильцев считались прекрасным боевым материалом. Своим бесстрашием и решительностью они заслужили себе широкую известность. Чтобы повлиять на казахцев и шамшадильцев, Ага-Мухаммед-шах начал разжигать религиозную нетерпимость. В его обращении к ним говорилось, что они, как мусульмане, должны примкнуть к своим единоверцам для того, чтобы уничтожить силу христиан. Эта уловка Ага-Мухаммед-шаха оказалась действенной: казахцы и шамшадильцы, воспламененные религиозным фанатизмом, перешли на его сторону. Впоследствии они убедились, что Ага-Мухаммед-шах обманул их. [171 - 172]

К 10-му сентября войска Ага-Мухаммед-шаха находились уже вблизи Тбилиси, Ираклий II не смог приготовиться к обороне города. Ряд причин помешал этому. В числе этих причин не малую роль сыграли интриги в царской семье, вражда между царевичами, сыновьями Ираклия II, козни царицы Дарьи, злостные провокации, сеявшие панику и смуту, отсутствие должной дисциплины и подчинения царевичей отцу, своевольство некоторых моуравов и азнауров. В результате Ираклий имел весьма немногочисленное войско. В сравнении с силами Ага-Мухаммед-шаха это была горсточка храбрецов. Этими силами Ираклий в течение целого дня от утра до вечера вел бой с врагом. Грузинским войском

---

[4] Записки С. С. Коваленского о Грузии (А. К. А. К. , т, 1, д. № 34, стр. 120).
[5] Мирза Адигезаль-бек, указ. рукоп., стр. 30.
[1] Там же, стр. 30.
[2] Роузат-ас-сафа, указ изд., т. IX, стр. 110.
[3] Н. Дубровин, указ соч., т. III, стр. 35.

было проявлено много мужества самоотверженности, подлинного героизма. Однако отстоять Тбилиси не,удалось.

12 сентября враг ворвался в город. Иранские войска грабили население, разрушали город, жгли его, убивали мирных жителей, насиловали женщин, захватывали жителей в плен и как рабов распродавали их на рынке. Около половины жителей города было убито или угнано в плен[4]. Такова была расправа иранских войск с мирным населением Тбилиси.

Ага-Мухаммед-шах не мог долгое время оставаться в Тбилиси. Войска его не были обеспечены снабжением, он опасался российских войск, которые могли пройти с Северного Кавказа через Дарьяльское ущелье в Грузию. Тыл его также не был обеспечен, так как там находился Ибрагим-хан. Ввиду этого после восьми дней неистовств и грабежа Ага-Мухаммед-шах оставил Тбилиси и снова двинулся в Ганджу[5].

[4] Бутков, ч. II, стр. 339, 340, ч. Ш, стр. 260.
[5] Грамоты и т. д., т. II, в. 2, стр. XXVI, ред. Цагарели.

АГА МУХАММЕД-ШАХ НА МУГАНИ. ЭКСПЕДИЦИЯ В ШИРВАН. ВСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК В ТБИЛИСИ

К ноябрю войска Ага-Мухаммед-шаха сосредоточились для зимовки на Мугани, которая могла обеспечить в зимнее время кормами многочисленных лошадей его кавалерии. Отсюда, с Мугани, Ага-Мухаммед-шах отправил под начальством Сулейман-хана отряд для покорения Шемахи. Этот отряд сопровождал Мухаммед-хасан-хан шекинский[1].

Шемахой и Ширваном в то время правил Мустафа-хан. Это был человек, испытавший в жизни немало опасностей. Он прекрасно знал хитрости и вероломство феодальной политики, умный и дальновидный, он был чрезвычайно осторожен в своих действиях. Весьма живую и об'ективную характеристику Мустафа-хана находим у российского министра при царе Ираклие II статского советника Коваленского, который в 1800 году писал: «Мустафа-хан, человек средних лет, бодр, храбр, неутомим, правосуден, чужд любостяжания и потому, конечно, любим подвластными. По странностям же своим, делающим ему более чести, нежели бесславия, считается у многих как бы несовершенного ума, потому токмо, что убегает или ненавидит всякую пышность, великолепие, этикет, даже до того, что носит разодранное платье и живет в шалаше и питается пищею грубою, тогда как не токмо не запрещает, но позволяет все противное своим чиновникам и окружающим»[2]. [172 - 173]

Этот своеобразный человек был решительным врагом власти Ирана в ханствах Азербайджана. Узнав о намерениях Ага-Мухаммед-шаха в отношении Ширвана, Мустафа-хан, заблаговременно забрав свои ценности, укрепился к северу от Шемахи на недоступной горе Фит-даг[3]. Ценные сведения о приготовлениях Мустафы-хана ширванского к борьбе против Ага-Мухаммед-шаха оставил путешественник Биберштейн, который побывал в Ширване через два года после описываемых событий. Биберштейн писал:

«Мустафа отнюдь не подчинился узурпатору Ага-Магомету. Однако, он не осмелился ждать его в своей столице, и, укрываясь в горах со своими приверженцами, он оставался там до февраля 1796 г., времени, когда Ага-Магомет удалился из этих окрестностей. Мустафа уничтожил до своего отступления дома тех своих подданных, которые отказывались последовать за ним»[4].

Население покинуло Шемаху, и иранским войскам пришлось удовольствоваться тем, что они заняли опустевший город. города Баку Ага-Мухаммед-шах получил большую сумму деньгами и вещами в виде откупа[5].

В то время, как Мухаммед-хасан-хан шекинский услуживал Сулейман-хану, находившемуся в шемахинских владениях, он потерял власть в шекинском ханстве. Произошло это так. В декабре 1795 г. брат Мухаммед-хасан-хана шекинского, Селим, вышел из джарской области с отрядом джарцев и вступил в область Шеки[6]. Шекинские жители, очевидно, так же как и остальная народная масса Азербайджана, были враждебны Ага-Мухаммед-шаху, поэтому они не замедлили перейти на сторону Селима. В происшедшем сражении Мухаммед-хасан-хан был разбит, вернулся в Нуху, но, не находя возможностей для сопротивления Селиму, бежал в сел. Теркеш Хачмасского магала, где стоял один из иранских военачальников Мустафа-хан Девели.

После того, как Мухаммед-хасан-хан потерял власть, он в глазах Ага-Мухаммед-шаха утратил значительную часть своей цены. Ведь он ему нужен был только как некоторая величина, способствовавшая утверждению власти Ирана. Более того, Ага-Мухаммед-шах считал, что Мухаммед-хасан-хан провинился перед ним, так как не выполнил того, чего от него ожидали. Под влиянием враждебных Мухаммед-хасан-хану лиц Ага-Мухаммед-шах заподозрил шекинского хана в измене. Настал час, когда Мухаммед-хасан-хан должен был получить благодарность за свою службу. Он цеплялся за свое личное благополучие, не решался выступить против Ага-Мухаммед-шаха; против воли народной массы, изменив ей, он пошел служить Ага-Мухаммед-шаху и вот, наконец, пришло возмездие за его деяния. Сардар Мустафа-хан Девели получил от Ага-Мухаммед-шаха повеление, которым предписывалось выколоть глаза Мухаммед-хасан-хану и отправить его в Тебриз. Повеление было в точности исполнено. Мухаммед-хасан-хан был ослеплен[7]. [173 - 174]

---

[1] Роузат-ас-сафа, указ изд., т. IX, стр. 112.
Ср. Бутков, ч. II, стр. 347, ч. Ш, стр. 265.

[2] Записка С. С. Ковалевского о Грузии (А. К. А. К. , т. 1. д. № 34, стр. 121).

[3] Роузат-ас-сафа, укал изд., т. IX, стр. 112.

[4]. Биберштейн Маршалль фон. Описание провинций, расположенных на левом берегу Каспийского моря, между реками Терек и Кура, гл. „Шемахинское ханство”, § 21. Перевод С. Саламовой. Научный арх. Ин-та истории АН Азерб. ССР, № 466.

[5] Роузат-ас-сафа, указ изд., т. IX, стр. 110.
Ср. Бутков, ч. II, стр. 347, ч. Ш, стр. 266, 267.

[6] Роузат-ас-сафа, указ изд., т. IX, стр. 112.

[7] Грамоты и др. истор. док., т. II, в. 2, стр. 118, д. № 96, т. II, в. 2, стр. 115, д. № 93.
Ср. А. Бакиханов, указ соч., стр. 143, 144.
Ср. Абдул-Лятиф-Эфенди, указ гоч., стр. 11 12.

Селим-хан, закрепляя свое завоевание, умертвил семерых сыновей Мухаммед-хасан-хана, ибо они являлись возможными претендентами на шекинский ханский престол. Готовясь к борьбе против Ага-Мухаммед-шаха, он перенес свою резиденцию в труднодоступную и сильно укрепленную крепость Гелесен ве гересен[1].

Ага-Мухаммед-шах требовал от ханов Азербайджана и дагестанских владетелей выражения безусловной покорности. После занятия Шемахи по приказанию Ага-Мухаммед-шаха к упомянутым выше правителям был разослан фирман следующего содержания:

«Высочайшего повелителя Персии фирман в том состоит, дабы известно и ведомо вам было, что удостоился уже я быть в Персии шахом; азербайджанские же ханы и владельцы все мне покорились[2]. И я прибыл теперь с войском к стороне здешней с тем, чтобы наказать противников. Почему и можете вы прислать своего посланника с прошением и из'яснить все до вас касающееся, что, конечно, приму я за благо. Только пришлите ко мне нарочного своего с обстоятельным вашим прошением; По исполнении же сего и по мере услуг ваших не останетесь вы без воздаяния и будете спокойны, как прочие»[3].

Между тем войска Ага-Мухаммед-шаха, отправленные в Ширван, разделившись на отряды, рассыпались по всей стране, грабили и творили насилия. Ага-Мухаммед-шах, учтя, что это политически ему очень невыгодно, так как восстанавливает против него население, отозвал хана, командовавшего войском, и назначил другого[4], но страна уже была сильно опустошена.

После того, как Ага-Мухаммед-шах снял блокаду Шуши и двинулся в Тбилиси, Ибрагим-хан немедленно же отправил к командовавшему на Кавказской линии генералу Гудовичу прошение о принятии Карабаха под покровительство России. Это прошение было доставлено крутовым путем, через владения Мустафа-хана талышинского[5].

Вести о взятии Тбилиси Ага-Мукаммед-шахом очень быстро облетели все Закавказье и Дагестан. Эти вести произвели большую тревогу и вызвали недоумения и сомнения в отношении помощи, которую многие ожидали от России.

Генерал Гудович, не проявивший ни инициативы, ни находчивости, ни энергии в деле организации помощи Ибрагим-хану и Ираклию и оправдывавший свою косность отсутствием определенных указаний от правительства, теперь посылал к владетелям Дагестана и азербайджанским ханам своих гонцов с письмами, в которых уверял в том, что помощь со стороны России будет подана. Один из таких гонцов - вахмистр Абдулла Садыхов побывал в Дербенте. Он доставил ценные сведения о настроении населения не только Дербента, но и всего Ширвана. Приводим в переложении П. Г. Буткова выдержку из записи сведений, сообщенных вахмистром Абдуллой Садыховым: «В Дербенте Садыхов не застал Шейх-али-хана. Из разговоров с наибом и с собравшимися в довольном числе знатными людьми, он увидел, что народ крайне встревожен взятием Тифлиса и тем, что Грузии не было подано помощи от России. Однако, после уверения Садыхова, что войска уже [174 - 175] посланы для наказания Ага-Магомет-хана, и что им будет непременно подана помощь, они ему сказывали, что они нисколько не расположены к Ага-Магомет-хану, желают быть покорными России и просят присылки войск; что все тамошние ханы, кроме шекиинского, питают такие же чувства, но без помощи России не будут в силах отстоять своей независимости»[6].

Известия о разорении Тбилиси Ага-Мухаммед-шахом вскоре были получены генералом Гудовичем, а в сентябре или начале ноября и в Петербурге. Гудович извещал императрицу Екатерину II также и о том, что войска Ага-Мухаммед-хана оставили Тбилиси.

Действуя на основании данных ему поручений, генерал Гудович во второй половине ноября 1795 г. отправил через Дарьял в Грузию два батальона пехоты при шести полевых орудиях. Отрядом этим командовал полковник Сырохнев[7]. В скором времени этот отряд прибыл в Тбилиси. Ираклий II воспрянул духом, он привел в порядок Тбилиси. Ободрился также и Ибрагим-хан. Первое их дело состояло в том, чтобы наказать Джават-хана ганджинского, изменнически действовавшего в отношении их. В начале 1796 г. Ираклий II, и Ибрагим-хан с войсками подошли к Гандже. Джават-хан заперся в крепости. Ганджинская крепость была очень сильна, взять ее штурмом было трудно, осада

Ср. Роузат-ас-сафа, указ изд, т. IX, стр. 112.

[1] Аблул-Лятиф-Эфенди, ук. соч., стр. 12.

Бакиханов, указ. соч., стр. 144.

[2] Имеется в виду южный Азербайджан.

[3] II. Бутков, ч. II, стр. 351.

Ср, у Н. Дубровина - История войн и владычества русских иа Кавказе, т. Ш, стр. 64, СПБ., 1886.

[4] Роузат-ас-сафа, указ. изд., т. IX, стр. 112.

[5] Бутков, ч II. стр. 346, ч. III, стр. 259.

[6] Бутков, ч. Ш, стр. 264.

[7] Бутков, ч. Ш, стр. 344.

затягивалась[8]. Между тем Джават-хан оправдывался в обвинениях, ему пред'явленных, он отрицал, что был проводником войск Ага-Мухаммед-шаха к Тбилиси, отрицал также свое присутствие во время нападения Ага-Мухаммед-шаха на Тбилиси и разорения его. Оправдания эти не соответствовали действительности. Осажденный, он вынужден был выдать Ибрагим-хану заложников, возвратить Ираклию II пленных грузин и обязался уплачивать ежегодно ему же дань в размере 15.000 руб.[1].

Екатерина II в рескрипте генералу Гудовичу от 16 ноября 1795 г. предписовала охранять российскими войсками не только Грузию, но и Ширван, а также и Баку. В особенности надлежало стремиться не допустить Ага-Мухаммед-шаха до берегов Каспийского моря. В этом рескрипте указывалось также на необходимость обезопасить Дагестан от вторжения туда войск Ага-Мухаммед-шаха. В рескрипте было написано: «Если же он вступит в Ширван и займет Шемахию и Баку и тем приблизится к Каспийскому морю и к пределам нашим, тогда уже по учинении всех нужных приготовлений и принятии всех надлежащих мер, должно будет предупреждать елико возможно его (движение) в Дагестан и занятием Дербента от наших войск оградить безопасностию и не оставить без покровительства подданного нашего шамхала тарковского, уцмия карахайдакского и самого хана дербентского. При дальнейшем же походе стараться опрокинуть скопище Ага-Магоммед-хана поражением и преследованием, искоренить властителя сего, если дерзнет он до конца противиться пользам и воле нашей»[2].

В этом рескрипте выражено непреклонное решение об утверждении российского влияния в северном Азербайджане. Это решение было столь твердым, что было даже дано указание о применении оружия для осуществления воли российского правительства, которое готовилось к войне против Ирана и его властителя, посягнувшего утвердить [175 - 176] свою власть в северном Азербайджане. Так был подготовлен поход в Азербайджан российских войск под командой Валериана Зубова, предпринятый весной и летом 1796 г.

---

[8] Письмо архиепископа Иосифа Аргутинского к господину Степану в Петербург от 29 апреля 1796 г. („Кавказская Старина", 1872, № 2, стр. 31, 32).
[1] Бутков, ч. П. стр. 346-347.
[2] Цитировано по Н. Дубровину, указ. соч., т. Ш, стр. 60-61.

ШЕЙХ-АЛИ-ХАН КУБИНСКИЙ В 1795 ГОДУ

Чтобы предупредить возможность захвата Дербента войсками Ага-Мухаммед-инаха, генерал Гудович полагал необходимым занять Дербент. Это было тем более необходимо, что Шейх-али-хан поддерживал постоянные сношения с Ага-Мухаммед-шахом, послал ему богатые подарки и рассчитывал получить от него утверждение своих владельческих прав и даже распространение их на весь Ширван. Ввиду этого надлежало опасаться того, как бы Шейх-али-хан не открыл ворот Дербента войскам Ага-Мухаммед-шаха. Кроме того, позиция при Дербенте облегчала возможность действий вдоль берега моря, где находился Баку, а также при опоре на побережье действий во всем Ширване[3].

В целях замятия Дербента 9 декабря 1795 г. с Кавказской линии под командой генерал-майора Савельева выступили три батальона пехоты при 6-ти полевых орудиях и некоторое количество конных казаков и калмыков. Этот отряд, дружественно встреченный дагестанскими владетелями земель, лежавших к северу от Дербента, и подкрепленный конницей шамхала и усмия каракайтакского, 15 февраля 1796 г. подошел к Дербенту. Как уже выше было отмечено, Шейх-али-хан был ненадежен, он колебался и сносился с Ага-Мухаммед-шахом.

При дворе Шейх-али-хана существовали две партии: одна склоняла его в сторону России, другая - в сторону Ирана. Эти придворные партии вели между собой напряженную борьбу, исполненную хитрости, коварства и предательства. Шейх-али-хан склонялся на сторону тех, кто ориентировался на Ага-Мухаммед-шаха. Не видя еще явной опасности себе со стороны последнего, но, зная о том, что российские войска стоят под Дербентом, он поспешил из Кубы, где он в ту пору находился, в Дербент и заперся в крепости. Тут же он послал гонца к Ага-Мухаммед-шаху, прося у него помощи.

Владетели земель, лежащих к западу от Дербента - кадий табасаранский и хан казикумутский поддерживали Шейх-али-хана. Хусейн-кули-хан бакинский прислал ему в Дербент 2 пушки с орудийной прислугой. Мы видим, сколь изменчива была политика кубинского и бакинского ханов, она обусловлена была их желанием сохранить самостоятельность.

Из того, что было сказано выше о политическом положении Азербайджана, видно, что в условиях, когда за господство боролись две крупные силы, сохранить самостоятельность не представлялось возможным. Близорукая политика дербентского и бакинского ханов не учитывала этого в полной мере, в результате их действия служили полям Ага-Мухаммед-шаха, т. е. фактически они попадали в сети реакционной отсталой иранской политики и государственности.

Отряд Савельева, стоявший под Дербентом, не мог предпринять решительных действий против крепости, имевшей сильную артиллерию, состоявшую из 29 медных и чугунных пушек и мортир при достаточном количестве бомб, ядер и пороху. Гарнизон крепости имел до 11 тыс. человек. С юга крепость не была блокирована и поэтому против малочисленного отряда российских войск могла держаться бесконечно долгое время. Вследствие всего этого отряд Савельева получил [176 - 177] приказание отступить от Дербента и ждать главных сил армии, предводимой генерал-поручиком Валерианой Александровичем Зубовым, которая весной того года должна была идти к Дербенту.

Ага-Мухаммед-шах, стоявший с главными силами ни Мугани, не стал дожидаться встречи с русской армией. Он не пошел ей навстречу к Дербенту, но отдал приказание своим отрядам, рассеявшимся по Шпрвану, идти на Мугань, а затем в южный Азербайджан, сам же с главными сила-ми переправился через Аракс и пошел к Техерану[1].

Во время отступления иранских войск из Ширвана Мустафа-хан ширванский и Селим-хан шекинский преследовали их[2]. Мустафа-хан у одного из иранских отрядов отбил две русских пушки, которые были захвачены иранцами еще в Тбилиси; эти пушки были из числа тех, которые Екатерина ll прислала в подарок царю Ираклию ll.

Последние отряды войск Ага-Мухаммед-шаха покинули Мугань и удалились в южный Азербайджан.

---

[3] Бутков, ч. II, , ч. III, стр. 269.

[1] А. Бакиханов, указ. соч., стр. 144.
Ср. Роузат-ас-сафа, указ. изд. т. IX, стр. 119.
Ср. Бутков, ч. II, стр. 354, 403.
Ср. Письмо гр. В. А. Зубова к брату его кн. П. А. Зубову, 1796 („Русский архив”, 1873, кн. 5, стр. 876, 877).

[2] Бутков. ч. III, стр. 278.

НАЧАЛО ПОХОДА В. А. ЗУБОВА В АЗЕРБАЙДЖАН, ОСАДА ДЕРБЕНТА. ОТНОШЕНИЕ ДЕРБЕНТЦЕВ К РОССИЙСКИМ ВОЙСКАМ

Российские войска, которые должны были принять участие в походе, собрались вблизи Кизляра. Армия, предводительствуемая генерал-поручиком В. А. Зубовым, должна была насчитывать до 30 тыс. человек и около 100 орудий. Но эти силы собрались не сразу. Часть их прибыла уже тогда, когда армия находилась в Азербайджане, т. е. летом и осенью 1796 г.

В. А. Зубов, не желая терять, много времени на сборы войск, 15 апреля выступил к Дербенту, располагая, примерно, 12 тысячами человек при 21 орудии. Вблизи Дербента к нему присоединился отряд генерал-майора Савельева. Владетели земель, через которые российскому войску пришлось идти к Дербенту, выказывали В. А. Зубову благорасположение. Он же их одаривал небольшими подарками.

По совету кадия табасаранского В. Зубов послал капитана Симоновича разведать дорогу, ведущую через горы в тыл Дербенту. Дорога при помощи кадия была разведана, и В. Зубов, еще не доходя до Дербента, отправил, но этой дороге отряд под командой Булгакова. Этот отряд, пройдя с артиллерией и обозом по крутой и обрывистой горной дороге, идущей в обход Дербента, должен был выйти с южной стороны города. Таким образом, В. А. Зубов полагал осуществить полную блокаду Дербента. 2 мая российские войска подошли к северной стороне Дербента. 4 мая отряд Булгакова появился на южной стороне Дербента[3].

Российские войска взяли штурмом башню, стоявшую к сопору от городских крепостных стен и закрывавшую подступы к Нарын-кала, т.е. самой верхней части города, составлявшей его цитадель.

Город Дербент, как известно, имеет форму вытянутого четырехугольника, простирающегося с востока на запад, от берега моря к скалам и горным кряжам. Он расположен в наиболее узкой части прохода между Каспийским морем и горами Большого Кавказского хребта. С северной и южной стороны город обнесен высокими и толстыми [177 - 178] каменными стенами и башнями. Таким образом, Дербент закрывает проход. Из описаний Дербента, составленных в 1796 году, явствует, что это была очень сильная крепость. Высота стен крепости местами достигала семи сажен. В основании или фундаменте они имели до двух сажен толщины, выше стены были менее толсты, завершались они зубцами. По стенам устроены были башни, число которых доходились до восьмидесяти. Западная, нагорная часть города была цитаделью. Крепость Дербент являлась важнейшим стратегическим пунктом, ее справедливо считали ключом к Закавказью и даже Ирану.

Российские войска в течение нескольких дней подвергали крепость бомбардировке; брешь-батареи били по стенам, подготавливая проломы.

Уже упоминалось о том, что в городе боролись две партии. Одни стремившаяся к тому, чтобы сдать город российским войскам, состояла в большей части из местных жителей. Они вполне правильно полагали, что добровольная сдача города позволит им сохранить жизнь и имущество, они боялись разрушения города и были сторонниками капитуляции.

Другая партия, боровшаяся за оборону города, состояла преимущественно из пришлых: из кубинцев и горцев.

Во время бомбардировки города и в особенности после того, как в западной башне была пробита брешь, число сторонников сдачи города стало быстро возрастать.

Под давлением городского населения, настоятельно требовавшего сдачи города, Шейх-али-хан вынужден был сделать это.

10-го мая в третьем часу дня, после того как в городе некоторое время стоял шум, и заметно было волнение, крепостные ворота отворились. Хлынула толпа народа, среди которого находились старшины. Согласно обычаям того времени, сдача крепости выражалась актом передачи ключей.

Очевидица этих событий В. И. Бакунина, жена русского офицера, участвовавшего в походе, пишет, что реляции о взятии Дербента, помещенные в газетах того времени, содержат в себе «изящные фикции». В действительности происходило следующее: Шейх-али-хан был приведен к графу обезоруженный, с саблею на шее, так же как и вся его свита, в знак того, что они приносили свою голову для искупления своей вины и полагались вполне на милосердие русских. Кадыр-бек, самый богатый и влиятельный из жителей Дербента и первый советник хана, обратился к графу (В. А. Зубову) с речью, говоря, что, если граф намерен наказать кого-нибудь, то чтобы он обратил свой гнев на него и на других советников Ших-Али, а последнего помиловал бы по молодости его лет... Граф успокоил их, сказав, что милосердие императрицы не имеет границ и что он заранее обещает им помилование»[1].

[3] Бутков, ч. 11, стр. 380.

[1] В. И. Бакуниа, Персидский поход в 1796 г. Воспоминания, стр. 356 („Русская Старина”, январь-март. 1887, т. 53).

После Шейх-али-хана в русский лагерь в сопровождении свиты женщин по своей воле прибыла дочь Фатали-хана, сестра Шейх-али-хана Периджа-ханум.

Город не был подвергнут ограблению, жители его не испытали насилий. Хорошее обращение с жителями внушило им доверие, и в тот же день, когда русские войска вступили в город, открылись лавки и пелась торговля пищевыми продуктами и пр.

Согласно указу, данному Екатериной II В. А. Зубову, российские войска должны были обеспечить личную и имущественную неприкосновенность мирного населения. В этом указе писалось: «...Лучшее [178 - 179] убеждение народов в благих намерениях наших, через земли коих войска наши проходить будут, есть опытное им, познание, что от войск наших, спокойно пребывающим притеснения или озлобления чинимы не будут; что личная и имущественная безопасность их ограждается неприкосновением, и что не стесняется свободное отправление их веры, содержанием войск наших в высшей степени воинской дисциплины, удалением оных от совместностей с жителями, и строгою справедливостью, предуспеете достигнуть до сего желаемого расположения народов»[2].

Это повеление российского правительства, имевшее огромное политическое значение, войсками, находившимися под командованием В. А. Зубова, было выполнено. Гарантии личной и имущественной безопасности, обеспечение свободного отправления религиозных обрядов - этот порядок вещей действительно располагал к России. В. А.. Зубов прекрасно понимал и исполнял это важнейшее политическое предписание. В крепости был поставлен российский гарнизон. Надлежало учредить управление городом, так как В. Зубов считал невозможным оставлять у власти Шейх-али-хана вследствие того, что он оказал сопротивление.

Указами российского правительства В. А. Зубову во вновь занимаемых владениях повелено было оставлять у власти верных России владетелей. В том же случае, если законный владетель оказывался враждебным или неблагонадежным, надлежало заменять его знатным же, ханского рода человеком, оказавшим приверженность России.

В официальном документе того времени, врученном В. А. Зубову, о правилах «политического поведения главнокомандующего» по означенному выше вопросу написано было следующее: «...все те ханы, города и народы, кои, познавая покровительство наше, сопротивления чинить не будут, таковые, а паче изгнанные Ага-Магомед-ханом и пострадавшие от лютости его, в награду усердия их, утверждены быть имеют во владении городов, в собственностях, и по мере дальнейших услуг их награждаемы, по усмотрению вашему, на счет сопротивляющихся. Таковые, являющиеся явными врагами, в пример и страх другим скорым поражением низлагаемы быть имеют, с городов же упорных собирать можете военную дань, по возможности их и по лучшему усмотрению вашему»[3].

Здесь уже сформулирована политическая линия, которой российское правительство и впоследствии руководилось в отношении ханств Азербайджана. Эта линия состояла в том, чтобы из местной знати составить слой, на который можно было бы опереться для закрепления господства во вновь присоединенной стране и для организации управления ею.

Согласно этому правилу В. А. Зубов назначил управительницей Дербента дочь Фатали-хана кубинского, Периджа-ханум. Яркие строки о Периджа-ханум имеются в воспоминаниях упомянутой выше В. И. Бакуниной. Она пишет:

«Периджа-ханум всегда была на стороне русских, она употребила все усилия к тому, чтобы склонить брата принять Савельева и открыть ворота города, когда пришла наша армия; во время осады она не раз присылала графу в лагерь своих посланных с изъявлениями своей преданности и дала ему несколько важных советов. Поэтому ей было вверено управление Дербентом с титулом правительницы. У жителей [179 - 180] было отобрано оружие, но некоторые из них не согласились отдать своё и оно осталось при них»[1].

Екатерина II, получив известия о назначении Периджа-ханум правительницею Дербента, в письме к В. А. Зубову от 3-го июня 1796 г. писала:

«Управительнице Дербента Периджи-ханум посылаю я перо, серьги и перстень в подарок. Прошу к ней доставить, буде ты ее поведением по делам доволен. Сказывают, что девица умная и хорошая собою. Мне кажется, что в ее поведении есть нечто рыцарственное, что мне понравилось»[2].

В помощь Периджа-ханум, был дан в качестве наиба Надыр-хан, бывший потомком хана, поставленного в Дербенте российским правительством еще в период первой оккупации Дербента, в 1729 или 1730 годах.

---

[2] Бутков, ч. 11, стр. 372.
[3] Бутков, ч. 11, стр. 370.
[1] В. И. Бакунина, указ. соч., стр. 357.
[2] Цит. по Е. И. Козубскому „История Дербента", стр. 117. Темир-хан-Шура, 1906.

Некоторые из знатных беков города составили заговор о том, чтобы призвать дагестанцев для внезапного нападения на русские войска. В. А. Зубов приказал арестовать десять знатных беков, составлявших окружение Шейх-али-хана, они были высланы морем в Астрахань за то, что имели политическую ориентацию, враждебную России[3]. Шейх-али-хан был оставлен при лагере главнокомандующего вместе с некоторыми лицами из его свиты. Ему была предоставлена значительная свобода, хотя он и находился под постоянным наблюдением приставленной к нему стражи.

---

[3] А. Бакиханов, указ соч., стр. 145.
Г. Алкадари, указ. соч., стр. 95.
Ср. Бутков, ч. II, стр. 386.

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БАКУ И КУБИНСКОГО ХАНСТВА К РОССИЙСКИМ ВОЙСКАМ

24 мая, т. е. через две недели после вступления в Дербент, российские войска двинулись дальше. Бакинский Хусейн-кули-хан еще надеялся, что российские войска не займут Баку; он полагал, что они не смогут переправиться через реку Самур. Но в первых числах июня переправа состоялась, и войска пошли далее на юг. Во время этого марша были поднесены ключи от гор. Кубы, где находился наиб, поставленный Шейх-али-ханом. 13 июня к войскам прибыл Хусейн-кули-хан и поднес ключи города Баку. В. А. Зубов направил в Баку отряд под командой генерал-майора Рахманова. Этот отряд состоял из 3 батальонов пехоты, 2 эскадронов конницы и 3-х полевых пушек. Отряд без сопротивления вступил в Баку, у апшеронских берегов Каспия и в бакинской бухте появились суда российской флотилии[4].

Здесь несколько остановимся на вопросе об отношении местного бакинского населения к российским войскам.

Сам Хусейн-кули-хан не хотел сдавать город, он распространял слухи о том, что русские лишат ханов власти, об этом он писал шемахинскому хану. Однако бакинское население не стало оборонять город от российских войск. Бакинцы с радостью приняли прокламацию В. Зубова, которая призывала их добровольно впустить в город войска. Бакинское население помнило двенадцатилетнее (1723-1735) пребывание гор. Баку в составе российских владений. Оно знакомо было с российскими учреждениями, с русской армией, русские купцы постоянно бывали в Баку. В 1796 г., так же как и в 1723 г., бакинцы желали [180 - 181] сдать город российским войскам[5]. Можно сказать, чго у бакинцев в этом отношении была некоторая традиция. Нам неизвестны ближе обстоятельства сдачи города в 1796 г., но судя по тому, с каким под'емом и воодушевлением принимали бакинцы российские войска, приходится предположить, что они отчасти были заинтересованы в этом. Торговые связи Баку с Астраханью были той основой, которая определяла благожелательное отношение местного населения к России. Кроме того, население, конечно, знало, что в случае добровольной сдачи города оно обезопасит себя от несчастий, насилия и грабежа, связанных со штурмом города.

Подобное отношение было не только среди бакинцев, но и у большей части населения Шнрвана. Это население, пострадав от нашествия войск Ага-Мухаммед-шаха, склонялось в сторону России.

Автор Роузат-ас-сафа писал о том. что после похода Ага-Мухаммед.-шаха на Тбилиси, и ограбления его, правители Дагестана и Ширвана повернулись в сторону российского государства[1].

Мнение о том, что азербайджанское население не взялось за оружие не противилось продвижению русских войск, по стране, может быть подкреплено также оценкой А. В. Суворова. В одном из писем к Д. И. Хвостову. который приходился А. В. Суворову родственником и пользовался его большим доверием, дана оценка «подвигам», совершенным В. А. Зубовым.

О В. А. Зубове, который был братом могущественного фаворита Екатерины II, распространяли всякие невероятные слухи, в которых он изображался героем. Это дало основание А. В. Суворову высмеягь В. А. Зубова, который, очевидно, в этом деле был не без вины. В указанном выше письме, помеченном 1796 г., А. В. Суворов писал: «Граф Валериан освободил грузинское царство?... Ложь, - он там не был. Лютый Магмут, - он с ним не встречался. Покорение? Покоряют ослушных и противуборных. Дербент 150 (раз) сдавался Савельеву, Баку занят казаками, и там войска пошли в Шемаху»[2].

В письме говорится о том, что собственно как полководец В. А. Зубов ничем себя не проявил, потому что и не на чем было проявлять себя: ни правители, ни население не противились. Город Баку, представлявший собой крепость, был занят казаками, т. е. иррегулярной кавалерией, которая при малейшем сопротивлении крепости никогда не могла бы овладеть ею. Таким образом, воинская слава, которой некоторые из современников венчали Валерьяна Зубова, ровсе не была им заслужена.

После вступления русских войск в Баку там была создана база провианта, который доставлялся сюда морем. Почти одновременно российские войска вступили в гор. Кубу. П. Бутков, который вел в ту пору походный дневник, оставил ценные сведения о кубинской крепости и ханском дворце в Кубе. О последнем он писал: «Дом шихалиханов изряден, построен из нежженного кирпича н еще не отделан; есть некоторые комнаты совсем отделанные и нельзя не удивляться в них искусству штукатуров. Алебастровая работа так отменна, что заслуживает подражания. Потолок исписан цветами, но, не знаю почему, краски тут не так прочны, как в Дербенте, ибо многие цветы уже облупились»[3]. [181 - 182]

---

[4] Бутков, ч. II, стр. 388. 389.
[5] Новооткрытые письма имп. Екатерины II к барону Гримму, 1787-1796 гг. („Русский Архив", 1878, № 10, стр. 236).
[1] Роузат-ас-сафа, указ изд., т. IX, стр. 119.
[2] Журнал, „Красный Архив" , 1941, № 3 (106), стр. 163, 164.
[3] П. Бутков, ч. II, стр. 587.

На походе войск в Шемаху Шейх-али-хан, воспользовавшись недостаточной бдительностью приставленной к нему охраны, бежал[4].

Вначале жители нескольких деревень, оставив дома и побросав имущество, тоже бежали в горы. Но потом выяснилось, что это бегство об'ясняется не желанием их примкнуть к хану, но страхом наказания со стороны российских войск. Вскоре они вернулись на свои места. Хотя Шейх-али-хан повсюду рассылал своих приближенных и пытался поднять население кубинского ханства против российских войск, это ему не удалось. Количество примкнувших к нему не превышало четырех-пяти сотен человек. Правда, можно сказать, что то же население всегда предоставляло хану кров, лошадей и продукты питания, оно укрывало его и поэтому Шейх-али-хан был неуловим. Опасения российского командования по поводу того, что может вспыхнуть народное волнение, не оправдались. Российское командование объявило жителям, что отныне они освобождены от податей и повинностей, какими были обязаны хану. Эта мера имела свое действие, население кубинского ханства пребывало в спокойствии. Видя, что его надежды не осуществились, Шейх-али-хан обратился к В. Зубову с просьбой о прощении и о восстановлении его в ханском достоинстве. Ему в этом было отказано. В. Зубов старался привлечь к себе местных ага и беков, пользуясь содействием которых он мог бы держать край в повиновении. Для большей верности в обеспечении спокойствия от еельских старшин были взяты аманаты, т. е. заложники.

[4] П. Бутков, ч. II, стр. 389.

СНОШЕНИЯ В. А. ЗУБОВА С ХАНАМИ ШЕМАХИНСКИМ И ШУШИНСКИМ

Российские войска, пройдя в сторону Старой Шемахи, остановились лагерем в местности, называвшейся Курт-булаг-яйлаг. Вследствие наступления сильной жары они оставались здесь в течение июля, в августе перешли к р. Пирсагат, а на зимовку - к Джевату. Происходили частые сношения с ханами шемахинским, шекинским, шушинским и ганджинским.

Мирза-Адигезаль-бек сообщает, что когда весть о прибытии российских войск дошла до Ибрагим-хана, «он послал к господину великому сардару Валериану графу Зубову своего сына Абуль Фетх хана с богатыми дарами. Он чистосердечно объявил свою преданность высочайшему российскому государству... и могущественный сардар с церемонией милости и уважения принял Абуль Фетх хана, оказал ему большое внимание и письмо покойного хана к высочайшему как небо дворцу могущественной царицы... отправил. И послал к Ибрагим хану через одного князя множество подарков и благ. Он обнадежил его большими милостями и оказал ему их. И один посох, украшенный крупными драгоценными камнями, прислал к молла Панах Вагифу»[1].

Нет нужды останавливаться на частностях и перипетиях этих сношений. Мустафа-хан шемахинекий с большим недоверием относился к главнокомандующему В. А. Зубову. Он выехал из Старой Шемахи, пребывал большей частью на Фит-даге или в горных частях своих владений. Нужно было долго уговаривать его, чтобы он явился на свидание с главнокомандующим. Хотя Мустафа-хан и поклялся на коране, т. е. принял присягу в верности Екатерине II, однако он хитрил. Полагая, что его лишат власти, он искал себе союзников для того, чтобы оказать сопротивление российским войскам. Естественным союзником его, [182 - 183] находившимся в таком же положении, был Селим-хан шекинский. Но между ними была давняя вражда, возникшая из-за того, что во владениях Селим-хана скрывался прежний владетель Шемахи Касим-хан, не перестававший искать случия к возвращению себе шемахинского ханства. Однако в новых обстоятельствах они нашли возможность примирения. К ним примкнул также Ибрагим хан шушинский. Складывался союз ханов. Они установили также сношения с дагестанскими владетелями - Омар-ханом аварским и Хамбутай-ханом казикумухским. Руководящая роль в этом союзе принадлежала Мустафа-хану и Ибрагим-хану.

Ибрагим-хан очень опасался, и не без некоторых оснований, того, что его низвергнут, а власть над Карабахом будет передана армянским меликам. Ему кое-что было известно о подобных намерениях В. А. Зубова, получившего некоторые указания в этом роде из Петербурга. Опасения подозрительного Ибрагим-хана как бы подтверждались тем, что и российском лагере было много армян, занимавших различные должности. Царь Ираклий в раздражении однажды высказал Ибрагим-хану мысль о том, что он будет лишен владений. Все это заставляло Ибрагим-хана искать способов отвести от себя угрозу.

Ибрагим-хан не выказывал своих опасений. Наоборот, он принял вид полного спокойствия и верности России, однако, готовился нанести удар. Орудием своим он избрал находившегося в российском лагере молодого человека Нур-али-хана.

Нур-али-хан происходил из фамилии Зендов. Известно, что Ага-Мухаммед-шахстрашно преследовал и истреблял всех членов этой ненавистной ему фамилии бывшего властителя Ирана Керим-хана. По этим причинам Нур-али-хан бежал в Россию. Ко времени похода он был отправлен к В. А. Зубову. Нур-али-хан пользовался полным доверием, он проявлял неизменную преданность главнокомандующему. Предполагалось, что Нур-али-хана можно будет утвердить где-либо на ханстве в том случае, если появится в этом надобность. Он жил в российском лагере, получал приличное содержание, имел свиту, численностью до ста человек пользовался почти полной свободой. Ибрагим-хан прислал к В. А. Зубову своих послов. Они тайно вступили в связь с Нур-али-ханом, передали ему от Ибрагим-хана три тысячи рублей и сказали, что, если Нур-али-хан поможет объединить силы Мустафа-хана и Селим-хана и организует при их содействии убийство В. А. Зубова, то Ибрагим-хан отдаст ему в жены свою дочь, которая слыла первейшей красавицей Закавказья.

Молодой Нур-али-хан, прельщенный этими обещаниями, принял условие. Он стал провоцировать Селим-хана и Мустафу-хана, сообщая им, что они будут лишены власти, а их владения будут отданы ему, Нур-али-хану. В общем, он готовился привести в действие план заговора. Но случай разрушил все предположения. Однажды, в то время как Нур-али-хан развлекался джигитовкой, с головы у него упала папаха, из нее вылетело письмо. Нур-али-хан не заметил этого. Письмо было доставлено В. А. Зубову. Это обстоятельство раскрыло заговор, который состоял в том, чтобы объединенными силами ханов окружить российский лагерь, прорваться к палатке главнокомандующего, убить его, а

---

[1] Мирза-Адигезаль-бек, указ. рук., стр. 33, 34.
Ср. Бутков, ч.. II, стр. 397

затем уже истребить и российское войско. Нур-али-хан был арестован и выслан в Астрахань. В. А. Зубов не показывал вида, что он как-то изменил отношения к упомянутым ханам[2]. [183 - 184]

Шейх-али-хан попрежнему, бродя в высокогорной части кубинского ханства, искал средств, чтобы уничтожить российский корпус. Он вступил в связь с владетелем казикумугхским, сносился с Омар-ханом аварским. Через хана казихумухского он вошел в сношения с Мустафа-ханом и Селим-ханом.

Турецкое правительство через своих эмиссаров посылало в Дагестан деньги и требовало выступлений против российских войск.

В конце сентября хан казикумухский и Шейх-али-хан вошли с войском численностью от 13 до 15 тысяч человек в северную часть кубинского ханства. Они подошли к сел. Алпан. Вышедший им навстречу малочисленный отряд (до 500 человек) под командой подполковника Бакунина попал в засаду и понес тяжелые потери. От полного уничтожения этот отряд был спасен подоспевшим на выручку полком, который был отправлен генералом Булгаковым. Силы Шейх-али-хана были рассеяны[1].

---

[2] Бутков, ч.. II, стр. 397, 3998.
Ср. Н. Дубровин, указ. соч., т. III, стр. 149-153.

[1] Бакиханов, стр. 146.
Ср. Бутков, ч.. II, стр. 402.

ОТНОШЕНИЕ ХАНОВ К РОССИИ

Но не всегда так враждебно ханы относились к российским войскам. Когда их собственная выгода требовала благожелательных отношений, они немедленно к ним переходили.

Таким образом, отношение ханов к России и ее войскам целиком определялось политическими интересами. Оно направлялось интересами феодальной ханской политики, основным вопросом которой являлось сохранение и упрочение ханской власти. И хотя сами ханы в об'яснение своей политики часто выдвигали религиозные мотивы, мусульманство, правоверие, борьбу против неверных, осквернителей и пр., - все это целиком подчинялось политическим целям ханов. Нужно сказать также что благодаря патриархальности феодальных отношений в ханствах, отсталости народной массы, сильному влиянию духовенства, ханы пользовались довольно значительным влиянием на народную массу и могли повести за собой некоторую часть ее. В этом, а главным образом в беках и духовенстве состояла главная сила ханов.

Как уже сказано выше, войска Ага-Мухаммед-шаха удалились из северного Азербайджана ранее, нежели корпус В. А. Зубова вступил в Ширван. Подавив восстание в Хорасане и захватив у находившегося там Шах-руха, одного из наследников Надир-шаха, огромные ценности, Ага-Мухаммед-шах стал собирать еще большее по количеству войско и укреплять Гилян и Мазандеран. Он полагал, что российские войска в скором времени явятся в южный Азербайджан и готовился к отпору. Между прочими делами он не оставлял своих требований о том, чтобы Ибрагим-хан ему подчинился, и в августе 1796 г. выслал отряд, перед которым поставил задачу - захватить Шушу. Этот отряд успеха не достиг, во владениях карабахского хана он смог разорить только два селения. Однако, Ибрагим-хан еще раз почувствовал, что Ага-Мухаммед-шах не оставляет своих притязаний на Карабах. В этой связи Ибрагим-хан обратился к В. А. Зубову со следующим письмом:

«По преданности моей к России, прошу признавать меня и город мой как бы своим, и не оставить оный российским защищением; а когда Шуша сохранена Вами будет, то можете обладать и вселенною. Войско отрядить в Астрабат весьма надобно и не в малом числе, где и Муртаза-кули-хану быть надлежит, где и силы Ага-Магомет-хана могут разрушиться, потому что силы его должны быть в Астрабате [184 - 185] и Мазандеране. Прошу не замедлить присылкою сюда 12 тысяч войск, с которыми бы я приступил по нахичеванской дороге к, наказанию о российских неприятелей. Царю же Ираклию надлежит занять Эриванскую дорогу. С места, на котором теперь находитесь, надобно перехадить дистанциями и итти до Тавриза... прошу не оставлять меня уведамлениями[2].

Из этого документа ясно видно, что отношение к российским войскам было вопросом политики.

Это письмо показывает, с какой благосклонностью стал относиться Ибрагим-хан к российским войскам в тот момент, когда перед ним вновь встал призрак опасности. В это время он даже просит присылки двенадцатитысячного отряда российских войск, тогда как месяцем раньше боялся ввода российских войск в Карабах.

К чести Ибрагим-хана служит тот факт, что в обстановке опасностей, грозивших ему, он сделал правильный выбор, когда обратился с приведенным выше письмом к В. А. Зубову. Очевидно, он понимал, что российские войска не принесут с собой тех ужасов и разорения, что несли с собой необузданные полчища Ага-Мухаммед-шаха.

Не только Ибрагим-хан в этих обстоятельствах стал склонным к войскам российским. Джават-хану ганджинскому постоянно угрожали с запада и с востока. На его владения претендовали Ираклий II и Ибрагим-хан. Это была весьма реальная угроза. В этих условиях, напряженные отношения к российскому корпусу создали бы ему еще одного сильного врага. Ища выхода из трудного положения, Джават-хан в сентябре месяце просил прислать к нему отряд российских воиск, мотивируя это тем, что его владениям угрожает Ага-Мухаммед шах. Нужно сказать, что не могло быть и речи о непосредственной или сколько-нибудь значительной угрозе его владениям от Ага-Мухаммед-шаха. Эта мотивировка Джават-ханом была избрана для того, чтобы выстализить себя в благоппиятном свете, как врага Ага-Мухам-мед-шаха. На самом же деле Джават-хан торопился со вступлением в подданство России лишь потому, что желал обезопасить себя от Ираклия II и Ибрагим-хана. Джават-хан, конечно, знал, что в российских планах имеется предположение о передаче его владений Ираклию П. Своим шагом он хотел предотвратить возможность этих действий со стороны российского командования.

Через несколько лет (в 1803 г.) Джават-хан. вспоминая об этих событиях, писал Цицианову: «... в то время, когда я передал Ганджу твоему падишаху, персидский шах находился в Хорасане, и моя рука не достигала его, и я счел нужным покориться русскому падишаху, как великому также монарху»[1].

---

[2] Бутков, ч.. II, стр. 405.
[1] А. К. А. К. т. II д. № 1173, стр. 589.

В начале октября того же 1796 года В. А. Зубов получил подкрепления для своего корпуса. Эти подкрепления, состоявшие из двух кавалерийских полков, одного батальона пехоты и 6 полевых пушек, приведены были князем Цициановым по дербентско-кубинской дороге. После этого был выделен довольно сильный отряд, насчитывавший до 4-х тысяч человек, которому поведено было двигаться к Гандже и занять ее. Отрядом этим командовал генерал-майор Римский-Корсаков. 21 октября отряд этот выступил из российского лагеря при р. ПирСагат и пошел к Гандже через земли Селим-хана шекинского. Отряд шел к мингечаурской переправе через реку Куру. Селим-хан шекинский был совершенно спокоен. Переправа через р. Куру была произведена на понтонах. Джават-хан без сопротивления передал Римскому-Корсакову [185 - 186] ганджинскую крепость[2]. Отряд этот, согласно планам российского правительства, должен был твердо стоять при Гандже. Его дальнейшие задачи заключались в том, чтобы, ободряя Ираклия II, обратить его силы на отнятие у Ага-Мухаммед-шаха захваченного им ереванского ханства. Этот же отряд должен был оказать давление на азербайджанских ханов и прежде всего на Ибрагим-хана шушинского, чтобы они двинулись со своими войсками к Ардебилю и Тебризу. Предполагалось, что с моря от российской эскадры будет им, оказав помощь путем высадки десантов. Виды российского правительства простирались на южный Азербайджан и южный берег Каспийского моря[3]. Эти движения должны были нанести сильный удар власти Ага-Мухаммед-шаха. Описанный план предполагалось начать приводить в исполнение весной следующего 1797 г. Но этим предположениям, как мы увидим в дальнейшем, не суждено было осуществиться.

[2] Бутков, ч. II, стр. 412.
Бакиханов, стр. 146.
[3] Выписка из инструкции гр. Зубову, данной 19 февраля 1796 г. (А. К. А. К. , т. VI, ч. II, дополнения, д. № 38, стр. 815).
Ср. Бутков. ч. II, стр. 409-411; ч. III, стр. 293.

НАЗНАЧЕНИЕ НОВЫХ ХАНОВ ПРОЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЯ

В последних числах октября лагерь российских войск был перенесен к городу Новой Шемахе. Это движение испугало Мустафу-хана, он покинул город. Последнее еще раз подтверждало, что уверения его не соответствовали поступкам. В. А. Зубов решил устранить Мустафу-хана от власти. Претендент на ханский шемахинский престол имелся; это был, как мы уже упоминали, прежний владетель Шемахи Касим-хан, пребывавший во владениях Селим-хана шекинского. Касим-хана пригласили к главнокомандующему. 2 ноября Касим-хан был провозглашен ханом шемаханским. Выбор оказался удачным. Касим-хан во все время своего правления был верен России[4].

В. А. Зубов, желая окончательно устроить дела кубинского ханства, считал, что далее нельзя оставлять это владение без хана. В целях установления власти, верной России, В. А. Зубов вызвал из Элису Хасан-бека, младшего сына Фатали-хана кубинского.

Хасан-бек был рожден от дочери элисуйского султана и после смерти Фатали-хана жил с матерью в сел. Ках. Он был еще малолетним. 3 ноября Хасан-бек был провозглашен ханом кубинским. Управление кубинским ханством должны были отправлять несколько старшин, выбранных главнокомандующим и приставленных к малолетнему Хасан-хану[5].

Описанные мероприятия В. А. Зубова показывают, как он осуществлял указы Петербурга об упрочении позиции России во вновь присоединяемых землях через привлечение верных видам российского правительства ханов и беков.

В ноябре российский лагерь был перенесен к месту слияния Куры и Аракса. Он был расположен несколько ниже места слияния, на левом берегу р. Куры. Здесь российские войска хорошо отдыхали, так как доставка провианта из Баку по морю и р. Куре не была особенно затруднительной, в реке Куре было много рыбы, из Грузии пригоняли целые стада свиней. Скот для перевозки тяжестей и лошади имели, но подножный корм. [186 - 187]

Из всего сказанного выше видно, что в 1700 г. российское правительство намерено было присоединить к России северный Азербайджан; были планы и в отношении южного Азербайджана, их готовили к приведению в исполнение. Что же касается северного Азербайджана, то следует указать на некоторые проекты. Граф Зубов выдвинул проект о сооружении города-крепости, который предполагалось выстроить недалеко от слияния Куры и Аракса, точнее, около Джавата на левом берегу Куры, для чего намечено было переселить сюда 2 тысячи молодых солдат и снабдить их орудиями военными и хлебопашными. Российское командование предполагало заставить грузин и армян дать жен этим переселенцам. Крепость эта должна была быть наименована Екатериносердом[1]. Она должна была быть опорным пунктом, направленным против юга, вместе с тем ей по ее местоположению надлежало стать средоточием торговли, одним из крупнейших рынков каспийской, закавказской, отчасти среднеазиатской и иранской торговли.

Другой цитаделью-портом, главной базой снабжения войск и одновременно крупным торговым центром предполагалось сделать Баку. В данном генерал-поручику графу Валериану Александровичу Зубову от 19-го февраля 1796 г. высочайшем рескрипте поведено было: «Взяв город и порт бакинский, учредить в оном главное депо и... обеспечить себя верным подвозом жизненных и военных припасов»[2]. Были составлены проекты поправления и укрепления бакинского порта, как города, обладавшего лучшей бухтой на западном побережье Каспия и лежавшего кроме того на торговых путях. Путь сухопутный шел через Ленкорань. Ардебиль. Султанию, Тегеран на Исфаган и далее до берегов Персидского залина. Путь этот был благоустроен, на нем имелись каравансараи.

В. А. Зубов, имевший подробные и точные сведения о Баку, в одной из своих записок писал: «Город Баки есть самый наилучший порт... Окрестности Баки изобилуют от нефтяными ключами и самою лучшею каменного солью. По причине сих произведений, в коих тамошние народы имеют необходимую надобность, и для покупки российских товаров, стекается туда великое множество торгующих из Мазандерана, Гиляна, с ленкоранского берега и из Адербиджаны.
Весь Ширван, заключающий в себе провинции Шемахинскую, изобилующую наипаче шелком, Шекинскую и другие мелкие владения, простирающиеся до рек Куры и Аракса, не имея по местоположению своему иного порта, все произведения свои доставляют в Баки».

Предполагалось, что «... ежели Баки надлежащим образом будет устроено и всякий увидит себя обеспеченным полною уверенностью в личной безопасности и в спокойном обладании своею

---

[4] Бакиханов, стр. 145 146.
Бутков, ч. II, стр. 413.
[5] Бутков, ч. II, стр. 414.
[1] В. А. Зубов, граф. Общее обозрение торговли с Азиею („Русский Архив" 1873, кн. 5, стр. 889, 890).
[2] Москва, ЦВИА, фонд ВУА, д. № 2799, л. л. 2-4.

собственностью, тогда город сей без всякого сомнения сделается средоточием всей персидской торговли и привлечет в себя самых богатых промышленных людей»[3]. Для проведения работ в бакинском порту были отпущены деньги, даже мастера были назначены и отправлены из Петербурга[4].

Эти факты указывают на некоторые политико-экономические мероприятия, которые русское правительство намерено было осуществить во вновь присоединенных ханствах Азербайджана. Осуществление [187-188] этих мероприятий направлено было не только к укреплению позиции России во вновь присоединенных ханствах, но также должно было способствовать развитию российской торговли с Ираном, закаспийскими странами и даже, как тогда предполагалось, с Индией. От устройства, расширения и приращения этой торговли ожидали больших выгод. Таким образом, судя по документам того времени, приходится придти к выводу, что не столько продукция сельского хозяйства и ремесел ханств северного Азербайджана привлекали екатерининское правительство, сколько представлявшиеся тогда огромные возможности для развития торговли с востоком. Однако, очевидно, не все слои, чьи интересы представляло тогда правительство Екатерины II, были сторонниками ее политики в Закавказье. После смерти Екатерины II политика России в этом вопросе на некоторое время потерпела значительные изменения.

---

[3] Зубов В. А. , граф. Общее обозрение торговли с Азиею („Русский Архив", 1873, кн. 5. стр. 885, 887).
[4] Полное собр. зак., изд. 1830 г., т. XXIII, № 17183 и книга штатов.
Ср. Бутков, ч. II, стр. 418, 419.

ПАВЕЛ I. ЗАВЕРШЕНИЕ ПОХОДА В АЗЕРБАЙДЖАН

6 ноября 1796 г. умерла императрица Екатерина II. На российский престол вступил Павел I. Изучение внешней политики Павла I представляет много трудностей, так как наряду с политическими мероприятиями, вытекавшими из обстановки вещей, продиктованными интересами российского государства того времени, у Павла I часто встречались такие мероприятия, которые об'ективно не были обоснованы. Эти мероприятия являлись плодом недоверия, подозрительности, личной ненависти, неуравновешенной и не совсем здоровой психики Павла I.

Вступив на престол, Павел I распорядился о быстрейшем выводе российских войск из Закавказья. Ненавидя В. А. Зубова, как человека, поставленного Екатериной II, он послал именные рескрипты всем командирам полков о выводе войск на Кавказскую линию. В. А. Зубов подал прошение об отставке и был уволен. Командование всеми войсками, поступавшими на Кавказскую линию, было поручено графу Гудовичу.

Выход российских войск начался в декабре, но некоторые части задержались на Мугани до марта следующего 1797 г. Эта задержка об'яснялась трудностями передвижения зимой, когда для лошадей нет подножного корма, когда вследствие дурной погоды по бездорожью очень трудно, а порой и невозможно, бывало передвигать артиллерию и обозы. Поэтому некоторые части ожидали весны.

Граф В. А. Зубов, получив увольнение, выехал через Баку на Астрахань.

Враги российских войск, а именно Шейх-али хан кубинский, хан казикумухский и некоторые другие, оживились и пытались преследовать уходящие российские войска. Были произведены некоторые попытки окружения, стремились также замкнуть дорогу у Дербента, но уже в апреле месяце все войска вышли на Кавказскую линию.

Трудно объяснить это повеление Павла о выводе войск из Закавказья, тем более, что поход проходил удачно и был близок к своему завершению. Возможно, что планы Павла I в отношении Запада, его натянутые отношения с рядом европейских государств продиктовали стремление избавиться от тягостей и расходов, связанных с походом в Азербайджане. На поход этот было истрачено около 1700 тысяч рублей деньгами того времени. Это весьма значительная сумма. Но следует сказать, что причины, которые побудили к отозванию войск, не являются достаточно основательными. Павел I, отозвав войска и отказавшись в I796-1797 гг. от присоединения к России Грузии и северного [188 - 190] Азербайджана, несомненно, совершил крупную ошибку[1], к исправлению которой ему же самому пришлось приступить уже спустя два или три года.

Для России поход В. А. Зубова ничего не дал. кроме более подробного ознакомления со страной и опыта проведения екатерининской программы упрочения российской власти в стране путем привлечения к управлению верхушки местного господствующего класса.

Для Азербайджана значение зубовского похода более велико. На этот раз более широкие слои азербайджанского народа непосредственно соприкоснулись с российской армией и могли провести опытное сравнение между российскими войсками и войсками Надир-шаха и Ага-Мухаммед-шаха. Это сравнение было, несомненно, в пользу российских войск, так как, несмотря на некоторые неустройства, неизбежно возникавшие из факта продвижения войск по стране, в целом российские войска даже не затронули хозяйственных основ народной жизни. Ведь несомненно, что разрушения, разграбления и насилия над мирным населением и бесчисленные убийства, чинившиеся армиями Надир-шаха и Ага-Мухаммед шаха, ни в какое сравнение не могли идти с началами строгой воинской дисциплины, имевшейся в войсках Екатерины II. Укажем хотя бы на то, что продовольствие, фураж и вьючный скот, потребные для армии российской, не отбирались у населения, но приобретались за наличный расчет серебром. Так, например, у местного населения было приобретено «волов» на сумму в 80 тыс. руб. деньгами того времени.

В параллель к вышеуказанному приведем сведения, сообщаемые Риза-кули ханом. Он писал, что во время пребывания войск Ага-Мухаммед-шаха на Мугани (зимой в 1795-1796 г.г.) один из отрядов под командованием Сардара Сулейман-хана был отправлен на разгром Карабаха. Многих они там убили и после боев 100 тысяч голов мелкого рогатого скота, и другие трофеи доставили в орду к Ага-Мухаммед-шаху[2].

Азербайджанский народ на опыте своем убеждался, что страшные росказни мулл о гяурах-русских не похожи на правду, что единоверные войска из Ирана или Турции несравненно более алчны, жестоки и свирепы, нежели «неверные».

[1] Между прочим, упомянем, что Павел I, отменяя особым указом учреждение порта в Баку, мотивировал это тем, что „не настоит в нем никакой надобности”. (Полн. Собр. Зак., указ. изд., т. XXIV, № 1837.)

[2] Роузат-ас-сафа, указ. изд., стр. 117.

Правила порядка, имевшие место в российской армии, несомненно привлекали к себе массы азербайджанского народа.

ВТОРОЙ ПОХОД АГА-МУХАММЕД-ШАХА

По выводе российских войск, Шейх-али-хан кубинский и Мустафа-хан ширванский, изгнав поставленных В. А. Зубовым ханов, возвратили себе власть[3].

Лишь только до Ага-Мухаммед-шаха дошли вести об уходе российской армии, как он, доселе не решавшийся непосредственно вмешиваться в дела ханств северного Азербайджана, вновь воспрянул злобным духом. Он разослал фирманы, наполненные пустой кичливостью и угрозами ослушникам его воли. Вот содержание одного из фирманов, отправленных к владетелям Дагестана:

«Вы довольно усмотреть можете, что и российское войско, убоясь могущего им последовать от меня одоления, принуждено было [189 - 190] возвратиться, вспять в немалой робости и расстройке. Верьте, что я буду скоро в Азербайджане, и всегда не оставлю послушны мне моею милостию, а противников строго буду наказывать. Почему и даю через сие знать, чтоб преданные ко мне по надлежащему себя от противников отличили, и о состоянии своем меня уведомили, каковых и не оставлю я моею помощию, и будут они жить спокойно»[1].

После первого похода Ага-Мухаммед-шаха и опустошений, произведенных им, во многих местах Азербайджана был голод. Население, не успевшее оправиться от мучительств и грабежей, причиненных поисками Ага-Мухаммед-шаха, было, вдобавок ко всем претерпенным им бедствиям, поражено неурожаем и голодом. Особенно тяжелым было положение Карабаха и ганджинского ханства, наиболее пострадавших во время похода Ага-Мухаммед-шаха[2]. В Гандже четверть хлеба продавалась за 30 руб. серебром. На почве голода там возникла чумная эпидемия. Население покидало свои места.

Ага-Мухаммед-шах весною 1797 г. стал готовить войска для второго похода в Карабах и Грузию. Он задумал уничтожить Ибрагим-хана, которого в русских документах того времени справедливо называли «твердейшим поборником своей независимости»[3]. Ага-Мухаммед-шах знал, что население Азербайджана ненавидит его, он испытал на своих войсках удары партизан Карабаха.

Этот завоеватель понял, что азербайджанское население на своей родной земле будет сопротивляться ему всеми средствами. Поэтому, по примеру прежних завоевателей, он решил на этот раз произвести массовое выселение. Он намеревался выселить шемахинцев, шекинцев, сальянцев, талышинцев и грузин в Мазандеран и Астрабад. Оторвать от родной земли - вот мера, которая, по мнению Ага-Мухаммед-шаха могла сломить сопротивление завоевываемого народа. Он начал осуществлять свой план, послав одного из своих сардаров в Нахичевань с приказом разрушить села нахичеванского ханства, а жителей гнать в Иран. Нахичеванского хана по приказу Ага-Мухаммед-шаха пытали и замучили до смерти.

В условиях голода и опустения Карабаха Ибрагим-хан не видел возможностей к новой обороне Шуши. Зная о том, что Ага-Мухаммед-шах готовился опять напасть на него, Ибрагим-хан удалился в горы Джарской области[4]. Ага-Мухаммед-шах в это время уже находился у талышских гор, его военные отряды опустошали Талыш, он мстил Мустафа-хану за его отказ подчиниться. Узнав, о том, что Ибрагим-хан покинул Шушу, Ага-Мухаммед-шах с двенадцатитысячной конницей бросился к Шуше. Он хотел занять город и перехватить в пути ушедшего из Шуши Ибрагим-хана[5]. На этот раз он занял город без единого выстрела, Шуша была почти пуста, лишь, приблизительно, в 200 домах оставались жители.

Ага-Мухаммед-шах поселился в восточной части города в доме Мамед-хасана, старшего сына Ибрагим-хана. Это был обширный дом, уединенно стоявший на почти отвесной скале. На площади перед домом расположилась личная охрана Ага-Мухаммед-шаха. Войско стояло в ближайших горах.

Ага-Мухаммед-шах назначил шупжнеким ханом Мамед-бека, племянника [190 - 191] и врага Ибрагим-хана. Это был человек богатырского сложения, энергичный и одаренный. Он давно добивался ханства. Теперь, изменив народу, изменив делу защиты родной страны, он принял ханскую власть от Ага-Мухаммед-шаха.

Прибытие в Карабах иранских войск изменило политическую обстановку в северном Азербайджане. Сторонники Ага-Мухаммед-шаха подняли головы, и сделались хозяевами положения. Те же ханы, китовые были связаны с российскими войсками, подвергались гонением. Джават-хан ганджинский обстоятельствам, имевшим место в его ханстве, не мог сопротивляться. Надеясь на свои

---

[3] А. Бакиханов, стр. 146.
[1] Бутков, ч. II, стр. 425, 426.
[2] Мирза-Адигезал-бек указ. рук., стр. 37.
[3] Бутков, ч. II, стр. 428.
[4] Мирза-Адигезал-бек указ. рук., стр. 37.
Ср. Бакиханов, стр. 147.
Ср. Бутков, ч. II, стр. 428.
[5] Мирза-Адигезал-бек указ. рук., стр. 38, 39.

старые заслуги, он по требованию Ага-Мухаммед-шаха явился к нему в Шушу, но был заключен под стражу[6].

Хусейн-кули-хан бакинский также был вынужден явиться в Шушу, Ага-Мухаммед-шах бранил его за то, что он не оказал сопротивления русским, грозил казнью и заключил под стражу.

Мустафа-хан шемахинский и Селим-хан шекинский через посланцев поспешили выразить Ага-Мухаммед-шаху покорность.

Шейх-али-хан кубинский находился в почете у Ага-Мухаммед-шаха, который обещал ему за верность отдать также ханство бакинское.

Поэт Вагиф, чья деятельность по организации обороны Шуши, Российская ориентация, твердость характера и настойчивая борьба против Ага-Мухаммед-шаха были широко известны, также был арестован и брошен в тюрьму.

С разрешения Ага-Мухаммед-шаха гор. Шуша был разграблен. Иранские сарбазы терзали и пытали жителей, требуя указать им, где находятся спрятанные ценности.

---

[6] Ср. Всеподданнейшее прошение Угурлу-аги, сына Джавад-хана (А. К. А. К. , т. II, д. № 1188, стр. 594).
Ср. Бакиханов, стр. 147.
Ср. Бутков, ч. II, стр. 499-430.

УБИЙСТВО АГА-МУХАММЕД-ШАХА, СОБЫТИЯ ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ

Было начало июня. Ага-Мухаммед-шах чинил жесточайшие издевательства и пытки над безоружными людьми, обвиненными в связях с Россией, в участии в обороне города, в службе Ибрагим-хану. Людей пытали, надевали им на полову раскаленные таганы, отрезали уши, выкалывали глаза, отрубали кисти рук, сажали на колья. Стон стоял над Шушой. В предании (мы излагаем одну из версий) рассказывается что робкая попытка двух придворных Ага-Мухаммед-шаха сказать несколько слов защиты в пользу несчастных истязуемых вызвала новые приступы жесточайшего гнева шаха. Он приказал обрезать уши тем из своих приближенных, которые вняли мольбам истязуемых о пощаде, и пригрозил, что на утро казнит их.

Мирза-Адигезаль-бек, рисуя образ Ага-Мухаммед-шаха, передает, что угроза казни была им высказана в следующих словах: «Утром, во время восхода, когда могучий царь вращающегося небосвода свою голову без туловища светлейшую как солнце сделает зрелищем для смотрящих и наполнит красной кровью эмалецветное небо, тогда и я ваши головы для поучения смотрящим отделю от власти подлого туловища, подниму на штыке на высоту и розовая ваша кровь превратит луга Карабаха в цветник»[1]. [191 - 192]

Современники говорили, что Ага-Мухаммед-шах никогда не отменял своих приговоров. Двое из упоминавшихся выше придворных, Сафар-али-бек и Аббас-бек, устрашенные казнью, которая предстояла им на утро, решили убить тирана[2].

В предании рассказывается, что ночью они вошли в комнату шаха, неслышно по мягкому ковру, устилавшему пол комнаты, подошли к ложу Ага-Мухаммед-шаха. Комната освещалась серебряной лампадой. Отдернув полог, один из них бросился на Ага-Мухаммед-шаха и поразил его кинжалом. Умирающий шах приподнялся и промолвил: «Несчастный, ты убил Иран!»

Таково предание. Оно в различных изложениях повторено иранскими источниками. В некоторых официальных русских документах того времени имеются утверждения о том, что убийство Ага-Мухаммед-шаха было следствием заговора среди придворных. Главой заговора был первейший из сановников шаха Садых-хан шагагийский[3]. Совершившие убийство ему первому сообщили о содеянном. Садьгх-хан, забрав ценности, находившиеся при шахе, покинул Шушу до того, как распространилась весть о случившемся.

Когда стало известно об убийстве Ага-Мухаммед-шаха, иранские военачальники и знать в панике бросились из Шуши, они устремились в Иран, где в связи со сменой шаха должны были наступить смуты. Иранское войско бежало вслед за своими предводителями.

Мирза-Адигезаль-бек сообщает о том, что население города, собравшись большими толпами, истребляло тех из иранского войска, кого ему удавалось захватить[4].

Воспользовавшись сумятицей, ханы бакинский и ганджинский освободились из заключения и удалились в свои пределы. На несколько дней власть в Шуше перешла целиком в руки племянника Ибрагим-хана Мамед-бека. Последний, стремясь укрепить ее за собой, начал расправляться со сторонниками Ибрагим-хана. Он хотел вопреки Ибрагим-хану присвоить себе власть над Карабахом. По приказанию Мамед-бека был убит Вагиф. Ибрагим-хан возвратился в Шушу. Мамед-бек бежал из Шуши к шекинскому хану. Последний схватил Мамед-бека и отправил его к Мустафа-хану шемахинскому. Мустафа-хан, будучи кровником Мамед-бека, предал его позорной смерти[5].

Убийство Ага-Мухаммед-шаха повело к тому, что со стороны Ирана на некоторое время были прекращены попытки подчинить азербайджанские ханства. В Иране были заняты внутренними делами. Предстояло утвердиться на престоле новому шаху. Ага-Мухаммед-шах назначил преемником своего племяника Баба-хана. Баба было ласкательное имя, которым называл его Ага-Мухаммед-шах, а следуя его примеру также и все остальные. Он был любимцем Ага-Мухаммед-шаха и последний при жизни своей принял немало мер к тому, чтобы обеспечить за ним престол. Одна из этих мер заключалась просто в физическом уничтожении возможных претендентов на иранский престол. Однако, несмотря на то, что наследование престола было подготовлено, Баба-хану пришлось вести борьбу для того, чтобы занять шахский престол и утвердиться на нем. По воцарению Баба-хан стал именоваться Фетх-али-шахом.

---

[1] Мирза-Адигезаль-бек, указ. рук., стр. 38.
[2] Ср. Насир-ат-таварих, указ. изд., стр. 45.
[3] Ср. Бутков, ч. II, стр. 430-432; ч.III, стр. 304.
Ср. Бакиханов, стр. 147.
[4] Мирза-Адигезаль-бек, указ. рук., стр. 39.
[5] Бакиханов, стр. 148.

Фетх-али-шах, только что вступив на престол, не мог, конечно, [192 - 193] продолжать войны против Азербайджана и Грузии. Ханы шушинский, ганджинский, шекинский бакинский, и кубинскийат по воцарении Фетх-али-шаха отправили к нему послов с подарками, поздравлениями по поводу восшествия на иранский престол и просьбами не оставить их покровительством.

О Мустафе-хане ширванском современники говорили, что он прогнал бабаханова посла, явившегося от своего государя с требованием выразить ему покорность. При этом Мустафа-хан приказал послу: «Скажи своему господину, что шахское перо есть и у меня»[1]. Он твердо решил не признавать власти Фетх-али-шаха над Ширваном.

Фетх-али-шах прекрасно понимал, что даже те, кто признавал его государем, выразили лишь формальное подчинение, по сути же дела эти ханы были независимы, но на первое время ему пришлось этим удовольствоваться.

[1] Записка С. С. Коваленского о Грузии (А. К. А. К. , т. I, № 34, стр. 122).

ПОЛИТИКА ПАВЛА I В ОТНОШЕНИИ СЕВЕРНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА

Через два месяца после вступления на престол Павел I в одном из рескриптов выразил новую политическую линию российского правительства в отношении ханств Азербайджана и Дагестана. На Кавказской линии войсками тогда командовал генерал Гудович. В рескрипте к нему от 5 января 1797 г. Павел следующим образом очертил задачи в отношении владетелей Кавказа:

«Доводить дело до такой степени, чтобы из сих к России благожелательных владельцев составилось федеративное государство, зависящее от нас, яко верховного их государя и покровителя, который для них тем менее тягостен будет, поколику мы ни в образ их правления мешаться, ниже от них дани или иные повинности кроме верности единой к нам требовать, не намерены»[2].

Эта новая политическая линия имела свои достоинства и недостатки. Достоинства ее заключались в том, что азербайджанские ханы, увидев линию российского правительства на невмешательство во внутренние дела и убедившись в отсутствии стремления присоединить территорию ханств к России, вновь с еще большим, чем раньше стремлением потянулись в сторону России. В мае 1797 г. из Петербурга выехали в обратный путь послы, отправленные Ибрагим-ханом еще к Екатерине II. Эти послы везли от Павла I к Ибрагим-хану грамоту, в которой было выражено императорское благоволение.

Даже такой, казалось бы, уже совершенно ясно определившийся враг России, как Шейх-али-хан кубинский, вновь обратился к петербургскому двору с просьбой о принятии его в подданство российского императора. В ответ на эту просьбу Шейх-али-хан осенью 1799 г. получил от Павла I милостивый рескрипт, в котором, между прочим, писалось: «Видим с удовольствием искреннее к императорскому престолу нашему возобновление приверженности вашей, поколебавшейся от последней войны с Персией, нами прекращенной... Во из'явление же особого нашего императорского соизволения к оной приверженности вашей ныне вновь свидетельствуемой и в удостоверение, что мы охотно приемлем вас и всю область вашу в прежнее подданство и покровительство, коими она имела счастье пользоваться и от высоких предков наших, жалуем вас…» и т. д.[3] [193 - 194]

Таким путем Павел I привлек на сторону России почти всех ханов северного Азербайджана и значительной части Дагестана.

Однако попытка образования федеративного государства не могла иметь успеха потому, что невозможно было на сколько-нибудь длительный срок установить мирные и дружественные союзные отношения среди боровшихся между собой феодальных владетелей. Даже при внешнеполитическом давлении России трудно было установить мир и согласие там, где его не могло быть по самой природе вещей, благодаря феодальной раздробленности.

Все же дипломатические сношения владетелей ханств Азербайджана с Россией и акты вступления в подданство императора Павла 1 содействовали сближению между Азербайджаном и Россией и подготовляли присоединение к России, осуществившееся в начале XIX века. Устанавливая отношения зависимости от России ханств Азербайджана, правительство Павла I стремилось оградить их от влияния Ирана.

В конце 1797 г. Фетх-али-шах отправил своего посла на Кавказскую линию для дальнейшего следования его в Петербург к императору Павлу I. Этот посланный не ранее мая 1798 г. прибыл в Петербург. Он приехал как шахский посол и должен был поздравить императора Павла I с восшествием на престол, а также известить, что Фетх-али-шах принял верховную власть в Иране и выражает желание восстановить мир и дружбу между двумя государствами. Однако он был принят не как шахский посол, а как посол сардара Баба-хана. Представления посла по вопросам торговли были приняты. Тут же было выражено ему мнение российского правительства о том, чтобы Баба-хан не держал бы в видах своих претензий на Грузию, а также к шамхалу Тарковскому и ханам дербентскому, бакинскому и прочим, чьи владения лежали между западным берегом Каспийского моря и Грузией. Описанный эпизод с послом чрезвычайно интересен потому, что раскрывает отношение российского правительства к ханствам северной части Азербайджана уже после вывода оттуда войск, во второй год царствования Павла 1.

Факт вывода российских войск из Азербайджана в то время, когда основные задачи похода почти были разрешены, мог быть принят за отказ от политики распространения российского влияния в этой части востока. Но, как видно из приведенного выше, российское правительство опять заявило о своих значительных претензиях.

Программа отношений российского правительства к ханствам северного Азербайджана была развита в именном указе от 16 апреля 1799 года, данном статскому советнику Коваленскому, который

---

[2] Цитировано по Е. И. Козубскому „История города Дербенда”, Темир-хан-шура, 1906, стр. 123.
[3] Там же, стр. 127.

ехал в Грузию к царю Георгию, вступившему на престол после смерти царя Ираклия (10-го января 1799 г.). Коваленский должен был занять пост российского министра при царе Грузии. В указе этом было сказано: «Интересы наши, в рассуждении края того, суть, конечно, чтобы в оном никогда не могло установиться какое-либо твердое владычествование, под наименованием шаха или другим, дабы, таким образом, не иметь, сильного соседа, который ежели не самим нам может наносить беспокойство, по крайней мере, вредить будет владельцам: нам преданным. Потому, нужно содержать сношение с теми из ханов, кои посредством связей их с Грузией, или прямо приверженны к империи нашей, подкрепляя таковых уверениями о нашей к ним милости и покровительстве, и умножая число владельцев, к престолу российскому склонность оказывающих; но чтобы таковое влияние наше существовало без всяких [194 - 195] или по крайней мере с малейшими издержками, а наипаче, чтоб не доходило дело до посылки войска»[1].

Из этого текста видно, что российское правительство вполне правильно видело угрозу для азербайджанских ханств со стороны Ирана, где центральная власть могла укрепиться и вновь начать посягательства на Закавказье. Начало следующего XIX столетия подтвердило эти опасения. Не желая отказываться от осуществления влиянии на ханства Азербайджана, российское правительство, тем не менее, не желало нести сколько-нибудь значительных денежных расходов.

Мы уже упоминали, что поход В. А. Зубова в Закавказье обошелся очень дорого. Совершенно ясно, что азербайджанские ханства с их сельским хозяйством и ремеслом, находившимся в состоянии значительного упадка и расстройства, не могли в сколько-нибудь короткий срок компенсировать затраченную сумму. Упрочение вновь присоединенных ханств за Россией, естественно, потребовало бы новых и опять-таки больших расходов. Российское правительство прекрасно видело, что со стороны денежной, материальной присоединение ханств северного Азербайджана было связано с огромными расходами и не сулило в ближайшие годы каких-либо доходов. Это обстоятельство было одним из серьезнейших составных моментов среди причин; побудивших Павла I отозвать российские войска.

[1] Бутков, ч. II, стр. 450.

МЕЖДОУСОБИЯ ХАНОВ

После удаления иранских войск в ганджинском ханстве и во всем Ширване свирепствовала чума; ее распространение было связано с голодом и разорением, как следствием походов иранских войск.

Когда непосредственная угроза миновала, ханы начали сводить счеты между собой. Конец века наполнен междоусобиями. Слепой Мухаммед-хасан-хан шекинский, возвратившись из Тебриза в Ширван, с помощью Мустафы-хана изгнал своего брата Селим-хана и возвратил себе ханский престол Шеки. В бакинском ханстве шла борьба между Хусейн-кули-ханом и Мирза-Мухаммед-ханом II. На некоторое время она прекратилась, противники договорились между собой. Хусейн-кули-хан остался в Баку, Мирза-Мухаммед-хан II обосновался в сел. Маштаги, где состроил себе крепость. Впоследствии Хусейн-кули-хан изгнал его и оттуда.

Между кубинским Шейх-али-ханом, ширванским Мустафа-ханом, талышинским Мир-Мустафа-ханом происходят неприятности и борьба из-за того, кому владеть Сальянами. Особенно неистовствовал в Сальянах Шех-али-хан. За короткое время в Сальянах сменилось несколько правителей. Сурхай-хан казикумухский захватил Кубу. Шейх-али-хан, получив помощь от некоторых дагестанских владетелей, выбил Сурхай-хана из Кубы. Для того, чтобы вознаградить дагестанские войска, оказавшие ему помощь, Шейх-али-хан разместил лезгин по домам кубинских жителей, которых обязал кормить и угощать их. Эти угощения длились в течение полугода. Лезгинское войско притесняло жителей, разоряло их, издевалось над ними, взимая с кубинцев подать под названием «диш-киреси» - награда за труд зубов, т. е. за то, что беспокоятся есть чужой хлеб[1].

Часть лезгинского войска, которую Шейх-али-хан не смог разместить в Кубе, он отправил в Дербент. Дербентцы, испытав на себе тяжесть [195 - 196] постоя наемного войска, восстали. По этому поводу А. Бакиханов пишет: «Шейх-али-хан, восстановивший весь народ против себя дурным поведением своим, был в затруднительном положении»[2].

Шейх-али-хан вынужден был удалиться в Кубу. Между беками, фактически управлявшими Дербентом, произошли ссоры и кровавые столкновения их партий. Шейх-али-хан воспользовался этим. Он, получив помощь от ширванского, шекинского и бакинского канов, а также и от шамхала. осадил Дербент, но безуспешно. Власть в Дербенте перешла к некоему Хасан-хану.

Шейх-али-хан не мог примириться с этим. Через некоторое время он внезапно напал на дербентское ханство, увел оттуда жителей девяти селений и переселил их на земли ханства кубинского. Только в 1803 г., после смерти Хасан-хана дербентского, Шейх-али-хану удалось возвратить себе Дербент.

И это далеко не полный перечень междоусобий, происшедших в короткий срок, не более чем за три года. Междоусобия эти страшно изнуряли страну и усугубляли упадок сельского хозяйства, ремесла, торговли. Население лишалось своего благосостояния и беднело.

В 1800 году к российскому двору было отправлено посольство от ханов дербентского, кубинского, бакинского, талышинского и ряда дагестанских владетелей. Нам неизвестно, о чем представляли эти послы. В именных рескриптах (от 28 августа 1800 г.) Павла I к каждому из владетелей император повелевал составить между собою союз, быть приверженными России, жить между собой в согласии.

Ряд причин и обстоятельств, на рассмотрении которых здесь нет возможности останавливаться, привел к тому, что в начале 1801 г. Грузия была присоединена к России. Этот факт политической истории положил начало новой полосе событий, завершившихся присоединением ханств северного Азербайджана к России. Но этот вопрос уже выводит за границы нашего исследования. [196 - 197]

---

[1] Бакиханов, указ, соч., стр. 49.
[2] Бакиханов, указ, соч., стр. 149, 150.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценивая положение азербайджанских ханств к концу XVIII в., нужно иметь в виду, что сложившаяся политическая обстановка была такова, что все азербайджанские ханства, в том числе и наиболее крупные и сильные из них, а именно: ханства карабахское, ширванское и кубинское, вопреки желаниям самих ханов, не могли сохранить своей хотя бы даже и относительной самостоятельности. Ход событий вел к тому, что они должны были быть завоеваны или шахским Ираном, или султанской Турцией, или присоединены к царской России. Других выходов не было.

Этот основной факт политической обстановки конца XVIII в. сознавался и некоторыми из современников; так, например, князь Чавчавадзе – посол Ираклия II при Екатерине II - в марте 1796 г. в своем представлении Екатерине писал:

«Азербайджанские ханы как прежде, так и ныне в разговорах из'ясняют, что ежели достаточного числа российских войск к защищению Грузии не будет прислано, то они по слабосилию своему не могут противустать Ага-Махмед-хану, почему мы и останемся попранными»[1].

Число подобных высказываний можно значительно увеличить. Писатели, обстоятельно знавшие историю ханств Азербайджана, определенно высказывались о том, что политически самостоятельное существование ханств Азербайджана не было возможным. Так, например, Ахмед-бек Джевавшир, в своем сочинении «О политическом существовании карабахского ханства с 1747 по 1805 г.» о конце XVIII века прямо пишет: «Так как о самостоятельности карабахского ханства более уже нельзя было и помышлять, то в Шуше сановники ханства, забравшие по старости лет хана все дела управления в свои руки, разделились на две враждебные партии: одна из них в ожидании русского вмешательства в дела Закавказья ни в коем случае не хотела подчиняться Персии, другая же, напротив,... всеми мерами старалась угодить персидскому владыке»[2]. И это говорится о самом большом и сильном в военном отношении ханстве Азербайджана.

Ясно, что и в отношении других ханств Азербайджана следует сказать то же самое, т. е. что о самостоятельности их нельзя было и помышлять.

Именно в свете этих фактов и нужно оценивать все дальнейшие события исторической жизни ханств Азербайджана. Азербайджанские же ханы, вопреки очевидному положению, всячески старались сохранить свою независимость и власть и поэтому их политика сводилась к маневрированию между означенными государствами. [197 - 198]

Нами было приведено достаточное количество примеров подобного маневрирования ханов. Это маневрирование могло лишь отсрочить час падения, но не избавляло от него. Эта же политика маневрирования часто приводила ханов в сети иранской политики; они отдавались на милость иранских властителей и тем самым повергали народ своих владений под иго отсталого государства, цепеневшего в условиях феодальных отношений. Произвол и насилия как основы управления, гнетущая тяжесть налогов, подавлявших крестьян и ремесленников, постоянные междоусобия, грабежи и кровопролитие, мрачные изуверства религии, темнота и невежество народных масс, - таковы основные черты общественной и государственной жизни Ирана того времени. Примерно такой же была и Турция.

К концу XVIII столетия Иран и Турция отстали в своем историческом развитии от России и стран Западной Европы не менее чем, на два или три столетия. Они находились в состоянии глубокого экономического и политического упадка.

В течение XVIII столетия оба эти государства предпринимали шаги к утверждению своего господства в Азербайджане. Борьба за установление господства Ирана и Турции в Азербайджане велась и в предшествующие XVI и XVII вв. В результате Азербайджан попадал под иго то султанской Турции, то шахского Ирана или был разделен между ними. XVIII век не составил исключения. В первой половине Азербайджан был поделен между Турцией и Ираном, приморская же часть его была оккупирована Россией. Вторая половина века показала, что борьба за господство в Азербайджане продолжалась. Ясно, что сравнительно маленькие и слабосильные азербайджанские ханства не могли сохранить своей самостоятельности сколько-нибудь длительнее время. Они были расположены между тремя крупными государствами - Ираном, Турцией и Россией. То, что северно-азербайджанские ханства некоторое время были независимы, вовсе не говорит о том, что такое положение вещей могло продолжаться сколько-нибудь длительное время. Обстановка менялась, и государства, боровшиеся за господство в Азербайджане, готовы были продолжать эту борьбу. Ханства Азербайджана не были об'единены. В экономике Азербайджана не имелось условий для того, чтобы об'единение ханств в одно

---

[1] Грам. и др. история, докум. XVIII стол., относящ. до Грузии, т. II, вып. II, под ред. А. Цагарели, СПБ, 1902, д. № 107, стр. 129.
[2] Джеваншир Ахмед-бек, „О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 г." Тифлис, 1884, стр. 19.

большое централизованное государство было реальной возможностью. Господствовали отсталые феодальные и патриархально-феодальные формы производственных отношений, при которых преобладающим являлось натуральное хозяйство. Денежная рента и денежное обращение очень слабо охватывали основные массы населения. Отдельные части страны в хозяйственном отношении были замкнуты и почти ме связаны между собой. Существовавшие же кое-где связи были слабы. В этих условиях города были невелики и не имели значительной роли в хозяйственной жизни страны.

Описанные выше события политической истории рассматриваемого столетия очень неблагоприятно отразились на состоянии экономики страны. Можно утверждать, что конец XVIII в. по сравнению даже с началом его представлял собой картину упадка. Пострадало не только земледелие, но и города. Такие города, как Шемаха и Гянджа, к концу столетия могли гордиться лишь былой своей славой. Они более чем полуразрушены, ремесленное производство и торговля захирели.

Подобное состояние экономики приводило к тому, что в стране не было социальных слоев, способных поддержать дело об'единения страты или повести к нему. Не было общественных сил для того, чтобы преодолеть феодальную раздробленность. Между ханами почти [198 - 199] беспрерывно шли войны, ослаблявшие страну, истощавшие ее жизненные силы. Самое существование ханств, феодальная раздробленность страны, междоусобные воины, разрушительные походы иранских войск, упадок сельского хозяйства, ремесла и торговли - все это не может быть оценено, как прогрессивные явления в жизни страны.

В этой обстановке присоединение азербайджанских ханств к России являлось историческим обусловленным. Россия в XVIII в. вышла ряды европейских государств. В XVIII в. российская промышленность и торговли шагнули так далеко вперед, что в одно это столетие было сделано гораздо больше, чем в целую вереницу предшествующих веков. Россия совершила быстрые успехи в развитии своей государственности, а именно: армии, администраций и управления, законодательства, суда, значительные успехи были сделаны в развитии просвещения, а именно: в создании газет, журналов, университетов, академии наук, росла русская передовая интеллигенция. В XVIII в. Россия быстро усваивала достижения европейской цивилизации, она быстро шла по пути развития европейских государств, хотя крепостничество и сильно связывало ее, замедляло движение и успехи.

Таким образом в той реальной исторической обстановке, в которой находились ханства Азербайджана в исходе XVIII столетия, наиболее благополучным выходом из беспросветного внутреннего положения и угроз с юга со стороны погрязших в средневековом застое Ирана и Турции являлось присоединение к России. Это был единственный прогрессивный выход из условий как внутреннего, так и внешне-политического положения, в котором находился Азербайджан. Присоединение северного Азербайджана к России осуществилось в начале следующего XIX столетия. Это событие несомненно составило большую грань в истории страны. [199 - 200]

ПЕРЕЧЕНЬ
ДОКУМЕНТОВ, МАТЕРИАЛОВ И ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И ПРОСМОТРЕННОЙ ПРИ НАПИСАНИИ РАБОТЫ

В перечне приняты следующие сокращения:

А. К. А. К- Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Издана. под ред. Ад. П. Берже. Тифлис.

С. *И. Р. И, О.* Сборник имп. русского исторического общества, СПБ. *С. М. О. М. П. К.*- Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Тифлис.

Маркс К. Немецкая идеология. Соч. т. IV.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Статьи и корреспонденции 1852-1854 г. г. Сочинения, т. IX.

Маркс К. Капитал т. I. Соч., т. XVII.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. Соч., т. I.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., т. III.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-7 г. г. Соч., т. XI.

Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX в. Соч., т. XII.

Сталин И. В. История ВКП(б). Краткий курс.

Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат, 1937 г.

3. *Абакумов В. С.* Сообщение к истории Кавказа и Закавказья, 1774 г. (О задержании уцмием каракайтагским С. Гмелина. О мире с Турцией и восстановлении соседних владетелей против уцмия). Русский архив, 1889, в. 4, стр. 559-570.

4. *Абас-Кули,* Происхождение племен населяющих нынешние Закавказские провинции. Газ. «Кавказ», 1848, № I.

5. *Абас-Кули-Бакинский.* О походах Шах-Надира в Дагестан (из истории восточной части Кавказа; соч. Кудси-Абас-Кули Бакинский). Газ. «Кавказ», 1846, №№ 17 и 18.

6. *Абдул-Латиф-Эфенди.* История Шекинских ханов. Баку, 1926.

7. *Абраам Ереванци.* История войн 1721-1736 г. г. Предисловие А. С. Шахназаряна. Ереван, АрмФАН, 1939.

8. *Адигезаль-бек Мирза.* История Карабаха (на азерб. яз.). Рукопись Вост. отд. биб-ки АН Азерб. ССР, инв. № 1.

9. *Аракелян А.* Карабах до завоевания российским царизмом. Исторически журнал, 1938, № 2.

10. *Алкадари Г.* Асари Дагестан. Махач-Кала, 1929.

11. *Араратский Артемий.* Жизнь Артемия Араратского, уроженца сел. Вагаршапат, писанная и переведенная им самим с армянского на российский. (Две части в одном томе). СПБ, 1813.

12. *Аспинваль Стенгоп.* Копия с письма к лорду Гиндфорду из Константинополя, от 10 декабря 1745 г. (Сообщается о разгроме турецкой армии под Эриванью). С. И. Р. И. О., т. 102, д. № 10, стр. 437.

13. *Ашурбейли С. Б.* «Об истории Сураханского храма огнепоклонников». (Памятники архитектуры Азербайджана). Госуд. Архив. изд. М.-Баку, 1946 г.

14. *Базилевич К. В.* Средняя Азия, Кавказ и Закавказье в XVI-XVII в. в. М.,. 1940, В. П. Ш.

15. *Бакиханов Абас-Кули.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.

16. *Бакиханов Абас-Кули.* История Восточной части Кавказа (Ширван и Дагестан). Газ. «Кавказ», 1846, N° 2.

17. *Бакунина, В. Ив.* Персидский поход 1796 г. Воспоминания Варвары Ив. Бакуниной. Перевод с французского В. В. Тимощук. Русская старина, 1887, т. 13, стр. 343-374.

18. *Бамат шемхал Тарковский.* Копия с письма с просьбой о принятии под российское [200 - 201] покровительство и защиту совместно с дербентским Ахмет-ханом. Кавказский сборник, т. XX, стр. 391-392. Тифл. 1899.

19. *Бантыш-Каменский Д.* Словарь достопамятных людей русской земли, в 5 частях. М. А. Ширяев, 1836.

20. *Бартольд В. В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925.

21. *Бахтадзе И. Л.* Податное обложение государственных крестьян Закавьказского края. Свод матер, по изучению эконом, быта госуд. поселян Закавказского края, Тифлис, 1887, т. III.

22. *Безбородко,* кн., государ, канцлер. Письмо к Карабахскому Ибрагим-Халиль. хану, от 2 мая 1797 года, (Одобрение действиям против Ага-Мухаммед-хана и союзных отношений с царем Ираклием). А. К. А. К., т. II, допол. 3-е, док. № 20, с. 1144.

23. *Белевы* путешествия через Россию в разные асиатские земли, а именно в Испаган, в Пекин, в Дербент и Констатинополь. Перевел с французского Мнхайло Попов. СПБ, 1776.

24. *Березин И.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1849.

25. *Березин И.* Путешествие по Востоку. Казань, 1852, т. I.

26. *Берже А. П.* Фетх-Али-шах и его дети. Исторический очерк 1762-1834 г. г. Русская старина, 1886, т. 50, апрель-июнь.

27. *Берже А. П.* Граф Войнович в Персии в 1781 году. (Завоевания России в Гиляне). Русская старина, 1881, кн. X, стр. 450-453.

28. *Берхгольц,* камер-юнкер. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 г. г. Москва, 1862, ч. Ш,
217 стр.

29. *Берхгольц.* Дневник 1723 г. (Персидский посол о занятии Баку). Русский архив, 1903, кн. 4, стр. 135-38, 145-148, 151-154.

30. *Бобровский П. О.* (составитель). История 13 лейб-гренадерского Эриванского Е. В. полка за 250 лет (1642-1892). СПБ, 1893, ч. III, (Об участии полка в походе В. Зубова).

31. *Боголюбов Н.* История корабля. (Каспийская флотилия, созданная Петром I).
Т. II, ч. IV, 670, 22 стр. М.:,1880.

32. *Братищев.* Россия и Персия в конце 1742 года. (Из писем переводчика Братищева к канцлеру князю Черкасскому). Русский архив, 1899, № 3, стр. 36м.

33. *Бретаницкий Л. С. , Датиев С. И. , Мамиконов Л. Г. , Мотис Д. А.* Дом Шекихановых и его росписи. Памятники архитектуры Азербайджана. Госуд. Архит. изд-во. М.-Баку, 1946.

34. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. ч. I и II, Москва, 1823.

35. *Брунин, де.* Путешествие Корнелия де-Бруина через Московию. (Чтения в имп. об-ве истории и древн. Российских при Московском Университете, 1872, кн. 31.

36. *Брюсов Валерий.* Летопись исторических судеб армянского народа от VI в. до р. хр. по наше время. Москва, 1918.

37. *Булгаков.* Донесения имп. Екатерине II, от 1 (12) мая 1786 г. (о действиях Турции в Закавказье). С. И. Р. И. О., т. 27, стр. 392. СПБ, 1880.

38. *Бурнашев С. Д.* «Описание областей Азербайджанских в Персии и их политического состояния... в 1786 г.». Курск, 1793.

39. *Бурнашев С. Д.* Картины Грузии или описание политического состояния царств Карталинского и Кахетинского. Тифлис, 1896.

40. *Бурнашев С. Н.* Новые материалы для жизнеописания и деятельности С. Д. Бурнашева, бывшего в Грузии с 1783 по 1787 г. СПБ, 1901.

41. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. г., ч. ч. I, II и Ш. СПБ. 1869.

42. *Валуев П. Н.* Фатали-хан Кубинский. Изд. АзФАН, Баку, 1942.

43. *Вахушти,* царевич. География Грузии. Перевод, примечания и редакция М. Г. Джанашвили. Записки Кавказского отдела Русского Географического общества, кн. XXIV, в. V. Тифлис, 1904.

44. *В. Г. (Григорьев).* Статистическое описание Нахичеванской провинции, составленное В. Г. СПБ, 1833.

45. *Вейденбаум Е. Г.* Закавказский поход графа Тотлебена в 1769-1771 г., стр. 146-194. «Кавказские этюды». Тифлис, 1901.

46. *Вейч К.* баронет, английский посланник при русском дворе. Донесения лорду Картерету. Москва, 9 декабря, 16 декабря 1742 г. и 25 января 1743 г. (Об опасениях России за Астрахань и мерах укрепления ее против Надир-шаха). С. И. Р. И. О., т. 99, док. № 67, 72, 86, стр. 172, 183, 228.

Донесения лорду Картерету, от 12 марта 1743 г. (23 марта н. ст.). (О выступлении Надир-шаха из Дагестана к Исфахану). С. И. Р. И. О., т. 99, док. № 106, стр. 274. [201 - 202]

47. *Волынский А. П.* Письма А. П. Волынского из Персии к барону П. П. Шафирову (буквально). Русская старина, 1872, т. 5, стр. 941-946.,

48. *Гаджи-Сеид-Абдул-Гамид.* Родословная шекинских ханов и их потомков Пер. А. Субханвердиханова. Баку, 1930.

49. *Гаджинский Искендер-бек.* Жизнь Фет-Али-хана Кубинского Газ. «Кавказ» 1847, №№ 48-50.

50. *Габиев Сеид.* «Лаки» (Их прошлое и быт). (Имеются сведения о Сvрхай-хане, Дауд-беке из Мюшкура, Надир-шахе, Мухаммед-хане, Сам-Мирзе, Фатали-хане кубинском). С. М. О. М. П. К., в. 36, стр. 133.

51. *Гарсеванов М. Н.* Сеть главнейших дорог Закавказья (с картою). Сборник сведений о Кавказе, т. I, стр. 1-32, 337-342. Тифлис, 1871.

52. *Ган К. Ф.* Опыт об'яснения кавказских географических названий С М О М П. К., в. 40, стр. 1-164. Тифлис, 1909.

53. *Гербер, Иван Густав,* полковник артиллерии. Известия о находящихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях, и об их состоянии в 1728 году. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПБ, июль-декабрь, 1760.

54. *Гельбич.* Русские избранники и случайные люди в XVIII-м веке. Русская старина, 1886, т. 50, апрель, т. 51, июль, т. 52, октябрь, 1887, т. 53, т. 54, апрель, т. 56. октябрь.

55. *Гиндфорд,* лорд. (Донесение) лорду Честерфильду. СПБ, 10 янв. 1747 г. (О европейских державах и торговле шелком с Персией). С. И. Р. И. О., т. 103 д. № 86, стр. 179, 180.

(Донесение) лорду Честерфильду, СПБ, 25 июля 1747 г. (О восстаниях против власти Надир-шаха и опасностях, угрожающих английской торговле в Персии). С. И. Р. И. О., т. 103, док. № 150, стр. 352.

(Донесение) лорду Честерфильду, 18авг. 1747 г. (Об убийстве Надир-шаха и беспорядках в Персии). Там же, док. № 157, стр. 371.

(Донесение) лорду Честерфильду, СПБ, 6 октября 1747 г. (О предложении одного из претендентов на шахский престол, сделанном российскому правительству) Там же, док. № 171, стр. 410, 411.

(Донесение) лорду Честерфильду. СПБ, 10 октября 1747 г. (О победах племянника Надир-шаха Али-кули-хана и его обращениях к российскому послу Голицыну) Там же, док. № 172, стр. 412, 413.

(Донесение) лорду Честерфильду, СПБ, 14 ноября 1747 г. (Об английской торговле в Персии, капитане Эльтоне и намерении русского посла Голицына сжечь эльтоновы корабли). Там же, док. № 184, стр. 440.

56. *Гмелин С. Г.* Путешествие по России, ч. III, половина первая. СПБ, 1785.

57. *Голиков.* Деяния Петра Великого. М. 1838, изд. 2-е, т. IX,. М. 1839, изд. 2-е, т. X.

58.*Голиков.* Дополнение к деяниям Петра Великого к 1723, 1724 и 1725 г. г. М.. 1794, т. XIV; стр. 175 и сл.

59. *Головин.* Историческое обозрение Грузии. 1864.

60. *Грибовский Адр. Моис.* Записки о императрице Екатерине Великой. Изд. 2-е. М. 1864, стр. 100.

61. *Гудович,* генерал-аншеф. Всеподданнейший рапорт его от 7 ноября 1791 г. (О политическом положении ханств Азербайджана, просьбах Шейх-али-хана о принятии в подданство России, бакинском Мухаммед-кули-хане и пр.). Неизданные документы академика Буткова. Кавказский сборник, т. XVIII, стр. 415-422. Тифлис, 1897.

62. *Гудович,* граф. Письмо к Аббас-Мирзе, от 25 марта 1808 г. № 44. (Рассматривается вопрос о взаимоотношениях России и Ирана, в частности в XVIII столетии, а также вопрос о независимости северо-азербайджанских ханств от Ирана). А. К. А. К, т. III, д. № 831, стр. 457:

63. *Гудович,* граф. Отношение к гр. Румянцеву, от 31 мая 1808 г. № 79. (Упоминается о невозможности уничтожения пошлин на товары, привозимые из ханств Шекинского. Ширванского, Шушинского по той причине, что пограничные таможни не учреждены, а руководителя этих ханств такие же, как и привозимые из Персии). А. К. А. К., т. III, док. № 85, стр. 47.

64. *Гурко-Кряжин В.* Краткая история Персии. М. 1925.

65. *Гутор М. Д.* Новейшая история Турции и Персии. (XVIII-XIX и XX стол.). Тифлис, 1913.

66. *Гюльденштедт.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа в 1770-1773 г. СПБ, 1809.

67. *Давид,* царевич грузинский. Краткая история Грузии. С предисловием К. Н. Бегичева. Тифлис, 1893.

68. *Державин.* (Ода) на покорение Дербента. Сочинения, т. 1, стр. 501-503. бмирдин, 1847, изд. СПБ, 1847. [202 - 203]

69. *Джалалян Саркис.* Архиепископ Грузии. Имеретии и Санаина. «Путешествие по Великой Армении» (на армян. яз.).). Тифлис, 1858.

70. *Джевад-хан (Ганджинский).* Письмо к ген-л. Кноррннгу (текст и перевод). (Упоминается о службе, оказанной Джевад-ханом во время пребывания в Азербайджане графа В. Зубова). Л. К. Л. К., т. I, д. № 1173, стр. 589.

71. *Джевад-хан (Ганджинский).* Письмо к кн. Цицианову (конец 1803 г.). (Упоминается о передаче крепости Ганджи русским воискам в 1796 г.). А. К. А. К, т. II, д. № 1173, стр. 589.

72. *Джеванишр Ахмед-бек.* О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 г. по 1805 г. Тифлис, 1884.

73. *Джеваншир Ахмед-бек.* О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805г. г. 2-е изд. Шуша, 1901.

74. *Джемаль Джеваншир Карабаги.* «Карабаг». Газ. «Кавказ», 1855 г., №№ 61, 62, 63. 65. 67, 68, 69.

75. *Джеваншир Карабаги. «*Карабах». Газ. «Кавказ», 1884, М.-Л. 139, 150, 154, 161, 167.

76. *Джемшид Варандинский и Фридон Гулистанский.* Письмо к е. и. в. (Излагается история брьбы с Ибрахим-ханом карабахским и разорений, причиненных им). А. К. Л. К., т. 1, д. № 872, стр. 632-634.

77. *Долгорукий,* князь. Донесение е. и. в. самодерж. всероссийской, сентября 29 дня и октября 22 дня 1726 г. из Дербента. (О присылке из Казани транспортных судов для перевозки провианта, и войска в Прикаспийские провинции, о присылке морских офицеров и служителей. Упоминается о том, что ген.-м. Румянцеву, проводящему разграничение, было перевезено 7.000 солдат). С. И. Р. И. О., т. 56, док. № 217. стр. 436, 137, 139, 440.

78. *Дорн.* О походах Надир-шаха. Труды Восточного отдел. Русского археологич. об-ва. 1864, ч. 8.

79. *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПБ, 1871, т. т. I, II, III.

80. *Дубровин Н.* . Закавказье от 1803-1806 г. СПБ, 1886.

81. *Дубровин Н.* Поход графа Зубова в Персию в 1796 г. с прилож. операционной карты похода гр. Зубова в Персию в 1796 г. и плана осады Дербента. Военный сборник, 1874, № 2-6.

82. *Дункель-Веллинг.* Утверждение русского владычества на Каспийском море. Газ. «Кавказ», 1853, №№ 41, 42 и 43.

83. *Дюбуа,* кардинал (госуд. министр Франции). (Депеша) к г. де-Кампредону. Версаль, 27 ноября и 18 декабря 1722 г. (О намерении Турции вступить в войну с Россией и мерах Петра I). С. И. Р. И. О., т. 49, док. № 47, стр. 265, док. № 50, стр. 276.

(Письмо) к г. де-Кампредону. Версаль, 26 марта 1723 г. (О противоречиях Турции и России в восточном Закавказье). С. И. Р. И. О., т. 52, док. № 11, стр. 44, 45.

84. *Дюкруаси И.* Краткое описание главных торговых путей сообщения Закавказского края. Записи Кавказского отдел, имп. русского географ, об-ва, Тифлис, 1852, кн. 1, стр. 143.

85. *Евецкий Орест.* Статистическое описание Закавказского края с присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII в. и сравнении оного с нынешним. В двух частях. СПБ, 1835.

86. *Евлахов Н.* Тифлисские каравансараи. О каравансараях вообще. Записки Кавк. отд. имп. русск. географии, об-ва, Тифлис, 1852, кн. I, стр. 167.

87. *Егиазаров.* Опыт истории учреждений Закавказья, ч. I. Сельская община. Ученые записки юридического фак-та Казанского Унив-та, 1889.

88. *Екатерина II.* Записка к князю Григорию Александровичу Потемкину. (О возвращении ключей Дербента и восстановлении Фет-Али-хана в управлении городом). С. И. Р. И. О., т. 42, док. № 464, стр. 401.

89. *Екатерина II.* Новооткрытые письма импер. Екатерины Второй к барону Гримму, 1787-1796 г. г. (Сообщается о вступлении русских поиск в Баку. Отмечается, что русские войска благодаря их примерной дисциплине «Всюду встречают с распростертыми об'ятиями»). (Русский архив, 1878, № 10, стр. 236).

90. *Екатерина II* (Письмо) Собственноручное письмо имп. Екатерины II кн. Г. А. Потемкину (28 мая 1784 г.). (Екатерина II просит собщить ей о том, как Ибрахим-хан приобрел ханское достоинство, а также о силе и влиянии его). С. И. Р. И. О., т 27, стр. 336-337, СПБ, 1880.

91. *Ерицов А.* Исторический обзор Закавказья. Живописная Россия, ч. IX, стр. 131-l40)

92. *Ерицов А.* Исторический очерк торговых путей сообщения в древнем Закавказье. Сборник сведений о Кавказе, т. I, стр. 33. Тифлис, 1871. [203 - 204]

93 *Жигарев Сергей.* Русская политика в восточном вопросе, М. 1896, т. I, 465 стр.

94. *Закария Яков (Погосян),* архидиакон, член братии Иерусалимского монастыря. История похода Ага-Мухаммед-шаха и его гибель в Шуше. (Записано со слов отца в 1885 г.). Перев. Т. И. Тер-Григоряна. Научн. архив Ин-та истории АзФАН, № 924.

95. *Зевакин Евг.* Азербайджан в начале XVIII в. Журнал посланника Волынского 1715-1718 гг. Изд. Об-ва обследов. и изучения Азерб., № 8, вып. IV, Баку, 1929.

96. *Зевакин Евг.* Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII в. Изд. Об-ва обследования и изучения Азербайджана, Баку, 1927.

97. *Зевакин Е. С. и Полиевктов М. А.* К истории прикаспийского вопроса Тифлис, 1933.

98. *Зиссерман А. А.* Военно-исторические очерки. (О персидском походе Петра I) Русский вестник, 1877, кн. IV, стр. 644-681 и следующ. кн.

99. *Зонненштраль А. . А. -Пискорский.* Международные торговые договоры Персии. Моск. Инст востоковед. 1931, 254 стр.

100. *Зубов В. А.* граф. Общее обозрение торговли с Азиею (записка). Русский архив, 1873, кн. 5, стр. 879.

101. *Зубов В. А. ,* граф. Письмо к князю Платону Александровичу Зубову, 1796. Русский архив, 1873, кн. 5, стр. 876-879.

102. *Зубов Платон.* Картина Кавказского края. СПБ, т. I, ч. II, 1834, 1835.

103. *Зубов Л.* Талисман или Кавказ в последние годы царствования императрицы Екатерины II. Истор. роман. (Библ. заметка). Газ. «Кавказ», 1847, № 14.

104. *Ибрахим-хан.* Письмо к Цицианову, сентябрь 1805 г. (О принадлежности Мугани к Карабаху и о обычае возврата ханами бежавших крестьян). А. К. А. К., т. II, д. № 1475, стр. 720.

105. *Иваненко В. И.* Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества вел. кн. Михаила Николаевича. Тифлис, 1901.

106. *Иванов.* Материалы для изучения Закавказья. (Сведения о Фатали-хане кубинском). Газ. «Кавказ», 1854, № 94.

107. *Иванов П. П.* Удельные земли Сейид-Мухаммед-хана Хивинского. Записки ИВАН, VI, стр. 43-48.

108. *Идаров С.* Значение Индии в политике России (Персидский поход Петра Великого). Русский вестник, 1884, кн. 6, стр. 487-553.

109. *Иосиф (Аргутинский),* архиепископ. Письма о Грузии. Его высокоблагородию господину Степану в Петербург, от 15 декабря 1795 г. (О разрушении Ага-Мухаммед-ханом Тбилиси. Упоминается об обороне Шуши Ибрахим-ханом). Кавказская старина, 1872, № 2, стр. 30.

Письма о Грузии. Господину Степану в Петербург от 29 апреля 1796 г., Астрахань. (Об осаде Ганджи Ираклием II и Ибрахим-ханом. Об измене мелика Меджлума (ганджинцев). Кавказская старина, 1872, № 2, стр. 31 и 32.

Письма о Грузии, от 13 мая 1796 г., Астрахань. Ага Минасу (Лазареву) в Москву. (Об осаде Ганджи шушинским ханом и сыновьями царя Ираклия. Ага-Мухаммед хан опустошает приморские земли и укрепляет Тегеран). Там же, стр. 32.

Письма о Грузии, к Степанову в Петербург., 15 мая 1796 г., Астрахань. (О взятии Дербента гр. В. А. Зубовым и о мушкюрских армянах). Там же, стр. 323.

110. *Исмаилов Решид-бек.* Краткая история Кавказа. Тифлис, 1905.

111. *Какадзе С. Н.* Краткий обзор истории Грузии. Абгиз, Сухуми. 1941.

112. *Кампредон-де,* франц. полномочный министр при русском дворе. (Донесение) к кардиналу Дюбуа. Москва, 20 марта 1722 г. (О видах Петра I на восточную торговлю). С. И. Р. И. О., т. 49, док. № 15, стр. 77.

(Донесение) к кардиналу Дюбуа. Москва, 3 апреля 1722 г. (О вопросах торговли через Ширван и политическом устройстве последнего). С. И. Р. И. О., т. 49, док. 17, стр. 83, 84.

(Донесение) к кардиналу Дюбуа. Москва, 10 апреля, 1722 г. (О количестве войск, приготовляемых царем для персидского похода). С. И. Р. И. О, т. 49, док. № 18, стр. 93.

(Донесение) к кардиналу Дюбуа. Москва, 6 янв. 1723 г. (О расходах людьми и в материальной части, понесенных Петром I для занятия Дербента). С. И. Р. И. О., т. 49, док. № 52, стр. 281.

(Донесение) к королю. Петербург 16 апр. 1723 г. (О шагах Петра 1 к обеспечению мира с Турцией и защите российской торговли). С. И. Р. И. О., т. 49, док. № 60, стр. 332, 335.

(Донесение) к королю. Петербург, 20 сент. 1723 г. (Об обстоятельствах, имевших [204 - 205] место при взятии гор. Баку и празднествах, устроенных Петром I в ознаменование этого события).С. И. Р. И. О., т. 49. док. № 71, стр. 384, 385, 380, 390.

(Донесение) гр. де-Морвилю, СПБ, 9 феевр. 1724 г. (О количестве русских войск, находящихся на турецкой границе и Персии и др. местах). С. И. Р. И. О., т. 52, док. .№ 48, стр. 159.

(Донесение) к маркизу де-Бонаку. Москва, 16 апреля 1724 г. (О противоречиях между Россией и Турцией в вопросе о городах - Тебризе и Ардебиле и др.). С. П. Р. И. О., т. 52, док. № 55, стр. 198, 199.

(Донесение) к гр. де-Морвилю. Петербург, 3 мая 1725 г. (Об отношении Екатерины I к вопросу о содержании присоединенных персидских провинций). С И. Р. И. О., т. 58, док. № 42, стр. 243.

(Донесение) к гр. де-Морвилю. Петербург, 25 мая 1725 г. (О проведении границ между Турцией и Россией и о положении русских войск в прикаспийских провинциях). С. И. Р. И. О., т. 58, док. 60. стр. 339, 340, 344.

(Донесение) к гр. де-Морвилю. Петерб., 9 июня 1725 г. (Об отправке русских войск в Астрахань, для поддержки прикаспийских провинций). С. И. Р. И. О., т. 58, док. № 65.

(Донесение) к гр. де-Морвилю. Петерб.. 1 августа 1725 г. (О действиях ген-Матюшкина в Гиляне). С. И. Р. И. О., т. 58, док. № 87, стр. 471, 472.

Донесение к гр. де-Морвилю. СПБ, 16 октября 1725 г. (О взятии турками Тебриза, об их намерениях захватить Гилян. Упоминается о Гандже). С. И. Р. И. О., т. 64, док. № 2, стр. 25.

Донесение к королю. СПБ, 30 октября 1725 г. (О захватах турок в Персии, об их дальнейших планах и пренебрежении к константинопольскому договору 1724 г.). С. И. Р. И. О., т. 64, док. 6, стр. 44.

Донесение к гр. де-Морвилю. СПБ, 3 ноября 1725 г. (Об овладении турками Ганджой и Лористаном). С. И. Р. И. О., т. 64, док. № 8, стр. 56.

Донесение к королю. Петербург, 20 ноября 1725 г. (Упоминается о том, что шамхал Гирей, находящийся в связи с Турцией, страшно опустошает земли, занятые русскими, при Каспийском море). С. И. Р. И. О., т. 64, док. № 16, стр. 94,

Донесение к гр. де-Морвилю. Петерб., 27 ноября 1725 г. (Упоминается о победе русских над шамхалом и о пушечной пальбе по этому поводу). С. И. Р. И. О., т. 64, док. № 18. стр. 113.

Донесение к гр. де-Морвилю. Петерб., 4 декабря 1725 г. (О политич: мероприятиях России в присоединенных прикаспийских провинциях. Переговоры с шахом Тахмаспом о ратификации им константинопольского договора, между Россигй и Турцией). С. И Р. И. О., т. 64, док. № 19, стр. 120, 121.

Донесение к гр. де-Морвилю. Петерб., 22 дек. 1725 г. (Об усилении отряда, назначенного в Астрахань. О желании турок продвинуться в Персию, об откладывании до весны разграничения в Ширване и: Дагестане). С. И. Р. И. О., т. 64, док. № 25, стр. 166, д. № 29, стр. 193.

Донесение к гр. де-Морвилю, Петерб., 9 марта 1726 г. (Великий визирь Турции заявил русскому послу, что границы в Дагестане и Ширване установятся сами собой). С. И. Р. И. О., т. 64, док. № 51, стр. 271.

Донесение к гр. де-Морвилю. Петерб., 6 апр. 1726 г. (О посылке князя Вахтанга в Персию, для устройства тамошних дел России). С. И. Р. И. О., т. 64, док. № 60, стр. 323.

113. *Кантемир Дим.* Журнал князя Дим. Кантемира о персидском походе. Журн. Минист. внутр. дел. СПБ, 1839, ч. XXXI, № 1. стр. 16-23.

114. *Каратыгин П. П.* Биография П. С. Потемкина. Исторический вестник, 1883, кн. 8.

115. *Кишмишев С. О.*, ген.-лейт. Походы Надир шаха в Герат, Кандагар, Индию и события и Персии после его смерти. Тифлис, 1889, 303 стр.

116 *Ковалевский М.* Закон и обычай (на Кавказе, М., 1890, т. II.

117. *Коваленский* ст. сов. Записка о Грузии. (Характеристики Джават-хана ганджинского, Ибрагим-хана карабахского, Мустафы-хана ширванского и др.). А. К. А. К., т. 1. д. № 34, стр. 120-123.

118. *Козубский Е. И.* История города Дербента. Темир-хан-Шура, 1906.

119. *Козубский Е. К.* Истории Дагестана. Темир-хан-Шура, 1896.

120. *Корсаков Д.* Артемий Петрович Волынский. Жури. «Древняя и Новая Россия», 1876, № 1.

121. *Корсаков Д. А.* Артемий Петрович Волынский. Русская старина, 1885 г., т. 48, август, стр. 23, 24.

122. *Кочубей,* граф. Письмо к Баба-хану, от 24 марта 1799 г. (О благорасположения России к Ирану и возвращении пленных персиян). А. К. А. К, т. II, добавл. 3-е, д. № 23, стр. 1147. [205 - 206]

123. *Крымский А. Е.* акад: Страницы из истории северного (кавказского) Азербайджана. Шеки. (Сборник памяти акад. Н. Я. Марра, Л.-М., 1938 г.).

124. *Кучаев М. Н.* Поземельное устройство государственных крестьян, водворенных на владельческих землях в Закавказских губерниях. Свод материалов по изучению эконом, быта государств, поселян Закавказского края, Тифлис, 1887, т. I.

125. *Кучаев М. Н.* Поземельный вопрос в Каспийской области Русский вестник, 1893, кн. VI, стр. 155-202.

126. *Кучаев М. Н.* Путы земледельчества в Закавказья Русский вестник, 1892, кн. 12, стр. 191-228.

127. *Ланин Р. С.* Внешняя политика Павла I, 1796-98 г. Ученые записи; Ленинградск. Госуд. Ун-та, в. 10, стр. 4-44.

128. *Ламбин П. и Турбин С.* Артемий Петрович Волынский, 1711-1725. Материалы для его биографии. Русская, старина, 1872, т. V. стр., 934-951, 1883 т. 40.

129. *Ла-Порт-де.* Всемирный путешественник, или познание старого и нового света. СПБ, изд. до 1794 г., т. т. 16, 20, 23, 24.

130. *Лебедев В.* Западный берег Каспийского моря при Петре Великом. Журнал Министерства народн. просвещения, 1948, часть LIX.

131. *Лебедев Л.* Турция, Очерк ее исторического развития и нынешнего состояния. Отечественные записки, 1876, №11.

132. *Ледран,* Докладная записка о сношениях между Франциею и Россиею в царствование Петра I, составленная в 1726 г. Ледраном, старшим чиновником департамента иностранных дел (продолжение). (Об оккупации Россией прикаспийских провинций и положении в Персии). С. И. Р. И. О., т. 49, стр. XXXIX, III.

Докладная записка о сношениях между Франциею и Россиею в царствование Петра I, составленная в 1726 г. (О разделе Азербайджана междv Турциею и Россией). С. И. Р. И. О., т. 52, стр. XV-XXVIII.

133. *Лерх И.* Путешествие (2-е). «Новые ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Изд. АН. СПБ, январь 1790, июль 1791 г. г.

134. *Ле Форт* Донесение графу Флемингу. Москва 3 апр. и 29 мая 1722 г. (О мятеже в Ширване, и ущербе нанесенном , русско-персидской торговле более чем в 5 млн. руб.) С. И. Р. И. О., т. 3, док. №№ 22, 27, стр. 345-350.

135. *Линевич И. П.* Бывшее Елисуйское султанство. Сборник сведений о кавказских горцах, т. VII.

136. *Манштейн,* генер. Записки исторические, гражданские и военные о России с 1727 по 1744 год, писанные на французском языке ген. Манштейном, М. 1823, ч. 2-я.

137. *Маньян,* французский поверенный в делах при русском дворе. Донесение к графу де-Морвилю. Петербург, 19 ноября 1726 г. (Сообщается о том, что шах Тахмасп, находящийся в Гилянской области, ратифицировал уступку России прикаспийских провинций). С. И. Р. И. О., т. 64, д. № 106, стр. 450.

Донесение графу де-Морвилю. СПБ, 19 авг. 1727 г (Упоминается о неудачах турок в их борьбе против Эшрефа, котооый привлек к себе курдов и оттеснил турок до Тебриза). С. И. Р. И. О., т. 75 д. № 22, стр. 67.

Донесение графу де-Морвилю. Москва, 15 апр. 1728 г. (Об огромной смертности в русских войсках, стоящих в прикаспийских провинциях, и о мероприятиях пр-ва по укомплектованию их). С. И. Р. И. О., т. 75, д. № 63. стр. 175, 176.

Донесение министру иностранных дел. Москва, 21 июля 1729 г. (Упоминается о том, что содержание персидских завоеваний России стоит очень дорого и о невозможности для России допустить Турцию к берегам Каспийского моря.) С. И. Р. И. О., к 75, д. № 138, стр. 358-360.

Донесение министру иностранных дел. Москва, 29 сентября 1729 г. Говорится о пограничных столкновениях ген. Румянцева, командующ., русскими войсками но производству разграничения в Ширване, с владетелем Шемахи Сурхай-ханом). С. И. Р. И. О., т. 75, д. № 148, стр. 394-396.

Донесение министру иностранных дел. Москва, 31 октября 1729 г. (Сообщается о том, что в связи с успехом оружия войск молодого Сефи, русское правительство отправляет в прикаспийские провинции войска и довело их численность до 40 тыс. чел.). С. И. Р. И. О., т. 75, д. № 153, стр. 408, 409.

Донесение министру иностранных дел. Москва, 1 декабря 1729 г. (Сообщается об аудиенции у царя, данной брату гилянского хана и армянскому владетельному князю, который в течение нескольких лет вел войну с турками на сторону молодого шаха Тахмаспа). С. И. Р. И. О., т. 75, д. № 157, стр. 417.

Донесение г. Шовелену. Москва 16 ноября 1730 г. (Сообщается о значительных поражениях и потерях турок в войне против шаха Тахмаспа, о низложении султана Ахмета III, о том, что Сефи возвратил почти все земли, захваченные турками, кроме Тебриза и Грузии). С, И. Р. И. О., т. 81, д. № 48, стр. 133. [206 - 207]

Донесение г. Шовелену. СПБ, 22 марта 1732 г. (Об отсрочке заключения с Ираном договора о возвращении прикаспийских провинций ввиду поражений, понесенных персианамн от турок). С. И. Р. И. О., т. 81, д. № 131, стр. 312.

Донесение г. Шовелену. СПБ 2 августа 1732 г (Упоминается, что Кули-хан возобновил враждебные действия против владений султана, отмечено, что это соответствует интересам России. С. И. Р. И. О., т. 81, д. № 162, стр. 407.

Донесение г. Шовелену, СПБ, 7 марта 1733 г. (О военных действиях Тахмасп-кули-хана против Турции и его намерении итти к Багдаду), С. И. Р. И. О, т. 81, д. № 23, стр. 544.

138. *Меликсет-беков.* Описание сопредельных с Грузией стран во второй половине XVIII в. Труды Тбилисского Госуд. ун-та, т. XVIII, 1941.

139. *Мельгунов Г.* Поход Петра Великого в Персию. Русский вестник, 1874 т. 110.

140. *Мир-Мехти-Хизани.* История Карабаха (на азерб. яз.). Рукопись Восточн. отд. фундамент. б-ки АН Азерб. ССР.

141. *Мирза-Мехти-хан Астрабадский.* Тарихи-Надир. Отрывок из персидской истории, известной под заглавием «Тарихи-Надир», т. е. «История Надир-шаха», составленной Мирза-Мехти-ханом Астрабадским. Русская старина, 1881, октябрь, т. 32, стр. 453.

142. *Мирза-Таги и Риза-Кули-хан.* Продолжение к Роузет-с-Сафа, т. е. «Сад непорочности и чистоты» Мирхонда. авт. XV в. Сообщение и перевод Ад. П. Берже, озаглав. «История России, изложенная персиянином». Русская старина, 1879, т. XXIV, стр. 163-168.

143. *Мир-Мустафа-хан.* Письмо к кн. Цицианову (1802 г.). (Упоминается об отношении Мир-Мустафа-хана к России во времена имп. Екатерины II). . А. К. А. К., т. II, д. № 1529, стр. 748.

144. *Мустафа-хан.* Письмо к кн. Цицианову (1805 г.) (Имеются ценные упоминания о хозяйстве и торговле Ширвана). А. К. А. К, т. II, д. № 1353, стр. 668.
145. *Мустафа-хан.* Письмо к кн. Цицианову (1805 г.) (Упоминается о том, что некоторые из жителей Карабаха во время голода (1796-1797 гг.) были куплены им за деньги). А. К. А. К., т. II, д. № 1350, стр. 666.
146. *Морвиль-де,* граф, франпузск. секрет, по иностранным делам. (Депеша) к г. де-Кампредону, 7 октября 1723 г. (О противоречиях между Турцией и Россией н военных приготовлениях последней). С. И. Р. И. О., т. 52, док. № 32, стр. 118, 119.
(Депеша) к г. де-Кампредону, 21 октября 1723 г. (Об отношении Турции к занятию Баку Россией). Там же, док. 32, стр. 120.
(Депеша) к де-Кампредону Версаль, 10 декаб. 1723 г. (О твердом намерении царя Петра I не допустить Турцию к берегам Каспийского моря). Там же, док. 39. стр. 132.
147. *Муртуза-Гулы-хан.* Повесть и неотложное описание происшествий второго Мутуза-Гулы-хана, сочиненное им самим, жившим в Астрахани и бывшего под покровительством Екатерины II, «Ипокрена», 1801 г. ч. II, стр. 369-384.
148. *Натроев А.* Ираклий II, царь грузинский. Тифлис, 1898.
149. *Неверовский,* подполк. Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан до уничтожения власти лезгинов. Отрывки из рукописи подполковника Неверовского СПБ, 1848.
150. *Остерман,* барон, вице-канцлер. Генеральное состояние дел и интересов, Всероссийских в 1726 г. Северный архив, 1828, т. т. 31 и 32.
Рассуждение вице-канцлера барона Остермана о турецких и персидских делах, март 1726 г. (О невозможности допустить Турцию к Каспийскому морю). С. И. Р. И. О., т. 55, стр. 112.
151. *Панин Н. И.* ., граф, д. т. с. Письмо к дербентскому и кубинскому хану Фетх-Али. СПБ, 10 марта 1770 г. (О возвращении товаров с судна, разбившегося у берегов владений Фетх-Алн-хана и его достохвалыюй преданности к России) С. И. Р. И. О., т. 145, д. № 2857, стр. 64, 65.
Письмо к командующему в Кизлярской стороне генерал-поручику И. Ф. Медему, от 10 марта 1776 г. (Об астраханском торговом судне, разбившемся у берегов владений Фетх-Али-хана дербентского и кубинского и о сношениях с ним по вопросу о возвращении товаров, находившихся на этом судне). С. И. Р. И. О., т. 145, д. № 2856, стр. 63, 64.
152. *Патканов К. П.* Библиографический очерк армянской исторической литературы. СПБ, 1879, 57 стр.
153. *Пахомов Е. А.* Краткий курс истории Азербайджана. Баку, 1923 г.
154. *Пахомов Е. А.* О сословно-поземельном вопросе в Азербайджане. Известия Общества обслед. и изучения Азербайджана, № 1, 1925 г. [207 - 208]
155. *Петрушевский И. П.* Джаро-белоканские вольные общества и первой трети XIX стол. АН СССР, Закавказский Филиал. Тифлис, 1934 г.
156. *Петрушевский И. П.* Иранские источники по истории Азербайджана XVI-XVIII веков. Известия АзФАН, № 8, 1942 г.
157. *Петрушевский И. П.* «К вопросу об иммунитете в Азербайджане в XVII-XVIII в.». Исторический сборник, 4 изд. АН СССР. М.-Л. 1935.
158. *Петрушевскяй И. П.* Персидские официальные документы XVI-нач. XIX в.в., как сточник для истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении. Проблемы источниковедения, т. III. Изд. АН СССР, 1940 г.
159. *Плоен Франциск.* Исторический обзор дипломатических сношений между российскими государями и грузинскими царями и владетелями.
160. *Полиевктов М. А.* Архивные материалы о смерти на Кавказе акад. С. Г. Гмелина. Изв. Кавказ. Историч. арх. ин-та, т. III: Тифлис, 1928.
161. *Полиевктов М. А.* Европейские путешественники XIII-XVIII в.в. по Кавказу. Тифлис, 1935.
162 *Полиевктов М. А.* Проект хозяйственной эксплоатации оккупированных в XVIII в. Россией прикаспийских областей Кавказа. Материалы по истории Грузии и Кавказа, в. IV, 311 стр. Тбилиси, 1937.
163. *Плиевктов-Таврический Г.* А., Письмо князя Г. А. Потемкина-Таврического к Я. М. Булгакову, 13 декабря 1786 г. С. И. Р. И. О., т. 47, д. № 108, стр. 193.
164. *Потемкин Г. А.* Доклад о положении; дел на Кавказе (после 7 ноября 1775 г.) и две собственноручные резолюции имп. Екатерины II на нем. С. И. Р. И.О., т. 27, стр. 59. СПБ, 1880.
165. *Потемкин-Таврический.* Собственноручные бумаги кн. Потемкина-Таврического, 1786-1790. (Имеются сведения о положении дел в Персии и окрестностях Кавказа в 1786 г.). Русский архив, 1886, в. 4, стр. 407-415.

166. Погто *В. А. , Томкеев.* Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Под ред. ген.-м. Потто. Тифлис, 1899.
167 *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПБ, 1897, т. 1, 718 стр.
168. *Родине,* кап.-лейт. Выписка из журнала участника экспедиции. (Экспедиция Войновича). Журн. Мин. внутр. дел. № 7, 1839.
169. *Ростопчин Ф. В. ,* граф. Письма к графу С. Р. Воронцову. (Вести из России в Англию). Русский архив, 1876, № 4, стр. 393.
170. *Раффи.* «Пять меликств»-«Хамсаи меликутюннер» 1600-1827 (на армянск. яз.). Газета «Мшак», Тифлис, 1882.
171. *Рикот.* Монархия турецкая, описанная через Рикота, бывшего английского секретаря посольства при Оттоманской Порте. СПБ, 1741.
172. *Романовский.* Очерки из истории Грузии. Тифлис, 1902, 423 стр.
173. *Рондо К. ,* английский посланник при русском дворе. Донесение лорду Гаррингтону. СБП, 14 июля 1733 г. (25 июля н ст.) (О движении отряда крымских татар к Дербенту). С. И. Р. И. О., т. 76, док. № 13, стр. 35.
Донесение лорду Гаррингтону. СПБ, 26 октября 1734 г. (О прибытии Тахмасп-кули-хана с армией к Шемахе). С. И. Р. И. О., т. 76, док. № 147, стр. 307.
Донесение лорду Гаррингтону. СПБ, 16 марта 1735 г. (27 марта н. ст.) (О победе Тахмасп-кули-хана над Сурхай-ханом). С. И. Р. И. О., т. 76, док. № 162, стр. 345.
Донесение лорду Гаррингтону. СПБ 16 марта 1735 г. (27 марта н. ст.) (Об осаде Тахмасп-кули-ханом Ганджи) С. И. Р. И. О., т. 76, док). № 181, стр. 381, 382.
Донесение лорду Гаррингтону. СПБ, 29 марта 1735 г. (О возвращении Персии городов Дербента и Баку). С. И. Р. И. О., т. 76, док. № 184, стр. 384.
Донесение лорду Гаррингтону. СПБ, 31 мая 1735 г. (О возвращении Персии городов Баку и Дербента и о выводе оттуда русских войск) С. И. Р. И. О., т. 76, док. № 195, стр. 401.
Донесение лорду Гаррингтону. СПБ, 12 июля 1735 г. (23 июля н. ст.). (О поражении турецкой армии Тимур паши близ гор. Карса). С. И. Р. И. О., т. 76, .док. № 205, стр. 419, док. № 208, стр. 424.
Донесение лорду Гаррингтону. СПБ, 2 авг. (13 авг. н. ст.). (О противоречиях России и Турции в Дагестане). С. И. Р. И. О., т. 76, док. № 210, стр. 426.
Донесение лорду Гаррингтону. СПБ, 6 сент. 1735 г (17 сент. н. ст.). (О сдаче города Гянджи). С. И. Р. И. О., т. 76, док. № 218, стр. 441.
Донесение лорду Гаррингтону. СПБ, 11 октября 1735 г. (22 окт. н. ст.). (О движении крымских татар через Кубань в Кабарду). С. И. Р. И. О., т. 76, док. № 226, стр. 452.
Донесение лорду Гаррингтону. СПБ, 25 октября 1735 г. (5 ноября н. ст.). (О [208 - 209] сдаче персианам турецкого гарнизона тифлисского замка, о блокаде Тахмасп-кули-ханом Эривани). С. И. Р. И. О., т. 76, док. № 229, стр. 456.
Донесение лорду Гаррингтону. СПБ, 13 дек. 1735 г. (24 дек. н. ст.). и 3 янв. 1736 г. (14 янв. н. ст.). (О взятии Тахмасп-кули-ханом Эривани). С. И. Р. И. О, т. 76, док. №№ 239, 242, стр. 468 и 473.
Донесение лорду Гаррингтону. СПБ. 21 февр. 1736 г. (3 марта н. ст.). (О возвращении крымского хана в Крым; о пребывании Тахмасп-кули-хана в Дербенте). С. К. Р. И. О., т. 76, док. № 250, стр. 485.
Донесение лорда Гаррингтону. СПБ, 22 мая 1736 г. (2 июня н. ст.). (О коронации на Мугани Тахмасп-Кули-хана, провозглашенного Надир-шахом). С. И. Р. И.О., т. 76, док. № 267, стр. 513.
Донесение лорду Гаррингтону. СПБ, 26 мая 1739 г. (О поражении армии Ибрагим-хана и Джарской области). С. И. Р. И. О., т. 80, док. № 242, стр. 490.
174. *Садиги Г.* Древности деревни Шихово. {Упоминается о памятнике над могилой Фатали-хана кубинского). Известия Азербайджанского Археологического комитета Баку, 1925, в. 1.
175. *Сальватори.* ст. соц., и *Хрипков Н. С.* Записка, представленная ген.-ад'ют. Сипягину, 5-го авг. 1828 г. (Сведения о персидской торговле, о внешней и внутренней торговле Закавказского края. Местные удобства и произведения здешних провинций). А. К. А. К., т. VII, док. № 105, стр. 129-132.
176. *Самойлов.* Жизнь и деяния кн. Потемкина-Таврического. Русский архив, 1867, стр. 1011-1013.
177. *С.—д. к.* «История занятия р. Куры от Петра Великого». Газ. «Кавказ», 1852, № 78.
178. *Сегаль И.* «Елисаветпольская губерния». (Впечатления и воспоминания). Изложена история Шекинского ханства по неопубликованной азербайджанской рукописи второй половины XIX в. Кавказский вестник, 1902, № 1, изд. Тифлис.
179. *Селим-хан (шекинский).* Письмо к кн. Цицианову, получено 2-го апреля 1804 г. (перевод старый). (Упоминается о вступлении Селим-хана в российское подданство во время похода гр. Зубова). А. К. А. К., т. II, док. № 1278, стр. 637.

180. *Семенов А. А.* Очерк поземельно-податного устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929.
181. *Скибиневский М.,* русский консул в Иране. (Записка). Торговля с Персией. Архив Государственного Совета в царствование имп. Павла I (1796-1801). СПБ, 1888, стр. 696.
182. *Смбатян Месроп.* архиепископ. Описание Сагияна и монастыря св. Степана, о монастырских днях и пр., а также о городских и сельских днях шемахинской епархии. Писал архиепископ Месроп Смбатян. Начал в; 1887 г. окончил в 1895 г. В этом издании имеются «Биографические сведения о родовом происхождении бакинских ханов, основанные на преданиях стариков, исторических надписях и пр.» Составлены в марте 1870 г. на русском яз. Изданы в переводе Смбатяна на армянском яз. Тифлис, 1896.
183. *Соймонов П.* (Докладная записка). В государственную коллегию иностранных дел от тайного совета, сенатора Государственной коммерц-коллегии президента и кавалера Соймонова. (О торговле с Персиею). Архив Государственного Совета, т. II, Совет в царствование имп. Павла I, 1796-1801. СПБ, 1888, стр. 717, 725.
184 *Соймонов Ф. И.* Описание Каспийского моря и чиненых на оном российских завоеваниях и т. д. «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». СПБ, 1753, I полугодие.
185. *Соколов,* Плавание по Каспийскому морю Ганвая, Эльтона и Вудруфа, 1742-1744 гг. Морской сборник, 1855, № 12.
186. *Соловьев С.* Московские купцы в XVIII в. Современник, 1858, № 10.
187 *Соловьев С. М.* Петр Великий на Каспийском море Вестник Европы, 1868, № 3, стр. 163.
188. *Соловкин Н. К.* 70-летию существования астрабадской морской станции. (О строительстве на Каспии судов англичанином Эльтоном. О значении Каспия для торговли России с востоком). Морской сборник, 1911, № 9, стр. 13, 17 и др.
189. *Спильман Джемс.* Путешествие через Россию в Персию двух английских джентльменов, которые отправились в 1739 году, имея целью изучений того, каким образом может вестись из Астрахани по Каспийскому морю торговля Великобритании. Перев. с англ на русск. Абезгуз Науч. арх. Ин-та истории АзФАН, инв. № 483.
190. *Суворов А. В.* Письма. Вводная статья Г. Никольской (О походе гр. В. Зубова 1796 г.). Красный архив, 1941, № 3 (106).
191. *Сум П. Ф.* Исторические рассуждения о происхождении народов, населявших в средние века Польшу, Россию и земли между Каспийским и Черным морем, также европейскую Турцию на север от Дуная. Москва» 1846. [209 - 210]
102. *Сысоев В.* Атешга или храм огнепоклонников в Сураханах. Известия Азербайджанского Археологического комитета, Баку, 1925, в. 1.
193. *Сысоев В. М.* Краткий курс истории Азербайджана (северного). Баку, 1925.
194. *Сысоев В. М.* Тюркское население Азербайджана в XVIII в. Известия-Общества обследования и изучения Азербайджана, № 1, стр. 49-62. Баку, 1926.
195. *Такайшвили Е. С.* «Описание рукописей библиотеки Общества распространения грамотности среди грузинского населения». (О происхождении азербайджанских ханов). С. М. О. М. П. К., в. 41, стр. 3, 4. Тифлис, 1910, или Материалы для истории Грузии. Тифлис, 1895.
196. *Тарле Е. В.* Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной. Современный мир, 1910, № 27.
197. *Терещенко А.* Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России, ч. II, Канцлеры, стр. 25, 28 и др. СПБ, 1837 (О взаимоотношениях России, Турции и Персии в двадцатых годах XVIII в.)
198. *Тер-Аветисян С.* Походы Тамас-кули-хана (Надир-шаха) и избрание его шахом. В описании Акопа Шамахеци. Тифлис, Инст. кавказоведения, 1932.
199. *Туманский Ф.* Описание похода государя императора Петра Великого к лежащим при Каспийском море Персидским провинциям. (С картою Каспийского моря и планом городам и крепостям, занятым российскими войсками в 1722 г.). Российский магазин, 1793, ч. III.
200. *Ульяницкий.* Русские консульства за границей в XVIII в. 1899, ч. II, 431 стр.
201. *Учанейшвили Дор.* К вопросу об экономическом развитии восточной Грузии во второй половине XVIII века. Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. V. Ин-т языка, ист. и матер, культуры им. акад. Н. Я. Марра. Тбилиси, 1937.
202. *Чиляев,* ст. сов. Записка о беках. Представлена барону Розену 16 января 1836 г. А. К. А. К., т. VIII, д. № 358, стр. 483-485.
203. *Финч Эд.* английский посланник при русском дворе. (Донесение) лорду Гаррингтону. СПБ, 29 июля 1740 г. (О крупнейших центрах производства шелка сырца-Гиляне, Шемахе, Ареше, Гандже, и о возможностях английской торговли в Персии). С. И. Р. И. О., т. 85, д. № 32, стр. 129-137.

(Донесения) лорду Гаррингтону. СПБ, 2 декабря 1740 г. и 10 янв. 1741 г. (Об опасениях России со стороны Надир-шаха). С. И. Р. И. О., т. 85, д. №№ 86 и 97, стр. 412 и 451.

204. *Фитуни А. П.* «История последней столицы Ширвана». (Известия Азерб. Ком. охраны памяти, старины, искус. и природы (Азкомстарис), в. III, Баку, 1927.

205. *Форбес* и *Рондо К.* Донесение лорду Гаррингтону. СПБ, 15 сентября 1733 г. (26 сент. н. ст.). О поражении русскими войсками шедших к Дербенту крымских татар и о войне Ирана с Турцией. С. И. Р. И. О., т. 76, док. 38, стр. 106.

206. *Ханвай Джонас.* Исторический очерк британской торговли на Каспийском море с журналом автора о путешествии из Англии через Россию в Персию и обратно через Россию, Германию и Голландию с прибавлением описания волнений в-Персии в течение настоящего столетия с подробной историей великого узурпатора Надир-Кули. (На английском языке). Лондон, 1762, т. I и II.

207. *Хонели Ил.* К столетию Крцанисской битвы (1795-1895). Тифлис, 1896.

208. *Хрисанф,* митрополит греч. Записка, поданная кн. Зубову перед персидским походом 1795 г. Русский архив, 1873, в. 5, стр. 863-875.

209. *Хубов Е.* Описание достопамятных происшествий в Армении, случившихся в последние 30 лет (с 1779 до 1809). СПБ, 1911, 130 стр.

210. *Худабашев А.* Обозрение Армении в географическом, историческом и литературном отношениях. СПБ, 1859.

211. *Шавров Н. Н.* Очерк шелководства в Закавказьи. (Свод материалов по изучению экономического быта государственных и крестьян Закавказского края). Тифлис, 1888, т. IV, стр. 137.

212. *Шетарди де-ла,* маркиз, французский посол при русском дворе. Донесение г. Амело. СПБ, 8 авг. и 2 сентября 1741 г. (О видах Тахмасп-кули-хана на Астрахань и о мероприятиях России). С. И. Р. И. О., т. 96J д. № 53, стр. 263, д. № 70, стр. 366.

Донесение г. Амело. СПБ, 18 сентября 1741 г. (О поражениях Кули-хана в Дагестане). С. И. Р. И. О., т. 96, док. № 111, стр. 579.

213. *Шовелен.* Депеша г. Маньяну. Фонтенбло, 12 июля 1731 г. (Сообщается о полной победе, одержанной турками над персами). С. И. Р. И. О., т. № 81, д. № 111, стр. 214.

214. *Шопен И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПБ, 1852.

215. *Шубинский С.* Мнимое завещание Петра Великого. Исторические очерки и.рассказы. Изд. 5-ое, СПБ, 1908. [210 - 211]

216. *Цицианов,* кн. Письмо Мустафе-хану Ширванскому. (Упоминается о том, что Мустафа-хан не знал персидского языка). А. К. А. К., т. II, д. № 1378, стр. 682.

217. *Честерфильд,* лорд. (Депеша) лорду Гиндфорду. Уайтголль, 23 декабря 1746 г. (О вредных последствиях поступков Эльтона для английской торговли в Иране). С. И. Р. И. О., т. 103, док. № 80, стр. 157.

218. *Чулков М.* Исторические описания российской коммерции. М. 1785, т. П.кн. 2-ая.

219. *Юдин П. А.* Россия и Персия в конце 1742 г. по письмам Братищева к канцлеру кн. А. М. Черкасскому. Русский архив, 1899, кн. 3, стр. 369-390.

220. *Юзефович.* Договоры России с востоком - политические и торговые. СПБ, 1869, 294 стр.

221. *Якубовский А. Ю.* «Феодальное об-во и торговля Средней Азии в X-XV в.в.». Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, т. 1, стр. 1-60.

222. *Эзов Г. А.* Сношения Петра Великого с армянским народом. СПБ, 1898, 512 стр.

223. *Эльтон Джон.* Копия с письма комитету российской компании, писанного из Гиляиа 7 февраля 1744 г. (Об оказании помощи шаху а создании флота на Каспийском море и о привилегиях в торговле, которые за это будут даны; о политике в отношении к России). С. И. Р. И. О., т. 102, д. № 4, стр. 419-421.

224. *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907, т. 1.

225. *Эсадзе Б. С.* Очерк сношений России с единоверной Грузией и прибытие русских в Иверию. Тифлис, 1899.

---

226. Архив князя Воронцова. М. 1870, кн. 1. О пребывании посольства Надир-шаха в России, 1742 г. О поражениях, понесенных Надир-шахом в Дагестане, 1742 г. и др. М., 1876, кн. 8. Некоторые сведения о походе В. А. Зубова в 1796 г. М. 1877, кн. 12., М., 1879, кн. 13. О сношениях с Али-Мурат-ханом, претендентом на шахский престол. О предложениях, сделанных Россией Турции в отношении Грузии в 1787 г. и др.

227. Астраханский порт с 1783 по 1827 г. Морской сборник, т. V, № 1 (январь). СПБ, 1851.

228. Ведомость об имуществе Джават-хану принадлежащему, составленная 2 марта 1804 г. (Показано из чего состояло ханское хозяйство). А. К. А. К., т. II, д. № 1192, стр. 597.

229. Ведомость о доходах с г. Ганджи прежде получаемых ныне по вызову моему всех купцов, согласившихся платить пошлины, за что именно и по сколько,-мая 1804 г. А. К. А. К., т. II, д. № 1198, стр. 600.

230. Ведомость о доходах шекинского хана и его приближенных, с означением какого рода народ отбывает вообще повинности; от 24 января 1819 г. А. К. А. К., т. VI, ч. 1, док. 1122 (Приложение), стр. 755, 756.

231. Ведомость о приходе, расходе и остатке Елизаветпольской откупной суммы за 1804 г., учинена в октябре 1805 г. А. К. А. К., т. II, д. № 1202, стр. 601.

232. Ведомость о ремесленных и художнических, казенных и обывательских лавках и мастерах, армянских и татарских, состоящих на майдане в темном ряду и в 4-х каравансараях (в Елизаветполе), 23-го апреля 1804 г. А. К. А. К., т. II, док. № 1197, стр. 599.

233. Ведомость. Сколько в Бакинской провинции деревень, сколько в каждой домов и душ мужска пола, какого звания и сколько в каждой собирается по ханским правам податей каждогодно в казну. Москва, ЦВИА, фонд ВУА, дело № 18495, л. л. 17-25.

234. Ведомость. Сколько в крепости Баку и предместий оной разного звания людей и сколько собирается ежегодно податей по ханским правам. На 1810 г. Москва, ЦВИА, фонд ВУА, дело № 18495, л. л. 22-25.

235. Ведомость. Сколько в Кубе разного звания домов и душ мужска пола, какого звания. 1810 г, Москва, ЦВИА, фонд ВУА, дело № 18495, л. л. 31-31 об.

236. Взгляд на состояние финансового управления в мусульманских провинциях (Составлен бароном Ганом). (О доходах беков во времена ханского управления). А. К. А. К., т. IX, д. № 214, стр. 187-189.

237. В кабинет е. и. в. доношение князя Василия Долгорукого, октября 22 дня 1726 г. Дербент (О прибавке жалования офицерам Низового корпуса). С. И. Р. И. О., т. 56, д. № 256, стр. 555, 557.

238 Влияние России на дела Кавказского края до поступления Грузии в подданство Российской империи. С.-Петербургские ведомости, 1834, № 240, стр. 931, 934.

240. Военная история походов Россиян в XVIII столетии. СПБ, 1823.

241. Военная история Российского государства. СПБ, 1839, ч. I.

242. Всеподданнейшее донесение ген. Ермолова, от 12 апреля 1820 г. (Между [211 - 212] прочим дается оценка управлению Карабахом медиками). А. К. А. К., т. VI, ч. 1, л. № 1273, стр. 840.

243. Всеподданнейшее прошение Угурлу-аги, сына Джеват-хаиа. (Упоминается о передаче кр. Ганджи В. А. Зубову и о намерении Ага-Мухаммед-хана казнить Джеват-хана за измену). А. К. А. К., т. II, д. № 1188, стр. 594.

244. Всеподданнейший рапорт ген.-л. Кнорринга, от 11 апреля 1800 г. (О действиях кап.-лейт. Мочакова и удовлетворении бакинским Хусейн-кули-ханом потерпевших русских купцов) А. К. А. К., т. 1, д. № 885, стр. 639, 640.

245. Всеподданнейший рапорт ген. Ртищева, от 30 июля 1813 г., № 134. (О необложении пошлиной вывозившейся из Баку нефти). А. К. А. К., т. V, ч. II, док. № 397, стр. 340.

246. Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова, от 22 мая 1805 г., № 19. (О вступлении Карабахского ханства в подданство России. Описываются границы Карабахского ханства. Сообщаются сведения о населенности Карабаха). А. К. А. К., т. II, д. № 1436, стр. 703.

247. Выписка из инструкции гр. Зубову, данной 19 февраля 1796 г. (О занятии Астрабадского и Энзелинского портов и утверждении там Муртуза-кули-хана). А. К. А. К., т. VI, ч. II, допол. д. № 38, стр. 815.

248. Выписка из Кабардинских дел, в коллегии иностранных дел находящихся, от 1762 до 1779 г. (Письмо генерала де-Медема к графу Н. И. Панину, от 8-го апреля 1777 г. О выводе российских войск из Дербента. О вещах с судна астраханских купцов, разбившегося у Дербентского берега). А. К. А. К., т. I, стр. 90.

249 Выписка из Кабардинских дел, в коллегии иностранных дел находящихся, от 1762 по 1779 г. (Рапорт ген. де-Медема, от 24-го декабря 1774 г. Об усердии Фетх-Али-хана к России). А. К. А. К., т. I, стр. 89.

250. Выписка из протокола резолюции Верховного тайного совета, состоявш. марта 27 дня, 1729г. (О содержании в Персии находящихся там 17 пехотных и 7 драгунских полков в полном комплекте). С. И. Р. И. О., т. 101, стр. 42.

251. Выписка из прошений Карабахского или Шушинского Ибрагим-Халиль-хана, поданных посланником его Мухаммед-Кули-беем и пр., 1797 г. А. К. А. К., т. II, дополн. 3, док. № 20, стр. 1144, 1145.

252. Выписка из указов т. с. кн. Голицыну, ген. Левашеву и др. о возбуждении персов против турок и об обещаний от России помощи, 1733 и 1734 г.г. (Указывается, что для поддержания российских представлений о продолжении войны Ирана против Турции будут уступлены Баку и Дербент). А. К. А. К., т. 11, 3-е дополн. к 1 тому, док, № 1, стр. 1095-1110.

253. Выписки откупным статьям во время Джевад-хана, за что и сколько было собираемо откупщиками, 1806 г. А. К. А. К., т. II, док. № 1203, стр. 602.

254. Высочайшая грамота, отправленная к Карабахскому Ибрагим-Халиль-хану, от 2-го мая 1797 г. Москва. (Выражено благоволение за неробкое сопротивление Ага-Мухаммед-хану). А. К. А. К., т. II, дополн. 3-е к 1 тому, док. № 19, стр. 1143-1144.

255. Высочайшая грамота армянам, от 28 октября 1799 г. (О правах, преимуществах и вольностях, даруемых обществам армян Астраханских, Кизлярских и Моздокских). А. К. А. К., т. II, допол. 3-е, д. № 32, стр. 1150, 1151.

256. Высочайший рескрипт, от 22 апреля 1799 г. (О производстве пенсии претерпевшим в прошлую персидскую войну за приверженность к России армянским медикам Джимшиду Варандинскому и Фридону Гулистанскому). А. К. А. К., т. II, допол. 3-е, док. № 27, стр. 1149.

257. Высочайший указ из коллегии иностранных дел назначенному консулом и Персию советнику посольства Георгию Мерку, апреля 30 дня, 1776 г. (Упоминается о том, что российские купеческие суда часто пристают к берегам владений Фетх-Али.хана дербентского и кубинского). С. И. Р. И. О., т. 145, д. № 2880. стр. 83.

258. Генеалогия ханов Казикумуха. (Составлена по сведениям, собранным от старожилов Казикумуха в 1860 г.). А. К. А. К., т. III, д. № 709, стр. 377.

259. Грамота е. и. в. армянским меликам (по большом титуле), от июня 2 дня, 1799 г. (О принятии армянских меликов Карабаха в подданство и покровительство России и об отведении в Казахе земель для поселения). А. К. А. К., т. I, д. № 875, стр. 635, 636.

260. Грамота патриарху Исайю и Юс Башам и всему армянскому народу - об отводе мест для поселения их в Гиляне, Мизандроне, Баке и Дербенте, 10 ноября 1723 г. П. С. 3., изд. 1830 г., т. VII, № 4357.

261. Грамота Тарковскому Шамхалу Муртазали Дагестанскому владетелю. О принятии его и всех подвластных ему земель и народов под Российскую Державу, 27 февраля 1787 г. П. С. 3., изд. 1830 г., т. XXII, № 15942. [212 - 213]

262. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Под ред. А. А. Цагарели, т. I, с 1768 по 1774 г., СПБ, 1891.

263. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся до Грузии. Под ред. А. А. Цагарели, т. II, в. 2, с 1769 по 1801 г. СПБ, 1902.

264. Грузинские тексты с 1768 по 1801 г. Под ред. А. А. Цагарели. СПБ 1898, т. II, в. 1.

265. Дело о совершении купчей крепости на проданную семью крестьян дербентским жителем Кербалаем Нур-Али оглу поручику Мамед-хан-беку, на 7 листах, 5 апреля 1826 г. Азерб. Ц. А. У. Историч. арх., ф. Кубинского коменданта, св. 1, д. № 9

266. Дело 1714-1718 г.г. (Планы Дербента, Тарки, Баку, Астары и проч.). Материалы Военно-ученого архива Главного Штаба. СПБ, 1871, стр. 846.

267. Джаро-Белоканы до XIX в. Газ. «Кавказ», 1846, №№ 2 и 3.

268. Докладная записка Верховного тайного совета, 14 июля 1726 г. (Упоминается о том, что тебризскому и ардебильскому пашам были отправлены из Константинополя указы, чтобы они не вступали в места, принадлежащие России, даются выговоры за вступление их войск в Кескерь и Астару). С. И. Р. И. О., т. 55, д. № 262, стр. 464-465.

269. Документы: 1) по взятию призов на (Каспийском море; II) по управлению вновь завоеванными у Персии провинциями. Лигр., Военно-морской архив. Дела адмиралт. коллегии, № 2189, № 8, 1725-1728, 1730 г.г. Всего 146 листов.

270. Документы по делам Астраханского порта и о персидских военных судах (по сведениям за 1745 г.). Лнгр., Военно-морской архив. Дела адмиралтейской коллегии, № 2611, № 3,1746-1748 г.г. Всего 348 листов.

271. Документы по делам Каспийской флотилии и Астраханского порта. По донесению Войновича о переговорах, веденных им с местными персидскими владетелями в Астрабаде и в Баку. О плавания эскадры в Бакинском заливе (о неудобствах фрегатов, построенных для Каспийского моря). Лнгр., Военно-морской архив. Дела адмиралтейской коллегии и канцелярии, № 3510, № 44, 1778-1784. Всего 787 листов.

272. Донесение е. и. в. самодержцу всероссийскому от Астраханской губернии: 5 сент. 1727 г. (О том, что в крепости Св. Креста появилась «опасная болезнь» и переписка об этом). С. И. Р. И. О., т. 69, стр. 368-371.

273. (Донесение) е. и. в. самодержцу всероссийскому от Военной коллегии, октября 24 дня. 1728 г. (Об отправлении ген.-м. Дебринии во вновь завоеванные персидские провинции для составления чертежей и ведомостей крепостным строениям и потребным материалам и припасам.) С. И. Р. И. О., т. 101, стр. 286-287.

274. Елисаветполь. Кавказский календарь на 1854 г., стр. 322.

275. Жизнеописание Ага-Мухаммед-хана Каджара с кратким обозрением последовавших после его смерти происшествий. (Извлечение из Малькольма, изд. Лондон, 1815). «Сын отечества», №№ 22-25 за 1835 г., ч. 171, том XIX. См. также «Закавказский вестник», № 14-18 за 1846 г.

276. Журнал Верховного тайного совета, 5 декабря 1726 г. (О разграничении земель в Ширване, о перебежчиках грузинах и армянах, о сборе налогов в Гиляне, просьбе Хусейн-али бека - сына кубинского хана о принятии его в подданство российское). С. И. Р. И. О., т. 56, д. № 209, стр. 417, 418.

277. Журнал Верховного тайного совета, от 9 декабря 1726 г. (Об отпуске денег на содержание пребывающего в Петербурге дербентского наиба). С. И. Р. И. О., т. 56, № 215, стр. 429, 430.

278. Журнал Верховного тайного совета, 21 декабря 1726 г. (Упоминается о кубинском владельце в Ширване, принятом в российское подданство). С. Ц. Р. И. О., т. 56, д. № 264, стр. 567.

279. Журнал Верховного тайного совета, 25 января 1727 г. (Упоминается о победе Эшрефа афганского над турками, о победе армян над турками. Слушано мнение Толстого о том, что нужно, соединив армян и грузин, войти в сношение с Эшрефом и выбить турок из Персии). С. И. Р. И. О., т. 63, д. № 37, стр. 66.

280. Журнал Верховного тайного совета, 8 февраля 1727 г. (Резолюция по выписке из прошения наиба дербентского по различным вопросам управления и жалованья за службу). С. И. Р. И. О., Т. 63, д. № 59, стр. 96.

281. Журнальная записка, 13 июня 1727 г. (О переговорах с шахом Тахмаспом по вопросу об утверждении им русско-турецкого договора 1724 г.). С. И. Р. И. О., т. 63, д. № 339, стр. 723.

282. Журнальная записка Верховного тайного совета, 15 сентября 1727 г. (Разные вопросы о разграничении земель в Ширване, о сношениях с Сурхай-ханом и о сношениях с Эшрефом и др.). С. И. Р. И. О., т. 69, д. № 187, стр. 292, 293.

283. Журнал посланника Волынского. 1715-1718 г.г. Зевакин Евг. - «Азербайджан в начале XVIII века». Изд. Об-ва обслед. и изуч. Азерб. Баку, 1929. [213 - 214]

284. Заботы Петра Великого о шелководстве. Русский вестник, 1872, №7.

285. Замечания на торговлю, производимую в Грузии и на некоторые тамошние сборы пошлин. (Было представлено при отношении министра финансов Гурьева к ген. Ртищеву, от 20 мая 1812 г., № 5393). А. К. А. К., т. VI, ч. II, док. № 396, стр. 332.

286. Записка о Кабарде. Вероятно, составлена П. С. Потемкиным. Русский архив, 1865.

287. Записка о правах беков, агаларов, наибов, старшин магальных и проч. и о влиянии владельцев на поселян, и обязанностях сих последних к помещикам. А. К. А. К., т. VIII, д. № 354, стр. 469-477.

288. Записка о правах владения вообще недвижимыми имениями в Закавказском крае и в особенности о положении казенных населенных имений в отношении обязанностей их к казне и лицам, оным управляющим. А. К. А. К., т. IX, к д. № 218, стр. 201-203.

289. Заявление Садык-хановых детей - Джехангир-хана, Керим-хана и Велибека, Садык-ханова брата - Кафар-хана и его сына Риза-Кули-бека. (Содержит сведения о Шекакийском ханстве в конце XVIII в.). А. К. А. К., т. II, д. № 1649, стр. 801.

290. Извещение Матюшкина об отбытии в. Баку. О военных действиях с пер. сами и на Кавказе, о раздорах там между местными владетелями, л.л. 220-223, 236, 246. Об укреплении шемахинской дороги, л.л. 77-79, 129-134, 165, 177, 178, 194, 198. Лнгр. Военно-морской архив. Дела графа Апраксина, № 515, № 222.

291. Из'яснительная конвенция, заключенная между Россией и Портою 10 марта 1779 г. П. С. З., № 14851.

292. Извлечение об отводе земель на Кавказской линии. Составлено в 1820 г. по высочайшим и Правительствующего Сената указам 15 июня 1742 г. об отводе в Астрахани и Кизляре земли внуку армянина Сафара Ширванова для строения заводов для делания персидских разных шелковых, полушелковых, бумажных и прочих парчей. А. К. А. К., т. VI. ч. II, дополн. к д. № 21, стр. 779.

293. Инструкция бригадиру Левашеву, 16 сентября 1723 г. Об управлении новоприобретенных от Персии провинций, по Каспийскому морю лежащих. П. С. З. Изд. 1830 г., т. VII, № 4301.

294. Имена и провинции пяти медиков армянских. А. К. А. К., т. I, д. № 874, стр. 635.

295. Исторический альбом портретов известных лиц XVI-XVIII в.в., выставки Общества поощрения художников. СПБ, 1870.

296. Исторический журнал бывшей в 1781 и 1782 годах на Каспийском море Российской эскадры под командою флота капитана второго ранга графа Войновича. Сочинение К. Г. (Габлиц Карл). С картою оного моря. Москва, 1809.
297. Исторический очерк распространения и устройства русского владычества под Кавказом и в Закавказье. Журн. Мин. Внутр. дел, 1851, ст. IV, 7-9, отд. VI. стр. 156.
298. История дипломатии, т. 1, под ред. В. П. Потемкина. М. 1941.
299. История о персидском шахе Тахмас-Кули-хане, с французского на русский язык переведенная асессором Степаном Решетовым. СПБ, 1762.
300. Кавказ в 1781-1789 г. г. «Кавказский сборник», XVI, Тифлис, 1890, стр. 1-80.
301. Кавказ до Петра. Изд. Березовского, СПБ, 1896.
302. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х г.г. XIX в., ч.ч. I и II, под ред. И. П. Петрушевского. Москва, 1936.
303. Копия выс. рескрипта ген.-лейт. Левашеву о скорейшем его возвращении в Персию, об ободрении персов и обещании им помощи против татар и пр., сентября 14 дня, 1733 г. (В связи с известиями о поражении персиян под Багдадом). С. И. Р. И. О., т. 106, стр. 445.
304. Копия письма кабинета министров к Астраханскому губернатору ген.-м. Измайлову о присылке в кабинет рапортов о прибывающих в Астрахань солдатах рекрутах, с приказанием немедленно отравлять их в Персидский корпус, июля 11 дня 1733 г. С. И. Р. И. О., т. 106, стр. 348.
305. Копия письма кабинета министров к-ген. Левашеву о немедленном возвращении его к персидскому корпусу и о скорейшем отправлении в Персию экспедиции кн. Сергея Голицына, августа 1 дня, 1733 г. С. И. Р. И. О., т. 106. стр. 309, 370.
306. Копия с письма кабинета министров к кн. Гессен-Гомбурскому о посылке к капитану Калмыкову указа о высылке немедленно солдат к матросов в персидский корпус и пр., сентября 13 дня, 1733 г. С. И. Р. И. О., т. 106, стр. 440.
307. Копия письма кабинета министров к Астраханскому губернатору Измайлову о незадерживании и Астрахани солдат и рекрут, назначенных в персидский корпус, [214 - 215] и о найме купеческих судов, в помощь казенным, для перевозки провианта и фуража, с дачею гарнизонных солдат в помощь матросам и наемным людям, сентября 13 дня, 1733. г. С. И. Р. И. О., т. 106, стр. 439.
308. Копия предложения кабинета министров в адмиралтейскую коллегию об отправке указа капитану Калмыкову о немедленном отправлении им из Астрахани в Персидский корпус солдат и рекрут, о найме в Астрахани на работы вольных людей и пр., сентября 13 дня, 1733 г. С. И. Р. И. О., т. 106, с. 438.
309. Копия рапорта господина генерал-аншефа и кавалера Ив. Вас. Гудовича к_ ген-фельдмаршалу и кавалеру графу Румянцеву-Задунайскому из Моздока, от 15 октября 1795 г. (О взятии Ага-Мухаммед-ханом Ганджи, об осаде и взятии Тбилиси, о мерах, какие надлежат принять против него). С. И. Р. О., т. 16 стр. 304-307.
310. Копия списка татарского, присланного от Тарковского Шамхала Бамата господину генерал-майору и кавалеру Ив. Петр. Горичу. (О письмах турецких к азербайджанским ханам и дагестанским владетелям). Кавказский сборник, т. XX, стр. 391. Тифлис. 1899.
311. Копия с утвердительной е. и. в. грамоты царю Грузинскому Георгию, г. 18 апреля 1799 г.. С.-Петербург. А. К. А. К., т. II, дополн. 3-е, д. № 24, стр. 1147.
312. Краткое изображение лежащих между Черным и Каспийским морями земель и народов. (Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы; ч. III, стр. 107-117). СПБ, 1789.
313. Краткое описание жизни и службы т. с. Карла Ив. Таблица (Hablize). Сын отечества, 1821. № 34, стр. 104.
314. Куба-перенесение города в 1747 г. Кавказский календарь, 1847, стр. 57.
315. Материалы Военно-ученого архива главн. штаба, 1871, т. I, под ред. Бычкова. (Материалы о походе Петра В. в Персию).
316. Материалы для истории Грузии. Газ. «Кавказ», 1856, №№ 75 и 78.
317. Материалы для истории 1796 г. Газ. «Кавказ», 1849, № 24.
318. Материалы для русской истории 1716-1725 г. Письма и указы П. В., относящиеся к Северной и Персидской войне. Русский вестник, 1867, №№ 4 и 11.
319. Материалы для истории Северного Кавказа 1781-1792 г.г. «Кавказский сборник», т. XVIII, стр. 382. Тифлис, 1897.
320. Материалы для устройства казенных пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе, 1887-1889 г.г. Статьи Х. А. Вермишева. А. А. Калантара, Н. К. Васильева.
321. Материалы для истории Грузии. (О связи Сефи-мирзы с Турцией и грузинскими князьями во главе с Гиви-беком-Амилахвари, 1741 г.). Газ. «Кавказ», 1856, № 78, док. док. VIII, XII, XIII.

322. Межевая запись, учиненная при деревне Мабур, по силе заключенного между Россией и Турцией 12 июня 1724 года в Константинополе трактата - о разграничении в Персии Ширванской провинции, земель от Шамахи до Каспийского моря, с постановлением двенадцати пограничных знаков, 27 октября 1726 г. П. С. З. Изд. 1830 г., т. VII, № 4973. Продолжение см. от 12 декабря 1727 г.

323. Мнения о военных действиях русской флотилии на Каспийском море на случай предполагаемой войны между Россией и Персией, 1790-1796 г.г. Лнгр., Военно-морской архив. Бумаги, переданные из кабинета имп. Екатерины II, № 1184.

324. Неизвестный автор рукописи XVIII в. О персидском походе при государе Петре Великом бывшем. Русский архив, 1899, № 12, стр. 482-491.

325. Нота о турецких и персидских делах в 1728 г. Московский телеграф, 1828, ч. 20.

326. Об обложении Дербента неприятелем и нападениях его на город, 1722 Лнгр., Военно-морской архив. Дела графа Апраксина, № 597, № 211, 1722 г. л.л. 235-237, 243-251, 415-422,. 440-441.

327. Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. Ч.ч. I, II, III, IV, СПБ, 1836.

328. Об освобождении в Дербенте русских пленных. Об обезоружении жителей и о присылке в Дербент «турецкого листа». Лнгр. Военно-морской архив. Дела графа Апраксина, № 491, л.л. 86, 92, 116, 117.

329. Об открытии военных действий флота кап.-лейтен. Мочаковым против Гусейн-кули-хана бакинского, вследствие причиненных им обид русским купцам, 1796-1801 г.г. Лнгр., Военно-морской архив. Дела графа Кушелева, № 1658. № 67, 1799 г., л. л. 179-188, 1800 г., л. 224.

330. Об угрозах Грузии со стороны Ага-Мухаммед-хана и разорение им Тифлиса. Архив Государственного Совета, СПБ, 1859, т. 1, ч. 2-ая, стр. 777-779. [215 - 216]

331. Об учреждении некоторыми купцами и заводчиками компании для производства торговли с Персиею, 1755 г. Чтения в об-ве истории и древностей Российских. М. 1862, кн. 1.

332. Объяснение ген. Ермолова на просьбу, поданную на высочайшее имя карабахским жителем армянином Шахназаровым от 11 авг. 1821 г. (Упоминается с меликах Карабаха и их отношениях к ханам во второй половине XVIII в.) А. К. А. К., т. VI, ч. 1, д. № 1282, стр. 843.

333. Общее обозрение торговли с Азией. (Записка адмирала Мордвинова). А. К. А. К., т. VI, ч. II, дополнения и приложения, 73, стр. 857.

334. О величине и положении отдельных владений на Кавказе и к юго-востоку от Грузии, о племенах, населяющих эти земли, и о взаимных отношениях владельцев. 1800, 1801 г. г. Лнгр. Военно-морской архив. Дела графа Кушелеа, № 1713, №№ 76, 77, 1800, 1801 г.г.

335. О взятии Баку ген. Матюшкиным. Русский слух, XXXII, стр. 453.

336. О военных действиях персов, лезгин, грузин и татар на Кавказе, о голоде в Баку, л.л. 45, 50, 54, 60, 94, 113, 116-118, 122, 123. О присылке в Дербент «турецкого листа» от арзерумского паши, л. 86. Лнгр., Военно-морской архив. Дела графа Апраксина, № 491, № 226.

337. О военных действиях русских войск в Дербенте и Баку и о битве во владениях Султана «Мамута», 1722 г. Лнгр., Военно-морской архив. Дела, хранящиеся в адмиралтейском совете, № 13, л.л. 194-196.

338. О высылке из Казанской губернии татар на работы для строения крепостей в Баку, Дербенте и на р. Куру, 1732 г. Лнгр., Военно-морской архив. Дела адмиралтейской коллегии, № 2343, № 6, 1732, л. 101.

339. О движении русских войск от Астрахани, об их успешных действиях против неприятеля и о вступлении в город Дербент, 30 августа 1722 г. (Из бумаг Петра I). С. И. Р. И. О., т. II, док. № 375, стр. 494, 495.

340. О действиях турецких войск в Персии и о взятии ими Тавриза, Генжи и Ардебиля. Лнгр., Военно-морской архив. Дела графа Апраксина, № 531, л.л. 97. 98, 105, 106, 217, 244, 250, 251-253, 314-316, 319.

341. О деятельности царя Ираклия. Газ. «Тифлисский вестник» за 1832 г.

342. О замешательствах и волнениях между жителями городов Баку, Гиляни и Дербента. Лнгр., Военно-морской архив. Дела графа Апраксина Лнгр. 524, № 228, л.л. 90-97, 180, 181, 186-189.

343. О кавказских правителях в XVIII в. Записка, составленная из бумаг, сохранившихся в местных архивах. Русский архив, 1873, в. 5, стр. 741-779.

344. О назначении людей в крепость Св. Креста, Дербент и на реку Куру, для возведения укреплений. О посылке людей на помощь к персидскому шаху; о заселении крепости Св. Креста и Гребеней, 3 декабря 1723 г. (Из бумаг Петра I). С. И. Р. И. О., т. 11, док. №412, стр. 525.

345. О намерении турок начать сего лета войну и нахождении в марше к Шемахе Эризерумского паши. 1722. Ленгр., Военно-морской архив. Дела графа Апраксина, № 509, № 216, 1722 г., л. 269.

346. О неудачных военных действиях по взятии Дербента, о построении укрепления на р. Сулаке, названного крепостью Св. Креста, и о возвращении в Астрахань, 16 октября 1722 г. (Из бумаг Петра I). С И. Р. И. О., т. 11, док. №379, стр. 497, 498.

347. Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 г. по распоряжению Главноуправляющего в Грузии Ермолова д. с. с. Могилевским и полковником Ермоловым. Тифлис, Типограф. Главн. Упр. Намести. Кавказского, 1866.

348. Описание кубинских нефтяных колодцев, составленное берггешвореном XII класса Крыжановским. (Упоминается об отдаче их Шах-Аббасом II в вакф Хыдирзинской мечети и о последующих пожалованиях). А. К. А. К., т. VI, ч. I, д. № 230, стр. 181.

349. «Описание событий». Анонимная хроника XVIII в, на грузинском яз. Перевод Е. С. Такайшвили. Сборник материалов для описания местностей в племен Кавказа, в. XXI, стр. 29 и след.

350. Описание Шекинской провинции, составленное а 1819 г. по распоряжению Главноуправляющего в Грузии Ермолова, генерал-майором Ахвердовым и статским советником Могилевским. Тифлис, Типография Главн. Управл. Наместника Кавказского. 1866. Азерб ЦАУ, фонд Верховного Грузинского Правительства, св. 5, д. № 66.

351. Описание Ширванской провинции, составленное в 1820 г. по распоряжению-Главноуправляющего в Грузии Ермолова, ген.-м. Мадатовым и с. с. Могилевским. Тифлис, Типография Главн. Управл. Наместника Кавказского. 1866.

352. Описание южного Дагестана, владений Дербентского, Кубинского Ахтинского, Кутульского, Хамутая и Табасарана, сделанные во время снятия земли [216 - 217] на карту майором Федором Симоновичем и майором Аверьяном Серебровым. Москва, ЦБИА, фонд ВУА, дело № 18474., л. л. 1-45.

353. О плане военных действий в Гиляни ген.-м. Матюшкииа и о движении войск к Баку. Лнгр., Военно-морской архив. Дела графа Апраксина, № 509, № 216, л л. 268-289, 310-319.

354. О посольстве Волынского в Персию и о прибытии его в Шемаху. 1717 г.. Лнгр.. Военно-морской архив. Дела графа Апраксина, № 410, № 142, 1717 г., л. л. 150-156.

355. О посылке из Астрахани фрегата № 2, под командой кап.-лейт. Нелидова. к острову Сара, для охранения русского купечества и для оказания помощи владельцу Талышской области Мир-Мустафа-хану. 1799-1800 г. г. Лнгр., Военно-морской архив. Дела графа Кушелева, № 1701, № 82, 1799-1800 г.г., л.л. 126-129, 130.

356. О предоставлении русским подданным права свободной и беспошлинной торговли и Персии, 1734 г. Лнгр., Военно-морской архив. Указы, поступавшие а адмир. коллегию, д. № 782, № 4 (отд. 1), 1734 г., л. л, 54-113, 898-963.

357. О принятии мер к усмирению возмутившихся горцев близ Кизляра и против персидских ханов, склоняемых турками к вытеснению из пределов Персии. О нападении горских татар на Грузию, 1784. 1785 г. г., Лнгр., Военно-морской архив. Дела графа Чернышева, № 1572, № 92, 1784, 1785 г. г., всего л. 147.

358. О притеснениях, делаемых бакинским ханом русским купцам. О плавании персидских судов под чужими флагами. О вооруженном столкновении русских и персов в Баку, и о переговорах по этому поводу главнокомандующего войсками на Кавказе с Дербентским и Бакинским ханами. 1783-1785 г. г. Лнгр. Военно-морской архив. Дела графа Чернышева, № 1562. № 91, 1783-1785 г.г., всего листов 134.

359. О путешествии Гмелина в 1770-1774 г.г. по берегу Каспийского моря. «Закавказский вестник», 1848, № 50, стр. 207 208. № 51, стр. 211-212.

360. О сведениях, нужных к учреждению по границам с Персиею и Турцией таможенных застав и таможенного надзора, 11 мая 1816 г. А. К. А. К., т. VI. ч. II, д. № 377. стр. 322.

361. О смутах между персидскими ханами, 1786-1787 г. г. Лнгр, Военно-морской архив. Дела графа Чернышева, № 1593, № 93, 1786 г., л. л. 19, 25, 26, 39, 40, 59. 60, 1787 г., л.л. 116, 117, 120, 121, 123-125.

362. О сохранении согласия с дербентским наибом. О разборе ссор между жителями. Выпуск жителей в крепость. Инструкция Матюшкину «Когда даст бог Баку возьмут, что чинить». О собрании сведений о нефти, доходах, шафране. Лнгр., Военно-морской архив. Дела графа Апраксина, № 508.

363. О сражениях между дербентскими жителями и партиями Даута и Усмея 1722 г. Лнгр., Военно-морской архив (Дела графа Апраксина, 276 и 277, л. л. 20, 122.

364. Отношение ген. Ермолова к начальнику Главного штаба е. и. в.. от 1 июля 1824 г., № 163.(Сведения о переписи населения Шекинской провинции, в 1824 г.). А. К. А. К., т. VI, ч. I, д. № 1157, стр. 781.

365. Отношение ген. Ермолова к гр. Нессельроде, от 29 июля 1824 г., № 207. (Дается характеристика Мухаммед-хасан-хана шекннского). А. К. А. К., Т. VI, ч. I, д. №1158, стр. 781.

366. Отношение к гр. Канкрину, от 14-го октября 1831 года, № 453. (О работах крестьян во времена ханов на Меликархском поле, Шеки). А. К. А. К., т. VII, д. №376, стр. 437-439.

367. Отправление эскадры к Баку и персидским берегам. 1782-1784 г.г. Лигр. Военно-морской архив. Дела адмиралтейской коллегии и канцелярии. № 3553, № 45, 1782 г. л. л. 105-111. 1783 г.-л. л. 112-116, 135-139, 147-150, 237-218, 256, 268, 269, 312, 337 343, 344, 368, 370, 1784 г., л. л. 345-349, 371, 468, 469, 526, 527, 580-595, 602-620, 625-642. 647-660, 681-684, 691-698.

368. Перевод с грамоты Шах-Аббаса, выданной мелику Шахназару, сыну мелика Баги Варандинского, июнь 1650 г. Азерб. ЦАУ, Истор. Архив, фонд Воен. окружн. нач-ка, д. № 14, св. 2, л. л. 411, 411 об.

369. Перевод с грамоты шаха Тахмаспа мелику Багию (январь 1720 г.). (Награждение халатом). Азерб. ЦАУ, Истор. Арх., фонд Воен. окружн. нач-ка, д.№ 14. св. 2, л. 411 об.

370. Перевод с грамоты шаха Тахмаспа мелику Багию, июль 1721 г. (Об определении меликом в Варапдинском магале и сел. Чинахчн). Азерб. ЦАУ, Истор. Арх., фонд Воен. окружн. нач-ка, д. № 14, св. 2, л. 412.

371. Перевод с грамоты шаха Тахмаспа мелику Мамед Хусейну, июнь 1727 г. (Об определении меликом Варандинского магала). Азерб. ЦАУ, Истор. арх., фонд Воен. Окружн. нач-ка. д. № 14, св. 2, л. 412.

372. Перевод с письма турецкого, писанного от ахалцихского паши Сулеймана [217 - 218] к дербентскому хану. Получено июня 21 дня 1790 г. (Поздравление с принятием ханского достоинства, о подготовке по повелению турецкого двора анапского Батал-паши совместно с дагестанскими ханами и владельцами, с черкесами, ногайским и абазинским войском нападения на Россию). Кавказский сборник, т. XX, стр. 393. Тифлис, 1899.

373. Перевод с талике Азад-хана, июль 1748 г. (Об определении меляка Шахназара в Варандинском магале и сел. Чинахчи). Азерб. ЦАУ, Истор. арх., фонд Воен. окружн. нач-ка, д. № 14, св. 2, л. 412 об.

374. Перевод с талике Галджинского Масахиб-хана Зиад оглы, сентябрь, 1708 г. (Об определении мелика Шахназара меликом Варандинского магала). Азерб. ЦАУ, Истор. архив, фонд Воен.-окружн. нач-ка, д. № 14, св. 2, л. 411 об.

375. Переводы с талике Ибрагим-хана Карабахского, от июня 1791 г,, июня 1803 г., августа 1804 г., сентября 1804 г. (О назначении медиков в Варандинском магале). Азерб. ЦАУ, Истор. арх., фонд Воен. окружн. нач-ка, д. № 14, св. 2, л. л. 414, 416 об.

376. Перевод с талике шекинского хаджи-Челеби-хана, декабрь 1749 г. (Об определении мелика Шахназара в Варандинском и Киочизском магалах). Азерб. ЦАУ, Истор. арх., фонд Воен. окружн. нач-ка, д. № 14, св. 2, л. 413.

377. Перевод талике Хусейн-али-хана, отца Фатали-хана, от 1167 г. (О пожалования в вечное и потомственное владение Амир-Гюн-беку за преданность и верность Чаналлы кишлага).Фотография с документа, хранящаяся в Музее истории Азербайджана АН Азерб. ССР.

378. Перевод с талике Ших-али-хана, от 1212 г. (О пожаловании сыну Амир-Гун-бека—Кадыр-беку в вечное владение за преданность и верность Чаналлы. кишлага). Фотография с документа, хранящаяся в Музее истории Азербайджана АН Азерб. ССР.

379. Перевод талике Ших-али-хана от 1215 г. (Об утверждении владения Мастанбеком издревле принадлежащим ему Гюля кишлагом). Фотография с документа, хранящаяся в Музее истории Азербайджана АН Азерб. ССР.

380. Перевод с указов шаховых беглербекам, которые надлежат для коммерции тамо (от 1130 г-1717 г. н. л.). (О торговле русских купцов в Шемахе, Низовой и Гиляне). А. К. А. К., т. II, 2-ое дополн. к I тому, д. № 17, стр. 1090.

381. Перевод с указов шаховых, которые действо имеют вместо привилегий или грамот, жалованных для коммерции в Персии, оные за печатью шахова. Месяц реджеб 1130 (1717 г. н. л.). (О торговле русских купцов в Шемахе и Низовой). А. К. А. К., т. II, 2-ое дополн. к 1 тому, д. № 15, стр. 1089.

382. Перевод с фирмана персидского Надир-шаха. от магеррама 1158 г. (1744 н. л.). (О пожаловании мелика Исая меликом дизакского магала). Азерб. ЦАУ, Ист. Арх., фонд Воен. окружн. нач-ка, д. № 14, св. 2, л. 79.

383. Перевод с фирмана персидского Шах-Султан-Хусейна, от рамазана 1161 г. (О назначении управителем Дзегамским магалом мелика Исая). Азерб. ЦАУ, Истор. архив, фонд. Воен. окружн. нач-ка, д. № 14, св. 2, л. 83.

384. Перевод с фирмана турецкого, писанного от Султана к кабардинским владельцам Мисосту и др., получено 14 июня 1790 г. Кавказский сборник, т. XX, стр. 390. Тифлис, 1899.

385. Передняя Азия в документах. Нахичеванские рукописные документы XVII-XIX в. в. Перев. и ком. К. М. Смирнова и Дж. Гаибова. Серия памяти Ю. Н. Марра. Тбилиси, 1936, ч. I.

386 Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 г. по 1770 г. СПБ, 1861.

387. Песня о Надир-шахе. Дагестанский сборник, ч. III, стр.51. Махач-Кала, 1927.

388. Письма и указы государей имп. Петра Великого, имп. Екатерины I, имп. Петра II, имп. Анны Иоанновны, имп. Елизаветы Петровны и персидского шаха Тахмасиба к ген.-аншефу В. Я. Левашеву. М. 1808.

389. Письмо из Константинополя (от султана) Кайтагскому Усмию Ахмед-хану, от последних; чисел месяца реджеба, 1156 г. х. (1743 г. н. л.). Дается; высокая оценка мужеству ширванцев и дагестанцев, наносивших поражения Надир-шаху. Упоминается о покровительстве, оказывавшемся Турцией Сефи-Мирзе. Предписывается оказывать ему политическое и военное содействие. А. К. А. К., т. II, дополн. к 1 т., д. № 8, стр. 1081, 1082.

390. Письмо Кайтагскому Усми-хану, от 25-го джемади-эль-ахира 1152 г. х. 1739 г. н. л. (из Турции). (Дается разрешение на войну против персиян). А. К. А. К. т. II, допол. к 1 тому, д. № 7, стр. 1080.

391. Письмо Карасу-базарским бекам Хусейн-беку (и др.). от;6 января 1806 г., Ns 5. (Упоминается о щедрости Мустафа-хана к народу). А. К. А. К., т. II, д.№ 1373. стр. 680. [218 - 219]

392. По вооружению и отправлению судов к описи Каспийского моря и для перевозки припасов в новозавоеванные города и провинции по Каспийскому морю, 1726-1728 г.г. Лнгр. Военно-морской архив. Дела адмиралтейской коллегии. № 2217, № 6, № 6, 1726 г., л. л. 4-25, 46, 156, 160. 1727 г. л. 351-374.

393. По делам Астраханского порта и Каспийской флотилии и по торговым сношениям с Персией (со сведениями за 1796 и 1797 г.г.). Лнгр., Военно-морской архив. Дела адмиралтейской коллегии и канцелярии, № 3747, № 395.

394. По донесению командующего отрядом военных судов на бакинском рейде лейт. Мочакова, о результате переговоров нашего консула с бакинским Гусейн-Кули-ханом по поводу удовлетворения обиженных в Баку русских купцов, об обстоятельствах бомбардирования Баку. Лнгр., Военно-морской архив. Дела графа Кошелева, т. VI, № 1684, № 82, 1798 г., л. л. 131, 132, 135, 136.

395. По доставлению графу Кушелеву копии с рескрипта на имя лейт. Мочакова, по поводу причиненных русским купцам обид бакинским Гусейн-Кули-ханом и о поручении Кушелеиа сделать выговор Мочакову за преувеличенный и несправедливый рапорт о бакинском происшествии; с приложением копий донесения по тому предмету министра в Грузии и поверенного в делах Персии Коваленского и с писем бакинского хана Мочакову и Коваленского к хану и русскому консулу при Зинзилинском порте, 1798-1801 г.г. Лнгр., Военно-морской архив. Дела графа Кушелева, т. VI, №№ 1684, 1687, №№ 65, 66, 74, 75. 82, 1798 г., л. л. 12, 31-48.

396. (Приказ). Подписанный имп. Екатериной II приказ кн. Г. А. Потемкину об учреждении Кавказского и Сибирского войска, 11 апреля 1786 г. С. И. Р. И. О., т. 27, стр. 336. СПБ, 1880.

397. Подробная ведомость годового доходу и податей по Кубинской провинции, установленных на 1810 г., соображаясь с собиравшимися прежде при ханах. Москва, ЦВИА, фонд ВУА. д. № 18495, л. л. 26-31 об.

398. Подробное показание жителя г. Нухи Гульбасарова о доходах Шекинской провинции и местечка Сальян (1816). А. К. А. К., т. VI, ч. I, д. № 1074, стр. 718-721.

399. По жалобе Дербендского хана на Аклечеева, стрелявшего по гор. Баку, о расположении и передвижении русских войск на Кавказе. О политических отношениях между Россией и Персией. 1788-1790 г. г. Лнгр., Военно-морской архив. Дела графа Чернышева, т. V, № 1613, № 364, 1738 г., л. л. 72, 85, 112-114, 126-129, 1790 г., л. 152.

400. Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII столетия. Телескоп, 1825., № 113, стр. 241-272. Русский инвалид, 1836, №№ 51 и 69.

401. По наведению справки об условиях содержания Каспийской флотилии в персидскую войну 1743-1744 г. г. Ленгр., Военно-морской архив. Указы, поступившие в адмиралтейскую коллегию, д. № 122, №44 (отд. 11), 1743, 1744 г.г., л. л. 107, 116, 125.

402. По низовому походу и военным действиям на Кавказе. Ген.-м. Матюшкину относительно действий в Гиляни и против Баку, л. л. 32-35. Опричинах слабых действий против Баку. л. л. 54, 55. О движении турок к Шемахе. Лнгр., Военно-морской архив. Дела графа Апраксина, № 516. № 222.

403. По низовому походу и военным действиям на Кавказе. Инструкция Матюшкину против Баку совместно с Соймоновым, л. л. 32-35. Об осмотре Соймоновым берегов устья р. Куры с прилож. карты, л. л. 105, 106, 109, 163, 164, 416. Лнгр., Военно-морской архив. Дела графа Апраксина, 516, № 222(6). 1723 г.

404. Правила взимания податей беками с деревень, отданных им в управление (по Кубинской провинции). Азерб. ЦАУ, Историч. архив, фонд Кубинского коменданта, св. 1, д. № 6.

405. Предложения кн. Цицианова ген.-м. Завалишину. от 29 марта 1805 г., № 180. (Упоминается о 12 пушках, взятых Ага-Мухаммед-ханом в Тифлисе). А, К. А. К., т. II, док. № 1697, стр. 8261

406. Предписание ген.-л. Вильяминова казенной; экспедиции, от 23 сентября 1821 г., № 2880. (Сообщаются сведения по вопросам землевладения в шекинском ханстве). А. К. А. К., т. VI, ч. 1, д. № 1142, стр. 767 и сл.

407. Предписание гр. Гудовича Тифлисской таможне, от 12 июня 1808 г., 239. (Указывается, что отменить пошлинные сборы с товаров, привозимых из Шеки, Ширвана и Карабаха, нельзя, т. к. они точно такие же, как производящиеся в Персии). А. К. А. К., т. III, док. № 87, стр. 48, 49.

408. Предписание ген. Тормасова ген.-м. Хатунцеву, от 3 июля 1811 г., № 726 Коджори. (Дана характеристика Мустафы-хана ширванского. Упоминается о свержении его с ханства В. Зубовым). А. К. А. К., т. IV, д. № 800, стр. 539-540.

409. Приказ шахского наместника в Азербайджане Эмир-Аслан-хана на имя Захурского правителя Ахмед-хана-Султана, от сафара 1160 (1747 г. н. л.) года. [219 - 220] (Об утверждении в управлении Захурским владением. Одновременно приказ войти с войсками в Ширван для содействия в усмирении некоторых непокорных тамошних племен). А. К. А. К., т. VI, ч. II, допол. д. № 10, стр. 777.

410. Программа курса истории Грузии. Изд. Тбил. Госуд. ун-та, 1939.

411. Проект ответной е. и. в. грамоты к персидскому сердарю Баба-хану, от 23 марта 1799 г., Петербург. (О дружественном отношении России к Ирану). А. К. А. К., т. II, 3-е, д. № 22, стр. 1145.

412. Протокол Верховного тайного совета, 21 марта 1727 г. (Приложение). (О болезнях солдат в Гиляне, Дербенте, Баку. О посылке медикаментов и лекаря). С. И. Р. И. О., т. 63, д. № 154, стр. 388-393.

413. Протокол Верховного тайного совета, 24 февраля 1730 г. (Об ассигновании 70.000 руб. в год на содержание и исправление пограничных крепостей и артиллерии крепостей Св. Креста, Дербента, Баку и др.). С. И. Р. И. О., т. 101. стр. 523, 527, 528.

414. Протоколы бакинской бекской комиссии. (Документы о повинностях крестьян ряда селений Карабаха, а также переводы с различных ханских талике 1804-1821 г. г.). Азерб. ЦАУ. Историч. Архив, фонд бакинской бекской комиссии, св. 1. д. № 2, л. л. 494-497, св. 2, д. № 3, л. л. 66, 66 об., 178, 195 об., 217, 217 об., 268 об.

415. Протоколы бакинской бекской комиссии. (Документы о повинностях, крестьян и талике по Шекинской области). Азерб. ЦАУ, Историч. Архив, фонд бакинской бекской комиссии, св. № 3, д. № 4. л. л. 159, 159 об, 224, 224 об, 226 об, 227, 227 об. 232 об, 233, 233 об, 234, 242 об, 243, 256-257.

416. Прошения ген.-м. Дебринии к е. и. в. от 31 октября 1729 г. (О возмещении расходов, понесенных им при изготовлении моделей крепостей Св. Креста, Дербента, Баку, Энзелей и др.). С. И. Р. И. О., т. 101, стр. 288.

417. Прошение Елисаветпольского армянского общества н. с. Иванову, от 18 июля 1809 г (Сообщаются сведения об откупах, бывших в Гандже во времена Джават-хана). А. К. А. К., т. IV, д. № 697, стр. 489, 490.

418. Прошение мелика Джимшида к е. и. в. (Излагается история борьбы с Ибрагим-ханом карабахским и просьба о помощи). А. К. А. К., т. I, д. № 873, стр. 634, 635.

419. Прошение мелика Фридона - владельца Гулистанского, к е. и. в. (Подлинника не оказалось). (Излагается история борьбы и разорений, претерпенных от Ибрагим-халиль-хана шушинского). А. К. А. К., т. 1, д. № 871, стр. 631, 632.

420. Прошение, поданное ген.-л. Кноррингу епископом Саркисом Гандзасарским, от 29 мая 1801 г. (Излагается история борьбы меликов и католикоса Гандзасарского Иоанна с Ибрагим-ханом). А. К. А. К., т. 1, д. № 883, стр. 638-639.

421. Рапорт бакинского уездного попечителя в Каспийскую палату государственных имуществ. (О повинностях крестьян бакинского ханства). Азерб. ЦАУ, Ист. Арх., Каспийск, палата гос. имущ., фонд 32, ед. хр. 3а, л. л. 47 и 49.

422. Рапорт в Государственную Адмиралт. коллегию из Астраханской конторы над портом, сентября 18 дня 1729 г. (О появлении опасной болезни в Джильской крепости, причины той болезни от голода тамошнего народа). С. И. Р. И. О., т. 101, стр. 156.

423. Рапорт ген.-м. Ахвердова и с. с. Могилевского ген.-л. Вельяминову, от 12 августа 1819 г., № 12, Нуха. (Упоминается о зависимости крестьян от семейства Джафар-кули-хана хойского). А. К. А. К., т. VI, ч. I, д. № 1099, стр. 740.

424. Рапорт ген.-м. Ахвердова и с. с. Могилевского ген.-л. Вельяминову, ог 18 ноября 1819 г. (Упоминается о способах взимания податей в Шекинском ханстве во время ханского правления). А. К. А. К., т. VI, ч. I д. № 1131, стр. 761.

425. Рапорты ген.-м. Гурьева гр. Гудовичу, от 16 мая и 22 авг. 1807 г., №№ 388, 661—Баку. (Упоминается о количестве нефтяных колодцев, о добыче нефти и доходах Хусейн-кули-хана от нефти, соли и откупа за убой тюленей). А. К. А. К., т. Ш, д. №№ 661. 663, стр. 355.
426. Рапорт ген.-м. Гурьева гр. Гудовичу, от 7 марта 1808 г., № 118, Баку. (О доходах, существовавших в бакинском ханстве), А. К. А. К., т. III, д. № 666, стр. 357.
427. Рапорт директора Астраханской портовой таможни н. с. Иванова ген. Тормасову. от 25-VI. 1809 г., № 67, Тифлис. (О торговле с Азербайджаном и Ираном). А. К. А. К., т. IV, д. № 95, стр. 79.
428. Рапорт д. с. с. Могилевского и полковн. Ермолова генералу Ермолову, от 2 марта 1823 г., № 7 Шуша. (Об откупных статьях Карабахской провинции) А. К. А. К., т. VI, ч. 1, д. № 1305, стр. 852-855.
429. Рапорт кн. Мадатова ген.-л. Кутузову, от 5 сентября 1817 г., № 420, Шуша. (Упоминается о том, что между ханами был обычай возвращать беглых крестьян). А. К. А. К., т. VI, ч. I, д. № 1081, стр. 726. [220 - 221]
430. Рапорт Комитета об устройстве мусульманских провинций ген.-ад'ют. Стрекалову, от 15 января 1831 г. № 8. (О беках и пр. О духовенстве). А. К. А. К., т. VII, д. № 373, стр. 427-435.
431. Рапорт надворного советника Скибиневского ген.-л. Кноррингу, от 26 февраля 1802 г. и от 12 мая 1802 г. за №№ 99 и 162, из Баку. (Об отношении ханов, старшины, духовенства и населения к России; по поводу вступления Грузии в подданствоРоссии). А. К. А. К., т. I, д. №№ 887 и 888, стр. 640, 641.
432. Рапорт полк. Миклашевского гр. Паскевичу, от 22-гр апреля 1830 г. №718 (Об управлении магалами во время власти ханов). А. К. А. К., т. VII. д. № 412, стр. 462-464.
433. Рапорт советника Яновского Верховного Грузинского Правительства в казенную экспедицию, № 36 от 27 февраля 1830 г. (О шелковичных садах в Шекинской провинции и обработке их ранджбарами во воемена правления ханов). Азерб. ЦАУ, Исторический Арх. фонд Верховн. Грузинск. Пр.-ва, д. № 262, св. 21, л. л. 152, 160.
434. Рахтарная статья или таможенный сбор в Шекинской провинции. (По дастур-уль-амалю Мухамед-хасан-хана). Азерб. ЦАУ, Историч. Арх., фонд Верх. Груз. Пр-ва, д. № 155, св. 14, л. л. 51-60.
435. Рескрипт имп. Екатерины 11 командующему в Кизлярской стороне генерал-поручику Медему, дан 5 сентября 1774 г. (О возмездии уцмию Кайтакскому за академика С. Гмелина). С. И. Р. И. О., т. 135, док. № 2566, стр. 207-213.
436. Рескрипт имп. Екатерины II командующему в Кизлярской стороне генерал-поручику Медему, дан 26 апреля 1775 г. (О способах наказания уцмия Каракайтагского за задержание акад. Гмелина). С. И. Р. И. О., т. 135, док. № 2670. стр. 376. 377.
437. Рескрипт имп. Екатерины II командующему в Кизлярской стороне генерал-поручику Медему, дан 28-го июля 1775 г. (Об отношении к Фатали-хану дербентскому). С. И. Р. И. О., т. 135. д. № 2720, стр. 435-438.
438. Рескрипт имп. Екатерины II командующему в Кизлярской стороне ген-поручику Медему, дан 4 октября 1775 г. (О политической линии Российского правительства в отношении хана дербентского и других пограничных владетелей). С. И. Р. И. О., т. 135, д. № 472, стр. 472-476.
439. Рескрипт императрицы командующему в Кизлярской стороне генерал-поручику И. Ф. Медему, дан в СПБ, 15 декабря 1776 г. (Рассматривается дело о судне астраханского купца Скворцова, разбитом на Каспийском море при берегах владения Дербентского и Кубинского. Даны указания об отношении к Фетх-Али-хану). С. И. Р. И. О., т. 145, д. № 3046, стр. 295-301.
440. (Рескрипт). Подписанный имп. Екатериной II рескрипт кн. Г. А. Потемкину об образе действий по поводу решения императрицы присоединить к России Крым с Таманом и Кубинской областью (8 апр. 1773 г.). С. И. Р. И. О., т. 27, СПБ, 1880, стр. 240.
441. (Рескрипт). Подписанный имп. Екатериною II рескрипт кн. Г. А. Потемкину об учреждении войска из жителей Большой и Малой Кабарды, о содержании ещё войска и других горских народов и об оказании отличия шамхалу Тарковскому и царю Карталинскому (20 августа 1786 г.). С. И. Р. И О., т. 27, СПБ, 1880, стр. 374.
442. Родословная Ибрагим-хана и его детей (Карабах). А. К. А. К., т. II, д. .№ 1415, стр. 695.
443. Родословная таблица ганджинских ханов. А. К. А. К., т. VI, ч. II, 905.
444. Родословная таблица кубинских ханов. А. К. А. К., т. VI, ч. II, стр. 907.
445. «Россия и Персия в конце 1742 г.». Русский архив, 1899 г., № 3.
446. Русский биографический словарь. СПБ, 1916. (Биографии А. П. Волынского, Г. Гербера и др.).
447. Сведения о походе графа Зубова в Закавказье. Извл. из кн. «Жизнь Артемия Араратского». Газ. «Кавказ», №№ 36 и 37.

448. Сношения, трактаты и договоры России с иностранными, государствами и народами. (Пограничные народы: 1. Горские народы по Кавказской линии, 2. Персидские ханства). Архив Государственного Совета, т. I, ч. 2-ая, стр. 782, 787-799. СПБ, 1869.

449. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. II, стр. 57, 62, 336-386. М. 1838.

450. Содержание письма царя Ираклия, читанное 1793 года, 30 мая с просьбой о помощи против Ага-Мухаммед-хана. Мнение совета об об'единении сил Ираклия и ханов для противодействия Ага Мухаммед-хану. Архив Государственного Совета, т. 1, стр. 777.

451. Сокращенное извлечение из любопытных записок о происшествиях в [221 - 222] Персии и Грузии, случившихся в исходе минувшего столетия. Вестник Европы 1807 ч. 32, с. 149-156.

452. Список семейства бывшего шекинского владельца Мамед Хасан-хана. Ведомость о доходах шекинского хана и его приближенных с означением, какого рода народ отбывает вообще повинности, от 24 января 1819 г. А. К. А. К. т VI ч. 1, д. № 1122, стр. 755.

453. Статья винная или продажа в городе Нухе вина и водки. Азерб. Ц. А. У., Истор. Архивн. фонд Верхов. Груз. Пр-ва, св. 14, д. № 155, л. 31.

Статья далалханская или продажа скота на базарах и в деревнях шекинского магала. (По дастур-уль-амалю Мухаммед-хасан-хана). Там же, л. 15.

Статья касабханская или сбор пошлин за убой скота в шекинской провинции, (По дастур-уль-амалю Мухаммед-хасан-хана). Там же, л. 17.

Статья кодов, или сбор баранов за пастьбу их на зимних казенных яйлагах в шекинской провинции. Там же, л. л. 19-21.

Статья кожевенная или выделка кож в шекинской провинции. Там же, л. 23.

Статья красильная или окрашивание разных изделий в шекинской провинции. (Сведения о пошлинах, взимавшихся и при Мухаммед-хасан-хане). Там же, л. 27.

Статья мизанная или вес шелку в шекинской провинции. (По дастур-уль-амалю Мухаммед-хасан-хана). Там же, л. л. 11-13.

Статья мыльная или продажа мыла в шекинской провинции. Там же, л. 25.

Статья о казенной бане, в городе Нухе состоящей. (По дастур-уль-амалю Мухаммед-хасан-хана). Там же, л. л. 3-49.

Статья о находящихся в городе Нухе казенных лавках, состоящих в караван-сараях, и о таковых же, построенных частными людьми на казённой земле. (По дастур-уль-амалю Мухаммед-хасан-хана). Там же, л. 43.

Статья переправа через Куру в шекинской провинции. (По дастур-уль-амалю Мухаммед-хасан-хана). Там же, л. л. 33-36.

Статья рыбная ловля по реке Куре в шекинской провинции. (По дастур-уль-амалю Мухаммед Хасан-хана). Там же, л. л. 3-49.

Таругская статья или базарный сбор в шекинской провинции (По дастур-уль-амалю Мухаммед-хасан-хана). Там же, л. л. 3-49.

454. Трактат, заключенный в Константинополе между российским резидентом Неплюевым и великим визирем Ибрагимом пашею, о согласии Российского двора с Турецким по поводу явившегося в Персии самозванцем Махмуда, на присоединение Персидских провинций к России и Турции по их прикосновенности к границам того или другого государства, 12 июня 1724 г. П. С. 3. Изд. 1830 г., т. VII, № 4531.

455. Трактат между императором Петром I и шахом Тахмасибом, заключенный в Санктпетербурге Российскими министрами и полномочным послом персидского шаха Исмаил беком, 12 сентября 1723 г. П. С. З. Изд. 1830 г., т. VII, № 4298.

456. Трактат между Россиею и Персиею, 21 января 1732 года. П. С. З. Изд.. 1830 г., т. VIII, № 5935, стр. 614-619.

457. Трактат между Россиею и Персиею, заключенный: при Генже, 10 марта, 1735 г. П. С. 3., Изд. 1830 г., т. IX, № 6707.

458. Трактат о признании карталинским и кахетинским царем Ираклием верховной власти и покровительства России, заключенный 29 июля 1783 г. в Георгиевске. П. С. З. Изд. 1830 г., т. XXI, № 15841.

459. Торговля с Персиею—Доложено 21 декабря 1800 г. (О торговле Дербента и Баку, предметы и размеры торговли). Архив Государственного Совета, т. II,. стр. 691-695.

460. Указ адмиралтейской коллегии. 10 декабря 1726 г. (Об отправке кн. Долгорукому транспортных судов в Астрахань). С. И. Р. И. О., т. 56, д. № 221, стр. 446, 447.

461. Указ вице-губернатору Кудрявцеву, от 14 декабря 1726 г. (О строительстве гекботов в Казани и препровождении их в Астрахань к кн. Долгорукому). С. И. Р. И. О., т. 56, д. № 237, стр. 524, 525.

462 Указ военной коллегии 10 декабря 1726 г. (Об отправке тысячи человек солдат в Астрахань, для низового корпуса). С. И. Р. И. О., т. 56, д. № 222. стр. 448. 449.

463. Указ генерал-лейтенанту Матюшкину об укреплении крепости Св. треста, о переселении в нее жителей и гарнизона из Терков и Аграханского ретраншемента и о срытии его последнего, 22 сентября 1724 г. (Из бумаг Петра 1). С. И. Р. И. О., т. 11, док. № 450, стр. 555.

464. Указ Государственной коллегии иностранных дел исправляющему в Персии должность консула к. а. Скибиневскому, от 19 июля 1799 г. (О дружественных, отношениях России к Ирану и о намерении продолжать таковые, до тех пор, пока не будет посягательства на владельцев, находящихся под покровительством России [222 - 223] и в ее верховной власти состоящих). А. К. А. К., т. 11, дополн. 3-е к д. № 28, стр. 1149.

465. Указы Екатерины II Потемкину (7 апр. 1783 г.). (О высылке посланца Ага-Мухаммет-хана). С. И. Р. И. О., т, 27, стр. 239. СПБ, 1880.

466. (Указ) именный, данный генерал-поручику Гудовичу о занятии в Кизилагацком заливе острова, прозываемого Свиным, для учреждения на оном пристани. 4 марта 1794 г. П. С. 3. Изд. 1830 г., т. XXIII, № 17. 183.

467. (Указ) именный, данный подполковнику князю Куракину, 17 сентября 1723 г. О предложении голландцам начать торг шелком в новоприобретенных от Персии провинциях по Каспийскому морю лежащих. П. С. 3., т. VII, № 4302.

468. Указы Кубинских ханов. Перевод Ф. Ростопчина, под ред. К. И. Чайкина. Тбил., Изд. Груз. Фил. АН СССР, 1937. Серия памяти Ю. Н. Марра, кн. III.

469. (Указ) именный, об'явленный из Верховного тайного совета Сенату 8 марта 1727 г. О взимании в Астрахани с товаров дербентских купцов пошлин за постой на гостинных дворах и за житье в юртах по прежнему указу 1723 г., декабря 17 дня. П. С. 3., т. VII, № 5025.

470. (Указ) именный, об'явленный из Верховного тайного совета Сенату. О ежегодном отпуске в Гилян, Куру и Баку вина по 6000 ведер из Камер-коллегии безнадежно, 24 декабря 1727 г. П.С. 3., т. VII, № 5213.

471. (Указ) именный, данный президенту Военной коллегии князю Потемкину. О сформировании войска из горских кавказских жителей. 11 апреля 1786 г. П. С. 3., т. XXII, № 16377.

472. (Указ). Подписанный имп. Екатериной II, с собственноручною ее припискою, указ на имя кн. Г. А. Потемкина о снаряжении отряда для наказания рященского хана за наносимые русским подданным оскорбления, 9 июля 1779 г. С. И. Р. И. О., т. 27, стр. 178, СПБ, 1880.

473. (Указ). Подписанный имп. Екатериной II указ; кн. Г. А. Потемкину о полученных с Кавказа донесениях и о принятии в подданство Ибрагим-хана (5-мая 1783 г.). С. И. Р. И. О., т. 27, стр. 256. СПБ, 1880.

474. (Указ)‒сенатский. О взимании таможенной пошлины с купцов дербентских наравне с российскими купцами, 17 декабря 1723 г. П. С. 3., т. VII, № 4392.

475. (Указ)‒сенатский. О беспошлинном провозе и свободной продаже вина, табаку и всяких хлебных и мясных припасов и скота в Дербенте, Баку и в крепости Св. Креста, 4 августа 1725 г. П. С. 3., т. VII, №№ 4757 и 4790.

476. Фирман на имя управляющего шекинскою провинциею Али-Паши от шavваля 1144 (1731 г. н. л.) года. Эрзерумская долина. (Содержит повеление об участии в подавлении сигнахского мятежа). А. К. А. К., т. II, 2-е дополн. к I тому, д. № 21, стр. 1092, 1093. См. также док. № 19 и 20 от 1729 г.

477. Фирман на имя Эмир Гамзы-паши, сына Усмия Ахмед-хана, от 10 мухаррема 1158 г. х. (1745 н. л.); Константинополь. (О назначении Эмир Гамзы-паши визирем в Дагестане) А. К. А. К., т. 11, дополн. к 1 т., д. № 10, стр. 1088.

478. Фирман племянника Надир-шаха Ибрагим-хана захурскому владетелю Ахмед-хану, от зильхадже 1161 (1747 г. н. л.). (О вступлении Ибрагим-хана на шахский престол Ирана). А. К. А. К. т. II, 2-е доп. к 1 тому, д. № 22, стр. 1093.

479. Фирман о назначении жалованья из сумм за нефть и соль бакинской области Ахмед-беку кайтакскому. А. К. А. К., т. II допол. к I т., № 6, стр. 1080.

480. Фирман от последних чисел сафара 1143 г. (1730 г. н. л.). В долине Скугари (с турецкого). (Упоминается о Тахмасп-кули-хане, который завладел Тебризом). А. К. А. К., т. VI, ч. II, дополн. к д. № 15, стр. 775.

481. Фирман от 1144 г. х. (1731 г. н. л.). Константинополь (Об отнятии захурского и кахского владений у младшего усмия Мамед-паши и передаче человеку, представленному ширванским владетелем Сурхай-ханом). А. К. А. К., т. VI, ч. II, дополн. к д. № 16, стр. 776.

482 Фирман султана Ахмеда на имя Мамед-Али-Султан-заде, от 1138 г. х (1725 г. н. л.), Ганджа. (О пожаловании арешского владения и обязанностях службы). А. К. А. К., т. VI, ч. II, дополн. к. д. № 13, стр. 775.

483. Фирман султана Ахмеда на имя Али-паши шекинского, 1143 г. х. (1730 г. н. л.), Константинополь. (Извещение о вступлении на престол). А. К. А. К., т. VI, ч. II, дополн. к д. № 14, стр. 775.

484 Фирман султана Махмуда на имя Али-паши шекинского от последних чисел раби-уль-авваля 1143 (1730 г.). Константинополь. (Извещение о вступлении на престол и торжествах, какие должны быть устроены в шекинской провинции). А. К. А. К., т. VI, ч. II, дополн. к д. № 14, стр. 775.

485. Фирман султана Махмуда на имя Али-паши шекинского, от последних, чисел сафара 1143 (1730) г. В долине Скутари (О том, что Тахмасп-кули-хан завладел Тебризом и о необходимости приложить старания к охране управляемых местностей [223 - 224] от вторжения врагов. Связь надо держать с пашами Еревана, Ганджи, Тифлиса). А. К. А. К., т. VI, ч. II, дополн. к д. № 15, стр. 775.

486. Фирман султана Махмуда на имя Али-паши шекинского от раби-уль авваля 1144 (1731) г. Константинополь. (Об отнятии по политическим соображениям захурского и кахского владений у меньшого уцмия к предоставлении их Али-паше). А. К. А. К., т. VI, ч. II, допол., д. № 16, стр. 776.

487. Фирман султана на имя Али-султана шекинского от зил-каде 1135 г. х. (1722 г. н. л.). (О назначении беглербеком шекинского владения и поведение о союзе и дружбе с ширванским беглербеком хаджи-Давуд-ханом). А. К. А. К., т. II, дополн. 2-е к д. № 18, стр. 1091.

488. Фирман Усмию хану в Дагестан из Константинополя от месяца джемади-эль-ахира 1205 г. х. (1790 г. н. л.). (О приготовлении и проведении военных действий против москвичей (России)— Упоминается, что подобные фирманы посланы всем дагестанским ханам). А. К. А. К., т. II, дополн. к I тому, д. № 11, стр. 1083-1084.

489. Фирман шах-Султан-Хусейна на имя Эмир-Али-султана от реджеба 1107 г. х. (1695 г.) С персидского перевод новый. (Об утверждении Эмир Али султаном эмирства в захурской области и обязанностях службы). А. К. А. К. т. VI, ч. II, дополн. к д. № 10, стр. 774.

490. Фирман шаха Хусейна. (Сообщение Усмия о поражении Турции на Западе. О Хивинском походе русских войск. Об уплате жалованья из доходов ширванской области и от доходов с бакинских нефтяных и соляных промыслов ряду лиц находившихся на службе у шаха). А. К. А. К., т. II, дополн. к I тому, д. № 4, стр. 1077-1080.

491. Фирман шаха Хусейна Ахмед-хану усмию от рамазана 1137 г. х. (1723 г. к. л.). (О движении с воинскими силами к Шемахе, для изгнания оттуда Дауда мушкюрского). А. К. А. К., т. II, дополн. к I тому, д. № 5, стр. 1080.

492. Фирман шаха Хусейна, от 1123 г. х. (1711 г. н. л.). (О прибавке жалованья Ахмед-хану усмию, которую надлежит получить у откупщика бакинских нефтяных и соляных промыслов). А. К. А. К., т. II, дополн. к I тому, д. № 3, стр. 1077.

493. Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931 г.

494. Черновой журнал Верховного тайного совета., 3 марта 1726 г. (О трудности содержания прикаспийских провинций и предложения о возвращении их Персии). С. И. Р. И. О., т.. 55, д. № 31, стр. 74-75.

495. Черновой журнал Верховного тайного совета, 25 апреля 1726 г. (Донесение ген.-лейт. Матюшкина о приближении турок в Персии к российским провинциям и О привозе ими артиллерии в Шемаху). С. И. Р. И. О., т. 55, д. № 109, стр. 22.

496. Черновой журнал Верховного тайного совета, 25 апреля 1726 г. (Об отправке в низовой корпус 5 полков пехоты). С. И. Р. И. О., т. 55, стр. 222.

497. Черновой журнал Верховного тайного совета, 9 августа 1727 г. (Об отправлении ген. князю Долгорукову указа о поездке в Гилян, склонении Эшрефа в сторону России и отвращения его от партикулярного мира с турками). С. И. Р. И. О., т. 69, д. № 126, стр. 227, 228.

498. Шах-Гусейн. Русский вестник, 1866, № 10.

499. Экспедиция графа Войновича к восточному берегу Каспия, 1781, 1782 г.г. Морской сборник, 1850, № 9, стр. 227-296.

500. Avril Philippe. Voyages en divers érats et d'Asie. Voyage de Tartarie, liv second. Перевод Абезгуса. Рукопись. Научн. арх. Ин-та истории АН Азерб. ССР, № 477.

501. Әлесғәрзадә. Һачы Челеби султан месчиди китабәси. Известия Азерб. Фил. А. Н. Баку, 1943, № 2.

502. Biberstein Fr. Beschreibung der Lander zwischen, den Flüssen Terek und Kur am Kaspischen Meere. Frankf.-a-Main, 1880.

503. Brosset. Mater aux pour servir á l'histoire de la Georgie etc. (Memoires L'Academie des Sciences, VI serie t. 5, livr. 3 et 4. SPb. 1841).

504. (Ie Brun) Voyages de Corneill le Brun par la Moscovie en Perse, et aux Indes Orientates, en II Vol. T. I, Amsterdam. 1718.

505. Dorn Bernhard. „Geschichte Schirwans unter den Statthaltern und'Chanen von 1538-1820, vorzuglich nach persischen Quellen”. (Memoires de L'Academie des Sciences, VI cerie, t. 5, livr. 3 et 4. SPb, 1841).

506. Emin Joseph. The life and adventurs, of Joseph Emin. London, 1792.

507. Hanway J. An historical Account of the British Trade over the Caspin Sea, v. II, London, 1762.

508. Hammer. „Geshichte des Osmanischen Reiches”. B. VII, VIII, 1831.

509. Histoire de la Georgie, traduite du georgien par M. Brosset, II partie. Histoire moderne, II livraison. SPb. 1857.

510. N. Tableau des provinces situées sur la ćote occidentale de la mer Caspienne entre des Fluves Terek et Kour. SPb 1798. [224 - 225]

511. William Jones. The Works, vol. V. London 1799.

Мехти-хан „История Надир-шаха”.

512. Voyages d'un Missionaire de la C de Jesus

Перевод Абезгуса. Научн. архив Ин-та истории А. Н. Азербайдж. ССР. № 474 Kausus v. 1 Gotha und SPb, 1786.

Рукопись Восточного отдела Фундаментальной библиотеки А. Н. Азерб. ССР, инв. № 1

Рукопись Восточного отдела Фундаментальной библиотеки А. Н. Азерб. ССР, инв. № 14